

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Всероссийской
научной конференции
Центра изучения
новейшей истории Китая
и его отношений с Россией
Института Дальнего Востока
РАН

Москва, 17 – 18 февраля 2016 г.

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)
И90

*Утверждено к печати
Учёным советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

д.и.н. Н.Л. Мамаева (отв. редактор), к.и.н. Д.А. Смирнов,
к.и.н. А.С. Ипатова, к.и.н. И.Е. Пожилов, к.и.н. Г.И. Саркисова,
с.н.с. А.Л. Верченко, с.н.с. Т.Г. Герасимова (отв. секретарь)

И90 Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. Москва, 17—18 февраля 2016 г. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-8381-0316-1

Статьи сборника написаны участниками IV Всероссийской научной конференции, имеющей знаковое название — «Исторические события в жизни Китая и современность». Широкий временной и тематический охват событий позволяет представить историю Китая во всем ее многообразии и развитии, показать воочию расширение сферы исследований, неоднозначность и дискуссионный характер отдельных принципиально важных оценок, продемонстрировать связь истории и современности. Массовый характер приобрело внедрение в исследовательский процесс новых архивных документов и материалов, что повышает уровень научных работ и углубляет объективность их результатов.

Помимо научных результатов конференция продемонстрировала собирание сил российских историков как в региональном плане (Москва, Санкт-Петербург, Оренбург, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Тюмень, Ростов-на-Дону и др.), так и в возрастном, причем по сравнению с предыдущими форумами увеличилось число молодых ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов, что в определенной степени связано с ростом авторитета данной конференции в научных кругах.

**УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)**

ISBN 978-5-8381-0316-1

© Коллектив авторов, 2016
© ИДВ РАН, 2016

Содержание

Вступительное слово академика С.Л. Тихвинского на открытии IV Всероссийской научной конференции «Исторические события в жизни Китая и современность»	6
---	----------

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Гулина Е.В.</i> Стратегическая культура и внешнеполитическая традиция КНР в межгосударственных отношениях. Значение для российско-китайского регионального взаимодействия на примере Центральной Азии	10
<i>Сизова А.А.</i> Оценки монгольского движения за независимость начала XX в. в трудах современных китайских исследователей	19
<i>Ипатова А.С.</i> Пекинская жизнь российской духовной миссии в XVIII — начале XIX в.	30
<i>Саркисова Г.И.</i> Архивные материалы по истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII в.	41
<i>Харченко М.П.</i> Эволюция внешнеполитических взглядов КНР в ООН	51
<i>Балакин В.И.</i> Влияние Японии на становление тайваньского национализма	62
<i>Карпенко Е.В.</i> Портреты русско-китайской торговли: «советник торговых кругов» Чэн Хуапэн	72
<i>Хамзин И.Р.</i> МИД России и решение проблемы российско-китайской границы в Восточном Туркестане в 1870—1880-е годы	81
<i>Касимова Е.Н.</i> Нанкинская резня 1937 г. в книге Айрис Чан «Насилие в Нанкине. Забытый холокост времен Второй мировой войны»	88

<i>Куликова Г.В.</i> Народная дипломатия и российско-китайские отношения	96
<i>Ларин В.В.</i> Китай и украинский кризис 2014 г.	105
<i>Шитов А.В.</i> К вопросу о характеристике процесса нормализации советско/российско-китайских отношений	116
<i>Сухадольская Л.Л.</i> Проблема гармонии во внешней политике КНР	126
<i>Син Юань-юань.</i> Основные характеристики трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией	136
<i>Сотникова И.Н.</i> Некоторые аспекты формирования нормативно-правовой базы советско-китайских экономических связей и других форм сотрудничества	146

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Ломанов А.В.</i> Чу Аньпин и либеральный журнал «Гуаньча»	155
<i>Верченко А.Л.</i> Восприятие России в Китае накануне и в первые годы «Движения за новую культуру»	167
<i>Мамаева Н.Л.</i> Разведывательная деятельность Рихарда Зорге и его группы в Китае (1929—1932) и ее результаты	177
<i>Пожиллов И.Е.</i> О некоторых аспектах и особенностях вооруженной контрреволюции в советских районах Цзянси	186
<i>Борох О.Н.</i> Исследование бюрократической политики Китая в работах Ван Янэня 1940-х годов	196
<i>Силонов С.М.</i> Документы ГАНО о пребывании Ло Вэньганя в Новосибирске осенью 1933 г.	207

КНР. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Логиновский Е.Л.</i> Общее и особенное в массовых кампаниях второй половины 1950-х годов в КНР и КНДР	214
<i>Дацзышен В.Г.</i> Китай периода «Большого скачка» в воспоминаниях красноярских инженеров	226

<i>Кондорский Б.М.</i> Исторические основы и предпосылки «культурной революции»	234
<i>Мисбахова Д.Р.</i> «Китайский лексикон» из отдела редких рукописей библиотеки Казанского университета: описание, содержание, история	244
<i>Нежданов В.Л.</i> Политика реформ и открытости: творческое развитие идей конфуцианства в современном мире	252
<i>Фомина М.Р.</i> Из истории экономической мысли: конфуцианство и капитализм	260
<i>Горбунова С.А.</i> Российская и западная историография об особенностях религиозного экстремизма в КНР	269
<i>Анисимцев Н.В.</i> Модернизация гражданского права современного Китая	280
<i>Лазарева Т.В.</i> Действие системы районной национальной автономии: эффект, трудности, инновации	291
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Китай в системе глобального управления в период Си Цзиньпина	307
<i>Абиева А.А.</i> Судьба в истории: Цзянь Боцзянь	319
<i>Жилкибаев С.Н.</i> Исторический аспект борьбы с коррупцией в Китае	329
<i>Шулунова Е.К.</i> Китайская театральная культура: традиция и современность	339
<i>Байрамова К.Б.</i> Использование информационных технологий в период «Движения подсолнухов» на Тайване в 2014 г.	349
<i>Степанова Е.Н.</i> Расстановка политических сил на выборах 2016 г. и поиски вектора политического развития Тайваня	357
<i>Смирнов Д.А.</i> Основные аспекты эволюции двух политических режимов в Китае	369

Вступительное слово академика С.Л. Тихвинского на открытии IV Всероссийской научной конференции «Исторические события в жизни Китая и современность»

Уважаемые коллеги!

Во-первых, я хочу поздравить вас с праздником Весны (Чуньцзе)! Этот праздник является в Китае одним из самых главных: это праздник семьи, когда люди стараются со всех концов страны приехать в отчий дом, чтобы собраться за одним столом. Наступивший Новый год по китайскому традиционному календарю — это год Огненной Обезьяны. Существует ряд китайских поверий и легенд, связанных с этим годом. Часть из них сбывалась, часть нет, но у китайского народа есть большая надежда на этот год: что он принесет стране и каждой семье благополучие.

За последние годы Китай радуется своими успехами в деле строительства новой жизни. Все присутствующие на данной конференции — знатоки Китая, бывавшие в этой стране или знакомые с ней через телевидение, кино, книги, газеты. Вы являетесь очевидцами успехов, достигнутых Китаем за последние годы, вы можете видеть, насколько успешно КНР преодолевает трудности в своем развитии под руководством Коммунистической партии Китая. Мировой кризис влияет на Китай, но руководство КПК принимает меры для ослабления его последствий. Темпы развития Китая в последнее десятилетие уникальны: около 7—8 % ежегодного прироста ВВП.

Все китаеведы, знавшие старый Китай и первые 20 лет нового Китая, видевшие «культурную революцию», могут четко представить, каких больших успехов достигла эта страна. Одним из примеров может

стать постройка сети высокоскоростных железных дорог там, где в первой половине XX в. передвижение было возможно лишь на паровых локомотивах, лошадях, мулах, тележках рикш. Общая протяженность современных высокоскоростных железных дорог в Китае в настоящее время превышает 19 тыс. км. Поезда по этим дорогам мчатся со скоростью в среднем 300 км/ч. Недавно КНР был заключен контракт с Индонезией о постройке высокоскоростной железнодорожной линии, связывающей Джакарту с Бандунгом. Также большая сеть железнодорожных линий при помощи КНР построена в странах Африки. Китайские ученые успешно изучают Антарктику и глубины Тихого и Индийского океанов, приступают к изучению северных полярных областей.

Говорить о Китае на данной конференции — задача сложная, так как только письменная история Китая насчитывает свыше 5 тыс. лет. Следует учитывать, что успехи китайской археологии раздвигают границы истории в глубь веков до пределов неолита и палеолита.

Ни одна цивилизация в мире, кроме китайской, не смогла сохраниться на протяжении тысячелетий: инки, Египет, Месопотамия, Греция, Рим, Сасанидский Иран, Османская Турция, не говоря о более древних цивилизациях. В Китае развитие прерывалось смутами, гражданскими конфликтами, войнами, но тем не менее шло вперед.

Смотрите, какие грандиозные планы сегодня выдвигает Китай. Это Великий шелковый путь — план возрождения пути, связывавшего китайскую цивилизацию с народами Средней Азии, Средиземноморья, странами Индийского океана. Современный проект КНР по возрождению Великого Шелкового пути связан с развитием отношений с Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменистаном, Арменией, Грузией, Ираном — и далее на Запад. Другой маршрут, провозглашенный китайским руководством, — морской путь к странам Юго-Восточной Азии, Африки и Океании.

Китай продолжает оказывать огромную помощь народам бывших колониальных владений западных держав.

Задача нашей конференции — выявление узловых моментов в истории Китая, определивших дальнейшее поступательное развитие страны и ее влияние на международную обстановку. В современных международных отношениях Китай играет весьма важную роль с момента образования ООН в 1945 г., где он стал одним из пяти постоянных членов её Совета Безопасности.

Изучение внутривосточной истории Китая, его культуры, истории международных отношений и внешней политики этой страны имеет большое значение для современности.

Институт Дальнего Востока РАН располагает неплохими традициями в области изучения Китая. Издается сборник документальных материалов по истории российско-китайских отношений, датируемых с начала XVII в. Эта работа сопряжена с определенными трудностями, но тем не менее продолжается. Уже вышло из печати 8 томов, посвященных начальному периоду отношений России с Китаем, и четыре тома, относящихся к XX в. Эти труды представляют собой общедоступную документальную базу по истории отношений между нашими странами.

Ведется большая работа над 10-томником по истории Китая с древнейших времен до начала XXI в., которая началась 5 лет тому назад. Письменная история Китая, насчитывающая свыше 5 тыс. лет, была распределена по томам, объем каждого из которых составил от 50 до 80 а.л. Восемь книг вышеназванного многотомника уже вышли из печати, работа над остальными двумя томами продолжается.

Первый том охватывает предысторию, палеолит, неолит, образование первых государств на китайской земле. Этим томом занимается Институт археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске, ответственный редактор — академик А.П. Деревянко. Второй том, который охватывает период Чжаньго, Цинь и Хань и ответственным редактором которого является д.и.н. Л.С. Переломов, вышел в свет одним из первых. Том третий, охватывающий период Троецарствия, Цзинь, историю Южных и Северных династий, правление династий Суй, Тан, вышел под руководством д.и.н. И.Ф. Поповой, д.ф.н. М.Е. Кравцовой в г. Санкт-Петербурге (Институт восточных рукописей РАН). Том четвертый освещает период Пяти династий, историю империи Сун, государств Ляо, Цзинь, Си Ся. Ответственный редактор — д.и.н. И.Ф. Попова. Авторская работа над томом завершена, подана заявка на финансирование издания. Том пятый охватывает период монгольского владычества в Китае и правление династии Мин. Ответственные редакторы — д.и.н. [А.А. Бокшанин](#), д.и.н. А.Ш. Кадырбаев. Работа над томом завершена. Том шестой освещает историю маньчжурского правления в Китае. Работа вышла в свет под редакцией д.и.н. О.Е. Непомнина. Редакционная работа над седьмым томом, охватывающим период Китайской Республики (1912—1949), велась председателем данной конференции — д.и.н. Н.Л. Мамаевой. Том вышел из печати. Работа над

восьмым томом, освещающим историю Китайской Народной Республики в 1949—1976 гг., была под угрозой срыва в связи с болезнью ответственного редактора д.и.н. В.Н. Усова, за работу брались другие редакторы. Год тому назад дирекция Института Дальнего Востока РАН утвердила в качестве редактора данного тома д.и.н. Ю.М. Галеновича. Работа над девятым томом, освещающим историю Китая после «культурной революции» до начала XXI в., осуществлялась под редакцией д.п.н. А.В. Виноградова. Работа завершена. Том вышел в свет. Том десятый, охватывающий историю Тайваня, Гонконга, Макао, историю китайской эмиграции (хуацяо), вышел из печати под редакцией д.ю.н. Л.М. Гудошникова, к.и.н. Г.А. Степановой.

Мне не хочется перегружать внимание перечислением других работ по истории Китая, ведущихся в Институте Дальнего Востока РАН.

Важно ознакомить российскую общественность с успехами и с проблемами, которые решены КНР или находятся в стадии решения. Сотни миллионов жителей Китая все еще находятся за чертой бедности, мало источников сырья, велика зависимость от мировой торговли. Природно-климатические условия страны создают немало трудностей для её поступательного развития, в частности предстоит большая работа по преодолению загрязнения атмосферы и источников воды, использованию новых альтернативных источников энергии (солнца, ветра и т. д.).

Обратимся к тематике данной конференции, посвященной изучению ряда узловых моментов истории Китая, продолжающих оказывать влияние на его общественное сознание. Хочу пожелать успеха участникам конференции в изложении намеченных программой проблем истории Китая, сохранивших свою актуальность и в наши дни. Спасибо за внимание!

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Елена Владимировна Гулина,
аспирантка РАНХиГС при Президенте РФ*

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КНР В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Для более эффективного взаимодействия и установления доверия между странами важно учитывать разницу их культур, определяющих характер поведения государств и во внешних отношениях, что нашло выражение в понятии «стратегическая культура». Китай обладает уникальной стратегической культурой и многовековой целостной внешнеполитической традицией, определяющей его поведение, что необходимо иметь в виду при выстраивании отношений с этим государством.

Ключевые слова: стратегическая культура, внешнеполитическая традиция, Китай, управление, безопасность.

Annotation. It's important to take into account the cultural differences that determine a state actions in foreign policy in particular for

more effective interaction and higher trust between states. This point appears in the strategic culture concept. China has a unique strategic culture and centuries-old holistic foreign policy tradition that continues to define China's actions. This should be taken into consideration framing relations with this state.

Keywords: strategic culture, foreign policy tradition, China, governance, security.

Что Китай уже превратился в одну из ключевых мировых держав, не подвергается сомнению. Он позиционируется как один из главных стратегических партнеров России, что отражено в том числе в новой редакции «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Для более эффективного взаимодействия и установления доверия между странами важно учитывать разницу их культур, влияющих на характер поведения государств во внешних отношениях, поскольку нормы и ценности рассматриваются в качестве фундамента политических отношений, в том числе международных. Здесь важным становится рассмотрение влияния стратегических идей на поведение государства на мировой арене.

По словам Д. Малгана, «...крупнейшие ошибки правительств были вызваны недостатком своего рода эмпатии — способности поставить себя на место другого, особенно врага. ...Лидеры государств и представляющие их дипломаты забывают, что граждане других стран мыслят иначе и руководствуются иными культурными ценностями»¹.

В этом же направлении развивается идея А.А. Кокошина о необходимости применения к мирополитическим исследованиям ментального подхода как дополняющего структурный (системный)². Она обоснована определенной структурной детерминированностью мыслительных процессов и политических действий.

Соприкосновение концептов «культура» и «стратегия» постепенно привело к пониманию влияния стратегической культуры на политику безопасности³. В целом стратегическую культуру можно определить как интегрированную систему символов, которые позволяют установить устойчивые стратегические предпочтения через формулирование концепций использования военной силы в межгосударственных отношениях⁴.

В понятии стратегической культуры, обращает внимание М.И. Рыхтик⁵, есть две составляющие. Первая объединяет представления общества об окружающей действительности: взгляды на мир, внешнюю поли-

тику, отношение к армии, войне, союзам, другим странам, новым и старым угрозам и т. п.; вторая носит более оперативный характер, выявляя, что именно может считаться приемлемым к использованию для нейтрализации тех угроз и вызовов, которые считаются жизненно важными или требующими обязательного вмешательства со стороны властных структур. Таким образом, стратегическая культура становится важнейшим элементом политики национальной безопасности.

Уникальность Китая в том, что, во-первых, его стратегическая мысль целостна на протяжении веков, а во-вторых, в ней параллельно присутствуют конфуцианские предпочтения нравственности и идеи «реальной политики» Сунь-цзы. Так, во всех изданиях «Белых книг» подчеркивается, что Китай, с одной стороны, придерживается оборонительного курса и никогда не будет претендовать на гегемонию, продвигает идею невоенных средств обеспечения безопасности⁶, пять принципов мирного сосуществования. С другой стороны, в отношении Китая некоторые ученые применяют понятие «активной обороны», предполагающее и «оборонительные наступательные действия»⁷; говорят о призывах Китая к необходимости рассмотрения использования военных методов⁸ и усиления вооруженных сил. Для Китая характерно поддерживать партнерские — и тем более союзнические отношения — только до тех пор, пока это выгодно. Ли Чжисуй полагает, что ему свойственны постоянная готовность к войне, стратегия превентивных ударов по потенциальным противникам и перманентное подозрение на угрозу⁹.

Можно выделить такие характерные черты китайской стратегической культуры:

во-первых, она представляет собой разновидность авторитарной политической культуры;

во-вторых, ее основной ценностный «ряд» состоит из совокупности идей, лежащих в основе деятельности КПК;

в-третьих, присутствует играющая принципиальную роль традиция иерархичного восприятия власти, конфуцианского менталитета «семья — государство» и соответствующего поведения в политике;

в-четвертых, существует достаточный уровень согласия в обществе относительно его основных политических и иных ценностей;

в-пятых, во внешней политике Китая проявляются принципы традиционного ханьского политико-культурного менталитета. Их смысл состоит, с одной стороны, в избегании Китаем прямых столкновений и конфронтации на международной арене; а с другой — в упорном и по-

следовательном обеспечении для государства выгодных внешнеполитических условий развития.

Особенности стратегической и политической культуры Китая находят отражение в эволюции внешнеполитического курса КНР¹⁰. До настоящего момента сохраняется появившаяся в конце 1990-х годов стратегема «опереться на Север, стабилизировать Запад, идти на Юг»¹¹, что подтверждает важность для нескольких «поколений» власти в КНР российского направления внешней политики Китая.

С конца 2000-х годов Китай стал позиционировать себя как равноправный участник международных отношений и ориентироваться на обретение страной статуса великой державы, которая участвует в формировании международной системы, а не просто реагирует на происходящие в ней процессы. КНР устанавливает и укрепляет партнерские отношения с государствами и международными организациями по всему миру. Усиление уверенности Китая на мировой арене проявилось в появлении «дипломатии красных линий», в рамках которой Китай занял предельно жесткую позицию по ряду проблем.

Новый председатель КНР Си Цзиньпин, выступая перед депутатами ВСНП 12-го созыва в марте 2013 г., заявил о стремлении реализовать «китайскую мечту» (возрождение величия китайской нации) уже в ближайшие 10 лет. В последующих своих выступлениях Си Цзиньпин подчеркивал, что Китай, идя по пути мирного развития, будет стремиться брать на себя больше ответственности и обязательств в рамках поддержания развития мира и человечества.

Параллельно происходило и обновление политики по обеспечению безопасности Китая. В 1996 г. была представлена «новая концепция безопасности», согласно которой безопасность зависит от политических отношений между государствами, а не от их военной силы, т. е. основу международной безопасности формируют совместные интересы, взаимодоверие и экономическое развитие, а не силовое превосходство и конкуренция. В рамках данной концепции также подчеркивалась необходимость во всеобъемлющем подходе к безопасности, который бы затрагивал не только военные аспекты. Принципиально «новой» эту концепцию назвать нельзя, поскольку в целом она развивала установки предыдущих лет и соответствовала китайской стратегической культуре и динамичному развитию международной среды.

В мае 2014 г. Си Цзиньпин, выступая на 4-м саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и говоря об Азиат-

ском регионе, призвал к установлению новой региональной архитектуры безопасности, которая, будучи универсальной и равной, должна соответствовать понятиям общей, всеобъемлющей, устойчивой и основанной на сотрудничестве¹².

Таким образом, во внешней политике КНР просматривается тенденция наращивания потенциалов именно «великой державы» при сохранении инструментария всех имеющихся установок на негегемонизм и построение гармоничного мира. Приоритетом для китайского руководства остается сохранение стабильности внутри страны, но всё более проявляется заинтересованность в стабильности и за пределами Китая. КНР по-прежнему верна принципу невмешательства, преследует интересы своей национальной безопасности преимущественно с позиции ведения диалога и использования экономических методов, причем в удобный момент и без видимого акцентирования своих действий и целей. Однако такая позиция не в полной мере соответствует государству — мировому лидеру (к чему стремится Китай), поскольку отсутствие четко занимаемой позиции и убежденное невмешательство в решение некоторых проблем или конфликтных ситуаций, сопровождающихся, например, нарушением порядка или неустойчивостью политической системы, не является проявлением мощи государства и его значения для поддержания миропорядка, равно как и региональной стабильности. В связи с этим можно согласиться с М.Л. Титаренко, что главным вызовом на современном этапе для китайской внешней политики может стать его неготовность к своей новой глобальной роли и ответственности¹³.

Всё это вместе с позиционированием КНР себя как «ответственной» за судьбы мирового развития державы является определенным продолжением китайской внешнеполитической традиции, согласно которой мировое пространство рассматривается как единое целое с центром в Китае, а в задачи его руководства входит поддержание гармонии как внутри государства, так и за его пределами. Отсюда и рассмотрение национальной безопасности как сложной уровневой системы, состоящей из «пластов»¹⁴, подобной ранее существовавшей системе «Поднебесная — ближние варвары — дальние варвары». Другим государствам необходимо учитывать прагматичный подход и упорство Китая в достижении своих национальных интересов при выстраивании двусторонних отношений.

Современная модель российско-китайских отношений строится на следующих принципах: взаимная поддержка в вопросах суверенитета и

территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, деидеологизация двусторонних отношений, регулярные консультации, учет ментальных особенностей, прагматичность и др. Выделенные принципы применимы и к региональному сотрудничеству России и Китая, в частности в регионе Центральной Азии. Более того, партнерство двух государств здесь является в какой-то степени проекцией их отношений в целом. Политически у России и Китая совпадающее поле озабоченностей в том, что касается безопасности и стабильности Центрально-Азиатского региона. В.А. Корсун отмечает, что отставание экономических отношений от политических, которым свойственна высокая степень доверия, является одной из ключевых особенностей российско-китайского стратегического взаимодействия¹⁵. Расширение экономических и, что особенно важно, энергетических интересов КНР в Центральной Азии является серьезным вызовом для России.

Можно выделить две основные области, в которых постепенно будет нарастать определенная конкуренция между Россией и Китаем: сфера экономики и сфера «мягкой силы»¹⁶. В этих условиях России нужно найти приемлемый баланс сотрудничества и в то же время сдерживания Китая, обозначив «пределы» китайского присутствия в регионе во избежание прямого столкновения интересов стратегических партнеров в Центральной Азии, что в целом соответствует и китайской ориентации на «прагматическое мышление»¹⁷. Китайские эксперты выделяют несколько прикладных способов реализации данного подхода: необходимость более реалистичных оценок международной обстановки; четкое обозначение «красных линий», границ допустимого в случае конфликтных ситуаций, чтобы избежать риска неверной интерпретации своих действий; более активное участие в предотвращении и урегулировании конфликтов. Не исключается российско-китайское объединение усилий в конкретных начинаниях и проектах, будь то в рамках ШОС или в иных форматах.

Необходимо учитывать также и то, что центральноазиатский вектор активности КНР является важным, но не ключевым направлением ее внешней политики. Параллельно Китай уделяет большое внимание отношениям с Россией, в том числе торгово-экономическим и политическим. Взаимовыгодному изменению ситуации могла бы способствовать определенная «специализация» в регионе, во-первых, самих России и Китая, а во-вторых, созданных при их участии структур, чтобы они могли дополнять, а не исключать друг друга из-за пересечения сфер дея-

тельности и, особенно, участников, что демонстрирует необходимость разработки равновесной модели взаимодействия России и Китая в регионе.

Приведенный в качестве примера Центрально-Азиатский регион как сложившаяся система взаимодействия государств региона, как любая система стремится к развитию и самосохранению, являясь, тем самым, гомеостатической системой. Взаимодействие России и Китая в регионе имеет большое значение для поддержания его стабильности. С учетом вышеобозначенных областей расхождения интересов России и Китая в регионе их можно определить в качестве пары антагонистов системы, оперируя параметрами которых можно их «склеивать» или «расщеплять», что и будет процессом управления. Здесь реализуется основной принцип гомеостатики — принцип дополняемости, когда один неустойчивый антагонист «разбавляется» другим, обладающим большим потенциалом.

Пара «Россия—Китай» может анализироваться по следующим показателям: уровень экономического присутствия в регионе (через показатели товарооборота и накопленных инвестиций по отраслям), уровень внедрения инструментов «мягкой силы» (количество и тираж печатных изданий, образовательных институтов, популярность студенческих обменов, количество молодых людей, изучающих язык), роль в обеспечении безопасности стран региона (наличие военных баз, соглашений, совместных учений, финансовая поддержка, обмены специалистами), совпадение позиций по политической повестке (количество соглашений, их качественное наполнение, выражение поддержки, частота контактов и визитов разных уровней) и т. п.

Дж. Розенау выделяет четыре типа политической адаптации¹⁸, один из которых — содействующая адаптация, когда запросы извне и изнутри сбалансированы и как бы «разделены пополам» и акторы могут использовать эти запросы в своих собственных национальных интересах. При этом никто из игроков не может быть однозначно признан победителем или побежденным. Это может быть использовано и при «специализации» областей взаимодействия России и Китая, в том числе в процессе поддержания функциональной устойчивости системы (например, гармонизация экономических проектов — «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза, политики по обеспечению безопасности — Шанхайской организации сотрудничества и Организации договора о коллективной безопасности, борьбы с терро-

ризмом — Региональной антитеррористической структуры ШОС и Антитеррористического центра государств-участников СНГ), иными словами, через координацию многосторонних институтов с участием России и Китая по каждой конкретной функции для формирования общего ответа системы на внешние сигналы.

Понимание принципов стратегической культуры позволяет грамотнее реагировать на действия другой стороны, интерпретировать совершаемые шаги и заявления, формировать ожидания. В условиях стратегического партнерства России и Китая для первой это особенно актуально, поскольку сосредоточение внимания исключительно на дружеских и партнерских моментах не должно отодвигать на второй план такие факты, как ориентация на прагматизм в действиях Китая, усиление его позиций в военной сфере, избегание прямой конфронтации как в двусторонних, так и многосторонних отношениях.

Примечания

¹ *Малган Дж.* Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага. М., 2011. С. 58.

² *Кокошин А.А.* О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. Краткий очерк. М., 2008. С. 52.

³ *Алексеева Т.А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130—147.

⁴ *Johnston Alastair I.* Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton University Press, 1995. P. 34.

⁵ *Рыхтик М.И.* Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского государственного университета. 2003. Вып. 1. С. 204.

⁶ *Цянь Сяюнь.* Опасный миф о «китайской военной угрозе» // Азия и Африка сегодня. 2003. № 2. С. 34.

⁷ Andrew Scobell. China and Strategic Culture. URL: http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2002/ssi_scobell.pdf

⁸ Гофан дасюэ цзяошоу: ся и соу ханму цзюэ бу ши сянъцзай чжэ гэ шуйпин : [Профессор Университета обороны: развитие строительства авианосцев еще никогда не было на таком уровне]. URL: <http://mil.huanqiu.com/observation/2012-12/3387054.html>

⁹ Li Zhisui. *The Private Life of Chairman Mao*. New York, 1994; Michael Pillsbury. *China Debates the Future Security Environment*, Washington, DC, 2000.

¹⁰ Подробнее см.: Гулина Е.В. Внешнеполитический курс КНР: эволюция и новые тенденции // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 5. С. 22—31.

¹¹ Лузянин С. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический курс // Перспективы: сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskiy_heskij_diskurs_2011-11-29.htm

¹² New Asian Security Concept for New Progress in Security Cooperation. Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia // China Internet Information Center. URL: http://www.china.org.cn/world/201405/28/content_32511846.htm

¹³ Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М., 2014. С. 174.

¹⁴ География национальной безопасности Китая // Экспресс-информация ИДВ РАН. М., 2007. № 7 (140). С. 41—44.

¹⁵ Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с китайской спецификой // Внешнеполитический процесс в странах Востока: науч. изд. М., 2011. С. 277.

¹⁶ Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Алматы, 2011. С. 321.

¹⁷ Линдао ганьбу яо шаньюй дисянь сывэй : [Руководящие кадры должны стремиться к грамотному определению нижней линии мышления]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-04/07/c_115289665.htm; Чуансинь чжаньлюэ кайто синь гэцзюй си ши вайцзю май кай чжунго дабу : [Инновационная стратегия для разработки нового миропорядка — важный шаг Китая по утверждению Сициньпиновской внешней политики]. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0105/c1001-26327937.html>

¹⁸ Rosenau J.N. *The Study of Political Adaptation*. L, N.Y., 1981. P. 58—59.

*Александра Александровна Сизова,
к.и.н., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ОЦЕНКИ МОНГОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ НАЧАЛА XX В. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать особенности отражения в современной китайской историографии событий, связанных с движением за независимость в Монголии в начале XX в. Рассмотрены специфика оценок, данных современными китайскими исследователями политическим процессам в Монголии 1900—1910-х гг., а также определения ими роли России в указанных процессах и характера российско-монгольско-китайских отношений в этот период.

Ключевые слова: монгольское движение за независимость, «монгольский вопрос», китайская историография, монгольско-китайские отношения, российско-монгольско-китайские отношения, Монголия, Китай.

Annotation. This article considers the specific features of the reflection of the historical events associated with the Mongolian national liberation movement in the early 20th century in the contemporary Chinese historiography. The author analyzes the modern Chinese scholars' principles and approaches to the historical conceptualization of the political processes in Mongolia in 1900—1910-s, the role of Russia in these processes and the nature of the Russian-Mongolian-Chinese relations during the period under study.

Keywords: Mongolian independence movement, Mongol problem, Chinese historiography, Mongolia, China, Mongolian-Chinese relations, Russian-Mongolian-Chinese relations.

Борьба монголов за национальное освобождение и обретение Монголией государственности — значимые события в истории Северо-Восточной Азии в первой четверти XX в. Хронология и содержание этих процессов, их влияние на региональную международную систему получили широкое освещение в историографии. Кроме самих монгольских ученых, вклад в их исследование внесли российские, западноевропейские, американские специалисты. Многочисленны работы по данной теме, изданные в КНР и на Тайване.

До недавнего времени позиция большинства китайских ученых, исследующих историю Китая и его внешние контакты в новое время, предполагала непризнание самостоятельности действий Монголии в планировании и осуществлении шагов к достижению независимости в 1900—1910-х годах и допускала утверждения о захватнических целях Российской империи в отношении Внешней Монголии. Оценки историков были схожими и весьма односторонними.

В начале XXI в. рассмотрение вопросов, связанных с историей возрождения монгольской государственности и китайско-монгольских отношений, не теряет научной актуальности. В немалой степени этому способствуют активизация роли КНР в Восточной и Центральной Азии, интенсификация контактов Монголии с Китаем и Россией и выстраивание новых форматов сотрудничества этих государств. Исследования актуализируются и по мере выявления научным сообществом новых фактов, касающихся истории монгольского движения за национальное освобождение. В связи с этим представляется важным изучить, претерпел ли какие-либо изменения дискурс современных китайских трудов по истории «монгольского вопроса» на современном этапе, когда в распоряжении ученых находится большой объем фактов и обогатившийся методологический арсенал. По-прежнему ли независимость Монголии оценивается как результат деятельности «царских империалистов», а Китай в указанных событиях видится потерпевшей стороной?

В последние десятилетия в развитии Монголии, ее северного и южного соседей, а также в мире в целом произошли заметные системные политические, экономические и иные изменения. Значительно изменились архитектура региональных международных взаимодействий и

система внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов России и государств Северо-Восточной Азии. С середины 1990-х годов начался новый этап российско-китайских отношений, страны активизировали взаимодействие и последовательно развивают отношения стратегического партнерства. В свою очередь, в 1990-х годах Россия, по словам Г.С. Яскиной, «ослабила на первых порах внимание к Монголии»¹, а последняя стала диверсифицировать международные контакты и завоевывать все большую самостоятельность в мировой системе. Китай, напротив, заметно усилил влияние в Монголии, выстроив с ней весьма эффективный механизм экономических и политических отношений. Подписанный в ходе визита в Монголию председателя КНР Си Цзиньпина в августе 2014 г. пакет двусторонних документов нацелен на укрепление китайско-монгольского взаимодействия, которое вышло на один из самых высоких уровней международного сотрудничества — «всестороннего стратегического партнерства».

В последние годы взаимный интерес России и Монголии стал возрастать. Соглашения, достигнутые на высшем уровне в ходе визита президента РФ В.В. Путина в Монголию в сентябре 2014 г., открывают для сотрудничества новые горизонты². При этом, по мнению большинства экспертов, символом новой эпохи в развитии отношений Монголии как с Россией, так и с Китаем являются договоренности о создании трехстороннего формата взаимодействия по важнейшим направлениям их отношений и международным вопросам (так называемого Улан-Баторского диалога), а также о реализации трехсторонних проектов экономического сотрудничества (в первую очередь, соединения «Экономического пояса Шелкового пути» с Транссибирской магистралью и монгольской инициативой «Степного пути», создания российско-китайско-монгольского экономического коридора)³.

Авторы китайских, российских, монгольских и прочих публикаций, последовавших за визитами лидеров КНР и РФ в Монголию в 2014 г., практически единодушны во мнении о том, что формирующийся трехсторонний механизм контактов Монголии с соседями, выходящий за пределы исключительно Центрально-Азиатского региона, создает новую модель международного взаимодействия в Северо-Восточной Азии. Эксперт МГИМО (У) Фань Сюэсун полагает, что договоренности трех стран свидетельствуют о некоем «перевороте в международной политике в новой обстановке»: Китай и Россия возлагают на него надежды для усиления собственного влияния в Евразии, при этом Китай «намерен

предоставить своим соседям возможности и пространство для совместного развития»⁴. По мнению многих специалистов, активные шаги позволят Монголии укрепить ее позиции на международной арене, чего страна также пытается достичь и путем сближения с Россией на фоне усиливающейся зависимости от Китая, и посредством активизации диалога о вступлении в Шанхайскую организацию сотрудничества. В частности, японский автор Юкиясу Араи отмечает, что Китай «не хочет, чтобы Монголия осознала свою геополитическую важность по отношению к Китаю», и ей, в свою очередь, для сохранения баланса в отношениях с последним приходится все больше опираться на Россию⁵.

Ввиду упомянутых трансформаций во внутригосударственном развитии и в международных взаимодействиях стран Северо-Восточной Азии можно предположить, что изменения произошли и в подходах к оценке отдельных событий в истории отношений России, Китая и Монголии, в том числе во взглядах Китая на национально-освободительное движение в Монголии в 1910-х годах и влияние российского фактора на этот процесс. В настоящей работе кратко рассмотрены некоторые особенности оценок, данных рядом современных китайских исследователей событиям в Монголии начала XX в. и роли в них России, а также развитию российско-монгольско-китайских отношений⁶, и предпринимается попытка выяснить, насколько эволюционировали позиции историков КНР по данным вопросам. Основой для анализа послужил ряд научных публикаций, изданных в КНР в 2000—2010-х годах.

Среди основных концептуальных положений, с позиций которых рассматриваются события в Монголии в начале XX в., в трудах 1990-х — первой половины 2000-х годов можно выделить следующие.

Авторам многих публикаций присуща убежденность в том, что вся ответственность за ситуацию, сложившуюся в Монголии к 1911 г., лежит на царской «военно-феодальной» России, империалистические устремления которой толкали ее на провокации с целью отрыва Монголии от «миролюбивого» Китая. Подчеркивается «единоличная деятельность России по отделению Внешней Монголии от Китая», ставшая «темным пятном в истории двусторонних связей»⁷. Ученые дают этому своеобразное историческое и идеологическое обоснование, утверждая, например, что «...претензии царской России на присвоение Монголии имеют давнюю историю»⁸, а события 1911 г. — «результат планомерной деятельности царской России, воспользовавшейся Синьхайской революцией..., сговорившейся с феодальными князьями Внешней Монго-

лии и спровоцировавшей их отделиться от Китая, что стало в одиночку срежиссированной Россией исторической марионеточной игрой»⁹. Красной нитью в работе научного сотрудника Академии общественных наук Китая Лю Цунькуана проводится мысль о стремлении России к захвату Монголии и агрессии в Китае¹⁰. В статье об истории заключения российско-монгольских соглашения и торгового протокола 1912 г. Фань Минфан указывает на силовое давление российских дипломатов в Урге на китайские власти с целью получения признания последними результатов российско-монгольского соглашения 1912 г.¹¹ Вполне очевидно, что историки в исследовании данного вопроса по-прежнему использовали практику «демонизации» другой державы, представляя Российскую империю в качестве силы, угрожавшей Китаю.

Противоречивы утверждения китайских авторов о том, что Россия обещала монголам помощь в достижении независимости, и это отвечало ее интересам: «Осуществить откол Монголии от Китая с давних пор было общим желанием царской России и высших феодальных слоев Внешней Монголии»¹². Независимость Монголии подается как долгосрочная цель политики Петербурга. При этом не учитывается то, что внешнеполитическая стратегия России в Северо-Восточной Азии в изучаемый период претерпевала изменения под воздействием структурных и процедурных факторов. Позиция и характер внешнеполитического поведения России в отношении Китая и его приграничных регионов представляются китайскими учеными как довольно жесткие и статичные. Мотивам же поведения китайской и монгольской сторон, внутренним дискуссиям по «монгольскому вопросу», анализу процесса формирования позиций и принятия решений монгольскими и китайскими участниками взаимодействия не уделяется достаточного внимания. Так, например, приводя хронологию событий 1911—1915 гг. и описывая процесс двусторонних и трехсторонних переговоров, подписания соглашений и деклараций, историк Лю Цунькуан апеллирует лишь к действиям и планам царизма, в то время как позиция Китая, ответом на которую во многом и были шаги России, остается неосвещенной.

В то же время в российской историографии причины изменений в «монгольской» политике Китая в конце XIX — начале XX в. исследованы довольно много подробно. По мнению многих российских авторов, «новая политика» Пекина в Монголии в начале XX в., а также системный кризис, усугубившийся в Цинской империи в данный период, дали основной толчок разворачиванию национального движения в Монголии и соз-

дали благоприятные условия для реализации устремлений монголов к формированию («возрождению») государственности. Влияние на политику Пекина, в свою очередь, оказали как внутренние факторы, так и изменение геополитической ситуации на Дальнем Востоке в связи с усилением внешнеполитической активности Японии и проникновением западных держав в Китай. Однако в анализируемых работах комплексного исследования данных факторов не проводится.

Общей чертой рассматриваемых трудов является недостаточно глубокое освещение внутренних причин так называемого монгольского «сепаратизма», отсутствие анализа социально-экономического и политического положения Монголии в составе Китая, политики пекинского правительства как факторов, повлиявших на развитие Монголии. Подробному изучению не подверглись подлинные причины тяготения монголов к России в 1900—1910-е годы, внутренняя борьба и дискуссии среди монгольской элиты относительно внешнеполитической ориентации, осложнявшие процесс урегулирования китайско-монгольского спора. В качестве основной причины национально-освободительного движения авторы склонны видеть политическую активность России в отношении Монголии. Несмотря на стремление монголов к независимости и созданию «Великого монгольского государства» на основе объединения всех монгольских народностей в течение долгого времени, утверждается, что именно воздействие России в этот период стало ключевым фактором развития политической борьбы монголов и именно Петербург навязал этому региону Китая автономию. Это, по мнению китайских экспертов, принесло «монголам и китайцам большие убытки, и только Россия получила огромную выгоду от... агрессии. Действительный статус Монголии был не «независимым» и не «автономным», она являлась колонией, находившейся под протекторатом России»¹³. Таким образом, в китайской научной литературе роль собственно монгольской элиты в выборе будущего для страны предметно не анализируется и ее оценки выглядят довольно спорными.

Китайскими историками не всегда принимается во внимание тот факт, что, вопреки высказывавшейся в первой половине 1910-х годов в российских общественно-политических кругах идее о возможности «принятия» Монголии в «лоно» России и даже его потенциальных выгодах, преобладающей стала более прагматическая позиция по данному вопросу¹⁴. Несмотря на соответствующее обращение монгольских национальных властей, правительство России отвергло идею о вхождении

Монголии в состав империи, не найдя аргументов в пользу этого шага ввиду рисков, которые могло бы повлечь подобное изменение на политической карте. Среди потенциальных рисков можно назвать неминуемые противоречия с Китаем, необходимость защиты протяженного и малонаселенного участка границы с ним, возможную острую реакцию держав и нежелательное для России изменение стратегического баланса сил в Северо-Восточной Азии.

Особенностью китайских публикаций по «монгольской проблеме» начала 2000-х годов является их довольно краткая историографическая часть, в рамках которой практически незаметна проработка российской и монгольской историографии. В том числе без внимания остались результаты изучения проблем взаимодействия России, Монголии и Китая И.Я. Златкиным, И.М. Майским, Ш.Б. Чимитдоржиевым, Е.А. Беловым, С.Г. Лузяниным, Ю.В. Кузьминым, В.А. Моисеевым и другими авторами¹⁵. Известные работы монгольских исследователей¹⁶ также мало задействованы в анализе. В то же время, например в статье Лю Цунькуана, широко используются оценки американских и британских исследователей по вопросу об «отложении» Монголии от Китая¹⁷. Односторонность характера и выборочность источников и литературы имеют следствием односторонность подхода в данных исторических и политологических работах, делая уместным вопрос об объективности предложенных выводов.

Следует отметить, что в рассмотренных исследованиях практически не используются современные подходы, методы и методики исторической и международно-политологической наук. Изложение нередко носит нарративный характер и не свободно от излишней генерализации. При рассмотрении российско-китайских взаимодействий начала XX в. исследователи представляют политику России как «агрессивную», по содержанию и духу мало отличающуюся от политики других европейских держав в Китае. Несмотря на определенный поворот к плюрализму мнений и подходов под влиянием глобализации науки и современных достижений в теории международных отношений, в характере научного познания наблюдаются отголоски китаецентризма и изучения исторических событий через призму идеологии.

Таким образом, оценки по «монгольской проблеме», представленные в работах китайских исследователей 1990 — первой половины 2000-х годов, в целом оставались созвучными оценкам 1960—1980-х годов. Они преимущественно отражали видение роли России в событиях

национально-освободительного движения в Монголии и обретении страной автономии как экспансивной. Историки по-прежнему отрицают проведение Пекином особой политики в Монголии в качестве важного триггера развития монгольского освободительного движения. Истоки же монгольского «сепаратизма» и политическая борьба в Монголии в 1910-х годах рассматривались в тесной связи с «подстрекательством» России.

Во второй половине 2000-х годов в китайской историографии стал наблюдаться пересмотр взглядов на характер политики России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. в пользу большей взвешенности¹⁸. Среди современных работ, анализирующих внешние сношения Китая в этот период с помощью нового политологического инструментария, можно выделить исследования Чжоу Фаньиня¹⁹ и Цюань Хэсюй²⁰, в которых изучаются движущие силы внешней политики и эволюция моделей дипломатии Китая в сношениях с Россией и другими державами. Проблемы политики Пекина в отношении национальных окраин в начале XX в. рассматривает Линь Сяотин²¹.

В более поздних работах можно заметить смягчение категоричности оценки роли России в развитии освободительного движения и достижении Монголией автономии. Так, например, в статье, изданной в 2010 г.²², Би Аонань и Алтанвчир отмечают: «Провозглашение “независимости” “Внешней Монголии” произошло не без участия России, но основным фактором было внутреннее обострение отношений»²³. Характеристика российской позиции в «монгольском вопросе», данная исследователями, выглядит более взвешенной, свободной от излишней эмоциональности. Авторы также учитывают воздействие факторов региональной системы международных отношений, в частности роль Японии. Важным является то, что заключение российско-монгольского соглашения 1912 г. о признании автономии Монголии понимается ими как шаг России, сделанный в ответ на просьбу о помощи самой Монголии в условиях стремления правительства Китайской Республики провозгласить данную страну неотъемлемой частью Китая²⁴.

Есть основания полагать, что конструктивные тенденции в китайских международно-политических исследованиях и пересмотр оценки роли России в «монгольском вопросе» обусловлены не только обнаружением новых массивов данных по этой проблеме, постепенной интеграцией социальных наук КНР в мировую науку, но и углублением «стратегического партнерства» Китая с Россией и Монголией. Полити-

зация истории внешних сношений Китая в XIX—XX вв., развитие гипотезы об «исторической обоснованности» принадлежности территории Монголии Китаю, до сих пор обсуждаемой в китаеязычной информационной среде, и ее инкорпорация во внешнеполитическую мысль в КНР могут довольно негативно сказаться на оценке качества и объективности китайских историко-политологических исследований.

Хотелось бы надеяться, что активизация научно-гуманитарных контактов Китая с Монголией и Россией и плюрализация взглядов, в частности, на историю и современность международных связей, будут способствовать преодолению стереотипов и углублению понимания подходов к истории китайско-монгольских отношений и международных процессов в Северо-Восточной Азии. Возможно, комплексные исторические и политические, а также историографические исследования Монголии и Китая, анализ их отношений с Россией с использованием сбалансированного аналитического подхода и достижений современной научной методологии помогут дать новые ответы на старые вопросы и станут вкладом в развитие продуктивного сотрудничества данных стран.

Примечания

¹ Яскина Г.С. Россия и Монголия: новый этап взаимоотношений (1990 — начало первого десятилетия XXI века) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: Сб. статей. М., 2001. С. 203.

² Россия и Монголия отменили визы // Российская газета. 03.09.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/03/vizit-site.html>.

³ Гольман М. «Треугольник»: Россия—Монголия—Китай // Новое Восточное Обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/10/27/rus-treugol-nik-rossiya-mon-goliya-kitaj/>.

⁴ Фань Сюэсун. Китай и Монголия: новый уровень стратегического партнерства // Портал МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document261738.phtml>.

⁵ 荒井 幸康 (Yukiyasu Arai). モンゴルに秋波を送る中国とロシア // Japan Business Press. 2014.10.15. URL: <http://jbpres.ismedia.jp/articles/-/41959>.

⁶ Diplomacy of China (Дипломатия Китая). Пекин, 2000; Цзиньдай гоцзи гуаньси ши / Ши Син хэ чжубянь (История международных отношений в Новое время). Хэфэй, 2003; Лю Цунькуан. Чжун Э гуаньси юй Вай Мэнгу цзы Чжунго дэ фэньли (1911—1915) (Китайско-российские отношения и отделение Внешней

Монголии от Китая (1911—1915 гг.) / Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 151—166; *Фань Минфан*. 1912 нянь «Э Мэн сеюэ» цзи Э Мэн «Шаньту чжуань-тяо» чжи цяньдин (Заключение «Российско-монгольского соглашения» и российско-монгольского «торгового протокола» 1912 г.) / Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 167—185; Дун Я ши / Ян Цзюнь, Чжан Най хэ чжубянь (История Восточной Азии с древности до конца XX в.). Чанчунь, 2006; *Сюн Цзяньцзюнь, Чэнь Шаому*. Гауньюй Миньго шици Вай Мэнгу дули шицзянь дэ хуэйгу юй сыкао (Размышления об отделении Внешней Монголии от Китая в период Китайской Республики) // Исследование и преподавание истории партии. 2007. Вып. 2. С. 72—77.

⁷ *Лю Цунькуан*. Указ. соч. С. 163.

⁸ Цзиньдай гоцзи гуаньси ши. С. 405.

⁹ *Лю Цунькуан*. Указ. соч. С. 151.

¹⁰ Более подробно данная работа рассмотрена в статье: *Старцева А.А., Старцев А.В.* «Монгольский вопрос» начала XX в. в современной китайской историографии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции (г. Барнаул, 18 мая 2007 г.). Барнаул, 2007. С. 194—212.

¹¹ *Фань Минфан*. Указ. соч. С. 167—185.

¹² *Лю Цунькуан*. Указ. соч. С. 152.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999. С. 39—45.

¹⁵ *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957; *Майский И.М.* Монголия накануне революции. М., 1960; История Монгольской Народной Республики. М., 1983; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987; *Попова Л.П.* Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М., 1987; *Белов Е.А.* Указ. соч.; *Кузьмин Ю.В.* Дискуссионные проблемы истории Монголии первой половины XX в. в историографии России и Монголии // Владимирцовские чтения — III. М., 1995; *Лузянин С.Г.* Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.). Барнаул, 2003.

¹⁶ *Чойбалсан Х.* Краткий очерк истории Монгольской народной революции. Пер. с монг. М., 1952; *Нацагдорж Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958; *Ширендыб Б.* История Монгольской народной револю-

ции 1921 г. М., 1971; *Dashpurev D., Usha Prasad.* Mongolia: Revolution and Independence. 1911—1992. New Delhi, 1993; *Baabar Bat-Erdèniin.* Twentieth Century Mongolia / Ed. by С. Kaplonski. Cambridge, 1999; *Магсаржав Н.* Монгол улсын шинэ туух (Новейшая история Монголии). Улаанбаатар, 1994; *Жамсран Л.* Монголын сэргэн мандалтын эхэн, 1911—1913 (Начало эпохи возрождения Монголии, 1911—1913). Улаанбаатар, 1992; *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). Улаанбаатар, 1995; *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ, 1911—1916 (Монгольская независимость и китайско-русско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., 1911—1916). Улаанбаатар, 2007.

¹⁷ *Tang P.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911—1931. Durham, 1959; Paine S.C.M. Imperial Rivals, China, Russia and Their Disputed Frontier. M.E. Sharpe Inco, 1996; Phillips G.D.R. Russia, Japan and Mongolia. L., 1942.

¹⁸ *Сунь Чжинцин.* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX вв.: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008; *Сюн Цзяньцзюнь, Чэнь Шаому.* Указ. соч.

¹⁹ *Zhou Fangyin.* The Role of Ideational and Material Factors in the Qing Dynasty Diplomatic Transformation // Chinese Journal of International Politics. 2007. Vol. 1. P. 447—474.

²⁰ *Quan Hexiu.* The Two Systems of Diplomacy of Late Qing China. External Relationship, Modernization and Transitional Phase // Journal of Northeast Asian History. June 2006. Vol. 5. № 1. P. 21—44.

²¹ *Lin Hsiao-ting.* Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West. Taylor & Francis, 2010. P. 8—9.

²² *Би Аонань, Алтанвчир.* Чжун Э гуаньси юй мэngu вэнти, 1911—1924 (Китайско-российские отношения и «монгольский вопрос», 1911—1924) // Чжунсулиши сюаньань дэ чжунцзе (Решение спорных вопросов в истории китайско-советских отношений). Пекин, 2010. С. 21—77; *Би Оунань и др.* Китайско-российские отношения и проблема Монголии (1911—1924 гг.) // Спорные проблемы в истории китайско-советских отношений и их решение. Экспресс-информация. № 6. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 17—36.

²³ *Би Оунань и др.* Китайско-российские отношения... С. 18.

²⁴ Там же. С. 20.

*Аида Семеновна Ипатова,
к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН*

ПЕКИНСКАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

Аннотация. В статье рассмотрен наименее изученный вопрос в историографии Российской духовной миссии в Китае (РДМК) — условия, в которых жили и трудились ее члены, находясь в течение нескольких лет в иной этнокультурной среде китайского общества с его закрытостью от внешнего мира, традициями господства китаецентризма и высокомерно-пренебрежительным отношением к иноземцам. Особенно сложными для РДМК были первые 100 лет ее пребывания в Цинском Китае.

Ключевые слова: Цины, император Сюань Е (Канси), Лифаньюань, Россия, Российская духовная миссия в Китае (РДМК), Пекинская миссия, Петр I, Кяхтинский договор (1728), С.Л. Владиславич-Рагузинский, Цинский Китай.

Annotation. The article highlights the least-explored subject in the historiography of the Russian Ecclesiastical Mission in China (REM), the living and work conditions of its members staying for several years in different ethnic and cultural environment of Chinese society rather closed from the outside world, and having the traditions of the rule of Sinocentrism, with its arrogant and dismissive attitude towards foreigners. Especially difficult for the REM were the first hundred years of its stay in Qing China.

Keywords: Russia, the Russian Ecclesiastical Mission in China (REM), the Beijing Mission in China, Peter the Great, The Treaty of Kyakhta (1728), S. L. Vladislavich-Raguzinsky, Qing China, Qing, Emperor Xuanye (Kangxi), Lifanyuan.

В конце 2015 — январе 2016 г. исполнилось 300 лет со времени основания Российской духовной миссии в Китае (РДМК), хронологически первой зарубежной миссии Русской Православной Церкви (РПЦ), больше известной как Пекинская миссия¹. Основана она была по инициативе Петра I и с согласия цинского императора Сюань Е² для духовного окормления православной общины русских казаков, увезенных в плен цинскими войсками после осады Албазинского острога на р. Амур в 1685 г., и кончины в 1711 или 1712 г. единственного в Пекине православного пастыря, албазинца о. Максима (Леонтьева). В соответствии с замыслом царя-реформатора Пекинская миссия стала уникальным российским учреждением за пределами России благодаря разносторонней деятельности, вкладу в мирное развитие российско-китайских отношений, в зарождение и развитие отечественного востоковедения и налаживание межцивилизационного диалога культур народов православной России и конфуцианского Китая.

Вплоть до открытия в Пекине в начале 1860-х годов иностранных дипломатических представительств РДМК с согласия цинских властей выполняла неофициально некоторые функции дипломатического представительства России в Среднем государстве. Именно она служила своего рода связующим звеном между Россией и Китаем, источником достоверных научных знаний о России в Китае и о Китае, его науке, истории, культуре в России. Китайская исследовательница проф. Дай Гуйцзюй называет РДМК единственным официальным российским учреждением в Китае, единственным официальным окном для получения информации о Китае в тот период³.

Историографы РДМК главное внимание сосредоточивают на изучении тех или иных направлений её деятельности. В меньшей мере освещают условия, в которых ей приходилось жить и трудиться. А ведь приезд в Пекин для членов Российской духовной миссии практически означал перемещение в иной цивилизационный мир, мир традиционного Китая с его закрытым обществом, где издавна господствовали конфуцианские догматы, культивировались китаецентристские представления об устройстве мира с главенствующей ролью Китая в нем и высокомерно-пренебрежительным отношением к иноземцам-варварам. Условия жизни также были отличными от родного российского уклада, природенного уважительного отношения русских людей к представителям других народов. Изнуряющим был и пекинский климат. Трудно-преодолимым оказался языковой барьер, особенно в первые годы пе-

кинской жизни. Тягостной была и разлука с близкими, с православным Отечеством.

Наибольшие испытания выпали на долю первых 9 миссий, находившихся в Пекине в общей сложности немногим более 100 лет — с 1715/16 по 1821 г., когда в положении РДМК не происходило сколько-нибудь существенных преобразований, прежде всего в улучшении её финансового положения, что плачевно сказывалось на обустройстве быта, на содержании монастыря и албазинской церкви, особенно во 2-й половине XVIII в.

В тот период в состав каждой миссии входили: начальник в сане архимандрита, три священнослужителя и люди светские — в 1-й миссии причетники, со 2-й — ученики, с 9-й — студенты. В основном по 10 человек.

При формировании очередной миссии в ряде случаев определялся срок её служения в Пекине, как правило, 7 лет (для 9-й — 10 лет), но в действительности значительно превышал его, варьируясь от 10 до 16 лет, и зависел чаще всего от внешних факторов.

К длительному сроку жизни членов и учеников РДМК в дали от Родины следует добавить долгий и трудный путь в Пекин через обширные пространства российской территории, монгольские степи и северную часть Китая. Весь путь от Москвы до Пекина занимал тогда от 1 года и 4 месяцев до 2,5 лет.

Отправляя 1-ю миссию в Китай, российское правительство положило на ее содержание по 100 руб. в год начальнику, по 80 руб. священнику и дьякону, певчим по 10 руб. на человека. Деньги должны были доставляться из Иркутска в Пекин с казенными торговыми караванами ежегодно. Однако и это более чем скромное жалование члены миссии получали не в рублях, которые в Китае не имели хождения, а мехами, поступавшими в Иркутск от сбора ясака, и сами должны были продавать их в Пекине китайским купцам порою за бесценок из-за плохой выделки шкурок, что существенно снижало их стоимость.

Трудно сказать, чем руководствовалось российское правительство, назначая столь скромное содержание первой зарубежной миссии РПЦ, к которой Петр I, главный инициатор её создания, проявлял особый государственный интерес. А ведь ехали они в Китай как представители своего государства, следовательно и содержание у них должно было соответствовать величии Российской империи. В Цинском Китае с его традиционным конфуцианским мировоззрением внешнему фактору, форме всегда и во всем придавали исключительное значение.

По рекомендации российского посланника в Китае (1725—1728) С.Л. Владиславича-Рагузинского⁴, поддержанного агентом Л. Лангом⁵, со 2-й миссии (1728—1735) российское содержание РДМК было увеличено, однако получила она его лишь в 1732 г. И такое явно недостаточное финансирование сохранялось до 9-й миссии (1807—1821), содержание которой было значительно увеличено. Однако её пребывание в Китае (14 лет) по времени совпало с Отечественной войной 1812 г. и заграничным походом русской армии в 1813 г., когда Петербург просто «забыл» о Пекинской миссии, и её начальнику архим. Иакинфу (Н.Я. Бичурину) приходилось продавать миссийское имущество на жизнь, на приобретение ценных китайских книг. При отъезде в Пекин миссия получила содержание только на 5 лет вперед.

1-я миссия (1715/16—1728) была встречена в Пекине с большим почетом. Всех её членов император Сюань Е причислил к чиновному сословию, находившемуся на высокой ступени сословной иерархии Цинского Китая. Сверх того, все члены миссии получили казенные квартиры в непосредственной близости от православной церкви албазинцев.

Цинский император повелел выдать в качестве единовременного пособия начальнику миссии архимандриту Иллариону (Лежайскому) 800 лян серебра⁶ (1500 руб. по курсу того времени), ему же на служителя 700 лян (около 1100 руб.), иеромонаху и иеродьякону по 500 лян и на служителей по 400 лян, причетникам по 300 лян и на служителей по 150 лян каждому. Более того, Лифаньюань⁷ ежемесячно должен был выплачивать жалование в деньгах: священнослужителям по 4 ¹/₄ ляна (офицерский оклад), церковникам по 1 ¹/₂ ляна и сверх того из казенных магазинов по 3 мерки риса каждому. Снабжали обильно и другими продуктами. А по прошествии каждых трех лет полагались деньги на одежду: архимандриту 40 лян, священникам по 30 лян, остальным по 20 лян⁸. Так же, как в свое время албазинцам, император Сюань Е предложил членам миссии местных жен, вдов казенных преступников. Двое из причетников женились, а прежде того их новоявленных жен окрестили, сами они перешли на службу в русскую роту⁹. Изучивших китайский и маньчжурский языки император Сюань Е определил впоследствии к Лифаньюаню для перевода его переписки с российским Сенатом.

В знак особого уважения цинский император назначил в качестве пристава 1-й миссии «самого любезного своего вельможу, чином генерала», который должен был навещать к начальнику миссии, справляться о его здоровье, о нуждах миссии.

Чтобы повысить авторитет миссии, привлечь к ней интерес местных жителей, архим. Илларион эффектно устраивал свои выезды в город, «употреблял передовых два вершника^{*}, а по обеим сторонам коляски по одному вершнику, к чему он и церковников брал, каковым выездом немалую показывал, по тамошним обыкновениям, благопристойность, ибо такой экипаж у китайцев в немалом почтении»¹⁰. Это хорошо понимал архим. Илларион, к тому же у него были такие возможности благодаря щедротам императора Сюань Е, так как статья расходов на выезд начальника в город в финансировании российской стороной не предусматривалась. Важность такой наглядной, впечатляющей демонстрации российского величия в столице Цинского Китая Петербург осознал позже, лишь в начале XIX в.

Положение 1-й миссии в Пекине складывалось неплохо: материальных трудностей она не испытывала, китайские власти относились к ней уважительно и благосклонно. Тем не менее на долю первых (после о. Максима) проповедников православия в Китае выпали тяжелые испытания. Три причетника вскоре вернулись в Россию, так как не смогли адаптироваться в инокультурной среде. Затем последовала кончина начальника миссии архим. Иллариона. Оставшиеся три священнослужителя продолжили свою деятельность вплоть до прибытия в Пекин в 1729 г. 2-й миссии, тем самым обеспечив непрерывность проповеди православия на китайской земле.

Стараниями российского посланника С.Л. Владиславича-Рагузинского, заключившего с Китаем в 1728 г. Кяхтинский договор, для резиденции РДМК был определен так называемый Посольский двор, расположенный в наиболее оживленной части внутреннего города на ул. Дунцзяоминасьнь (совр. назв.). Он находился в полуверсте южнее императорского дворца и Лифаньюаня и в одной версте севернее главного торгового центра Пекина во Внешнем городе за воротами Цяньмэнь. Свое назначение торгового центра он сохранил и в наши дни, получив в 1963 г. название ул. Цяньмэньдацзе.

Посольский двор был довольно просторным, однако ко времени прибытия в Пекин 2-й миссии оказался не приспособленным для постоянного проживания там духовной братии: подходящих жилых помещений практически не было, отсутствовал колодец, у начальника мис-

^{*} Верховой, конник, форейтор.

сии долгое время не было своих апартаментов. И такое положение сохранялось на протяжении нескольких лет.

Во время пребывания в Пекине 2-й миссии, в соответствии с условиями Кяхтинского договора, на территории Посольского двора иждивением китайской стороны и китайскими строителями была сооружена церковь, образован Сретенский монастырь, названный так с учетом просьбы цинских чиновников, чтобы престольный праздник монастыря по времени был ближе к китайскому Празднику Весны (Чунцзе). С появлением новой резиденции миссии Албазинское подворье стали именовать Северным (Бэй-гуань), а Посольский двор — Южным (Нань-гуань). Пекинцы весьма быстро переименовали Посольский двор в Эло-сыгуань (Русское подворье), а затем и в Элосу* гуань¹¹.

На высоком официальном уровне отношение цинских властей к РДМК, за исключением инцидента с осадой Южного подворья осенью 1759 г.¹² и отдельных эпизодов наглого, надменного поведения чиновников Лифаньюаня по отношению к РДМК при обращении к ним за помощью начальника 6-й миссии архим. Николая (Цвета) и др., можно охарактеризовать как доброжелательное, снисходительное, равнодушное. По свидетельству одного из членов наиболее благополучной 7-й миссии (1771—1781), «упреков и презрения к русским оказываемо не было»¹³.

РДМК никогда не вмешивалась во внутренние дела Срединного государства, не оказывала влияние на его внешнюю политику, не плела интриги и в своих проповедях и беседах не выступала с критикой китайских традиций. На этот важный момент в характеристике Пекинской миссии обращают внимание не только российские, но и китайские исследователи. Русское правительство, отмечает проф. Дай Гуйцзюй, не раз подчеркивало, что миссия не должна заниматься политикой, а ограничивать свою деятельность духовным окормлением русских людей и молиться за цинского императора¹⁴.

Однако главным критерием оценки отношения цинских властей к РДМК в XVIII в. служит, на наш взгляд, то обстоятельство, что они использовали миссию (наряду с периодической приостановкой в одностороннем порядке российско-китайской торговли) в качестве инструмента для дополнительного воздействия на российскую сторону. И как

* Иероглиф су наряду с сокращенными названиями СССР, советский, пров. Цзянсу, г. Сучжоу употреблялся также в значении: оживить, воскресить, пробуждать к жизни.

следствие, вся жизнедеятельность РДМК была поставлена в прямую зависимость от позиции Цинов в отношении Петербурга, так как именно с торговыми караванами из России приходили средства и корреспонденция для миссии. По продолжительности такие перерывы в торговле доходили до 7 лет. А при отъезде миссии из России содержание им выдавалось всего лишь на 1—3 года. А.Н. Хохлов подсчитал, что только с 1744 по 1792 г. цинские власти 10 раз приостанавливали торговлю с Россией¹⁵. Подобная практика давления на Россию использовалась Циннами и раньше. С уходом из Пекина последнего торгового каравана в 1756 г. финансовое положение миссии стало крайне тяжелым.

В Кяхтинском договоре нет конкретных указаний на размеры и виды довольствия, которые должна была выдавать священнослужителям и ученикам китайская сторона. Они были сохранены те же, что и для 1-й миссии. Сверх того выдавались 1 фунт риса на 1 человека и необходимый объем воды из колодца Лифаньюаня.

До некоторой степени выручала приобретенная миссией в разное время недвижимость: дома (дворы) в Пекине и земельные участки (пашни), которые она сдавала в аренду. Во время пребывания в Китае 6-й миссии недвижимость РДМК состояла из 12 так называемых церковных домов и 5 участков земли размерами от 20 до 85 десятин. Среди них были и земли бывших албазинцев. Однако арендаторы не исправно платили ренту, задолжая иногда за несколько лет, что и послужило причиной обращения архим. Николая (Цвета) за помощью в Лифаньюань¹⁶.

Цинские власти, прекрасно осведомленные о плачевном положении РДМК, тем не менее пресекали любые возможности пересылки средств из России, утверждая, что содержания, которое выдает миссии китайская сторона, вполне достаточно.

Иногда Петербургу удавалось преодолевать этот искусственно созданный заслон и пересылать необходимые средства для Пекинской миссии: в 1763 г. для 5-й миссии через дипломатического курьера И.И. Кропотова и дважды через посредников для 8-й миссии (1800 г., 1804 г.).

Отношение российских светских и духовных властей к РДМК зависело в значительной степени от событий, происходивших в самой России и отвлекавших их внимание от судьбы маленькой православной общины в столице далекого Срединного государства. Попытка Екатерины II направить в Китай «знатное посольство» не была реализована из-за высокомерной и грубой реакции цинского двора.

В целом для отношения российских властей — светских и духовных — к РДМК в XVIII в. был характерен устойчивый консерватизм: никто ничего не хотел менять, предпринимать, улучшать. Преемники Петра I в большинстве своем не осознавали всей важности для российской дипломатии и науки уникального положения РДМ в Китае, ее значимости для мирного поступательного развития российско-китайских отношений. И в этом была их серьезная ошибка, недальновидность.

Члены миссии и ученики вели замкнутый образ жизни, особенно в первые годы пребывания в Пекине, в том числе из-за труднопреодолимого языкового барьера, общались главным образом с китайцами-учителями, с чиновниками Лифаньюаня. Жили практически безвыездно. Членам миссии разрешалось выезжать за город только летом. На Радоницу посещали албазинское и миссийское кладбища.

В XVIII в. появление на улицах Пекина иностранцев было событием весьма редким. Архим. Софроний (Грибовский) писал, что китайцы «вменяют себе в великий стыд иметь учителями своими диких и неученых людей, не знающих ни обычаев их, ни разговору, кои ходят с большими неподбритами по образцу их бородами; носят странное и отвратительное для них платье (клобук и ряску), совсем отличное от их одеяния»¹⁷. Вот и приходилось в нарушение предписания св. Синода не менять свои монашеские одежды на какие-либо другие, облачаться в маньчжурское или китайское одеяние, как это задолго до них сделали западные миссионеры. Как записал в своем журнале в 1757 г. российский курьер В.Ф. Братищев, «и подлинно тем образом такому нагло-поризающему с нестерпимыми досаждениями иностранное одеяние народу перестали при своих выездах чудовищем казаться»¹⁸.

Наибольшие страдания испытывала миссия от бытовой неустроенности, прежде всего от китайского обустройства жилых помещений. В домах отсутствовали полы и потолки, печи. Окна заклеивались промасленной бумагой, которая снижала освещенность помещения и не спасала от ветра, пыльных бурь и зимних холодов. Постепенно на собственные средства РДМК обустривалась: появились полы, потолки и отопление. Однако китайский способ обогрева помещений мало что менял, так как установленный под полом очаг тепла согревал лишь небольшое пространство над ним. В церквях устроили потолки и остеклили окна. Однако на полноценное благоустройство средств всегда не хватало, особенно с середины XVIII в. В удручающем состоянии находились жилые комнаты учеников даже в 20-е годы XIX в.

Все это, вместе с непривычным климатом, пагубно сказывалось на здоровье членов миссии и учеников. Много болели. Смертность в рассматриваемый период в общей сложности составляла более 39 %: из 96 членов и учеников РДМК 37 упокоились в китайской земле и еще 4 скончались на пути в Россию. Катастрофическим было положение в 5-й миссии; из 8 членов её в Петербург вернулся лишь 1 причетник (учеников в этой миссии не было) Степан Зимин. Он же и составил краткий отчет о деятельности 5-й миссии, которая провела в Пекине более 16 лет.

Наряду с трудностями бытовой адаптации перед членами РДМК и учениками стояла не менее важная проблема культурной адаптации православия и самих членов миссии в ином этнокультурном обществе.

На практике распространение православия с самого начала не стало главным направлением в деятельности Пекинской миссии, особенно в связи с тем, что Кяхтинский договор ограничил масштабы его проповеди только русскими людьми, точнее албазинцами и их потомками.

Несмотря на бесконечные тяготы пекинской жизни, РДМК и в таких сложных условиях вела каждодневную работу по разным направлениям, важнейшим из которых было изучение Китая. Достижения Пекинской миссии в изучении Китая и его официальных языков за первые 100 лет её деятельности впечатляют. С середины XVIII в. отпала необходимость в языке-посреднике. Ученики переводили всю переписку между Россией и Китаем, выступали устными переводчиками, преподавали в Училище русского языка при Императорской канцелярии (Нэйгэ), занимались переводами классических китайских трактатов, а также трудов и собраний документов по истории маньчжуров и правления династии Цин в Китае.

Для более успешного изучения Китая в РДМК во время пребывания там 8-й миссии была создана китайская часть миссийской библиотеки. Она постоянно пополнялась последующими миссиями. В XVIII в. РДМК подготовила первых отечественных китаеведов. Апофеозом научной деятельности этого периода стали труды начальника 9-й миссии архим. Иакинфа (Н.Я. Бичурина), основоположника российского научного китаеведения.

В XVIII в. в РДМК были заложены основы отечественного китаеведения, еще долгое время она оставалась единственным отечественным центром комплексного изучения Китая. То обстоятельство, что российское китаеведение начиналось и развивалось в столице Китайского государства, придавало ему особый самобытный характер.

Завершая 100-летний период деятельности РДМК, 9-я миссия не стала финалом ее истории. Она объективно подвела российское правительство к осознанию необходимости изменения отношения к РДМК.

В свете кардинальных изменений международных отношений конца XVIII — начала XIX в. и возросшей роли России в их формировании стала очевидна необходимость в определенных преобразованиях РДМК, в привлечении её к более активному участию в дипломатических делах с учетом геополитического положения миссии, при сохранении и прежних направлений её деятельности. Особое, актуальное значение приобрело изучение Китая как в историческом, так и современном срезе. Что и было учтено по прошествии 100 лет другим царем-реформатором Александром I при подготовке 10-й миссии (1821—1830)¹⁹.

Примечания

¹ Об основании РДМК подробно см.: *Ипатова А.С.* «То дело зело изрядно...» К 330-летию православия в Китае и 300-летию основания Российской духовной миссии в Пекине // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 6. С. 120—141.

² *Сюань Е* (1654—1722), второй император Цинской династии, девиз годов правления Канси (1662—1722).

³ *Дай Гуйцзюй*. Гуаньюй Эго лай Хуа чжуаньцзяо шитуань дэ лиши динвэй вэньти (К вопросу об историческом месте Российской духовной миссии в Китае) // *История и современное состояние китайско-российских отношений*. Чжунго гуаньси дэ лиши юй вэньши. Кайфэн. 2004. С. 38.

⁴ *Владиславич-Рагузинский С.Л.* Статейный список. Т. 1. // *АВПРИ. Ф.* Сношения России с Китаем. 1725. Оп. 1. Д. 12а. Л. 450—450 об.

⁵ Ланг Лоренц (Лаврентий Лаврентьевич) (1690-е — 1752), швед на русской службе. В 1715—1717 гг. по распоряжению Петра I совершил свою первую поездку в Китай, куда ездил в общей сложности шесть раз по дипломатическим и торговым делам. В 1719—1722 гг. — секретарь посольства Л.В. Измайлова, в 1725—1728 гг. в составе посольства С.Л. Владиславича-Рагузинского. Неоднократно возглавлял торговые караваны в Пекин. В 1739 г. назначен вице-губернатором г. Иркутска.

⁶ Лян или лан — китайская мера веса, равная 37,3 г.; слиток серебра этого веса употреблялся в XIV—XIX вв. в качестве основной денежной единицы.

⁷ Лифаньюань — центральное учреждение правительства Цинского Китая, ведавшее делами «зависимых территорий»: Монголией, Тибетом и Синьцзяном,

а также сношениями с Россией. В дореволюционных источниках и литературе именовалось как Трибунал, Палата, Коллегия внешних сношений или Монгольский приказ.

⁸ Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования. Пекин, 1916. С. 18—19; Софроний [Грибовский]. О начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном греко-российской веры // Н.И. Веселовский. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1. СПб., 1905. С. 13—14, 33.

⁹ Некоторые авторы, ошибочно считают, что русская рота была создана после появления в Пекине албазинских пленников, и на этом основании делают вывод о том, что их было 100 чел. На самом деле она начала формироваться значительно раньше из числа русских перебежчиков и пленных. Подробно об этом и «восьмизнаменных» войсках см.: *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М., 2005; *Мелихов Г.В.* Система военного и гражданского управления восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Вопросы истории и экономики), М., 1969. С. 114—124; *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования: опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского). История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Казань, 1887. Вып. 2. С. 364—365.

¹⁰ *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Хэ Цютао. Шофан бэйчэн (Готовьте боевые колесницы на страну Полуношную). Пекин, 1882. Т. 2. Цзюань. 12. С. 1—1 об.; *Цай Хуншэн*. Элосы гуань цзиши (Записки о Российской [Духовной] Миссии). Пекин, 2006. С. 17.

¹² Об осаде см.: Российско-китайские отношения в XVIII в. (РКО в XVIII в.) Т. 6. С. 232—234. Док. № 94; Примеч. № 1 к док. № 94. С. 586; С. 250—251. Док. № 110.

¹³ Кратная история... С. 65.

¹⁴ *Дай Гуйцзюй*. Указ. соч. С. 38.

¹⁵ Новая история Китая. М., 1972. С. 64.

¹⁶ *Адоратский Н.* Указ соч. Вып. 2. С. 264—269.

¹⁷ *Софроний (Грибовский)*. Указ. соч. С. 59.

¹⁸ РКО в XVIII в. Т. 6. С. 190. Док. № 62.

¹⁹ О подготовке 10-й миссии (1821—1830) см.: Важный документ в истории Российской духовной миссии в Китае (начало XIX в.) // В потоке научного творчества. К 80-летию академика В.С. Мясникова. М., 2011. С. 265—282.

*Галина Ивановна Саркисова,
к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН*

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Аннотация. Статья содержит краткий обзор материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) по истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII в. Эти материалы войдут в 7-й том документальной серии «Русско-китайские отношения в XVIII в.». Они освещают историю подготовки и подписания двух межгосударственных соглашений 1768 и 1792 гг., дополнивших Кяхтинский договор (1728 г.), и историю формирования и отправления в Пекин очередных составов Российской духовной миссии в Китае с отчетами об их пребывании и деятельности в столице Цинской империи.

Ключевые слова: архивные документы, российско-китайские пограничные переговоры, Международный акт о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (1792), Российская духовная миссия в Китае.

Annotation. This paper presents an overview of the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI) on the history of Russian-Chinese relations in the second half of the XVIII century. These materials will be included in the 7th volume of the documentary publication series «Russian-Chinese relations in the XVIII century». They illuminate the history of the preparation and signing of two interstate agreements of 1768 and 1792, which supplemented the Kyakhta treaty of 1728. They also provide insight into the history of creating and

sending to Beijing the Russian Orthodox Mission in China with reports on their presence and activities in the capital of the Qing Empire.

Keywords: archival documents, the Russian-Chinese border talks, International act on the order of Russian-Chinese trade through Kyakhta and border regime (1792), the Russian Orthodox Mission in China.

Архивные источники по истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII в. разнообразны по составу и значимы по своему содержанию. Основной комплекс документов сосредоточен в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в фонде «Сношения России с Китаем» (Ф. 62. Оп. 1, 2, 3).

Главное место в череде событий данного периода занимают две дипломатические миссии в Китай (в 1757 и 1763 гг.), связанные с именами В.Ф. Братищева и И.И. Кропотова. Документы и материалы, отражающие историю этих миссий, опубликованы в 2011 г. в 6-м томе документальной серии «Русско-китайские отношения в XVIII в.»¹.

Продолжением и завершением работы с архивными материалами по истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII в. является подготовка 7-го тома этой серии. Его документы позволяют восстановить дальнейшую событийную канву развития дипломатических и торговых связей России с Китаем. Источники этого времени касаются важных проблем урегулирования спорных вопросов между двумя государствами и освещают историю подготовки и подписания двух межгосударственных соглашений 1768 и 1792 гг., дополнивших Кяхтинский договор (1728 г.).

Дополнительная статья к Кяхтинскому трактату была подписана 18 октября 1768 г., установила режим на русско-китайской границе и подвела итог российско-китайским пограничным переговорам, возглавленным с российской стороны полномочным комиссаром, полковником И.И. Кропотовым. Подготовка и ход переговоров нашли отражение в документах различного характера и объема: от лаконичных указов Коллегии иностранных дел до подробного журнала пребывания на китайской границе полномочного комиссара И.И. Кропотова. Столь же разнообразны и источники по истории подготовки и заключения 8 февраля 1792 г. Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме.

Заметное место в корпусе архивных материалов занимают и документы по формированию и направлению в Пекин очередных составов

Российской духовной миссии в Китае с отчетами об их пребывании и деятельности в столице Цинской империи.

Что же представляют собой источники по каждой из указанных проблем?

Архивные документы свидетельствуют о том, что подготовка к русско-китайским пограничным переговорам в Коллегии иностранных дел началась в 1765 г. К этому времени относятся написанные для И.И. Кропотова наставление² в том, что ему необходимо выполнить во время его пребывания на китайской границе, и предписание³ о том, как добиться наилучших результатов в порученных ему делах. Помимо решения пограничных вопросов, наставление обязывало И.И. Кропотова навести порядок и в приграничной торгово-экономической сфере, поскольку цинские власти требовали уничтожения в районе Кяхты установленных русской стороной для пресечения контрабандной торговли деревянных надолбов⁴ и отмены пошлин, взимавшихся Кяхтинской таможней с русских товаров и повышавших их цену для китайских купцов⁵.

В соответствии с делопроизводством Коллегии иностранных дел на все документы, подготовленные для экспедиции полковника Кропотова, был составлен реестр⁶. Вместо инструкции полковнику был дан императорский указ от 31 января 1767 г.⁷ К нему прилагались карта с отметками о построенных на границе надолбах, формуляр письма, оповещавшего пограничного командира в Урге о прибытии И. Кропотова для переговоров⁸, и «кредитив или полная мочь» о наделении полномочного комиссара Кропотова правом на их ведение⁹. Помимо документов, зафиксированных в реестре, документация экспедиции по мере ее деятельности расширилась за счет деловых бумаг разного характера: проморий, доношений, рапортов, журнала.

Вся история российско-китайских пограничных переговоров получила наиболее полное отражение в «Журнале обретающегося по всевысочайшему Ея императорскаго величества имянному указу на китайской границе полномочным комиссаром полковника Кропотова, что происходило у него по порученной коммисии с китайскими амбанями 1768-го года»¹⁰. Хронологическими рамками журнала являются 9 мая и 22 октября 1768 г.

Дореволюционная историография свидетельствует о том, что длительное время этот ценный исторический источник был недоступен для исследователей. Даже руководитель Московского архива Коллегии иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский с отсутствием в Коллежском архиве журнала И.И. Кропотова связывал невозможность, с его точки зре-

ния, оценки результатов российско-китайских переговоров 1768 г. и подписанной в их результате Дополнительной статьи. Она была названа Н.Н. Бантыш-Каменским «прибавком» «к пограничному генеральному послу графа Владиславича трактату»¹¹. Другой известный исследователь русско-китайских отношений академик В.П. Васильев также утверждал: «Мы не помним, чтобы где-нибудь опубликованы были документы, относящиеся к переговорам Кропотова...»¹²

Введение же в научный оборот в настоящее время выявленного в архиве журнала экспедиции позволило воссоздать историю этих переговоров со всеми подробностями и даже некоторыми характеристиками отдельных участников¹³. Подробно описанные встречи с китайскими представителями передают все сложности переговорного процесса и продуманные действия полномочного комиссара, направленные на реализацию поставленных перед ним в императорском указе задач. В тайно переданной И.И. Кропотову и размещенной в журнале копии доклада китайских участников переговоров (амбаней) своему императору заслуживает внимания их отзыв о русском полномочном комиссаре: «Человек он в словах своих твердой, обращается с нами учтиво и благосклонно, требования наши принимает, но во всем однакож несколько упорен, прислан поверенным от самой государыни, имеет полномочие по всяким делам... На предложении наши нескоро он склонялся»¹⁴. В течение всех переговоров, как видно из журнала, И.И. Кропотову оказывал тайную поддержку один из цинских амбаней тушету-хан¹⁵ Чедендорзий. Через своего дзалан¹⁶ он неоднократно передавал И.И. Кропотову копии с докладов китайских амбаней богдыхану. Об этих фактах свидетельствуют пометки на полях журнала¹⁷. По завершении же переговоров И.И. Кропотова посетил «тушету-ханов дзалан» и сообщил, «что тушету-хан давно желает с комиссаром подружиться». «Дружбы вашей, — писал тушету-хан И.И. Кропотову, — желаю я с перваго времени, как с вами увиделся... Вы, господин комиссар, будучи человек весьма честной, открываете свое ко мне сердце»¹⁸. Полковник И.И. Кропотов, отвечая своему корреспонденту, сетовал на невозможность их дружеского свидания из-за того, что его не пускают болезни, а тушету-хана — политические обстоятельства¹⁹. На заключительном этапе переговоров полномочный комиссар из-за своего нездоровья не мог присутствовать на встречах с китайскими представителями: «Будучи ногами весьма болен, так что не можно на землю ступить...»²⁰, но, несмотря на это, Кропотов просил тушету-хана продолжить начатую дружбу, дальнейшие сведения

о которой, к сожалению, отсутствуют как на страницах журнала, так и в других документах. Помимо этой переписки, в журнал вошли и письма китайских амбаней, написанные Кропотову в ходе переговоров. Подлинники этих писем на маньчжурском языке (17 писем) и их реестр находятся в одном из архивных дел²¹.

Предписанные И.И. Кропотову в наставлении преобразования в экономической сфере нашли отражение в его доношении в Коллегию иностранных дел (27 октября 1768 г.)²². Эти преобразования, представленные и в других архивных источниках, коснулись таких важных вопросов, как устройство пограничной таможни, подготовка к отправлению в Пекин казенного торгового каравана, кадровые назначения.

Среди важных событий конца XVIII в. заметное место занимает заключение Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.). Появлению этого документа предшествовала довольно длительная дипломатическая борьба китайской и российской сторон. Она нашла отражение как в переписке Правительствующего сената с Лифаньюанем²³, так и в переписке иркутских губернаторов с Коллегией иностранных дел и императрицей Екатериной II.

Торговые отношения через Кяхту играли важную роль в торгово-экономических связях России с Китаем в XVIII—XIX вв. и находились в центре внимания русского правительства, которое много усилий направляло на возобновление кяхтинской торговли, в очередной раз приостановленной в 1785 г. китайской стороной из-за разногласий по поводу наказания разбойничавших на территории Цинской империи людей с российской стороны — бурятов во главе с Улалдзаем²⁴. Все действия обеих сторон в направлении урегулирования конфликта нашли последовательное отражение в переписке иркутских губернаторов с ургинскими пограничными амбаниями. Эта переписка свидетельствует о многочисленных сложностях переговорного процесса, завершение которого неоднократно срывалось по разным причинам. Например, император Цяньлун²⁵, не довольный самостоятельным принятием представителями обеих сторон решений на съезде в марте—апреле 1790 г., не признал этих решений, а возглавлявшего переговоры с китайской стороны Сун Юна понизил в звании²⁶. Лишь 12 февраля 1792 г. иркутский генерал-губернатор И.А. Пиль направил в Коллегию иностранных дел рапорт о завершении очередных переговоров и подписании 8 февраля 1792 г. разменных листов, и «через оное кяхтинской торг получил уже со-

вершенное разрешение»²⁷. Подлинные экземпляры разменного цинского листа на маньчжурском и монгольском языках, а также копия разменного листа российской стороны были приложены к рапорту.

В архивных материалах рассматриваемого периода пристального внимания заслуживают документы, относящиеся к истории четырех православных духовных миссий в Пекине: 5-й (1755—1771) под начальством архим. Амвросия (Юматова) (1717—1771), 6-й (1771—1781) — архим. Николая (Цвета) (?—1784), 7-й (1781—1794) — архим. Иоакима (Шишковского) (ок. 1750—1795) и 8-й (1794—1807) — архим. Софрония (Грибовского) (?—1814)²⁸.

Документация о формировании, подготовке и работе миссий очень разнообразна по своему составу. В нее входят указы, доношения, промемории, паспорта, инструкции, доклады, отчеты, журналы.

Первой по времени инструкцией Святейшего Синода «О должности и действе архимандрита в содержании себя и прочих ему подручных и вообще в управлении», состоявшей из 11 пунктов, считается инструкция, данная начальнику 3-й миссии (1736—1741) архим. Иллариону Трусову 31 декабря 1734 г. Она с небольшими поправками неоднократно повторялась до начала XIX в.²⁹ Начальник 7-й миссии Иоаким Шишковский, помимо этой инструкции, получил инструкцию Коллегии иностранных дел, один из пунктов которой требовал: «В бытность вашу в Пекине, когда будут вам представляться способы искусные, без подачи, однако, китайской стороне сумнительства и повода найти в вас надзорщика нарочного их дел, сведать о каких-либо в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах, образующих их мысли, поведение и действия правительства, можете оным содержать тайную записку для представления ее по возвращении вашем в Коллегию иностранных дел, как такой, которая не может быть не любопытна по оскудевающим инако способам иметь некоторые надежные известия о тамошних происхождениих»³⁰. Однако отчеты начальника 7-й миссии по данным вопросам в Коллегию иностранных дел отсутствуют.

Тем не менее нередко члены миссий по своей инициативе записывали собственные наблюдения и по возвращении в Россию передавали эти записки в Коллегию иностранных дел или Синод. За ними просматриваются сложные переплетения судеб наших соотечественников и складываются впечатляющие повествования об их жизни на чужбине. Наиболее полные данные об этом содержит доношение церковника 5-й миссии Стефана Зимина³¹ в Коллегию иностранных дел о жизни и работе в Пе-

кине архим. Амвросия и его духовной свиты³², а также «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год», написанный учениками 6-й духовной миссии в Пекине А. Агафоновым, А. Парышевым и Ф. Бакшеевым³³.

Члены 7-й миссии также накопили ценные сведения об истории Китая, его традициях, отношениях с другими государствами. Впечатления ученика А.Г. Владыкина³⁴ и иером. Алексея³⁵ о пребывании в Пекине уложились в краткие (по 8 стр.), но очень содержательные отчеты³⁶, отразившие насыщенный событиями 14-летний период жизни на чужбине: от картин повседневной жизни Цинской империи, достойных простого любопытства, до событий, имеющих важное значение в истории двух государств: приостановление цинским императором на 7 лет (1785—1792) кяхтинской торговли. Об этом членам миссии «формально известно не было», только по слухам. Но важно то, что православные миссионеры не ощутили никаких осложнений в отношениях между Китаем и Россией. И иером. Алексей, и ученик Антон Владыкин отметили «благорасположение китайского правительства»³⁷ к духовной свите. Оно проявлялось в регулярной выплате жалованья из ханской казны как месячного, так и трехлетнего на платье. Не было у членов миссии ограничений и в передвижении: они могли не только «ходить вокруг всего Пекина», но и ездить на теплые воды за 30 верст от Пекина, а также в г. Тунчжоу (Тунджу), куда приходили суда с товарами³⁸. Не были лишены православные миссионеры и общения с ближайшим окружением, благодаря чему имели представление и о других событиях в жизни Цинской империи.

Таким образом, публикация 7-го тома, завершающего собою документальную серию «Русско-китайские отношения в XVIII в.», позволит исследователям, опираясь на вводимый в научный оборот новый солидный комплекс архивных документов, увереннее ориентироваться в событийной канве взаимоотношений России и Китая как на протяжении всего XVIII в., так и в последующие столетия.

Примечания

¹ Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. 1752-1765. М., 2011. Т. VI.

² АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л. 145—149.

³ Там же. Л. 149 об.-161.

⁴ Надолба (ж.р.) — столбик, тумба, вкопанная стойка.

⁵ Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* К пользе казенного интереса и купечества. (Архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М. 2013. С. 359-380.

⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762-1769. Д. 8. Л. 187—188.

⁷ Там же. Л. 164—186.

⁸ Там же. Л. 193—196.

⁹ Там же. Л. 206—208 об.

¹⁰ Там же. Оп. 62/1. 1768. Д. 2. Л. 1-106.

¹¹ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год, составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792—1803 году. Казань, 1882. С. 324—325. Кроме того, не соответствующим действительному развитию событий является утверждение руководителя архива о направлении И.И. Кропотова в Пекин после завершения переговоров, а также его смерти «на возвратном пути из Пекина». В действительности по завершении переговоров Кропотов вернулся в Кяхту и провел ряд преобразований в экономической сфере.

¹² *Васильев В.П.* Открытие Китая. СПб., 1900. С. 90.

¹³ *Глушкова О.А.* Позиция российского правительства в отношении цинского Китая в 60-х гг. XVIII в. (Переговоры И.И. Кропотова в Кяхте в 1768 г.) // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1984. Ч. 2. С. 188—194. Yanagisawa A. Some remarks on the «Addendum to the treaty of Kiakhta» in 1768 // The Memoirs of the Toyo Bunko. 2005. 63. P. 65—88; *Саркисова Г.И.* Пограничные российско-китайские переговоры 1768 г. (по материалам журнала И.И. Кропотова) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 191—210.

¹⁴ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1768. Д. 2. Л. 90.

¹⁵ Наследственный титул одного из четырех правителей Халхи.

¹⁶ Чжалань и чжангинь (дзалан) (манчж.) — полковник, полковой командир.

¹⁷ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/1. 1768. Д. 2. Л.81, 89, 93 об., 97.

¹⁸ Там же. Л. 95 об.

¹⁹ Там же. Л. 96.

²⁰ Там же. Л. 80.

- ²¹ Там же. Оп. 62/2. 1768. Д. 17. Л. 3-35, 2-2 об.
- ²² Там же. Оп. 62/2. 1762-1769. Д. 8. Л. 281-283.
- ²³ Об этом учреждении см.: *Мясников В.С.* Лифаньюань и развитие отношений империи Цин с Россией в XVII—XVIII вв. // Восток—Запад. Историко-литературный альманах. 2009—2010 // Под ред. ак. В.С. Мясникова. М., 2011. С. 103—111.
- ²⁴ Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Из истории подготовки и заключения. Международного акта о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.). // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией (Москва, 3-4 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 246—256.
- ²⁵ Четвертый император цинской династии Хун Ли (1711—1799). Девиз годов правления Цяньлун (1736—1795).
- ²⁶ О нем см.: *Саркисова Г.И.* Из истории подготовки... С. 255. Примеч. 15.
- ²⁷ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1789. Д. 1. Л. 245.
- ²⁸ Подробнее о миссиях см.: *Бэй-гуань.* Краткая история Российской духовной миссии в Китае. М.; СПб., 2006. С. 43—61.
- ²⁹ Там же. С. 37.
- ³⁰ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1778—1782. Д. 2. Л. 27—31.
- ³¹ Стефан (Степан) Зимин, бывший ученик школы риторики Московской славяно-греко-латинской академии, в 1773 г. с именем Никона пострижен в число братства Троице-Сергиевой лавры. *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования // Православный собеседник. 1887. Август. С. 455.
- ³² Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1766—1769. Д. 16. Л. 136—139 об., 140 об. Об этом подробнее см.: *Саркисова Г.И.* Из истории 5-й духовной миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 17—26.
- ³³ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. 21. Л. 653—688. После возвращения на родину в 1782 г. А. Агафонов, Ф. Бакшеев и А. Парышев были назначены переводчиками Коллегии иностранных дел.
- ³⁴ Владыкин Антон Григорьевич (1757-1812), калмык по национальности, будучи студентом класса философии Троицкой лаврской семинарии, был отправлен в Китай. «Во всю свою в Пекине бытность оказывал к изучению маньчжурского и китайского языков довольно прилежание», в чем и преуспел, получив, по словам иеромонаха Алексея, одобрение ургинских амбаней, а своим «похвальным поведением» заслужил уважение архимандрита Иоакима и всей

духовной свиты. (Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 242 об.) По возвращении в Россию А. Владыкин получил чин коллежского ассессора и должность переводчика в Коллегии иностранных дел. В 1798—1801 гг. преподавал китайский и маньчжурский языки в организованной по его инициативе школе переводчиков при Коллегии иностранных дел, составил ряд словарей и грамматик для изучавших маньчжурский язык. (Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. 5).

³⁵ Иеромонах Алексей (Боголепов) из Андрониева монастыря. Вернувшись в Россию в 1795 г., он стал игуменом Устюжского Николаевского Моденского монастыря. Умер в 1809 г.

³⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1792. Д. 1. Л. 239—246 об.

³⁷ Там же. Л. 243.

³⁸ Там же. Л. 240, 243.

*Максим Петрович Харченко,
к.и.н., Московский государственный университет
путей сообщения*

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ КНР В ООН

Аннотация. Как западные, так и российские эксперты все чаще указывают на эволюционные преобразования, происходящие в китайской дипломатии, когда страна из аутсайдера международных отношений превратилась в одного из ключевых игроков на международной арене. И наиболее наглядно это видно при анализе пути, который прошла китайская дипломатия в ООН: от «стороннего наблюдателя» до полноценного участника ключевых проектов и программ ООН. В отдельных случаях КНР стала настоящим новатором, задающим тон всей мировой дипломатии.

Ключевые слова: ООН, КНР, дипломатия, внешняя политика, Си Цзиньпин, Пан Ги Мун, Лю Цзеи.

Annotation. Both Western and Russian experts more and more often point to the evolutionary changes taking place in China's diplomacy, when the country from an outsider of international relations has become one of the key players in the international arena. And the most striking instance of that is the path, which the Chinese diplomacy at the UN. China has come a long way from the «outside observer» to a full-fledged member of key projects and programs of the UN. In some cases, China has become a real innovator that sets the tone for the world of diplomacy.

Keywords: United Nations, China, diplomacy, foreign policy, Xi Jinping, Ban Ki-moon, Liu Jieyi.

26 июня 2015 г. на торжественной церемонии в честь 70-й годовщины подписания Устава ООН генеральный секретарь Организации Пан Ги Мун отметил: «70-я годовщина создания ООН — это важный переломный момент человечества. При учреждении Организации в ее состав вошла 51 страна. На сегодняшний день в общей сложности 193 страны стали полноправными членами ООН. В 1945 г. на нашей планете проживали 2,3 млрд человек, сегодня численность населения мира 7 млрд человек, и все мы, как огромная семья»¹.

А уже 28 сентября 2015 г. весь мир перед экранами своих телевизоров наблюдал и внимательно слушал каждое слово из докладов лидеров практически всех стран земного шара, которые прибыли в Нью-Йорк для выступления в рамках общих дебатов на юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Однако 2016 г. знаменателен еще одной очень важной и памятной датой для всего китайского народа, которая также связана с ООН. 25 октября 2016 г. исполнилось ровно 45 лет после полноценного возвращения Китая в состав ООН.

Сегодня для нас стало привычным воспринимать сообщения новостных агентств, в которых постоянно рассказывается об успехах КНР практически во всех сферах внутренней и внешней политики. Во время обсуждения сложных международных вопросов и проблем мы привыкли «оборачиваться», чтобы уточнить, а какой взгляд на проблему у китайских властей и какова будет реакция Поднебесной на спорные вопросы? Кого поддержит официальный Пекин в противостоянии России и НАТО? Как поведет себя КНР в решении Сирийского кризиса? Насколько активно будет участвовать в переговорах по спорным территориям в Южно-Китайском море?

Зачастую ответ на эти вопросы можно услышать в выступлениях постоянного представителя КНР при ООН Лю Цзеи, который активно использует трибуну Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, дабы донести официальную точку зрения КНР до всего мира.

Однако подобное положение, когда роль Китая в ООН была столь значимой, существовало не всегда. Эволюционное развитие и повышение роли китайской дипломатии в Организации — это практически прямое отражение возвышения Китая на международной арене. Проанализируем историческую составляющую всех 70 лет присутствия Китая в структуре ООН, чтобы понять, через что прошла китайская дипло-

матия в Организации за это время и как изменялись взгляды КНР на те или иные вопросы.

Китайская Республика вскоре после окончания Второй мировой войны стала одним из государств — учредителей ООН и постоянным членом её Совета Безопасности. Тем не менее гражданская война на долгие годы отбросила Китай от полноценного участия во всех процессах, предусмотренных Организацией.

Провозглашенная в 1949 г. КНР и ее руководство не признавались западными странами и, соответственно, не допускались в «международный клуб держав», где главное слово оставалось за США и их союзниками. Все попытки молодой китайской дипломатии пробиться сквозь завесу «международной политической блокады», организованной странами западного капиталистического блока, оканчивались неудачей.

25 октября 1971 г. на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 76 голосами «за» при 35 «против» и 17 «воздержавшихся» был одобрен проект резолюции № 2758 «О восстановлении законных прав КНР в ООН»², в котором говорилось: Генеральная Ассамблея, «считая, что восстановление законных прав Китайской Народной Республики является необходимым как для соблюдения Устава Организации Объединенных Наций, так и для дела, которому призвана служить Организация, в соответствии с Уставом Постановляет: восстановить Китайскую Народную Республику во всех ее правах и признать представителей ее правительства единственными законными представителями Китая в ООН».

Примечательным фактом является то, что главой китайской делегации в рамках 26-й сессии ГА ООН был Цяо Гуаньхуа, министр иностранных дел КНР, который спустя всего 4 года был смещен со своего поста за тесную связь с известной «бандой четырех». А заместителем главы делегации был Хуан Хуа, ставший первым постоянным представителем КНР при ООН, а после смещения Цяо Гуаньхуа — поставленный на его место своим другом и соратником Дэн Сяопином.

Аналитики задавались вопросом: «Почему резолюция была принята именно сейчас, ведь предложение вносилось в повестку дня каждой сессии ГА ООН начиная с момента образования КНР?»

Вскоре вполне логичное объяснение было найдено. Поворотным моментом в судьбе представительства КНР в ООН можно считать визит в Поднебесную в 1971 г. Генри Киссинджера, который прибыл с секретным визитом для запуска, как бы сказали сегодня, «процесса переза-

грузки» в отношениях между США и КНР. После изменения отношения к КНР и его руководству американское правительство взяло курс на примирение с прежде «заклятым врагом», и это подтолкнуло многие страны, ранее попросту боявшиеся наказания со стороны США, проголосовать за восстановление места КНР в ООН, хотя сами США и голосовали против.

Однако роль, которую сыграло молчаливое согласие США, — это лишь малая часть того грандиозного проекта, который был предпринят для возвращения КНР законного места в ООН. Огромную роль сыграла непримиримая позиция СССР, который от заседания к заседанию требовал вернуть кресло в СБ и ГА ООН истинному представителю Китая. Следует также отметить и настойчивые усилия китайского руководства. Премьер Государственного административного совета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай был автором многочисленных обращений в ООН с требованием к мировым державам считаться с мнением китайского народа, который выбрал для себя коммунистический путь, и предоставить КНР законное место в ООН.

Вместе с тем следует констатировать, что четверть века Китай был оторван от процессов, происходящих внутри ООН. И, вернув свое законное место в Организации, поначалу, казалось, даже не знал, как себя вести в новой политической реалии. В частности, КНР принимала участие лишь в некоторых мероприятиях Организации, а если говорить точнее, то она присоединилась лишь к Генеральной Ассамблее, Совету Безопасности и Специальному комитету по деколонизации, отказавшись от вхождения в Экономический и социальный совет и Совет по опеке, считая их деятельность вмешательством во внутренние дела государства и расценивая их программы как возрождение политики колониализма.

В целом же в 70-е годы XX в. Китай не отличался особой активностью в ООН. Этому способствовала и внутренняя доктрина поведения Китая на международной арене, и явная нехватка опыта у государства, которое привыкло к определенной изоляции в западном мире и не привыкло к «работе в команде». Однако конец 70-х годов, принесший в Поднебесную политику реформ и открытости, стал отправной точкой для нормализации отношений Китая и ООН. Бывший посол Китая во Франции, бывший директор Дипломатического института Китая У Цзянминь, работавший переводчиком в МИД Китая, так высказался об этом периоде: «С тех пор наша внешняя политика четко урегулирована.

До этого наш курс был ориентирован на поддержку существования, а после начала проведения политики реформ и открытости мы начали уделять больше внимания развитию. В этих целях Китаю необходимо было наладить стабильные отношения с другими странами, что делало китайскую дипломатию более открытой»³.

КНР начала активно включаться в работу различных структур ООН, активизировала свое участие в социально-экономическом сотрудничестве в рамках Организации. В результате в период с 1979 по 1983 г. по линии Программы развития ООН и Фонда народонаселения ООН Китай получил помощь в размере 230 млн долл.

Параллельно с шагами по все большему включению в проекты ООН Китай старался сплотить вокруг себя как можно большее число союзников, примеряя на себя роль неформального, но всеми признанного лидера стран третьего мира. В 1974 г. возвращенный в большую политику на должность вице-премьера в правительстве Чжоу Эньлая, Дэн Сяопин прибывает в Нью-Йорк во главе китайской делегации для участия в специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, с трибуны которой он громко заявляет, что КНР неизменно находится в группе стран третьего мира и будет отстаивать их права по всем направлениям.

Наиболее ярко эта позиция воплотилась в фактически непримиримой борьбе Китая при голосовании по кандидатуре Генерального секретаря ООН. Если в 1971 и 1976 гг. Пекин настаивал на избрании в качестве генсека представителя развивающихся стран, но не упорствовал при назначении иных кандидатур, то уже в 1981 г. делегация КНР 16 раз блокировала переизбрание на третий срок Курта Вальдхайма (представителя Австрии), пока, наконец, не добилась снятия его кандидатуры и избрания Переса де Куэльера — представителя Перу как страны третьего мира.

Однако со временем подходы КНР к ООН претерпели значительные изменения. Из страны — «стороннего наблюдателя» Китай перешел в разряд полноценных игроков. Сегодня он участвует в реализации всех наиболее крупных проектов и программ ООН и других крупных международных организаций. Профессор Института международных отношений при Народном университете Фан Чанпин отмечает: «Нарращивая динамику участия в деятельности ООН, Китай стал затрагивать и чувствительные аспекты, например такие направления, как миротворчество, права человека, ядерное разоружение и другие»⁴.

Отдельного внимания заслуживает позиция КНР по участию военнослужащих Поднебесной в различных операциях ООН по «принуждению к миру» и поддержанию стабильного положения в конфликтующих регионах. Вплоть до 1988 г. Китай официально отказывался от любого участия в миротворческих операциях. Но уже в 1989 г. Пекин направил 20 своих наблюдателей в Намибию, в группу ООН по оказанию помощи стране в переходный период⁵. Особо примечательно, что по состоянию на 2015 г. из 5 постоянных членов Совета Безопасности ООН именно Китай занимает 1-е место по численности своего миротворческого контингента. Если говорить точнее, то сегодня более 2000 китайских миротворцев выполняют поставленные задачи по поддержанию мира и порядка в 9 районах земного шара.

Китай в 1950-е годы не был членом ООН, но проблема восстановления его законных прав оказывала влияние на работу Организации. Наиболее яркий пример — это история с голосованием в СБ ООН по резолюции № 82 от 25 июня 1950 г. в связи с началом Корейской войны. Совет Безопасности был созван на экстренное заседание, однако представитель СССР бойкотировал заседание в связи с тем, что Китай представлял посланник гоминьдановского правительства Китайской Республики (Тайвань), а не представитель КНР, как того требовал СССР. СБ не может принять ни одного решения, если против проголосовал, используя право вето, хотя бы один из постоянных его членов. Если постоянный член воздерживается от голосования по вопросу, это не рассматривается как вето. В связи с отсутствием постоянного члена СБ (представителя СССР, который вернулся в СБ 2 августа) его голос не учитывался, а, соответственно, бойкот не был расценен как наложение вето на резолюцию. В результате Совет Безопасности осудил северокорейскую агрессию и дал санкцию на вступление в войну войск ООН.

Согласно сайту ООН по состоянию на 30 июля 2015 г. в ходе открытых заседаний постоянные члены Совета Безопасности использовали право вето 237 раз, чаще всего при рассмотрении положения на Ближнем Востоке и на Юге Африки, 41 раз — чтобы не допустить принятия в ООН новых членов, и примерно столько же — чтобы заблокировать назначение нового генерального секретаря⁶.

Любопытным моментом для анализа политического присутствия Китая в ООН может служить его позиция по вопросу о праве применения вето в Совете Безопасности ООН. Следует отметить, что Китай использовал свое право вето гораздо реже, нежели остальные члены ООН.

Всего СССР и Россия прибегали к вето 105 раз, США — 81, Великобритания — 29, Франция — 16, Китай воспользовался этим правом лишь 11 раз, если не считать 3 раза до 1971 г., когда правом вето воспользовалась Китайская Республика (Тайвань).

Начиная с 1991 г. КНР использовала право вето 8 раз, 7 из них совместно с Россией. Последний такой случай был зафиксирован 22 мая 2014 г. во время обсуждения проекта резолюции № S/2014/348, когда Россия и Китай заблокировали принятие резолюции, предусматривающей передачу рассмотрения ситуации в Сирии в Международный уголовный суд.

Китайское руководство особо подчеркивает, что Поднебесная, обладающая правом вето, подходит к его применению «взвешенно и осмыслительно».

70-я годовщина Организации Объединенных Наций — это поистине историческое событие. Долгий путь, который прошла ООН — это время непрерывной работы, направленной на сохранение и развитие всех народов на планете. За эти 7 десятилетий мир вокруг нас сильно изменился. И ООН все сложнее справляться с новыми вызовами, угрозами, а также приспосабливаться к новым реалиям миропорядка без масштабных структурных изменений в самой Организации.

Первые намеки на необходимость если не реформ, то изменений в работе Организации и адаптации ее к условиям XXI в. прозвучали от китайских руководителей еще в 2005 г., когда тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао, выступая на встрече глав-государств по случаю 60-летия ООН, выдвинул идею совместного строительства гармоничного мира на основе его культурно-цивилизационного многообразия⁷.

Однако прошедшие с момента юбилейной 60-й ассамблеи десять лет еще больше изменили мир. Сегодня вопрос модернизации ООН уже не сводится к необходимости пересмотра работы ее основных институтов и программ, а требует пересмотра самой структуры Организации. И наиболее значимым аспектом, безусловно, выступает проблема реформирования Совета Безопасности ООН. Ведь именно от этого органа, который в отличие от Генеральной Ассамблеи может реально решать сложные вопросы, а также действовать наиболее оперативно, зависит поддержание международного мира и безопасности.

Вместе с тем следует отметить, что и по вопросу реформы СБ ООН нет единого мнения. Периодически раздаются призывы провести «жесткую или кардинальную реформу ООН» и упразднить как мешающее

достижению прогресса и консенсуса право постоянных членов СБ ООН на применение права вето. Быстро развивающиеся экономически, политически и в военной области страны, круг которых все чаще очерчивают «большой двадцаткой» — G20, пытаются доказать, что 5 постоянных членов СБ ООН, внесшие основной вклад в победу над немецким фашизмом и японским милитаризмом и спасшие весь мир, должны перестать навязывать свою волю другим 190 государствам планеты.

С другой стороны, отдельные государства, которые принято называть «большой четверкой» — G4 (Бразилия, Индия, Германия и Япония), стремятся всеми силами провести так называемую мягкую реформу ООН и самим пробиться в состав постоянных членов СБ ООН. На данный момент именно этот сценарий «мягкой реформы» можно считать наиболее вероятным. В прессе периодически всплывает информация, что представители G4 периодически проводят обсуждение вопроса о расширении СБ ООН со странами Африканского союза, ЛАГ, Карибского бассейна и Центральной Азии с целью собрать необходимые 130 голосов (т. е. 2/3 от числа государств-членов) ГА ООН для утверждения резолюции.

В своей статье «Роль Китая в ООН» китайский политолог и обозреватель Лу Си отмечает: «...китайская сторона занимает по этому вопросу (вопрос о реформе СБ ООН. — М.Х.) неизменную и четкую позицию. По мнению китайской стороны, исходной точкой и приоритетом в этом процессе должны быть повышение представительности и право голоса развивающихся стран, особенно стран Африки. Вместе с тем необходимо предоставить странам, особенно средним и малым, которые составляют большинство государств и членов Организации, шансы на присоединение к СБ ООН и на участие в принятии важных решений»⁸.

Назревшая необходимость всесторонних реформ в ООН уже практически ни у кого не вызывает споров. И во время своего выступления с трибуны Генеральной Ассамблеи в 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин говорил о назревших переменах. Лидер Китая, обратившись к сидящим в зале делегатам и высоким гостям, отметил необходимость создания новой модели международных отношений. По его мнению, базу для этой модели должно составить взаимовыгодное сотрудничество: «Мы должны создать глобальное партнерство на международном и региональном уровне, принять новый подход к межгосударственным отношениям, характеризующийся диалогом, а не конфронтацией, продвигаю-

щий партнерство, а не союзничество», — сказал Си Цзиньпин⁹. В этих словах председателя КНР кроме призыва к реформе ООН довольно четко прослеживается непоколебимая позиция Китая по поводу невозможности создания различного рода военно-политических и военно-экономических союзов на идеологической основе для «холодной войны» версии 2.0, на этот раз между Китаем и США.

В своем обращении Си Цзиньпин призвал все страны забыть о политических и идеологических разногласиях и спорах и сплотиться ради достижения общей цели. Как отметил председатель КНР, многие цели ООН, такие как мир, равенство, справедливость, демократия и свобода, еще не достигнуты. А воплощение этих целей в реальность, с точки зрения китайского лидера, должно стать главной задачей всех стран земного шара в 21-м столетии: «Мы должны подтвердить нашу приверженность целям и принципам Устава ООН, установить новый тип международных отношений, основа которых — взаимовыгодная коммуникация, и создать “сообщество с единой судьбой” для всего человечества».

Для создания новой модели международных отношений председатель КНР предложил проект «дорожной карты» из 5 пунктов:

1) международное сообщество должно установить партнерство, основанное на равенстве, начать взаимные консультации и проявлять взаимопонимание;

2) менталитет холодной войны крайне опасен, поэтому необходимо создать равноправную и справедливую систему безопасности, в которой участвуют все страны;

3) необходим открытый, инновационный и инклюзивный взгляд на развитие, при котором выигрывают все;

4) крайне важно расширять международные обмены для продвижения гармонии, инклюзивности и уважения к различиям;

5) приложить все усилия к созданию экосистемы, которая превыше всего ставит природу и «зеленое» развитие и требует от международного сообщества работать сообща на пути к глобальной экоцивилизации.

Свою теоретическую базу и предложенную программу модернизации не только ООН, но и всей структуры международных отношений председатель КНР подкрепил практическими действиями. В частности, Си Цзиньпин объявил о том, что Китай и ООН создадут «Фонд по поддержке мира и содействию целям развития». Председатель КНР отметил: «Я рад воспользоваться этой возможностью, чтобы объявить о решении Китая создать китайско-ООНовский фонд поддержания мира

и развития с объемом средств в 1 млрд долл. на 10 лет»¹⁰. Кроме того, китайский лидер заявил о выделении 100 млн долл. Африканскому союзу для незамедлительного реагирования на кризисы¹¹.

Таким образом, мы приходим к выводу, что за те 45 лет, которые прошли после полноценного возвращения Китая в ООН, Поднебесная проделала огромный путь от «стороннего наблюдателя» до полноценного участника её ключевых проектов и программ. В отдельных случаях КНР стала настоящим новатором, задающим тон всей мировой дипломатии и реализуемой политики Организации. Сегодня выступления китайских лидеров в ООН вызывают не меньший, а порой и больший интерес, нежели аналогичные выступления американских и европейских коллег.

Сегодня Китай успешно участвует в реализации многих сложных программ, как-то: миротворческие проекты, помощь развивающимся странам и т. д. Поднебесная продвинулась далеко вперед по пути экономического, политического и дипломатического развития, фактически став новым мировым центром силы. Тем не менее в выступлениях китайских руководителей постоянно звучат призывы к полноценному, честному и взаимовыгодному гармоничному сотрудничеству между развитыми и развивающимися странами, за баланс интересов больших и малых государств, за общее благосостояние и развитие.

Примечания

¹ Remarks at Ceremony Commemorating the 70th Anniversary of the Adoption of the Charter of the United Nations. Secretary-General Ban Ki-moon, San Francisco (USA), 26 June 2015. URL: http://www.un.org/apps/news/infocus/sgspeeches/statments_full.asp?statID=2665#.VqSDFPmLTtR

² *Рясов И.А.* Политика Китая в ООН. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitaya-v-oon>

³ *Лу Си.* Роль Китая в ООН // Китай. 2015. № 10 (120). С. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Использование права вето в Совбезе ООН. URL: <http://tass.ru/info/2154263> (дата обращения: 01.02.2016).

⁷ Волохова А. Изменения во внешнеполитических концепциях КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 3. С. 74—82.

⁸ Лу Си. Указ. соч. С. 23.

⁹ Председатель КНР предложил новую модель международных отношений. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2015-09/29/c_134671129.htm (дата обращения: 20.01.2016).

¹⁰ Ермолова Н. Справедливость выше интересов // Российская газета. 25.10.2015.

¹¹ Дыхание Китая. 2015. Октябрь. № 6. С. 6.

*Вячеслав Иванович Балакин,
к.ю.н., в.н.с. ИДВ РАН*

ВЛИЯНИЕ ЯПОНИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ ТАЙВАНЬСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. Колониальное господство Японии на Тайване всегда опиралось на сформированный в правящих элитах тайваньского общества местный национализм. Произошел последовательный переход от слабого китаецентричного самосознания к устойчивому тайванецентричному национальному развитию. Первые технократы на Тайване естественным образом стали убежденными сторонниками локального экономического национализма, устойчивой политической стабильности и строгого консервативного мышления. Для пришедшего на остров Гоминьдана проблема тайваньского национализма оказалась исключительно сложной. Диалектика противоречия состояла и до сих пор состоит в том, что тайваньский локальный национализм абсолютно не совпадает с гоминьдановской концепцией национализма, имеющей в своей основе общекитайские корни идей Сунь Ятсена, не отягощенные 50-летней историей японского колониального владычества.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, Япония, колониализм, национализм.

Annotation. Japanese colonial domination had always relied on the Taiwanese ruling elites' local nationalism. A successive transition from the weak Chinese oriented identity towards a stable Taiwan centered national development took place in Taiwan. First Taiwanese technocrats naturally had become convinced supporters of local economic national-

ism, steadfast political stability and strong conservative thinking. For the KMT which came to the island the problem of Taiwanese nationalism turned to be extremely complicated. Dialectics of contradiction has consisted and still consists of the fact that Taiwanese local nationalism absolutely does not coincide with the KMT concept of nationalism based on the Chinese roots of Dr. Sun Yatsen's ideas and not burdened with 50 years of the history of Japanese colonial domination.

Keywords: Taiwan, China, Japan, colonialism, nationalism.

Проблема тайваньского национализма имеет не только теоретическое, но и прикладное, политическое значение. Колониальное господство Японии на Тайване не в последнюю очередь опиралось на формирование в правящих слоях тайваньского общества местного национализма, который должен был учитывать особое самосознание тайваньцев, отличное от ощущений китайцев, проживавших на материке. В силу того что Тайвань никогда полностью не контролировался китайскими властями, у большей части населения острова отсутствовала идентификация себя с огромным китайским миром. Надо отдать должное японской колониальной администрации, которая с самого начала оккупационного периода сделала ставку на сохранение системы образования, фактически доставшейся Тайваню еще со времен династии Мин. Этим преследовалась цель не сделать из тайваньцев японцев, а, наоборот, внести в широкие народные массы идею национальной исключительности Тайваня, способную органично развиваться только под протекторатом мощной Японской империи¹.

Произошел последовательный переход от слабого китаецентричного самосознания к устойчивому тайванецентричному национальному развитию. Для стимулирования названного процесса нужен был исторический миф, и в случае с Тайванем он быстро нашелся при активной японской помощи². Усилия японской колониальной администрации прежде всего направлялись на поддержку тайваньской квазигосударственности, якобы являющейся прямой наследницей последней ханьской династии Мин.

Весьма примечательно, что образовательные программы японской колониальной администрации были обязательны не только для местных этнических тайваньцев, но и для многочисленных японских переселенцев, постоянно прибывавших на остров. Целенаправленно формировалось двуязычие, что позволяло любому желающему получать образова-

ние как на китайском языке, так и на государственном японском языке как на Тайване, так и в японской метрополии³. Сдвиг в образовании с китаеццентричной парадигмы на тайванеццентричную позволил японской администрации последовательно формировать на Тайване единую политическую нацию, руководствующуюся идеологией интегрированной составной части Великой Японской империи.

Именно на этой основе в Японской империи была разработана стратегия тотальной войны для создания «великой восточноазиатской сферы совместного процветания народов желтой расы». Значительный вклад в развитие тогдашней японской региональной интеграционной стратегии внес глава колониальной администрации Тайваня Симпэй Гото (1898—1906 гг.), который утверждал, что управляемые Японией народы Восточной Азии совершенно не поддаются ассимиляции с точки зрения биологии, а потому правительство Японии должно разработать для них абсолютно новый свод законов с учетом особенностей этнического происхождения⁴. В связи с этим можно говорить о некоей уникальности японского опыта колониального господства, связанной прежде всего с тем, что метрополия и контролируемые территории находились географически близко, а народы, населявшие их, в социально-культурном отношении имели много общего. Во многом это сгладило процесс массового переселения из Японии на оккупированные территории и стимулировало поощренные японскими колониальными властями смешанные браки между пришельцами и местными ханьцами. Оба этих фактора способствовали ускоренной экономической интеграции, опиравшейся на близость промышленных предприятий к источникам сырья, дешевую рабочую силу и широкую востребованность в инфраструктурных проектах.

Таким образом, на протяжении полувека господства на Тайване Японская империя последовательно создавала в Восточной Азии «сферу процветания», предусматривавшую глубокую интеграцию захваченных территорий в целостную систему региональных экономических связей⁵. Японское правительство начала XX в. при формировании экономического курса страны сделало основную ставку на технократов из числа как прибывших японцев, так и местных ханьцев, в результате чего Тайвань стал для Японии своеобразным полигоном для реализации многих привлекательных идей того времени. Как весьма примечательный факт можно констатировать насыщение тайваньской колониальной администрации высокопрофессиональными специалистами неза-

висимо от их этнического происхождения. Объективно они работали, как бы сегодня сказали, единой командой, добиваясь практических результатов в развитии острова. Отсюда можно сделать вывод, что первые технократы на Тайване естественным образом стали убежденными сторонниками локального экономического национализма, устойчивой политической стабильности и строгого консервативного мышления.

В связи с этим у любого исследователя возникает принципиальный вопрос относительно политической сути достигнутого компромисса между великодержавной японской идеей и попыткой обосновать будущую местную государственность. Для Японской империи с ее мессианской идеологией «божественного провидения» в лице императора Тайвань представлялся не более чем плацдармом, на котором можно было отрабатывать модель фрагментации материкового Китая. Происходили целенаправленные подготовка и воспитание будущих лояльных управленческих кадров для вновь завоеванных территорий. В Токио прекрасно понимали необходимость убедить готовящиеся кадры в их естественном превосходстве над покоренными Японией народами и зародить надежду на будущий равный японцам статус в управлении интегрированными территориями. Иными словами, тайваньцам подкинули местный национализм как своеобразную игру в некую перспективную государственность, которой на самом деле никогда не предстояло сбыться⁶.

Японским властям не было никакой необходимости в действительности разрабатывать модели государственности для своих колониальных владений. Пример Тайваня подтвердил высокую эффективность отработанной японскими властями формулы достижения тотального управления любой приобретенной территорией за счет устрашающего уничтожения несогласных и формирования лояльной местной компрадорской элиты. Японская колониальная администрация, создавая тайваньскую экономику, сделала акцент на развитие промышленного и аграрного секторов, иногда даже на основе более либеральных подходов, чем в самой метрополии. Именно тогда был создан фундамент будущей хозяйственной системы Тайваня, включавшей местную систему высшего образования, для чего были учреждены исследовательские центры, научные лаборатории, крупные производственные корпорации, превратившиеся затем в реальных лидеров экономики Восточно-азиатского региона⁷. Постепенно сформировавшаяся тайваньская хозяйственная система и составляющие ее элементы стали проявлять растущую самостоятельность и тяготиться опекой японской колониальной администрации, ко-

торая всегда держала под неусыпным контролем зарождение тайваньского политического самосознания, но, как говорится, не уследила.

Названное самосознание зародилось в рамках парадоксального диалектического развития японской экономической интеграции острова и приглушенного политического конфликта между всесильной метрополией в лице Японской империи и сформировавшимся новым тайваньским националистически ориентированным правящим классом, включавшим в себя в том числе и местных японцев. Как всегда это бывает, внешне перспективная идея начала перерождаться в свою противоположность, а именно: «хвост стал пытаться крутить головой», или, иными словами, допущенные к управлению тайваньские технократы начали последовательно укреплять свои политические позиции, на словах выступая за сильный Тайвань как неотъемлемую часть японского государства, а на практике — формируя квазинезависимые управленческие институты. Эти институты активно подпитывались за счет поступлений из других восточноазиатских стран и территорий, где японские императорская армия и флот вели боевые действия. Исключительно выигрышное географическое положение Тайваня объективно убеждало японское правительство в необходимости фактического создания здесь дубликата самой Японии, и тайваньские националистические элиты полностью включились в этот процесс, на самом же деле имея в виду при любой подходящей возможности незамедлительно превратить «маленькую Японию» в суверенное тайваньское государство⁸. Несмотря на то что правительство Японии пыталось реализовывать типично колониальную политику под лозунгом «промышленность для Японии, сельское хозяйство для Тайваня», японцам все равно пришлось претворять на острове в жизнь инфраструктурные проекты, что привело к ускоренной индустриализации.

В этом смысле тайваньский национализм проявил чудеса политической гибкости, став на продолжительную перспективу весьма востребованным даже у японской колониальной администрации и одновременно заложив основы для возможного будущего вызревания независимого государства на Тайване. Здесь также нужно отдать должное и политическим стратегам Японской империи, которые своевременно почувствовали стремление местного тайваньского истеблишмента навсегда дистанцироваться от материкового Китая, используя для наращивания собственного потенциала японскую государственную мощь. Японцы глубоко проникли в сущность специфического тайваньского самосозна-

ния и вовремя смогли избежать ошибок, которые на протяжении веков совершали власти цинского Китая⁹. Одной из принципиальнейших ошибок оказалось стремление маньчжурской династии ликвидировать на Тайване духовное влияние последней ханьской династии Мин. В данном контексте японцы проявили себя значительно мудрее и сразу после оккупации острова стали реализовывать концепцию «японо-ханьской гармонии», которая реально существовала в период династии Тан в Китае и эпоху Хэйан в Японии.

Вряд ли следует все сводить к прозорливости японских властей и полной лояльности тайваньской элиты в отношении оккупационной администрации, однако в реальности японо-тайваньский политический компромисс дал Тайваню шанс ускоренного экономического развития. Особенно плодотворным был период так называемой интеграции (1919—1937 гг.). Начало этого периода практически всеми историками отмечается как «рассвет» демократизации в жизни Японии, что впервые привело к назначению генерал-губернатором Тайваня гражданского человека — Кэндзио Дэна, получившего высочайшее повеление императора превратить Тайвань в естественное продолжение японской территории, а его население привести к полному осознанию себя подданными Японской империи¹⁰. В результате проведения политики «интеграции» японская администрация учредила местные властные структуры, в которые была рекрутирована практически вся тайваньская властная элита того времени. Трудно не согласиться с точкой зрения ряда японских исследователей, которые аргументированно доказывают, что в период «интеграции» началась реализация крупнейших инфраструктурных проектов, результаты которых и сегодня можно увидеть на Тайване.

Серьезные негативные перемены начались в так называемый период встраивания Тайваня в Японскую империю (1937—1945). В июле 1937 г. в результате спровоцированного инцидента у моста Лугоцяо (Марко Поло) японские войска приступили к продвижению в глубь Китая на севере, а в Токио стали готовить операцию по высадке на китайскую территорию с юго-восточного направления, т. е. с территории Тайваня¹¹. В условиях военных действий тайваньскую администрацию вновь возглавили военные, которые прежде всего ориентировались на удовлетворение нужд воюющей японской армии. Возник вопрос о лояльности тайваньского населения, который японские власти, как ни странно, опять решили достаточно разумно, без применения излишних мер принуждения. Колониальная администрация бросила все силы на привлечение к со-

трудничеству широких тайваньских масс, проводя политический курс под названием «*коминка ундо*» («движение интеграции в империю»), нацеленный на формирование единой японо-тайваньской общности.

Названные усилия не пропали даром: с 1942 г. после начала боевых действий на Тихом океане тайваньцы стали вступать в японскую императорскую армию и японский императорский флот, а с 1945 г. был узаконен полноценный призыв в японские вооруженные силы, что было без энтузиазма, но и без резкого протеста встречено тайваньской элитой¹². Правая идеология «реформаторского национализма», внедрявшаяся японским правительством на Тайване, подразумевала формулу — «одно государство, одна нация, один язык», но это была официальная идеология, имевшая мощное сакральное ядро, связанное с комплексом представлений о божественном происхождении и уникальности японского народа. Однако с учетом того, что администрация на Тайване в реальности получилась «смешанной», или, иными словами, состоящей из местных технократов (как ханьцев, так и японцев), «чистота» японского официального национализма претерпела в конкретных тайваньских условиях существенные изменения. Можно констатировать, что «эффективность» влияния японского официального национализма на тайваньцев оказалась весьма ограниченной в силу различных причин, и прежде всего из-за непосредственного, личного опыта большинства тайваньцев, приобретенного в повседневной жизни. Ханьцы на Тайване оказались более дальновидными, чем японские ассимиляторы из Токио, поскольку они весьма искусно, а главное, весьма прагматично использовали колониальную администрацию в интересах целенаправленного формирования основ своей будущей национальной государственности.

После разгромного поражения Японской империи во Второй мировой войне тайваньская национальная элита не смогла сразу найти свое место в геополитических процессах изменившегося мира. Первым на повестку дня в политических реалиях тогдашнего Тайваня встал вопрос о том, что считать тайваньской нацией: представляет ли она собой единство ханьцев и ранее иммигрировавших японцев или «чистота» ханьского этноса имеет определяющее значение. Этническая проблема проявила себя достаточно непредсказуемо в силу широко распространенных в ханьских народных массах на Тайване убеждения о предательстве цинского Китая и фактической сдаче острова под японское управление. В широких слоях тайваньцев приход на остров гоминьдановского правительства в 1945 г. воспринимался не как освобождение, а как очеред-

ная оккупация. Жесткие фильтрационные процедуры гоминьдановских властей по выявлению коллаборационистов вместо взаимного отчуждения, наоборот, сплотили местных ханьцев и японцев, ибо гоминьдановские власти не отдавали никому предпочтения, исходя из этнической принадлежности¹³.

Властям с материка достаточно продолжительное время пришлось искать политический компромисс с местными тайваньскими элитами, которые не собирались отказываться от «японского наследия» как в экономическом, так и в политическом плане. Очень остро встал вопрос о собственности на недвижимое имущество, которое пришельцы с материка поначалу стремились заполучить путем применения грубой экспроприации. Однако постепенно гоминьдановское правительство ясно осознало бесперспективность применения грубой силы и пошло на сотрудничество с местными элитами, позволяя им сохранять стиль жизни, существовавший во время японского правления. Наибольшую тревогу у гоминьдановских властей вызывали идеи реализации в той или иной форме местной тайваньской государственности, которые продолжали сохраняться в местных политических кругах. Еще одним фактором, подпитывавшим мечты о суверенитете Тайваня, была очевидная поддержка со стороны США и Японии. Гоминьдановскому правительству приходилось постоянно идти на уступки американским спонсорам, а впоследствии даже приглушить свое неприятие вмешательства во внутренние дела Тайваня со стороны Японии¹⁴.

Сближение тайваньских национальных элит с Японией было заметно подкреплено в 1972 г., когда японская дипломатия смогла не только сохранить, но и укрепить свое влияние на националистически настроенные силы на Тайване. Тогдашнее японское правительство установило дипломатические отношения с КНР, но не признало ее претензии на Тайвань, реализовав формулу квазинезависимости острова, а именно: были учреждены правительственные организации для поддержания межгосударственных связей между Японией и Тайванем на неофициальном уровне. Однако названные связи не были такими уж успешными по одной субъективной причине — крайне негативного отношения ко всему японскому со стороны лидера Гоминьдана, президента Тайваня Чан Кайши. Только после смерти генералиссимуса в 1988 г. новый тайваньский президент Ли Дэнхуэй резко улучшил тайваньско-японские отношения, фактически взяв за основу японскую матрицу экономического развития острова в колониальный период. Именно тогда тайвань-

ская администрация приступила к негласному претворению в жизнь идеи национальной государственности, которая имела свои истоки с самого начала японского колониального господства.

Ли Дэнхуэй в силу своей принадлежности к тайваньскому националистическому движению за государственный суверенитет острова действительно показал себя исключительно неудобным партнером для КНР. Более того, руководимое Ли Дэнхуэем гоминьдановское правительство рассматривало континентальный Китай как крайне бюрократизированное и малоэффективное государство цинского толка, не способное продемонстрировать убедительный пример национальной модернизации. Тайвань в полной мере испытал на себе опыт традиционного китайского управления при генералиссимусе Чан Кайши, когда по сути осуществлялось авторитарное президентское руководство на основе Декрета о чрезвычайном положении (действовал с 1950 по 1986 г.), в силу чего под запретом оказалась деятельность всех политических партий, кроме Гоминьдана, когда пресекалась организация митингов, собраний, забастовок, в также был установлен тотальный контроль над средствами массовой информации¹⁵. Идеология Гоминьдана опиралась на идеи Сунь Ятсена и традиционные ценности периода цинской империи, но в кругах местной ханьско-японской элиты это мировосприятие не находило достаточного отклика. Во многом такая ситуация была связана с глубоко укоренившейся в сознании местных тайваньцев образовательной политикой японского периода, когда упор делался на японизацию местного населения, а по факту — на его тайванизацию.

Японское влияние на осознанное формирование тайваньского национализма во многом было порождено таким явлением, как «раздвоение самоидентификации» тайваньцев. Это произошло и развилось в результате целенаправленного внедрения в сознание местного населения тайваньской исключительности и полного отсутствия духовной связи с континентальным Китаем. Важнейшим элементом подобной пропаганды со стороны японских властей было то, что она осуществлялась в рамках двуязычия: на китайском и японском языках, последним к 1945 г. уже владело около 80 % местного населения¹⁶. Для пришедшего на остров Гоминьдана проблема тайваньского национализма, сформированного японской колониальной администрацией, оказалась исключительно сложной, поскольку в принципе не имела простого решения. Диалектика противоречия состояла и до сих пор состоит в том, что тайваньский локальный национализм абсолютно не совпадает с го-

миньдановской концепцией национального государства, которая имеет в своей основе идеи Сунь Ятсена и не отягощена 50-летней историей японского колониального владычества на острове.

Примечания

¹ *Ann, Heylen.* Japanese Colonial Education in Taiwan. *Taiwan Journal of East Asian Studies*, 2004. Vol. 1. No. 2. Taipei. P. 8.

² *Чжан Янь-сянь.* Тайвань ши яньцзю дэ синь цзиншэнь (Новое в изучении истории Тайваня) // Тайвань шиляо яньцзю. 1993. № 1. С. 79.

³ *Gates, Hill.* The Anthropology of Taiwanese Society. SMC Publishing. 1997. P. 8.

⁴ *Ши Чжэн-фэн.* Миньцзу чжихуэй хэ чжэнчжи шицзянь (Этническое управление и политика). Тайбэй, 1994. С. 32.

⁵ *Yamakawa, Hitoshi.* Shokumin seisakuka no Taiwan (Тайвань под колониальным управлением). Tokyo, 1966. P. 91.

⁶ *Wong, Timothy Ka-ying.* The Formation and Changing Nature of Taiwanese Identity. *Asian Perspective*, 2001. Vol. 25. No. 3. P. 18.

⁷ *Wu Yu-Shan.* Economic Transformation of Taiwan. Stanford University Press. 1994. P. 304.

⁸ *Calvet, Jacques.* Le Role de Taiwan dans l'integration economique de l'Asie-Pacifique. Grenoble, 2008. P. 13—22.

⁹ *Wang I-Shou.* Cultural Contact and the Migration Process to Taiwan. *China's Island Studies in the Historical Geography of Taiwan.* Hawaii, 2008. P. 9—10.

¹⁰ *Yanaibara, Tadao.* Taiwan no Nippon shihai (Тайвань под властью Японии). Tokyo, 1934. P. 14.

¹¹ *Ko, Yu-Fen.* National History of Taiwan. University Wisconsin-Madison, 1999. P. 47—48.

¹² *Shirai, Asakichi.* Kominka undo (Движение интеграции в империю). Taipei, 1939. P. 167.

¹³ *Friedman, Edward.* China's Rise, Taiwan's Dilemmas. London, 2006. P. 89—94.

¹⁴ *Jacobs, Bruce.* Whither Taiwanization ? *Japanese Journal of Political Science*, Tokyo, 2013. Vol. 14. Issue 4. P. 537—575.

¹⁵ *Kirby, William C.* Planning postwar Taiwan. Harvard University Press. 1994. P. 17—19.

¹⁶ *Fong Shioh-Chian.* Taiwanese Cultural Experience under Japanese Rule, 1895—1945. Department of Sociology, the University of Chicago, 1993. P. 32.

*Елена Васильевна Карпенко,
аспирант ГОУ ВПО
«Сибирский федеральный университет»*

ПОРТРЕТЫ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ: «СОВЕТНИК ТОРГОВЫХ КРУГОВ» ЧЭН ХУАПЭН

Аннотация. Статья посвящена анализу роли китайского купца из пров. Шаньси Чэн Хуапэна в процессе продвижения китайских торговцев на российский рынок. Рассматривается сторона его деятельности, повлиявшая на некоторые механизмы русско-китайской торговли во второй половине XX в. На основе анализа прошений Чэн Хуапэна выделяются основные проблемы китайского купечества в торговле с Россией. Особое внимание обращается на позицию китайского правительства по отношению к проблемам русско-китайской торговли. В работе широко используются материалы исторической литературы на китайском языке.

Ключевые слова: Чэн Хуапэн, русско-китайская торговля, Кяхта, Халха, купечество Шаньси, цинское правительство, чайная торговля.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the Chinese merchant Cheng Huapeng's role from the Province of Shanxi in the course of advance of the Chinese merchants on the Russian market. The author opens the main content of the merchant's activity which affected some mechanisms of the Russian-Chinese trade in the second half of the XX century. On the analysis of applications Cheng Huapeng the main problems of the Chinese merchants in Russian trade are allocated. Special attention is paid on a position of the Chinese government to prob-

lems of the Russian–Chinese trade. The author of article widely uses historical materials in Chinese.

Keywords: Cheng Huapeng, the Russian–Chinese trade, Kyakhta, the merchants of Shanxi, the Qing government, the tea trade.

Русско-китайская торговля в Кяхте, а позже — на приграничных территориях и в Сибири была представлена с китайской стороны рядом крупных известных фирм, развернувших свою деятельность через приказчиков. В историю русско-китайской торговли в Сибири вошли известные в Цинской империи купеческие организации пров. Шаньси: Дашэнкуй, Тяньхэсин, Дашэньюй, Фуюаньдэ¹ и др. Однако в отечественной историографии отсутствуют исследования, посвященные развитию этих организаций в России. Исследователи проблем русско-китайской торговли чаще касаются вопросов восприятия российскими современниками китайских торговцев через воспоминания, дневники и мемуары. Зачастую пишут о китайских торговцах на Дальнем Востоке (Е.В. Дятлова, В.И. Дятлов, А.И. Петров, В.Л. Ларин и др.). Вопросы деятельности китайских торговцев в Сибири рассматривал в своих работах В.Г. Дацышен.

Личности в истории русско-китайской торговли с китайской стороны — большая редкость. Замкнутый образ жизни китайских торговцев в Российской империи не оставил возможности отразить в российских источниках биографии знаменитых купцов, приказчиков крупных фирм и др. Большинство исследователей опираются на русскоязычную источниковую базу, недостаточно широко используют китайские источники и китайскую историческую литературу. Единственная яркая личность в истории русско-китайской торговли, представленная в российской историографии, — купец Цзи Фэнтай². Данная статья посвящена китайскому торговцу Чэн Хуапэну (程化鹏), оказавшему немалое влияние, по мнению китайских историков и современников, на развитие русско-китайской торговли в Сибири.

Вопрос о роли личности Чэн Хуапэна в истории русско-китайской торговли был поднят китайскими историками в 80-е годы минувшего века. В 1982 г. в Вестнике Финансово-экономического университета Шаньси была опубликована статья Кун Сяньи «Краткая биография знаменитого торговца провинции Шаньси Чэн Хуапэна»³. Эта статья — первая работа в китайской историографии, заявившая о вкладе шаньсийского купца в развитие русско-китайской торговли. Годом позже в

журнале «Цзиньян сюэкан» была опубликована статья, которая содержала ссылку на источник, в дальнейшем цитирующийся практически во всех работах о Чэн Хуапэне и являющийся в настоящее время чуть ли не единственным упоминанием о нем⁴. Это упоминание содержалось в 8-м томе «Шаньси сяньчжэн», автором которого являлся потомок известной купеческой династии Чан — Чан Цзаньчунь⁵. Более поздние работы не открывают ничего нового из биографии знаменитого купца, дублируя более ранние работы Кун Сянъи, Гэ Сянхуэй.

Чэн Хуапэн — уроженец уезда Синь пров. Шаньси. В детские годы был отправлен в Гуйхуачэн⁶ обучаться торговому делу. В первой половине XIX в. это был крупнейший торговый центр китайской торговли в Монголии, собирательно-распределительный центр на северных территориях (здесь вели торговлю мехами, скотом, маральими рогами, кирпичным чаем, фарфором и деревянными изделиями, посудой, тканями). Во время обучения торговому делу у Чэн Хуапэна была прекрасная возможность детально изучить структуру торговли Внешнего Китая: через Гуйхуачэн товары распределялись по Халхе и Синьцзяну, а продукция Внешней Монголии и Синьцзяна, в свою очередь, стекалась и скапливалась в Гуйхуачэне, затем оттуда распространялась по обширным Центральным районам. Вплоть до середины XIX в. Гуйхуачэн играл важнейшую роль в системе китайско-монгольской торговли. Здесь находились центральные конторы монополистов монгольской и кяхтинской торговли — купеческих организаций Шаньси. Учеников в шаньсийских конторах воспитывали строго на принципах землячества, концепции почетности торгового дела, стремлении к постоянному самосовершенствованию и самообразованию.

В возрасте 27 лет в 1851 г. Чэн Хуапэн отправился через Монголию в Сибирь с целью ознакомиться с перспективным рынком: чай становился основным продуктом обмена на русско-китайском рынке. Знакомство с местной торговлей не только продемонстрировало будущие выгоды открытия собственного дела в Кяхте, но и выявило некоторые затруднения для китайского торговца.

Для участия в русско-китайском торге необходимо было доставить товар в пограничный Маймайчэн⁷. Везли товар верблюжьими караванами через монгольские степи. Халха — закрытый регион Цинской империи. Согласно установлениям Лифаньюаня⁸, для въезда в Халху с целью ведения торговли требовалось получить специальное разрешение (*буляо*)⁹. Для участия в кяхтинском торге необходимо было дополнительно

приобрести торговое свидетельство (*синьпяо*)¹⁰, которое получали в приказе Калгана. Использовалось оно один раз, затем обменивалось на новое. Предъявляли синьпяо дзаргучею¹¹ Маймайчэна, данное разрешение выдавалось на 10 человек с грузом в 20 телег. Количество торговых свидетельств на год было строго ограничено. Таким образом, участники кяхтинского торгового обмена обязаны были сначала приобрести бупяо от Лифаньюаня, затем в Калгане — синьпяо, в Урге нужно было зарезервировать товар на складах, оплатить все пошлины, в Маймайчэне отчитаться обо всех в срок уплаченных пошлинах и получить право на торговлю. В связи с такими трудностями вплоть до начала правления императора Сяньфэна¹² в Кяхте торговало всего 50—60 лавок¹³ (мелкие торговцы предпочитали входить в соглашение с крупными фирмами и действовать от их имени).

Во время деловой поездки в Маймайчэн Чэн Хуапэн воочию столкнулся с перечисленными затруднениями. Кроме того, в начале 1850-х годов в связи с потребностью в средствах на обеспечение армии для подавления Тайпинского восстания¹⁴, цинским правительством были увеличены дорожные сборы (*лицзинь*)¹⁵. В итоге провоз 300 мест чая¹⁶ обходился торговцу в 6 тыс. лян, из которых 1200 приходилось на пошлину, 60 — на *лицзинь* (средняя стоимость одного сбора), 50 — на торговое свидетельство. Часть дохода уходила на оплату производства.

Все эти проблемы Чэн Хуапэн озвучил в своем прошении в Лифаньюань. Купец подчеркивал: «Хилая торговля несет убытки государству, сильная страна должна заботиться о развитии торговли»¹⁷. В прошении он ходатайствовал об «облегчении трудностей торговцев»: выдаче одного общего торгового свидетельства, разрешении ведения торговли чаем через Гуйхуачэн в Кяхте, Тарбагатае и других местах товарообмена с русскими. Таким образом, в первом прошении Чэн Хуапэн стремился к расширению установленных рамок торговли за счет увеличения числа её участников. Уже из первого прошения купца становится ясно, что он выражал интересы торговцев пров. Шаньси, которые в первой половине XIX в. являлись монополистами на русском и монгольском рынках. Выходец из Шаньси указывал: «Единое общепринятое торговое свидетельство приведет к подъему чайной торговли, составит источник выгоды группе торговцев из Шаньси»¹⁸. Прошение было удовлетворено: выдачу синьпяо разрешили в Гуйхуачэне и Долуньноре. Торговые фирмы Гуйхуачэна направили свои интересы на кяхтинский рынок: резко увеличилось число лавок в Маймайчэне, объемы ввоза чая в Россию через

Кяхту возросли. Конечно, данные изменения связаны не только с прошением Чэн Хуапэна, но в большей степени с событиями в русско-китайской торговле в целом. Так, увеличению числа китайских лавок и объемов ввоза чая способствовало разрешение в 1858 г. торговли на серебро. Если в конце 40-х годов XIX в. в Маймайчэне торговало 50—60 лавок, то в 1860 г. их насчитывалось уже более 100, а в 1865 г. — 120¹⁹. Вывоз чая в Россию увеличился с 40 тыс. ящиков в 1845—1847 гг. до 175 тыс. ящиков и более после 1852 г. Переход торговли на серебро, изменение правил торговли со стороны цинского правительства способствовали росту прибыли китайских купцов. Чэн Хуапэна в торговых кругах прозвали «советником торговцев».

Второе прошение Чэн Хуапэна относится к 1867 г. К тому времени уже обозначились новые проблемы в русско-китайской чайной торговле, связанные с кардинальными изменениями в русско-китайских отношениях в 60-е годы XIX в. В процессе оформления новых механизмов русско-китайских торговых отношений произошло двустороннее расширение географических рамок непосредственной деятельности торговцев. В Синьцзяне, Приамурье, по всей линии русско-китайской границы была организована свободная беспошлинная торговля. Пекинским договором 1860 г. была возобновлена русская караванная торговля с Пекином. Была прекращена монополия китайских торговцев на русском чайном рынке: появились русские купцы, успешно организовавшие производство и перевозку чая из Цинской империи в Россию. В целях получения большей прибыли и помощи русским торговцам в конкурентной борьбе с китайскими купцами русским правительством был установлен 75%-ный сбор на импорт китайского чая, что, естественно, увеличило себестоимость каждого его ящика.

Кроме того, наряду с русской конкуренцией в Кяхте большой удар по шаньсийцам нанесла торговля так называемым кантонским чаем²⁰: провоз морем выходил гораздо дешевле и быстрее, нежели сухопутным путем. Китайские торговцы стремительно теряли место на рынке, не выдерживая конкуренции. К 1868 г. в Маймайчэне осталось всего 4 китайские лавки.

Китайским торговцам также было разрешено торговать на территории Российской империи²¹. Но на фоне активного проникновения русских на китайский рынок, организации русских фабрик по производству чая в Китае китайские торговцы не торопились занять рынок губерний Российской империи. Находясь в положении полукOLONиальной

державы, китайская сторона весьма осторожно подходила к условиям договоров, их трактовке и исполнению. Китайские чиновники не стремились способствовать активному проникновению китайского купечества на рынки российских городов, старались не вмешиваться в этот процесс. А без поддержки властей китайские торговцы не решались нарушить прежний 200-летний запрет о въезде в Россию с целью занятия торговой деятельностью. Позже русские современники считали, что китайское купечество и местные власти вообще не осведомлены о новых положениях, принятых в 1860—1862 г. Представитель сибирского купечества И. Носков в своих статьях о русско-китайской торговле писал, что «в китайском Трибунале даже не знают, что китайцам дозволено торговать внутри России, так как там полагают, что едва ли они имеют право на выезд из Китая с этою целью»²². О подобного рода «незнании» упоминает в своих отчетах генерал-губернатор Восточной Сибири.

В 1867 г. группа шаньсийских купцов, возглавляемая Чэн Хуапэном, направила ходатайство Суйюаньскому цзянцзюню²³. В данном ходатайстве торговцами был задан вопрос: «Почему русские имеют право входить во внутренние районы Цинской империи, а китайским торговцам по-прежнему запрещено въезжать глубоко на территорию России и заниматься торговой деятельностью?» Шаньсийцы просили разрешить «через Кяхту проезжать дальше в Россию для ведения торговли»²⁴. Кроме того, торговцы ходатайствовали об облегчении налогового бремени для торговцев — выходцев из пров. Шаньси.

В итоге в 1868 г. цинским правительством официально было подтверждено право китайских купцов заниматься торговлей на территории всей Российской империи, а не только в приграничных районах. Кроме того, в 2 раза была снижена пошлина: за провоз 6 тыс. кг чая взималась пошлина в 25 лян²⁵. Все расходы, сверх установленных, приказано ликвидировать. Стоит отметить, что после прошения шаньсийского купечества во главе с Чэн Хуапэном цинским правительством было объявлено о проявлении особой заботы и бережном отношении в данном регионе именно к торговцам из Шаньси. Данным жестом подчеркивался особый статус шаньсийцев в русско-китайской торговле.

Предпринятые меры ненадолго способствовали оживлению торговли шаньсийцев на русском чайном рынке: в 1869 г. объем ввоза чай китайскими торговцами почти достиг объема ввоза русскими (110 тыс. дань²⁶), а в 1871 г. китайцами из Ханькоу в Кяхту было ввезено 202 тыс.

дан чая, русскими — 110 тыс. дан²⁷. Однако временный успех не остановил потерю шаньсийскими торговцами своего положения в русско-китайской торговле.

Ходатайства Чэн Хуапэна ярко иллюстрируют проблемы, тормозившие выход китайцев на рынок сибирских губерний Российской империи. Шаньсийские купцы, привыкшие к покровительству чиновников в Монголии и Кяхте, нуждались в поддержке со стороны правительственных кругов Цинской империи на пути глубокого проникновения на российский рынок и в конкурентной борьбе с русскими купцами. Прошение 1867 г. в настоящее время является последним известным упоминанием о деятельности Чэн Хуапэна. Из китайской исторической литературы известно, что умер шаньсийский купец в 1892 г.²⁸ По оценкам тех же китайских историков, деятельность Чэн Хуапэна являлась блестящим примером конкурентной борьбы китайских торговцев за развитие национальной торговли. В отечественной науке на сегодняшний день отсутствуют какие-либо упоминания о купце, для оценки личности и деятельности Чэн Хуапэна необходимо более детальное исследование.

Примечания

¹ 大盛魁 (DaShengKui), 天和兴 (TianHeXing), 大盛 (DaShengYu), 福源德 (FuYuanDe).

² Петров А.И. «Русский китаец» Николай Иванович Тифонтай (Цзи Фэнтай) // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 141—151.

³ Кун Сяньи. Краткая биография известного торговца Шаньси Чэн Хуапэна // Вестник финансово-экономического ун-та. 1982. № 3. С. 52.

⁴ Гэ Сяньхуэй. Торговый путь длиной в 500 лет: купечество Шаньси и традиционная культура. Ухань, 1996.

⁵ 常赞春 (1872—1941, Chang Zan Chun) — Чан Цзаньчунь, потомок известной купеческой фамилии Чан, занимавшей важное положение в системе русско-китайской чайной торговли. Чан Цзаньчунем в седьмой год Республики был опубликован труд «Чан чжи цзя чэн» (常之家乘), содержащий множество фактов и свидетельств об истории знаменитого рода.

⁶ 归化城 (Gui Hua Cheng) — современный город Хух-Хото в Внутренней Монголии КНР.

⁷ 买卖城 — торговая слобода на границе Цинской и Российской империй, напротив российской Кяхты.

⁸ 理藩院 (Li Fan Yuan) — служба в империи Цин, ведавшая зависимыми монгольскими территориями и надзиравшая за назначением амбаней во Внешнюю и Западную Монголию, Кукунор и Тибет. В историографии фигурирует также как «Палата внешних сношений», «Палата по делам зависимых территорий».

⁹ Уложение Китайской палаты внешних сношений / сост.: Ян Суаньди, Цзинь Фэн. Изд-во «Культура Внутренней Монголии», 1998. С. 299.

¹⁰ Там же. С. 448.

¹¹ Дзаргучей — глава Маймайяна, назначаемый ургинской администрацией для решения повседневных пограничных дел. Дзаргучей назначался сроком на 3 года. На эту должность мог быть назначен только монгол. В ведении дзаргучей находились торговля, сбор налогов, полиция, суд, отношения с русскими пограничными властями.

¹² Айсингёро Ичжу (17 июля 1831 — 22 августа 1861) — восьмой император маньчжурской династии Цин и седьмой император Цин управляющий Китаем с 1850 по 1861 г. Девиз правления — «Сяньфэн».

¹³ *Гэ Сяньхуэй*. Указ. соч. С. 77.

¹⁴ Восстание тайпинов (1850-1864) — крестьянская война в Китае против маньчжурской империи Цин. Лидером восстания был христианин Хун Сюцюань, который создал Тайпинское Небесное Царство (кит. упр. 太平天国) — независимое китайское государство, существовавшее одновременно с маньчжурской империей Цин. Тайпинское государство занимало значительную часть южного Китая. Тайпинское восстание вызвало череду местных восстаний в других частях империи Цин, которые боролись против маньчжурских властей, нередко провозглашая собственные государства. Тайпины заняли крупные города (Нанкин и Ухань), сочувствующие тайпинам восставшие заняли Шанхай, предпринимались походы на Пекин и в другие части страны.

¹⁵ 厘金 (lǐ jīn) — пошлина в Китае, оплачивалась при въезде из одного района (провинции) в другой.

¹⁶ Место (ящик, цибик) чая — мера веса, достигавшая до 35 кг.

¹⁷ *Чан Цзаньчунь*. Сборник документов Шаньси. Разд. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Гэ Сяньхуэй*. Указ. соч. С. 77.

²⁰ Кантонский чай — название чая, привезенного в Россию не через Кяхту, а морским путем через Европу из Кантона. Он был дешевле кяхтинского, так как считалось, что морской воздух портит вкус чая во время морских перевозок.

²¹ Русско-китайские договорно-правовые акты 1689—1916 / под ред. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 72.

²² *Носков И.* Кяхтинская торговля за последние восемь лет. СПб, 1870. С. 14.

²³ Цзянцзюнь — должность цинской администрации, воевода, генерал-губернатор.

²⁴ *Чжан Вэй, Ли Пин.* Советник торговых кругов Чэн Хуапэн // *Цан сан.* 2001. № 2. С. 39.

²⁵ *Гэ Сяньхуэй.* Указ. соч. С. 78.

²⁶ 担 (dan) — китайская мера веса, равная 50 кг.

²⁷ *Чжан Вэй, Ли Пин.* Указ. соч. С. 39.

²⁸ *Кун Сяньби.* Указ. соч. С. 52.

*Ильдар Рашидович Хамзин,
магистр Уральского регионального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

МИД РОССИИ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ В 1870—1880-е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема русско-китайского пограничного кризиса в Центральной Азии 70—80-х годов XIX в. В 1871 г. российские войска с целью предотвращения мятежных действий вблизи своих границ заняли часть территории Синьцзяна. Проблема ее передачи китайским властям легла в основу так называемого Илийского кризиса.

На базе материалов РГВИА проводится анализ деятельности МИД Российской империи в рамках указанной проблемы. Рассматривается позиция внешнеполитического ведомства по ключевым вопросам территориального размежевания. Основная задача анализа использованных источников — показать нацеленность российских властей на скорейшее разрешение вопроса и предотвращение эскалации кризиса.

Ключевые слова: русско-китайские отношения, Илийский кризис.

Annotation. The problem of the Russian-Chinese boundary crisis in Central Asia of the 70—80th years of the XIX century in the article is

considered. In 1871 the Russian troops for the purpose of prevention of rebellious actions in proximity from the borders occupied some territory of Xinjiang. The problem of the return it back to the Chinese authorities formed the point of so-called Iliisky crisis.

Activities of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire are analyzed on the basis of RGVIA materials in the framework of this problem, as well as the question of boundary resettlement. The main reason for the analyses of documents is to light up the aim of the Russian authorities to solve the problem as soon as possible and to prevent an escalation of the crisis.

Keywords: Russian-Chinese relations, Ili crisis.

Пограничная проблема в русско-китайских отношениях второй половины XIX в., как правило, рассматривается в рамках дальневосточного участка границы Российской империи и империи Цин. Однако не менее важной и во многом определяющей характер русско-китайских связей указанного периода стала проблема территориального размежевания двух империй в Центральной Азии в районе так называемого Восточного Туркестана, или Синьцзяна.

Тема русско-китайских разногласий в Центральной Азии во второй половине XIX в. изучалась как в отечественной, так и в китайской историографии. Среди ключевых отечественных исследований, в которых рассматривается проблема русско-китайской границы второй половины XIX в., можно назвать работы А.Д. Воскресенского¹, И.В. Петрова², Д.В. Дубровской³, а также труды многих других историков, занимающихся внешней политикой Российской империи⁴.

Большинство работ по настоящей теме посвящено общему военно-дипломатическому контексту русско-китайских отношений и противоречий в регионе и затрагивает деятельность министерств и властей на местах. В статье основное внимание уделено роли и специфике деятельности МИД России в ходе решения данной проблемы.

Синьцзян, подчиненный империей Цин в середине XVIII в., оставался одной из самых беспокойных и мятежных провинций страны. В 1860-е годы здесь вспыхивает целая серия восстаний против китайского правления и образуется ряд независимых феодальных ханств. Российская империя, чьи владения в Туркестанском генерал-губернаторстве соприкасались с северной частью Синьцзяна, в 1871 г. для подавления мятежа вводит на территорию края свои войска, занявшие

основные города Кульджу и Чугучак. Инцидент, получивший название Илийского кризиса, породил для России проблему выбора способов его разрешения — оставить захваченные земли за собой либо передать Китаю.

Трактовка причин и характера данного военно-политического шага Российской империи расходится в китайской и отечественной историографии. По мнению некоторых российских исследователей, ввод войск в Илийский край являлся актом охранительных мер в отношении российских торговых и политических интересов в Центральной Азии. С точки зрения китайской историографии его следует рассматривать одним из эпизодов агрессии европейских империалистических держав против Китая в XIX в.

Характер политики российского внешнеполитического ведомства хорошо прослеживается уже в документах 1871 г., т. е. с самого начала кризиса. Так, в письме военному министру от 3 ноября 1871 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков обозначил основные позиции МИДа по кульджинскому вопросу, которых министерство придерживалось до его разрешения в 1881 г.: «МИД полагает, что восстановление влияния Маньчжуров в Илийской провинции было бы самым естественным для нас исходом из того ненормального положения вещей, которое создано дунганским восстанием»⁵. Наиболее важным условием, которое будет повторяться в официальных документах и далее, является наличие способности китайских властей к самостоятельному утверждению своей власти в восставшем крае: «Соглашение наше на водворение маньчжуров должно быть поставлено в прямую зависимость от того.., можно ли будет рассчитывать, что китайцы своими собственными силами сумеют поддерживать свою власть внутри Илийской провинции». И далее: «Совершенная самостоятельность китайцев при водворении их в Илийской провинции представляется потому первым и неперменным условием соглашения»⁶. При этом указывается на нежелательность содействия российских войск в установлении маньчжурской власти. Вместе с тем, как считал министр, если китайцы попросят помощи, ее будет необходимо обусловить двумя основными положениями: 1) торговые льготы («облегчения» и «преимущества») для русской торговли в регионе; 2) исправления русско-китайской границы в Центрально-Азиатском регионе, установленной предыдущими договорами⁷. Указанные условия, на наш взгляд, отражают ключевые интересы Российской империи в кульджинском вопросе.

Необходимо отметить, что решением проблемы передачи занятой территории внутри ведомства занимался прежде всего Азиатский департамент МИД, который инструктировал власти на местах, консулов, уполномоченных и комиссаров. В письме, составленном в департаменте 24 ноября 1872 г. относительно контактов с новоназначенным китайским сановником (цзянцзюнем) Жуном, говорилось: «Цзянцзюнь Жун должен дать нам самые положительные... заверения, что с водворением своей власти он не прибегнет к гонениям и воздержится от всяких бесчеловечных поступков... против инсургентов. ...Желательно также потребовать от китайцев возмещения убытков, которые мы потерпели при разрушении наших консульств и факторий в Кульдже и Чугучаке»⁸. Эти два условия, повторим, будут и в дальнейшем фигурировать в качестве основных во всех документах российского МИДа.

Торгово-экономическому фактору как решающему в возникновении и продолжении кризиса министерство придавало огромное значение, отмечая, что именно разрушение русских факторий в Кульдже и Чугучаке, а также проблемы, которые создало восстание дунган для русской торговли в крае, и вынудили царское правительство ввести войска на территорию империи Цин⁹.

«Занять Кульджу с единственной целью возвращения ее маньчжурам»¹⁰, — позиция, которая регулярно повторяется в официальных документах Азиатского департамента. К концу 1870-х годов условия передачи края фактически оставались неизменными. В «Записке по кульдистанскому делу», составленной в департаменте в 1878 г., к уже названным условиям исправления границ и вознаграждения за убытки добавились требования допустить русских купцов во внутренний Китай и учредить консульства в Синьцзяне и Монголии¹¹. По-прежнему главным требованием остается способность китайского правительства к силовому удержанию края: «Передача Или вашим властям может состояться только тогда, когда власти ваши имеющимися у них средствами в состоянии будут удержать там порядок и спокойствие»¹².

В сообщениях китайскому правительству министерство ясно давало понять, что слабость китайских властей в контроле над западной провинцией является главным препятствием к передаче края. В документах подчеркивается, что право на данную область Россия не оспаривает, однако беспорядки на границах, которые повлекли за собой проблемы для русской торговли, стали поводом для вмешательства¹³. Способность назначенного Пекином наместником в Илийском крае цзянцзюня

Жуна к контролю над регионом неоднократно подвергалась критике со стороны министерства. В своей депеше посланнику в Пекине от 24 марта 1878 г. с инструкциями по общению с китайским правительством А.М. Горчаков указывает, что, несмотря на присутствие наместника, беспорядки в крае продолжают, более того, Жуном чинятся различные преграды русским представителям и купцам¹⁴. Таким образом, действия китайского уполномоченного становятся предметом жесткой критики со стороны министерства, что повлекло осложнения в переговорах о передаче края.

Вместе с тем нельзя сказать, что с российской стороны не высказывались мнения по поводу возможности удержания края в своих руках. Так, в уже цитированном письме военному министру А.М. Горчаков указывает на «другой исход» кульджинского вопроса (идея принадлежала военному министерству), а именно создание в Илийской долине независимого ханства «под главенствованием лица вполне нам преданного, ...которое дало бы нам гарантии, которые обеспечили бы спокойствие на наших границах и способствовали развитию нашей торговли»¹⁵. Наиболее обстоятельные размышления по поводу возможного варианта удержания Илийского края содержатся в записке посланника в Пекине Е.К. Бюцова. Российский дипломат выделяет в связи с этим ряд аргументов «за» и «против». Присутствие российских войск в Синьцзяне, по его мнению, может быть оправдано: *во-первых*, с точки зрения выгодного стратегического положения края, позволяющего контролировать восточный регион Центральной Азии; *во-вторых*, удержание края позволит предотвратить расправу китайских властей над местным населением, что, в свою очередь, связано с третьим аргументом. Он заключен в том, что передача края в руки китайских властей может негативно сказаться на авторитете России в Центрально-Азиатском регионе. С другой стороны, посланник отмечает, что удержание Кульджи идет вразрез с прежней политикой российских властей, которые выстраивали дружеские торговые связи с маньчжурским Китаем в этих землях. Аннексия края может спровоцировать цинов на открытую угрозу и военные действия, хотя он абсолютно уверен в несостоятельности любых военных действий Китая против России ни в Синьцзяне, ни в других районах. Однако китайскому правительству, уверяет посланник, «нет надобности объявлять нам войну, чтобы нанести ущерб нашим интересам... Оно могло бы прервать сношения с нами и остановить нашу торговлю в Китае и Монголии»¹⁶. Исходя из этого, как он считает, передача края видится необ-

ходимой мерой, при этом российскому правительству предоставляется возможность сделать это на наиболее выгодных для себя условиях¹⁷.

Политика затягивания переговоров со стороны МИД России прослеживается и в более ранних документах. В частности, в 1872 г. министр иностранных дел в переписке с посланником в Пекине упоминает о его совете «терпеливо вести переговоры (другими словами, затягивать их. — *И.Х.*) и принять решение относительно Кульджи только по истощению средств»¹⁸. Такая дипломатическая тактика могла быть обусловлена целью добиться наиболее выгодных торговых условий для русских купцов.

Немаловажный аспект, о котором упоминает посланник в Пекине, — это авторитет Российской империи в Центральной Азии. Дипломат справедливо указывает, что передача мусульманского населения китайским властям, которые не замедлят принять карательные меры, пошатнет авторитет России среди мусульманского населения Средней Азии, входящей в состав империи. Отмечаются также и особенности менталитета восточных народов, для которых возвращение уже захваченной территории может показаться признаком слабости¹⁹. На наш взгляд, подобными аргументами Министерство иностранных дел руководствовалось, выдвигая условие недопущения карательных мер со стороны китайских властей, которое непременно присутствует в документах об условиях передачи края.

Возможные негативные последствия для российского влияния в Средней Азии, упоминаемые в документах, дают основание предположить наличие более широкого комплекса причин, приведших к Илийскому кризису, прежде всего геополитических. После восстания в Синьцзяне его южный район (Кашгария) стал объектом острой дипломатической борьбы России и Британской империи, происходившей на фоне соперничества двух держав в Центрально-Азиатском регионе в целом. И введение войск на территорию Илийского края могло послужить превентивной мерой против создания здесь враждебного России мусульманского ханства.

Анализ использованных для написания статьи документов позволяет нам констатировать следующие позиции, которых придерживалось министерство иностранных дел в ходе решения проблемы передачи Илийского края империи Цин: 1) делимитация русско-китайской границы в Центральной Азии; 2) установление выгодных условий для российской торговли; 3) возмещение убытков, причиненных российской

стороне в ходе восстаний в Илийском крае; 4) предотвращение карательных мер со стороны китайских властей к населению Синьцзяна.

Таким образом, деятельность МИД России, его Азиатского департамента, а также дипломатов в Китае, безусловно, способствовала разрешению Илийского кризиса на наиболее выгодных для российской стороны условиях. В основе успеха в Синьцзяне лежала общая стратегия царского правительства в XIX в., предполагавшая нежелательность новых территориальных приобретений и военных действий против соседей.

Примечания

¹ *Воскресенский А.Д.* Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995.

² *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003.

³ *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX века. М., 1998.

⁴ *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 292. Л. 1—5.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 44—46.

⁹ Там же. Л. 129.

¹⁰ Там же. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 1—8.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 9—12.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 10. Л. 1—8.

¹⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 292. Л. 1—5.

¹⁶ Там же. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 19—25.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 1. Д. 292. Л. 303—307.

¹⁹ Там же. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 19—25.

*Елена Николаевна Касимова,
руководитель школы китайского языка Laoshi, Тюмень*

НАНКИНСКАЯ РЕЗНЯ 1937 Г. В КНИГЕ АЙРИС ЧАН «НАСИЛИЕ В НАНКИНЕ. ЗАБЫТЫЙ ХОЛОКОСТ ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»

Аннотация. Документальная книга Айрис Чан стала первым подробным англоязычным исследованием нанкинской трагедии. В первой ее части рассказано непосредственно о самой Нанкинской резне. Во второй части — о послевоенной реакции на резню американского и европейских правительств. В третьей части Айрис Чан задается вопросом, почему резня в Нанкине остается относительно малоизученной темой в мировой истории.

Ключевые слова: Нанкин, Нанкинская резня, насилие в Нанкине, Айрис Чан, японо-китайская война.

Annotation. Iris Chang's book became the first comprehensive examination of Nanking's massacre in English. The first part of this book is the history of the massacre. Next part treats the postwar period and the convenient indifference of Americans and Europeans to Nanking's tragedy. The last part examines the forces that conspired to keep the rape of Nanking out of public consciousness for more than half a century.

Keywords: Nanking, Nanking's massacre, the rape of Nanking, Iris Chang, Sino-Japanese War.

3 сентября весь китайский народ отметил 70-ю годовщину окончания японо-китайской войны, о которой европейцы почти ничего не знают. Она началась за два года до того, как вермахт вторгся в Польшу, и именно она сформировала нынешнее отношение китайцев к японцам.

То, что японские войска творили в стране с 1937 по 1945 г., в Китае называют геноцидом. По оценкам китайских историков, жертвами японцев стали около 30 млн человек.

Данная статья посвящена событиям в Нанкине в декабре 1937 г. и их последствиям для мировой истории. Он основан на документальной книге американской писательницы китайского происхождения Айрис Чан «Насилие в Нанкине. Забытый холокост времен Второй мировой войны».

Эта книга была опубликована в год 60-летия Нанкинской резни (1997 г.) и стала первым подробным англоязычным исследованием той трагедии. В течение 10 лет книга Чан была запрещена к публикации в Японии. Впоследствии она выдержала 5 изданий в Америке и была переведена на многие языки (кроме русского).

Айрис Чан собирала материал для книги в течение двух лет. Она использовала дневники, фильмы и фотографии, сделанные миссионерами, журналистами и военными, которые находились в Нанкине в то время. Айрис посетила Нанкин и взяла интервью у китайцев, которым удалось выжить, также она использовала признания, сделанные японскими военными, участвовавшими в этих трагических событиях.

Одним из серьёзных документов, помогавшим Айрис в работе, был дневник Йона Рабе, немецкого фашиста, члена НСДАП, предпринимателя, директора компании Siemens China Co., во время трагедии находящегося в Нанкине.

Другой дневник, изученный Айрис, принадлежал Минни Вотрин, американской миссионерке в Нанкине. Также Айрис упоминала в своей книге имена американского пастора Джона Маги, снявшего преступления японцев на пленку, и Джорджа Фитча, который вывез этот фильм из Китая. Благодаря сохранившимся кадрам, весь остальной мир смог узнать, что в действительности происходило в Нанкине в течение 6 недель¹.

Сама книга состоит из трёх частей. В первой части рассказано непосредственно о самой Нанкинской резне. Во второй части — о послевоенной реакции на трагедию американского и европейских правительств. Третья часть посвящена причинам, по которым события Нанкинской резни не получили достаточного освещения.

В разгар войны, в 1937 г., после падения Пекина и Тяньцзиня, после своего успешного вторжения в Шанхай, японцы предприняли масштабную атаку на тогдашнюю столицу Китая — Нанкин. После ожесточенных боев за Шанхай японские солдаты учинили небывалый

разгул жестокости еще по дороге в Нанкин, убивая, грабя и поджигая все на своем пути. Известен случай, когда два японских офицера (То-сиаки Мукаи и Такеси Нода) соревновались в убийствах безоружных китайских пленных. Дуэль с удовольствием смаковали японские газеты. Изначально спор шел о том, кто быстрее убьет мечом 100 человек. Победителя установить не удалось, и потребовался дополнительный раунд — убить на скорость 150 человек.

13 декабря 1937 г. японские войска численностью 200 тыс. человек вошли в Нанкин. Главнокомандующим армией по приказу императора Хирохито был назначен член императорской семьи принц Асака Ясучико. Именно он отдал приказ «убить всех пленных», положивший начало Нанкинской резне. Жестокая логика приказа заключалась в том, что военнопленных не могли прокормить, а значит, по мнению агрессоров, их следовало убить. Кроме того, японцы не хотели допускать начала партизанского движения.

К моменту взятия Нанкина правительство Чан Кайши, главнокомандующий нанкинскими войсками генерал Танг и офицеры уже бежали из города, и китайские солдаты в количестве 110 тыс. человек остались без командиров. Мирные жители Нанкина в количестве 500 тыс. человек также оказались в ловушке.

Практически полное отсутствие сопротивления, которое в дальнейшем продемонстрировали китайцы, поражало японцев. Пассивность китайских солдат хорошо описана в дневнике бывшего японского солдата Азумы Широ, который рассказал о сдаче в плен тысяч китайских солдат вскоре после падения Нанкина. Он указал на то, что китайцы спокойно ожидали своей участи и в отсутствие старших офицеров (те уже успели бежать) не выказали ни единой попытки сопротивления.

40 дней последующей безжалостной резни в Нанкине заставят содрогнуться любого человека. Вначале за городскую черту были выведены и убиты все мужчины, после чего резня началась уже в самом городе. Японские солдаты даже не тратили патроны — они рубили безоружным гражданским головы мечами, закалывали их штыками, выкалывали глаза и вспарывали животы. Жителей города и военнопленных сжигали, закапывали заживо, отдавали на съедение собакам. Также японцы обливали своих жертв кислотой, накалывали детей на штыки, подвешивали людей за языки. Китайским мужчинам отрезали гениталии и затем продавали их тем японцам, которые верили, что поедание гениталий способно сделать их еще более мужественными.

Возможно, крупнейшим массовым убийством заключенных стало убийство примерно 57 тыс. жителей города и бывших солдат неподалеку от горы Муфу, когда людей вначале расстреливали, затем для верности закалывали штыками, затем трупы либо поджигали, либо сбрасывали в воды Янцзы. Вскоре эти воды в прямом смысле слова стали красными от крови. Не нужно было лодок, чтобы перебраться с одного берега Янцзы на другой. Можно было попросту идти по трупам.

Множество японских журналистов, прибывших вслед за войсками в Нанкин, были свидетелями как массовых расстрелов китайцев, так и тех гор трупов, которые оставались после расстрелов. Некоторые журналисты описывали, что среди трупов оставались живые, раненые, слабо стонущие люди с дергающимися конечностями.

Но больше всего пострадали женщины Нанкина. Независимо от того, были они молоды или стары, они не смогли избежать изнасилования. Число жертв изнасилования в Нанкине не поддается точному подсчету и колеблется от 20 до 80 тыс. Японские ветераны заявляли, что армии было официально запрещено насиловать плененных китайских женщин. Но этот запрет никем не воспринимался всерьез, так как японцы верили, что изнасилование девственниц делает их более сильными в сражении. Этот запрет лишь способствовал тому, что японцы стали убивать своих жертв после изнасилования. Обычно они их закалывали. Такое поведение было характерно не только для солдат. Офицеры и даже генералы также участвовали в массовых изнасилованиях. Каждую женщину поочередно насиловали 15—20 солдат.

Самым ужасным было изнасилование маленьких девочек в возрасте до 10 лет, многие из которых сразу умирали. Очевидцы происходящего видели трупы изнасилованных и разрубленных напополам девочек прямо на улицах города.

Не избежали изнасилования и беременные женщины. Многим из них вспарывали животы и доставали плод «для развлечения».

Многие женщины оказались беременны в результате изнасилования, но ни одна из них не призналась впоследствии, что ее ребенок появился на свет от японца. Более того, многие китайки тайно убивали новорожденных младенцев: они душили или топили их. Также немецкий дипломат зафиксировал многочисленные случаи самоубийства китайских женщин в 1938 г.

Жертвами насилия со стороны японских солдат были не только женщины, но и мужчины. Кроме того, их принуждали к актам некрофи-

лии и инцеста, а в случае отказа кастрировали и оставляли умирать от кровотечений или убивали.

В качестве трофея японские солдаты брали себе все что угодно — ухо, скальп, почку, грудь. Эти трофеи они вешали себе на пояс, прикалывали к фуражке. Счастливчики, разжившиеся скальпами или гениталиями, пользовались особым уважением. Со своими трофеями они позировали перед товарищами, а те их фотографировали.

Совершенно беззащитные жители Нанкина могли искать помощи лишь у 27 иностранцев, еще оставшихся на тот момент в городе. Эти люди создали международный комитет, во главе которого встал Йон Рабе. Основной своей задачей члены комитета видели спасение жизней хотя бы некоторой части жителей Нанкина. В декабре ими была создана так называемая Нанкинская зона безопасности — территория площадью около 5 кв. км, на которой укрывались сотни тысяч человек, 650 из них жили непосредственно в доме Йона Рабе и на прилегающем к нему участке. Японцы практически не трогали Нанкинскую зону безопасности во многом благодаря тому, что Йон Рабе был членом нацистской партии и, в общем, поклонником Адольфа Гитлера. Поскольку Германия была союзницей Японии, японцы тоже вынуждены были воспринимать Рабе как союзника. Тем не менее японские солдаты периодически наведывались в зону безопасности и забирали с собой пару сотен человек (в большинстве своем женщин), которых затем насиловали или убивали.

Итак, благодаря усилиям Рабе, в зоне безопасности были спасены более 200 тыс. этнических китайцев. Горькая ирония судьбы состоит в том, что после окончания войны Рабе и его семья жили в Германии в полной нищете, и жители Нанкина, узнав об этом, в буквальном смысле слова спасли им жизнь, передавая деньги и посылки с продуктами. Впоследствии могильный камень Рабе был торжественно перевезен в Нанкин. И если в Европе Йона Рабе называют Оскаром Шиндлером Китая, то сами китайцы верят в то, что он является живым воплощением Будды.

К концу января 1938 г. резня в Нанкине закончилась. В марте в городе было создано временное (коллорационистское) правительство, которое управляло городом до 1945 г.

Чтобы представить себе масштабы Нанкинской резни, обратимся к сравнительной статистике. Количество жертв только в одном Нанкине сопоставимо с числом жертв среди гражданского населения в Великобритании, Франции и Бельгии за всю войну вместе взятых (61 + 108 + 101 = 270 тыс. человек). Шокирующим является и тот факт, что число

жертв в Нанкине намного превысило совокупное количество жертв после двух атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 г. (по оценкам, 210 тыс. человек).

Согласно оценкам экспертов Международного военного трибунала для Дальнего Востока, общее число жертв среди гражданского населения Нанкина, погибших от рук японских солдат в конце 1937 — начале 1938 г., составило 260 тыс. человек, в то время как китайские эксперты называют цифру 300 тыс., а максимальное число жертв оценивается в 0,5 млн человек.

В 1985 г. в Нанкине был построен Мемориал жертвам Нанкинской резни, День памяти жертв Нанкинской резни впервые стал отмечаться в Китае 13 декабря 2014 г.

В своей книге Айрис Чан задается вопросом, почему резня в Нанкине остается относительно малоизученной темой в мировой истории? Почему в отличие от атомных бомбардировок Японии или геноцида евреев в Европе ужасы Нанкинской резни остаются практически не известными за пределами Азии? Как следует из содержания ее книги, причиной этого является политика. После войны отношения между Токио и Пекином строились по формуле «холодно в политике, жарко в экономике». Ни КНР, ни Китайская Республика не потребовали военных репараций от Японии (как Израиль от Германии), потому что оба правительства соревновались друг с другом за право стать партнером Японии в торговле. Даже Соединенные Штаты добивались дружбы и лояльного отношения от своего бывшего врага Японии. В связи с этим Япония смогла избежать множества допросов и расследований, которым подвергались военные союзники. На Токийском процессе 1946—1948 гг., на котором в том числе рассматривалось дело о Нанкинской резне, было всего 29 обвиняемых, 7 из них — повешены, 16 получили пожизненное заключение, а в 1955 г. помилованы. Ничего, подобного денацификации, которую союзники провели в Германии, в Японии не было. Так, из числа обвиняемых был вычеркнут император Хирохито, подпись которого стояла под большинством преступных приказов, он правил Японией до 1989 г. и умер в возрасте 87 лет. Принц Асака Ясухико умер в 1981 г. в возрасте 93 лет. Многие другие японские военные преступники также продолжили занимать ключевые позиции в промышленности и правительстве после войны.

В 1978 г. японские власти перенесли на территорию храма Ясукуни (это самый известный храм в Токио, где хранятся таблички с именами

японских солдат, погибших в различных войнах) прах 14 главных японских военных преступников Второй мировой войны, осужденных за преступления против мира и человечности. Японские премьер-министры демонстративно посещают храм — действо, которое можно сравнить с «возведением храма в честь Гитлера в центре Берлина».

Возмущает китайцев и упорное нежелание Токио признать свои военные преступления, выражающееся в том, что японцы десятилетиями систематически удаляют упоминания о Нанкинской резне из музеев и из СМИ. В отличие от Германии, где учителям запрещено удалять информацию о Холокосте из учебного плана по истории, в японских учебниках их зверства на китайской территории замалчиваются или оправдываются. Так, по мнению японских авторов, никакой резни в Нанкине не было: город был захвачен почти бескровно, погибли всего 20 тыс. человек — неминуемые жертвы в ходе взятия укрепленного пункта. Фотографии — фальшивки, а свидетели лгут.

Многие известные японские политики, академики и главы промышленных корпораций до сих пор упрямо отказываются признать, несмотря на очевидные доказательства, реальность произошедшей Нанкинской резни². Даже авторитетные профессора истории в Японии примкнули к правому крылу и подвергают сомнению сообщения о трагедии.

Таким образом, перед нами налицо два взаимосвязанных, но различных зверства. Одно из них — это насилие в Нанкине само по себе, история о том, как японцы уничтожили сотни тысяч невинных граждан в захваченной ими столице. Другое зверство — это история о сокрытии преступлений, о том, как японцы, воспользовавшись молчанием китайцев и американцев, попытались стереть информацию о Нанкинской резне из публичного сознания, лишая тем самым ее жертв их собственного места в истории.

Важно отметить, что под влиянием Айрис Чан и её книги Конгресс США после специальных слушаний принял в 1997 г. резолюцию, призывавшую правительство Японии принести официальные извинения за совершённые японской армией военные преступления. Но еще большую, печальную известность книга получила после самоубийства ее автора в 2004 г. Айрис Чан покончила с собой в возрасте 36 лет из-за постоянных приступов депрессии и нервных срывов, обусловленных событиями, описанными в ее книге. Она официально признана в Китае последней жертвой Нанкинской резни 1937 г.

Вследствие того, что в российской историографии по Китаю полностью отсутствует анализ событий в Нанкине в 1937 г. и в книгах по истории Китая, написанных российскими авторами, эти события упоминаются лишь вскользь и им не уделяется должного внимания, автору доклада показалось важным осуществить перевод и публикацию книги Айрис Чан «Насилие в Нанкине. Забытый холокост времен Второй мировой войны» на русском языке.

10 октября 2015 г. архивы о Нанкинской резне, совершенной японскими милитаристами в годы Второй мировой войны, были официально включены в реестр программы «Память мира» ЮНЕСКО. Они включают в себя документальные свидетельства массовых убийств, актов насилия и мародерства, а также протоколы о последующих расследованиях и судебных разбирательствах.

Япония сразу заявила, что считает включение архивных документов о резне в программу «Память мира» прискорбным. «Включение в список основано на односторонних суждениях. Такие действия международной организации, которая должна быть нейтральной, являются проблемой. Япония как член ЮНЕСКО намерена настаивать на реформировании этой программы, чтобы она не была использована для политических целей».

13 октября Япония заявила, что может прекратить финансирование ЮНЕСКО из-за включения ею в список всемирных исторических ценностей представленных в одностороннем порядке Китаем документов о Нанкинской резне. При этом японское правительство еще раз подчеркнуло, что сомневается в их достоверности и подлинности.

Как видим, Япония всеми доступными ей способами противится увековечиванию памяти о нанкинской трагедии. В то же время, к сожалению, и Россия поддержала Японию в этом вопросе.

Примечания

¹ *Iris Chang*. The Rape of Nanking. The forgotten holocaust of world war II. Penguin books, Great Britain. 1997. P. 156.

² *Ibid*. P. 12.

*Галина Вениаминовна Куликова,
с.н.с. ИДВ РАН, первый зам. председателя ОРКД*

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению роли народной дипломатии, включающей привлечение широких слоев общественности России и Китая к развитию отношений дружбы и сотрудничества после провозглашения КНР, ее влияние на укрепление доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами. Представлена история становления Общества российско-китайской дружбы и его деятельность.

Ключевые слова: Россия, Китай, народная дипломатия, отношения дружбы и сотрудничества, доверительное партнерство, ОКРД, ОРКД.

Annotation. About an important role of national diplomacy in attraction of wide layers of the public of Russia and China to development of the relations of friendship and cooperation after declaration of the People's Republic of China, and also comprehensive confidential partnership and strategic interaction between two countries today. It is told about history of formation of Society of the Russian-Chinese friendship and his activity.

Keywords: Russia, China, national diplomacy, relations of friendship and cooperation, confidential partnership, OKRD, ORKD.

Народная дипломатия, или, как ее еще называют, общественная дипломатия, в общепринятом понимании — это объединение усилий государства и общества в продвижении интересов страны в развитии двусто-

ронных отношений и в содействии гуманитарному сотрудничеству, являющемуся важной социальной основой этих отношений.

В российско-китайских отношениях народная дипломатия всегда была и продолжает оставаться важным компонентом их становления, восстановления и развития; всегда играла и продолжает играть важную роль в привлечении широких слоев общественности России и Китая к развитию отношений дружбы и сотрудничества, а ныне отношений всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем.

В Китае 5 октября 1949 г., на 4-й день после провозглашения КНР, было создано Общество китайско-советской дружбы (ОКСД) — первое в КНР общество дружбы с народами зарубежных стран. Его возглавил Лю Шаоци, а после 1952 г. — Сун Цинлин.

ОКСД в первое десятилетие развернуло в Китае всенародную кампанию по мобилизации широчайших кругов общественности по всей стране в поддержку курса на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом — страной, оказывающей на протяжении всех лет помощь китайскому народу в борьбе против внутренних и внешних врагов. Деятельность Общества китайско-советской дружбы, развернутая во всех провинциях и крупных городах КНР, значительно содействовала воспитанию добрых чувств китайцев к нашей стране. Старшее поколение до сих пор вспоминает блестящие выступления в Китае ГАБТ, Ансамбля имени А.В. Александрова и других прославленных коллективов, приезжавших в Китай по линии ОКСД; деятелей литературы и кино: К. Сиимонова, А. Фадеева, М. Шолохова, Р. Кармена, а также Героев Советского Союза — участников Великой Отечественной войны.

Эти контакты значительно расширились после создания в нашей стране 29 октября 1957 г. Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) — также первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран.

12 ноября 1959 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве Общества советско-китайской дружбы с Обществом китайско-советской дружбы, предусматривающее прямые контакты отделений ОСКД в союзных республиках, краях и областях нашей страны с провинциями и городами Китая.

В период с октября 1957 г. по 1967 г. по линии ОСКД в нашей стране были организованы сотни мероприятий, в том числе месячники и де-

кады дружбы, было принято более 100 различных делегаций из Китая и такое же количество делегаций направлено в КНР.

С началом «культурной революции» связи с китайскими партнерами, не по нашей вине, были прерваны.

Вместе с тем Общество советско-китайской дружбы в трудные годы наших отношений ни на один день не прекращало своей деятельности, направленной на сохранение добрых чувств советских людей к Китаю, уважения к его истории и культуре.

За период с 1967 по 1987 г. ОСКД организовало и провело более 300 различных мероприятий, посвященных героической истории Китая и выдающимся деятелям его литературы и искусства, а также знаменательным событиям в истории двусторонних отношений.

Активная деятельность Общества советско-китайской дружбы в этот непростой для наших стран период привела к восстановлению в 1983 г. советско-китайских общественных связей, а затем и межгосударственных отношений. В октябре 1983 г. делегация ОСКД во главе с его председателем академиком С.Л. Тихвинским была первой делегацией, которая была приглашена в Китай после почти 20-летнего перерыва.

Это является наглядным подтверждением роли народной дипломатии.

Когда в 1987 г. отмечалось 30-летие ОСКД, У Сюцюань — председатель Общества китайско-советской дружбы, известный государственный и общественный деятель Китая, в своем приветствии написал: «В Китае хорошо знают и высоко ценят деятельность ОСКД в последнее десятилетие».

О большом значении деятельности ОСКД в трудные годы межгосударственных отношений говорилось и в приветствии президента РФ Б.Н. Ельцина, направленном в 1997 г. в адрес Общества российско-китайской дружбы — преемника Общества советско-китайской дружбы по случаю его 40-летнего юбилея.

«Общество продолжало активно работать даже в непростое для отношений между нашими странами время. Оно помогло сблизить теплые чувства народов России и Китая друг к другу, способствовало нормализации межгосударственных отношений, а затем налаживанию равноправного доверительного партнерства с КНР», — писалось в приветствии.

Высокая оценка была дана Обществу российско-китайской дружбы и китайской стороной, назвавшей ОРКД «признанным лидером и локомотивом народной дипломатии в китайско-российских отношениях».

После распада СССР, когда был ликвидирован Союз советских обществ дружбы (ССОД), отобран Дом дружбы, а все входившие в ССОД почти 90 обществ дружбы с народами зарубежных стран лишились штатного аппарата и были вынуждены искать пути выживания, опираясь на собственные силы, большинство обществ дружбы практически прекратило свое существование.

Однако Общество российско-китайской дружбы, благодаря энтузиазму, поддержке ветеранов Общества, руководства ИДВ РАН, не только не прекратило своей деятельности, но, получив безвозмездно помещение в ИДВ РАН, названное Культурно-информационным центром, не только продолжило свою деятельность, но и искало пути для активизации своей работы.

Подписанный в Москве 16 июля 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, закрепивший концепцию «вечной дружбы и отсутствия вражды» между нашими странами, призвал народы России и Китая быть «добрыми соседями, лучшими друзьями и надежными партнерами», а молодое поколение — продолжать и развивать традиции дружбы, заложенные старшим поколением.

Для участия в реализации этих целей ОРКД поставило перед собой задачу расширения массовой базы Общества и активизации своей деятельности. Для того чтобы обеспечить преемственность идей добрососедства и дружбы, главным направлением деятельности ОРКД стало распространение в нашей стране объективной информации о Китае, его больших успехах в модернизации страны, о его истории и культуре, богатых традициях дружбы и сотрудничества между странами и народами обоих государств, о значении российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства для подъема и успешного развития России.

На решение этих важных задач была направлена деятельность Центрального правления ОРКД и его 17 региональных отделений, активно действующих в Санкт-Петербурге, Приморском, Хабаровском и Алтайском краях, Республике Саха-Якутия, Республике Марий-Эл, Карелии, Свердловской, Амурской, Иркутской, Читинской, Новосибирской областях, в Еврейской автономной области, Курске, Перми, Кирове и Орле.

Свою работу ОРКД осуществляло и продолжает осуществлять в тесном контакте со своим китайским партнером — ОКРД, которое в течение почти 20 лет возглавлял известный государственный и обществен-

ный деятель Чэнь Хаосу — сын маршала Чэнь И. В настоящее время во главе ОКРД стоит также известный государственный и общественный деятель Чэнь Юань — заместитель председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, в прошлом президент Банка развития Китая, сын бывшего вице-преьера Госсовета КНР Чэнь Юня.

Как известно, руководители наших стран российско-китайские отношения сегодня называют самыми успешными за всю 400-летнюю историю двусторонних отношений. Уровень российско-китайских отношений требует дальнейшего расширения и развития их социальной поддержки, их общественной базы. В этом процессе активно участвует ОКРД, деятельность которого привлекает к движению за дружбу с Китаем разные слои российской общественности, в том числе молодежь.

По линии Общества ежегодно только в Москве проводится от 30 до 40 общественно-политических мероприятий, в которых, как правило, всегда участвуют прибывающие в нашу страну делегации из Китая, сотрудники Посольства КНР в РФ.

ОКРД является единственной в нашей стране организацией, все годы проводящей в Москве мероприятия, посвященные годовщинам КНР и российско-китайских дипломатических отношений, а также годовщинам Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

Когда в 2009 г. с участием более 2 тыс. представителей российской общественности ОКРД и ИДВ РАН отмечали 60-летие КНР и российско-китайских дипломатических отношений, в актовом зале находились приглашенные нами члены китайской делегации во главе с председателем ОКРД Чэнь Хаосу, в состав которой входили более 30 ветеранов китайско-российской дружбы, в том числе дети и родственники первого поколения руководителей КНР: дочь Мао Цзэдуна — Ли Минь; дочь и сын Лю Шаоци — Лю Айцин и Лю Юань; сын Ху Яобана — Ху Дэпин; сын Чэнь Юня — Чэнь Юань.

Результатом юбилейных мероприятий стало подписание в Москве председателями обществ М.Л. Титаренко и Чэнь Хаосу Совместного заявления Общества российско-китайской дружбы и Общества китайско-российской дружбы. Это был первый в истории контактов между организациями дружбы документ, в котором были обобщены итоги 60-летнего сотрудничества.

В совместном заявлении подчеркивалось: «Общество российско-китайской дружбы и Общество китайско-российской дружбы средствами народной дипломатии вносили и продолжают вносить большой вклад в дело дружбы, взаимопонимания и сотрудничества, в укрепление и развитие отношений равноправного партнерства и стратегического взаимодействия между нашими странами и народами».

В свою очередь, делегация ОРКД во главе с председателем, директором ИДВ РАН, академиком М.Л. Титаренко стала единственной делегацией из России, официально приглашенной в КНР для участия в торжествах в Пекине, посвященных 60-летию КНР, 60-летию российско-китайских дипломатических отношений и 60-летию ОКРД.

Как известно, по инициативе руководителей России и Китая в наших странах с огромным успехом прошли такие крупномасштабные мероприятия, как годы России и русского языка в Китае, годы Китая и китайского языка в России; 2012—2013 гг. были годами туризма России в Китае и туризма Китая в России. 2014—2015 гг. были годами дружественных молодежных обменов.

2016 и 2017 гг. названы годами СМИ, от успешного проведения которых во многом зависит объективная информация о Китае в России и о России в Китае, а также значение двусторонних отношений для будущего наших стран и народов.

В рамках вышеприведенных акций при активном участии обществ дружбы и в России, и в Китае были проведены сотни различных мероприятий, познакомивших общественность России и Китая с самобытной культурой, литературой и искусством страны-соседа; проведены фестивали культур, олимпиады и конкурсы, презентации регионов России и провинций Китая; организованы автопробеги «Маршрутами дружбы» и многие другие мероприятия с участием многих тысяч российских и китайских граждан.

В рамках годов молодежных обменов в наших странах было проведено более 600 различных мероприятий с участием в них более 100 молодых россиян и китайцев. Более 100 тыс. человек из 132 учебных заведений России и Китая участвовали в студенческих обменах.

ОРКД также активно участвует в молодежных обменах. Китайские детские художественные коллективы в течение многих лет по приглашению Общества российско-китайской дружбы принимают участие в Московском международном фестивале-конкурсе детского и юношеского творчества «Открытая Европа. Открытая планета», а детские художест-

венные коллективы из России участвуют в различных фестивалях и конкурсах в Китае. ОРКД содействует также установлению контактов между школами и вузами России и Китая.

В течение последних лет ОРКД провело ряд мероприятий, посвященных юбилейным и памятным датам из жизни китайских государственных и общественных деятелей: Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Сун Цинлин, Дэн Сяопина, Ху Яобана, Ян Шанкуня; Чэнь Юня, Ли Фучуна, Ли Лисаня и Си Чжунсюня; маршалов Чжу Дэ, Пэн Дэхуая, Чэнь И. Эти мероприятия вызвали широкий позитивный отклик у китайской общественности и побудили ОКРД к проведению массовых мероприятий, посвященных выдающимся деятелям культуры и науки России.

Свои мероприятия ОРКД посвящало также выдающимся деятелям китайской культуры, литературы и искусства: всемирно известному мастеру пекинской оперы Мэй Ланьфану; основоположнику современной китайской литературы Лу Синю и известным писателям Ба Цзиню, Мао Дуню и Ван Мэну; известным поэтам и философам древнего Китая Конфуцию, Ли Бо и Ду Фу; композитору Не Эру, а также известным представителям современной китайской творческой интеллигенции Цао Цзиньхуа, Гэ Баоцюаню, Гао Ману.

Все приведенные выше мероприятия, число которых за последнее десятилетие перевалило за 200, проводились и проводятся нашим Обществом для того, чтобы российская общественность лучше знала и понимала историю Китая, его жизнь и успехи, российско-китайские отношения.

В 2015 г. — году 70-летия Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией — Общество российско-китайской дружбы выступило инициатором и организатором большого количества мероприятий, посвященных роли России и Китая в достижении победы во Второй мировой войне.

Совместно с ИДВ РАН 5—6 мая 2015 г. в Москве была организована масштабная российско-китайская конференция с участием 150 российских и китайских ученых и представителей общественности, которую приветствовали своими посланиями президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин. ОРКД и её китайские партнеры выступили организаторами трех крупномасштабных выставок в Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе, посвященных преступлениям японцев на китайской земле и поражению Японии, совместной борьбе Советского Союза и Китая против японской агрессии.

16 сентября 2015 г. Общество российско-китайской дружбы организовало торжественное собрание общественности Москвы, посвященное 70-летию Победы над японским милитаризмом и 70-летию окончания Второй мировой войны. В собрании приняли участие более 800 представителей общественности, включая ветеранов и представителей молодежи.

Общество участвовало в приеме большой группы китайских врачей, совершивших поездку от Москвы до Владивостока с целью организации консультаций для российских ветеранов; оно приняло также участие в организации встречи российских ветеранов — участников боев против японских агрессоров с представителями китайского бизнеса, специально прибывших в нашу страну с подарками для ветеранов.

В 2016 г., по договоренности с нашими китайскими партнерами, в наших странах торжественно отмечена 15-я годовщина Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем.

Торжественно отметили 95-летие КПК; провели круглый стол, посвященный 20-летию Совместной декларации Б.Н. Ельцина и Цзян Цзэминя о провозглашении решимости развивать между Россией и Китаем отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в.; отметили 150-ю годовщину со дня рождения Сунь Ятсена — известного китайского революционера-демократа; свое традиционное мероприятие посвятили 67-й годовщине КНР и российско-китайских дипломатических отношений.

Свои мероприятия мы посвятили 100-летию со дня рождения Ху Яобана — известного государственного и партийного деятеля КНР; отметили 130-летие со дня рождения известных китайских маршалов Чжу Дэ и Хэ Луна.

В числе мероприятий, которые ОРКД провело в 2016 г. — юбилейные даты со дня рождения китайских писателей Лу Синя и Мао Дуня; 90-летие Гао Мана — известного не только в Китае, но и в нашей стране писателя, художника, переводчика и популяризатора русской литературы и искусства; 120-летие китайского поэта и общественного деятеля Сяо Сяня.

Мы обменялись с нашими китайскими партнерами детскими художественными коллективами и делегациями молодых предпринимателей.

29 октября 2017 г. Обществу российско-китайской дружбы — преемнику Общества советско-китайской дружбы, — первому обществу дружбы с народами зарубежных стран в нашей стране, исполняется 60 лет.

Деятельность ОРКД нацелена на то, чтобы своей деятельностью в центре и регионах содействовать укреплению в сознании и жизни народов наших стран понимания того, что России нужен сильный Китай, в равной мере, как Китаю, о чем неоднократно заявляли его руководители, нужна сильная Россия, и что только в соразвитии мы можем успешно решать вопросы будущего наших стран и народов, что позволит нам оставаться «добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами» и приводить в жизнь концепцию «навсегда друзья и никогда враги».

*Владимир Викторович Ларин,
с.н.с. ИВ РАН*

КИТАЙ И УКРАИНСКИЙ КРИЗИС 2014 г.

Аннотация. В статье прослеживается формирование позиции Пекина в отношении украинского кризиса, который не только спровоцировал обострение отношений между Россией и странами Запада, но и катализировал ряд геополитических процессов, приведших к определенным сдвигам в структуре международных отношений, в том числе и в российско-китайских отношениях.

Ключевые слова: Китай, Россия, украинский кризис, российско-китайские отношения.

Annotation. The article traces the formation of the position of Beijing in regard to the Ukrainian crisis, which not only provoked a worsening of relations between Russia and Western countries, but also catalyzed a series of geopolitical processes, which led to certain changes in the structure of international relations, including Russia-China relations.

Keywords: China, Russia, the Ukrain Crisis, Russia-China relations.

Отношение Пекина к событиям на Украине формировалось и уточнялось по мере развития самого украинского кризиса: противостояние в Киеве, государственный переворот, события в Крыму, вхождение Крыма в состав России, события на востоке Украины. За это время региональный кризис не только спровоцировал обострение отношений между Россией и странами Запада, но и катализировал ряд геополитических процессов, которые привели к определенным сдвигам в структуре международных отношений.

Проследим формирование китайской позиции по заявлениям китайских руководителей, представителей МИД КНР, а также комментариев агентства Синьхуа, статьям в газете «Жэньминь жибао» и её онлайн-версии.

Еще на ранних этапах украинского кризиса западные политики пытались использовать авторитет Китая для подкрепления своих позиций. Так, еще 30 января 2014 г. министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский заявил, что якобы во время визита Януковича в Китай китайская сторона обусловила своё инвестирование в украинский аграрный сектор подписанием соглашения об ассоциации Украина — ЕС. На следующий же день посол Китая на Украине Чжан Сиюнь отреагировал на сделанное заявление следующим образом: «Конкретные проекты этого сотрудничества носят исключительно взаимовыгодный характер и происходят только в двустороннем формате»¹.

Накануне подписания соглашения между президентом В. Януковичем и представителями оппозиции, скрепленного подписями министров иностранных дел Германии и Польши 21 февраля агентство Синьхуа выступило с комментарием «Кому могут быть выгодны беспорядки в Украине». В нем говорится, что ситуация в стране резко ухудшилась не из-за усиления столкновений между оппозицией и властями, а уже после того, как стороны приступили к устранению напряженности. Указывая на наличие на майдане некой «третьей силы», которая отказывается прекратить акты насилия, комментатор ставил вопросы: кто стоит за их спиной? Кому выгодны беспорядки на Украине? И соглашался с выводом ряда СМИ, что «усиливающиеся беспорядки — удобный повод для западных стран оказать нажим на власти Украины, чтобы последние стали “послушными” и ускорили процесс интеграции с ЕС, значительно снизив при этом уровень сотрудничества с Россией. Тогда в данном вопросе Москва окажется в изоляции»².

На следующий день агентство Синьхуа опубликовало с места событий «Аналитический обзор: сможет ли соглашение по урегулированию кризиса способствовать изменению ситуации на Украине», в котором излагались различные оценки достигнутого соглашения³. Однако в комментарии от 23 февраля уже сообщалось о неожиданном для многих стремительном изменении ситуации на Украине. Приводились мнения местных обозревателей, что после захвата власти оппозицией напряженность может снизиться, если в юго-восточной части Украины будет наблюдаться стабильность, что формируемая новая власть будет проза-

падной и будет стремиться к скорейшему подписанию соглашения об ассоциации с ЕС. Однако от отношений с Россией новая власть Украины не сможет полностью отказаться, так как без поддержки первой украинская экономика столкнется с большими трудностями⁴.

Следующая китайская реакция последовала 2 марта, когда резко обострилась ситуация на юго-востоке Украины, а Россия заявила о твердом намерении обеспечить безопасность русскоязычного населения и защитить свои интересы в этом регионе. 28 февраля В. Путин обратился в Совет Федерации с просьбой и уже 1 марта получил разрешение использовать в случае необходимости российские вооруженные силы на территории Украины. В ночь с 28 февраля на 1 марта в Крыму был зафиксирован рост активности российских военных. Украинский кризис стал все более приобретать черты международного.

Итак, 2 марта официальный представитель МИД КНР Цинь Ган заявил, что Китай глубоко озабочен ситуацией, сложившейся в Украине, и призывает заинтересованные стороны стремиться к политическому решению разногласий посредством диалога и переговоров на основе уважения международного права. Говоря о ситуации внутри страны, Цинь Ган отметил, что «мы крайне осуждаем насильственные акты, возникшие в предыдущие дни на Украине», добавив, что Китай всегда призывал заинтересованные стороны Украины к мирному решению внутренних разногласий в рамках закона, реальной защите законных интересов украинского народа разных национальностей и скорейшему восстановлению нормального режима социального порядка. При этом было подчеркнуто, что Китай издавна придерживается принципа невмешательства во внутренние дела, уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины⁵.

Таким образом, заявление было выдержано в чисто «китайском» духе. Каждый мог найти в нем то, что ему хотелось. Казалось, это подтверждало предположения аналитиков, что Китай при всем желании поддержать Россию не сможет позволить себе допустить даже толики сомнения в абсолютности принципов суверенитета и территориальной целостности.

3 марта состоялся телефонный разговор между министрами иностранных дел России и Китая. С. Лавров изложил российскую позицию и мнение по ситуации на Украине. После чего, как сообщило агентство Синьхуа, стороны обменялись мнениями по этому вопросу, отметив, что надлежащее преодоление кризиса на Украине очень важно для со-

хранения регионального мира и стабильности⁶. К этому РИА Новости со ссылкой на МИД РФ добавило, что в ходе разговора «было отмечено широкое совпадение точек зрения России и Китая в связи со сложившейся ситуацией в этой стране и вокруг нее»⁷.

На следующий день, 4 марта, состоялся телефонный разговор уже между главами государств. В сообщении Синьхуа говорилось, что В. Путин обменялся с Си Цзиньпином информацией о текущем положении в Украине, а также о позиции российской стороны и предпринимаемых мерах. Си Цзиньпин, в свою очередь, выразил позицию Китая по вышеуказанному вопросу, отметив, что тот факт, что ситуация на Украине дошла до такой стадии, «наверняка имеет свою причину»⁸. В настоящий момент ситуация стала чрезвычайно сложной и чувствительной, что повлияло не только на региональную, но и на всю международную обстановку. Председатель КНР выразил уверенность в том, что российская сторона посредством всесторонних переговоров сможет политическим путем урегулировать этот вопрос, обеспечив региональный и международный мир и стабильность. Он также выразил поддержку китайской стороны посредническим усилиям международного сообщества, направленным на смягчение обстановки⁹.

Пресс-служба Кремля сообщила, что «Владимир Путин и Си Цзиньпин с близких позиций обсудили сложившуюся на Украине чрезвычайно сложную ситуацию; выражена надежда, что предпринимаемые российским руководством шаги позволят снизить общественно-политическую напряженность и обеспечить безопасность русскоязычных граждан, проживающих в Крыму и в восточных регионах Украины»¹⁰.

Как видно из пресс-релизов, российская сторона постаралась всячески подчеркнуть поддержку своих действий со стороны Китая, в то время как китайская версия была выдержана в более обтекаемых выражениях.

И все-таки можно предположить, что именно этот разговор оказался во многом решающим. Важнейшее политическое решение о присоединении Крыма, судя по всему, было только-только принято. Об этом надлежало первому сообщить нашему стратегическому союзнику и услышать его реакцию, что называется, в «закрытом режиме». В случае неприятия Китаем наших действий развитие ситуации для России было бы крайне неблагоприятным. Очевидно, В. Путину удалось найти какие-то весомые аргументы, чтобы заручиться поддержкой Си Цзиньпи-

на. В любом случае принципы суверенитета и территориальной целостности были китайской стороной на время отодвинуты в сторону.

7 марта агентство Синьхуа опубликовало комментарий под довольно неожиданным на тот момент заглавием «Поражение Запада на Украине», в котором дается следующий анализ международного положения.

Возможно, Запад и выиграл в последнем раунде геополитической борьбы, однако результат победы оказался обратным. Теперь, когда военные силы РФ находятся в восточной Украине, чтобы защитить легитимные интересы России и пророссийски настроенные регионы, требующие выхода из состава страны, Украина находится на пороге хаоса и развала. Запад лишь спровоцировал хаос, устранить который он не в состоянии, так как не обладает ни необходимыми ресурсами, ни достаточным благоразумием.

Вмешавшись во внутренние дела Украины под избитым предлогом поддержки демократии, страны Запада недооценили готовность России защищать свои основные интересы на Украине. Российские лидеры еще раз подтвердили свой авторитет и проницательность при подготовке и проведении эффективных контрмер.

Украинский народ не получил демократию или процветание, которые обещал Запад, наоборот, сейчас в стране можно видеть лишь политический хаос и экономический кризис. На примере Украины люди других стран мира в очередной раз увидели, как одна большая страна раскололась на части из-за грубого и эгоистичного поведения Запада.

Заканчивается комментарий призывом к основным силам конфликта отложить свое противостояние в сторону и начать сотрудничество в целях достижения компромисса. Сама Украина должна отказаться от внутренней политической борьбы и стремиться к скорейшему восстановлению законопорядка в стране, что отвечает интересам всех стран мира, в том числе и Китая¹¹.

Следует еще раз вспомнить, что комментарии агентства Синьхуа, так же, как и статьи в печатном органе ЦК КПК газете «Жэньминь жибао», являются формами передачи мнения и позиции руководства КНР.

10 марта Си Цзиньпину позвонил президент США Барак Обама. После того как им было изложено американское видение ситуации на Украине, Си Цзиньпин высказал мнение, что «ситуация на Украине является весьма сложной, и главная задача в настоящее время — сохранить хладнокровие и сдержанность во избежание дальнейшей эскала-

ции напряженности в этой стране». Указывая на необходимость урегулировать проблему политическим и дипломатическим путем, Си Цзиньпин выразил надежду на то, что соответствующие стороны устранят разногласия и будут содействовать политическому урегулированию украинской проблемы. Китайская сторона, отметил он, открыто подходит ко всем предложениям и проектам, которые будут способствовать разрядке ситуации на Украине, готова в дальнейшем сохранить контакты с американской и другими сторонами по этой проблеме¹².

15 марта в Совете Безопасности ООН состоялась голосование американской резолюции по референдуму в Крыму. В ходе её обсуждения постоянный представитель Китая при ООН Лю Цзеи повторил уже известную китайскую позицию, упомянув наличие исторических и современных факторов ситуации в Украине, необходимость принять во внимание законные права и интересы всех народностей Украины и восстановить общественный порядок в стране¹³. При голосовании Китай воздержался. Официальный представитель МИД КНР прокомментировал это так: Китай не поддерживает решение украинского кризиса путем противостояния. Голосование в Совбезе ООН по проекту резолюции именно сейчас приведет исключительно к противостоянию сторон и осложнит ситуацию, что не отвечает интересам и украинского народа, и международного сообщества¹⁴.

Сразу после голосования Лю Цзеи представил три предложения Китая по политическому урегулированию кризиса на Украине: «Во-первых, необходимо как можно скорее создать международный координационный механизм, в который войдут представители всех вовлеченных сторон, для обсуждения пути политического урегулирования украинского кризиса; во-вторых, в этот период стороны не должны предпринимать шагов, которые могут привести к эскалации ситуации; в-третьих, международные финансовые учреждения должны приступить к переговорам с тем, чтобы помочь Украине сохранить политическую и финансовую стабильность»¹⁵.

В связи с последующими крымскими событиями (проведение и подсчет результатов референдума, принятие решения о вхождении в Российскую Федерацию и подписание соответствующего договора) на ежедневных пресс-конференциях официального представителя МИД КНР вопросы по Крыму представители СМИ задавали в эти дни постоянно.

Первая попытка совместить несовместимое была сделана 17 марта. На вопрос «Если Крым станет частью России, то будет ли Китай при-

знавать такой результат?» последовал ответ: «Китай всегда выступает за уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности любого государства. Для решения крымского вопроса следует искать политические способы в рамках закона и порядка»¹⁶. Отметим, что «любое государство» — понятие широкое и в то же время не Украина.

18 марта результаты референдума в Крыму были прокомментированы уже следующим образом: «Китайская сторона <...> рассчитывает, что все стороны будут сохранять сдержанность, как можно скорее отыщут путь политического урегулирования за счет диалога, на основе уважения разумных обеспокоенностей и справедливых прав всех сторон реализуют оптимальное решение и урегулирование крымской проблемы»¹⁷.

В обращении 18 марта В. Путин, поблагодарив всех, кто с пониманием подошёл к шагам России в Крыму, отдельно выразил признательность народу Китая, «руководство которого рассматривало и рассматривает ситуацию вокруг Украины и Крыма во всей её исторической и политической полноте»¹⁸.

На следующий день представитель МИД КНР в своем комментарии вновь сумел упомянуть и уважение Китаем независимости, суверенитета и территориальной целостности любого государства, и необходимость учитывать сложную историческую подоплеку «крымского вопроса», и его современные факторы, тщательно раздумывать и взвешивать все «за» и «против» при его решении¹⁹.

Свою позицию по Украине Си Цзиньпин повторил 25 марта при личной встрече с Б. Обамой в Гааге и 28 марта на встрече с канцлером ФРГ А. Меркель в Берлине. Как известно, 27 марта при голосовании на Генеральной ассамблее ООН резолюции, осуждающей действия России, КНР снова воздержалась. Комментарий МИД КНР к этому можно рассматривать как наиболее полное выражение позиции Китая по украинскому кризису: «Украинская ситуация коренится в сложных исторических и реальных факторах, при урегулировании проблем необходимо сбалансировать интересы всех сторон. Необходимо разрядить напряженность, сократить расхождения с помощью переговоров, стремиться к достижению консенсуса и содействовать политическому урегулированию. Китай всегда занимает справедливую и объективную позицию в украинском вопросе. Китайская сторона выдвинула принципиальную инициативу из трех пунктов. Китай призывает создать и запустить международный координационный механизм, включающий соответствующие стороны, для обсуждения идей и путей политического урегулирова-

ния проблемы. При нынешней ситуации все стороны должны избегать противостояния и усложнения ситуации, прилагать усилия к созданию благоприятных условий для политического урегулирования»²⁰.

К середине апреля произошло резкое обострение ситуации на востоке и юге Украины, и. о. президента Украины подписал указ о начале силовой операции против протестующих, появились первые жертвы. В этой обстановке китайская сторона в очередной раз призвала заинтересованные стороны Украины, сохраняя хладнокровие и сдержанность, на основе полного учета законных интересов и озабоченностей разных регионов и разных национальностей найти каналы урегулирования кризиса путем политического диалога, в целях содействия стабилизации ситуации и социально-экономическому развитию на Украине²¹. На 17 апреля в Женеве была намечена первая встреча министров иностранных дел России, США, Евросоюза и Украины.

На таком фоне российский министр иностранных дел С. Лавров 15 апреля совершил свой рабочий визит в Пекин. Визит был запланирован заранее, главная тема переговоров с китайским коллегой Ван И — подготовка визита В. Путина в мае в рамках шанхайского Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Состоялся обмен мнениями и по Украине. После переговоров в ходе совместной встречи министров с представителями СМИ министр иностранных дел КНР еще раз подробно изложил позицию китайской стороны относительно украинского вопроса, которая в общих чертах заключается в отстаивании политического решения вопроса с учетом сбалансирования позиций всех сторон. Ван И отметил, что можно рассмотреть украинский вопрос с двух сторон. Во-первых, в качестве друга украинского народа китайская сторона не желает дальнейших потрясений в Украине, считая, что внутренний вопрос Украины должен быть решен с учетом справедливых интересов и требований разных регионов и различных национальностей Украины. Это принесет долгосрочный мир и стабильность в Украине. С другой стороны, надлежащее решение украинского вопроса неотделимо от благоприятной внешней среды. В связи с этим китайская сторона призывает к скорейшему созданию платформы для многостороннего диалога²².

В ходе этого визита важнее была прозвучавшая новая качественная оценка российско-китайских отношений. Ван И охарактеризовал их как «отношения, имеющие богатейшее содержание и *важнейшее стратегическое значение в мире*» (выделено мной. — В.Л.). По словам китайского

министра, в сложной и изменчивой международной обстановке обе страны должны поддерживать тесные контакты, наращивать взаимную поддержку и стратегическое взаимодействие, содействовать международной справедливости и защищать мир, безопасность и стабильность в мире и в регионе²³.

В тот же день С. Лаврова принял председатель КНР Си Цзиньпин, который дал новую характеристику уровню отношений двух стран: «Китайско-российские отношения, испытывающие наилучший период развития, превзошли двусторонние рамки: они играют важную роль для сохранения всемирного мира и стабильности». Как выразился председатель КНР, сторонам следует продолжать сохранять тесные связи и стратегические контакты на высоком уровне, непрерывно укреплять взаимную политическую поддержку, активизировать координацию в международных и региональных делах²⁴.

В заявлении представителя МИД КНР по итогам визита также четко как никогда прозвучали слова, что стороны обсудили новые меры по увеличению взаимной поддержки в вопросах, касающихся кровных интересов другой стороны, а также интенсификации международного стратегического взаимодействия в новой ситуации²⁵.

Как известно, во время прямой линии В. Путин также заявил, что российско-китайские отношения находятся на беспрецедентно высоком уровне и оказывают значительное влияние на конфигурацию международных отношений.

Так, мониторинг китайской позиции в отношении украинских событий выводит на проблему изменения характера российско-китайских отношений, а возможно, и всего геополитического расклада сил.

Мог ли Пекин занять другую позицию, прежде всего в «крымском вопросе»? Например, сделать упор на необходимость соблюдения суверенитета и территориальной целостности Украины. Основания для этого у Китая имеются веские: этот принцип международных отношений изначально ставится им во главу угла при подходе к проблемам Тайваня, Синьцзяна и Тибета. Не стоит забывать и о таком «аргументе» в пользу «прозападной» позиции, как экономические интересы Китая в США и Европе. Возможно, на это и рассчитывали те, кто взорвал ситуацию на Украине 21 февраля.

Об уважении независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины, как видно из приведенного выше материала, Китай упомянул не раз²⁶, однако это не стало сутью его позиции. Почему Пе-

кин воспринял российскую аргументацию? Или не в ней дело? А в поиске собственной выгоды? Представляется, что заняв «объективную и справедливую позицию», Китай сделал сильный геополитический ход с далеко идущими последствиями.

Положение России в международном сообществе оказалось в значительной степени зависимым от позиции Китая. При этом Китай сохранил свободу рук. Его поддержка очень выверена и минимально достаточна. США явно отвлеклись от проблем роста экономической мощи Китая и снова видят в России своего главного соперника на международной арене. На два фронта их явно не хватает. Воспользовавшись этим, Китай активизировался в борьбе за спорные острова в южной части Тихого океана.

При этом, оказывая поддержку РФ, КНР обеспечивает себе надежный тыл в прямом и переносном смысле. Впрочем, как и Россия.

Примечания

¹ URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/188289.html>

² URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8543784.html>

³ URL: http://russian.news.cn/cis/2014-02/22/c_133135538.htm

⁴ URL: http://russian.news.cn/cis/2014-02/23/c_133137199.htm

⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8551594.html>

⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8552632.html>

⁷ URL: <http://vz.ru/news/2014/3/3/675247.html>

⁸ «偶然中有必然». См.: URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/04/c_119606694.htm

⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8554326.html>; URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-03/04/c_119606694.htm

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/news/20372>

¹¹ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8558922.html>

¹² URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8560933.html>

¹³ URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8566808.html>

¹⁴ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1137926.htm>

¹⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8567892.html>

¹⁶ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1139008.htm>

-
- ¹⁷ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1138759.htm>
- ¹⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603#sel>
- ¹⁹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1139646.htm>
- ²⁰ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1142971.htm>
- ²¹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1147667.htm>
- ²² URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1148734.htm>
- ²³ URL: http://russian.news.cn/china/2014-04/15/c_133264732.htm
- ²⁴ URL: http://russian.news.cn/china/2014-04/15/c_133264765.htm
- ²⁵ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fyrth/t1148706.htm>
- ²⁶ Правда, после 2 марта слово «Украины» заменило словосочетание «любо-го государства».

*Александр Викторович Шитов,
ИДВ РАН*

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССА НОРМАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКО/ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. По-прежнему дорожа достигнутой в конце 1980-х годов нормализацией отношений с Китаем, РФ не в полной мере использует в своих интересах практический потенциал добрососедства.

Ключевые слова: моделирование российско-китайских отношений, «советская угроза», «три больших препятствия», советская дипломатия, нормализация.

Annotation. Still appreciating the normalization of the Russian-Chinese bilateral relations made in the late '80s, our country doesn't fully exploit the hole neighbourhood potential.

Keywords: the simulation of the Russian-Chinese bilateral relations, «the Soviet threat», «three big obstacles»; the Soviet diplomacy, normalization.

Изучение мнения официального Китая и китайского общества относительно того, что представляет собой современная политика России, позволяет избегать однобокого моделирования российско-китайских отношений, исходя исключительно из субъективного понимания российской стороной того, какими именно должны быть эти отношения. Ведь то, что нам самим порой кажется верным и обоснованным, совершенно необязательно воспринимается противоположной стороной точ-

но таким же образом. Нередко появляются досадные и недоумённые комментарии о том, почему Китай как стратегический партнёр России не оказывает безусловную поддержку нашим действиям, в частности вокруг событий на Украине. Так, выступая на закрытии ежегодной сессии ВСНП в конце 2014 г., премьер Госсовета КНР Ли Кэцян не только выдвинул уважение суверенитета и территориальной целостности Украины как основополагающую позицию Китая в ходе украинского кризиса, но и добавил, что вопрос о «статусе Крыма» весьма сложный и должен решаться за столом переговоров. Данная позиция не совпадает с официальной позицией российского руководства: Крым в составе России раз и навсегда, и обсуждению данный вопрос не подлежит.

Причину подобного несоответствия политических позиций следует, в частности, искать в истории отношений СССР и России с КНР за последние 37 лет, со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва, положившего начало процессам, изменившим не только экономическую и внутривнутриполитическую ситуацию в Китае, но и фактически изменившим отношение китайского руководства ко многим международным проблемам. Практически параллельно шли тогда процессы решающего выхода Китая из состояния конфронтации с ведущими державами: Советским Союзом и США, — тем не менее, позиции последних в ходе нормализации их отношений с КНР назвать похожими совершенно нельзя, точнее, можно, но только до определённого момента, — до 1985 г.

Установив официальные дипломатические отношения с КНР 1 января 1979 г. и одновременно отказавшись от признания Китайской Республики (КР) на Тайване как субъекта международного права, США, тем не менее, утвердили Закон об отношениях с Тайванем, который действует по сей день и в том числе допускает продажу американского оружия КР на Тайване. Подобная позиция США сразу же вызвала резкое неприятие руководства КНР вплоть до готовности к разрыву только что установленных китайско-американских дипотношений. Например, 16 июня 1981 г. на встрече в Пекине с госсекретарём США Хейгом Дэн Сяопин прямо заявил: «Наиболее чувствительная проблема для нас — это продажа Соединёнными Штатами оружия Тайваню... Мы не сможем не реагировать на чрезвычайно серьёзные помехи, влияющие на китайско-американские отношения, даже если наша реакция чревата соответствующими последствиями, вплоть до застоя и даже отката китайско-американских отношений, — внутренне мы должны быть готовы и к такому развитию событий»¹. Смягчить напряжённость в ки-

тайско-американских отношениях помогло подписание в 1982 г. китайско-американского коммюнике от 17 августа — «Китайско-американской декларации о решении проблемы продажи оружия Тайваню Соединёнными Штатами Америки», — в котором США «пообещали» Китаю не нарушать его суверенитет и территориальную целостность, не вмешиваться в его внутренние дела, не проводить политику «двух Китаев» либо «одного Китая и одного Тайваня», не допускать того, чтобы по своим характеристикам и в количественном отношении оружие, которое Соединённые Штаты будут продолжать продавать Тайваню, превзошло оружие, уже проданное ими раньше с момента установления дипломатических отношений между США и КНР. Кроме того, в этом коммюнике США заявили о «готовности» постепенно сокращать продажу оружия Тайваню и о намерении «в течение определённого времени окончательно решить проблему продажи оружия Тайваню». С момента подписания «Коммюнике от 17 августа» прошло более 33 лет, но США до сих пор не «решили окончательно проблему продажи оружия Тайваню». Так, 8 декабря 2014 г. агентство Синьхуа привело слова представителя МИД КНР Хун Ляя, заявившего о «серьёзном представлении», сделанном Китаем в адрес США в связи с принятием Сенатом Конгресса США законопроекта, разрешающего президенту США продавать Тайваню ракетные фрегаты класса «Оливер Х. Перри». Тем не менее неизменная неуступчивость Соединённых Штатов Китаю по этой и по целому ряду других международных проблем не мешает последнему полагать американское направление приоритетным для себя и во внешней политике, и в финансово-экономической сфере, так или иначе считаясь с принципиальной позицией США практически по любому серьёзному вопросу.

О стремлении к нормализации отношений с Россией Китай заявил тогда же, в 1979 г. 3 апреля на 7-м заседании Постоянного комитета ВСНП 5-го созыва было принято решение об отказе от пролонгации Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР, подписанного 14 февраля 1950 г., срок действия которого истекал 11 апреля 1980 г. В тот же день министр иностранных дел КНР Хуан Хуа проинформировал посла СССР в КНР Щербакова об этом решении и одновременно предложил советской стороне начать поэтапные двусторонние переговоры для обсуждения нерешённых проблем китайско-советских отношений и для их улучшения. Как и в случае с США, дальнейшую нормализацию отношений с которыми китайское руководство изна-

начально оговаривало тайваньской проблемой, Китай изначально обставил процесс нормализации отношений с СССР, к которой сам же стремился, рядом предварительных условий. Так, после ташкентского выступления Л.И. Брежнева в марте 1982 г., в котором было ясно сказано о готовности советской стороны к обсуждению самого широкого комплекса мер по нормализации советско-китайских отношений, но без предварительных условий, Дэн Сяопин 16 апреля 1982 г. попросил находившегося в Пекине Чаушеску передать Брежневу буквально следующее: пускай он, Л.И. Брежнев, сначала сделает на практике одну-две вещи, — а там посмотрим; можно начать с кампучийской и афганской проблем, а можно с отвода советских войск от китайско-советской границы или с вывода их из Монголии². В июле и августе 1982 г. на совещании главных ответственных работников МИД КНР под председательством Дэн Сяопина, Ли Сяньняня и Чэнь Юня, посвящённом китайско-советским отношениям, было предложено сделать серьёзный шаг навстречу советской стороне, чтобы добиться их существенного улучшения, но при этом выдвинуть принципиальное условие, касающееся необходимости самостоятельного решения Советским Союзом проблемы «трёх больших препятствий» для устранения, таким образом, угрозы безопасности Китая. Под «тремя большими препятствиями» в Китае понимали дислокацию крупных советских воинских формирований на китайско-советской и китайско-монгольской границах; поддержку Советским Союзом «вьетнамской агрессии» в Кампучии; советское «вооружённое вторжение» в Афганистан³.

Следует сказать, что существование в сознании китайского руководства проблемы «трёх больших препятствий», с которой оно подошло к пониманию необходимости нормализации отношений с СССР, было логичным продолжением давних серьёзных опасений Китая по поводу «советской военной угрозы», в свою очередь сформировавшихся на фоне ухудшения советско-китайских отношений во второй половине 1960-х годов.

Современные китайские историки отмечают, что в своей политике по отношению к Китаю Л.И. Брежнев пошёл дальше Н.С. Хрущёва, пытаясь с помощью военной силы оказать мощное давление на Китай с севера на юг вдоль линии советско-китайской границы для стратегического окружения Китая. В июне 1969 г. Брежнев выступил с предложением создать «систему коллективной безопасности в Азии», для чего из Советского Союза в расположенные вокруг Китая государства, такие

как страны ЮВА, Япония, было направлено более 20 делегаций. Путём сочетания этих усилий с военными приготовлениями вдоль своей границы с Китаем СССР, как отмечается в «Очерках по истории КНР», пытался создать кольцо окружения, сжимающее Китай⁴.

Является фактом, что события на о. Чжэньбаодао (о. Даманский. — *А.Ш.*) до предела обострили отношения между Китаем и Советским Союзом. Заслушав 15 марта 1969 г. доклад о боях на о. Чжэньбаодао, Мао Цзэдун указал: «Северо-Восточный, Северный и Северо-Западный Китай должны быть готовыми. Грозный враг у ворот, поэтому необходима готовность к мобилизации. Наша позиция в том, чтобы выждать благоприятный момент для нанесения ответного удара и обуздания врага...»⁵ В Генеральном штабе НОАК была сформирована Группа управления военного времени, все части вооружённых сил Китая были приведены в состояние боевой готовности номер один. Повсеместно велись мобилизация и обучение населения на случай войны, формировались руководящие органы всех уровней, строились подземные сооружения ПВО, формировалась система управления производством военного времени, система тылового обеспечения военного времени и т. д.⁶

Современный китайский историк Шэнь Чжихуа пишет: «Весной 1983 г. состоялся новый раунд американо-советских переговоров по проблеме сокращения размещённых в Европе ракет средней дальности. Международное общественное мнение обратило внимание на то, что Китай внимательно отслеживал позиции сторон на этих переговорах, поскольку опасался, что в случае заключения соглашения между США и СССР Советский Союз, возможно, передислоцирует сокращаемые в Европе ракеты средней дальности к востоку от Уральских гор и тем самым усилит своё военное давление на Китай»⁷.

Сегодня китайские историки пишут о том, что в ходе пяти раундов китайско-советских политических консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел, продолжавшихся с октября 1982 г. до ноября 1984 г., существенного прогресса в китайско-советском диалоге достичь не удалось из-за того, что СССР, «не желая считаться с реальностью, под всевозможными предлогами всё время уходил от обсуждения темы устранения “трёх больших препятствий” как предпосылки для нормализации двусторонних отношений»⁸.

Иными словами, до 1985 г., ведя диалог с Китаем, СССР твердо и последовательно отстаивал свои внешнеполитические позиции. Однако в последующем руководство СССР выполнило все предварительные ус-

ловия Китая: в конце 1988 — начале 1989 г. была достигнута принципиальная договорённость о выводе вьетнамских войск из Кампучии до конца 1989 г.; 15 февраля 1989 г. советские войска были выведены из Афганистана; ранее состоялся отвод крупных формирований советских войск от советско-китайской границы и их полный вывод из Монголии. И только после этого в мае 1989 г. Дэн Сяопин, как и обещал, встретился с М.С. Горбачёвым, что означало окончательную нормализацию советско-китайских отношений. Позднее уже российское руководство вновь пошло навстречу китайской стороне, уступив ей часть приграничной территории в порядке делимитации границы.

В наши дни резко контрастируют между собой уже упоминавшееся заявление премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна, по сути дела, оставляющее без партнёрской поддержки усилия России, направленные на международное признание статуса Крыма под российской юрисдикцией, и заявление министра иностранных дел России С.В. Лаврова в конце апреля 2016 г. о недопустимости «интернационализации» спора вокруг островов Сиша (Парасельских) и островов Наньша (Спратли), по сути, призывающее к сохранению статус-кво этих спорных островов, находящихся под фактическим контролем Китая. Называя вещи своими именами, получается, что Россия, закрывая глаза на не вполне партнёрское отношение к себе Китая по некоторым принципиальным политическим вопросам, продолжает всячески поддерживать своего «стратегического партнёра», как только ему требуется поддержка.

Возвращаясь к истории нормализации отношений между РФ и Китаем в 80-е годы 20-го столетия, следует заметить, что инициатива в этом процессе, начало которому было положено в октябре 1982 г. первым раундом советско-китайских консультаций на уровне заместителей министров иностранных дел, по признанию современных китайских историков, исходила от китайской стороны, воспользовавшейся кончиной Л.И. Брежнева для стремительной «похоронной дипломатии». Как пишет Шэнь Чжихуа, «китайско-советские отношения застопорились вовсе не из-за того, что политические консультации между Китаем и СССР зашли в тупик. В тот период серьёзное влияние на политику обеих стран оказали изменения политической ситуации, происходившие как в Китае, так и в СССР... китайская сторона... была гораздо инициативнее и предприняла гораздо более активные усилия, чем советская сторона. Высшие руководители СССР уходили из жизни один за другим, что вело к усложнению внутривнутриполитической обстановки в Совет-

ском Союзе... в тот период усилия китайской стороны стали главной движущей силой процесса улучшения китайско-советских отношений»⁹.

Как известно, 10 ноября 1982 г. советское правительство объявило о кончине Л.И. Брежнева. Китайская сторона оперативно приняла важное решение о том, чтобы воспользоваться этим обстоятельством в целях улучшения китайско-советских отношений. Таким образом, смерть видного государственного деятеля была использована как повод для разблокирования межгосударственного политического тупика, что можно назвать прецедентом в отношениях между Китаем и СССР. В дни похорон советского лидера китайцы высадили в Москве свой «десант» во главе с министром иностранных дел КНР Хуан Хуа. Подготовка к визиту этой делегации проводилась в Китае наисерьёзнейшим образом. МИД КНР разработал одобренную ЦК КПК подробную программу внешнеполитических действий делегации в Москве. Накануне её отлёта специально организованным для этого рейсом Дэн Сяопин имел телефонную беседу с Хуан Хуа, в ходе которой дополнил и отредактировал ранее выработанную политическую линию. Он заострил внимание министра на том, что, во-первых, делегации надлежит изложить точку зрения китайской стороны относительно её надежды на совместные усилия обеих стран по устранению препятствий, мешающих развитию отношений между КНР и СССР, а во-вторых, на том, что делегация должна добиться встречи с А.А. Громыко и откровенно побеседовать с ним. Кроме того, уже по прилёту в Москву Хуан Хуа был ознакомлен в посольстве КНР с телеграммой-«молнией» из Пекина, в которой содержались новые уточнения относительно официальной позиции китайской делегации. Ей, в частности предписывалось не только добиваться встречи лично главой советского МИДа, чтобы создать, таким образом, прецедент ведения двустороннего диалога на уровне министров иностранных дел, а не их заместителей, но и высказать неудовлетворённость китайской стороны двусторонними отношениями в брежневскую эпоху, а также надежду на конструктивный диалог с новым советским лидером. С А.А. Громыко министр иностранных дел КНР беседовал 1,5 часа, однако обстоятельной беседы Хуан Хуа с Ю.В. Андроповым тогда не произошло, их встреча ограничилась коротким протоколом¹⁰.

И, хотя А.А. Громыко категорически отказался обсуждать с Хуан Хуа пресловутые «три большие препятствия», свою «программу-минимум» китайская делегация в ноябре 1982 г. выполнила, добившись того,

что советская сторона в принципе поддержала идею кардинальной нормализации двусторонних отношений. После внешнеполитического «штурма» в ноябре 1982 г. китайская дипломатия по большому счёту более не предпринимала «сверхусилий», направленных на то, чтобы продвинуть вперёд процесс нормализации, а аккуратно, пошагово «обволакивала» советскую сторону, всё глубже и глубже вовлекая, «затягивая» её в этот процесс. (В китайском языке существует слово 引诱 «инью» — «соблазнять, завлекать, заманивать», которое, по мнению автора настоящей статьи, наиболее точно отражает суть действий Китая по вовлечению России в процесс «нормализации».)

Снова вернемся к уже упомянутой книге, ответственным редактором которой является Шэнь Чжихуа. В ней обращается внимание на тот факт, что впервые более чем за 20 лет в Китай с официальным визитом сентябре 1983 г. был приглашён заместитель министра иностранных дел СССР М.С. Капица. Участие в похоронах Ю.В. Андропова китайской делегации во главе с заместителем премьера Госсовета КНР Вань Ли создало благоприятные условия для визита в Китай в декабре 1984 г. первого заместителя председателя Совета министров СССР И.В. Архипова. Советская сторона поначалу предлагала, чтобы он посетил Китай в качестве гостя посольства СССР, но МИД КНР ответил, что надеется на посещение Архиповым Китая в качестве гостя правительства КНР. Вехой в процессе сближения является официальная встреча министра иностранных дел КНР У Сюецяня и министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, состоявшаяся в сентябре 1984 г. на Генассамблее ООН в Нью-Йорке. Сначала У Сюецянь нанёс визит А.А. Громыко в резиденции советской делегации, а затем последний нанёс ответный визит¹¹.

Китайские историки резюмируют: «По сути дела, по мере улучшения и развития китайско-советских двусторонних отношений в различных сферах общественно-экономической деятельности само понятие “нормализация китайско-советских отношений” становилось всё менее актуальным, всё более напоминавшим некий ориентир при разрешении ряда стратегических вопросов в отношениях между Китаем и СССР. Если объективно посмотреть на развитие китайско-советских отношений, то с высокой долей вероятности их “нормализация” представляется процессом постепенного купирования политических проблем, стоявших между двумя странами»¹².

То есть для прагматичных китайцев «нормализация» отношений с РФ отнюдь не являлась самоцелью, она, как справедливо отмечается в

книге, — не более чем некий «ориентир при разрешении ряда стратегических вопросов». Добившись «нормализации», Китай наконец-то избавился от многолетних фобий по поводу «советской военной угрозы» и, не оглядываясь на северные границы, спокойно и эффективно занимался своим экономическим строительством. Но и этим выгоды, полученные Китаем в результате «нормализации», не ограничиваются.

Заявляя о стремлении к «нормализации» в отношениях с РФ, Китай получал и получает политические и, конечно, экономические бонусы от своего статуса поборника «нормализации» советско-китайских, российско-китайских отношений в виде ценовых предпочтений на российские углеводороды, например.

В России, в отличие от Китая, «нормализация», похоже, так и не стала рабочим «ориентиром», уже три десятилетия оставаясь некоей «идеей ради идеи», и, похоже, мы по-прежнему проводим свою политику в отношении Китая исключительно под флагом этой сверхидеи, при этом нередко не обращая внимания на собственную политическую и экономическую выгоду/невыгоду в отношениях со «стратегическим партнёром». В результате такой политики возникает неизбежный «перекос» в отношениях с «великим восточным соседом», кстати, подталкивающим китайцев не только на соблазн экономического потребительства и на политическую фривольность в отношениях с Россией, но — что, возможно, гораздо неприятнее, — лишаящим Россию подлинного партнёрского уважения со стороны Китая. Образ России как твёрдого и решительного партнёра КНР постепенно утрачивает свои характеристики. И если подобная ситуация существует не только в воображении автора настоящей статьи, а действительно имеет место в межгосударственных отношениях современных России и Китая, то это крайне невыгодно для нас на длительную перспективу. Ибо бесконечные односторонние уступки и реверансы, огульное всепрощенчество, до которых мы порой скатываемся в наших отношениях с Китаем сегодня, могут сыграть с нами злую шутку завтра или послезавтра.

Примечания

¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао (Очерк по истории Китайской Народной Республики) / Под ред. НИИ современного Китая. (Дандай чжунго яньцзюсо чжу). Пекин, 2012. Т. 4. С. 328.

-
- ² Там же. С. 337.
- ³ Там же.
- ⁴ Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. Т. 3. С. 176.
- ⁵ Цит. по: Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. Т. 3. С. 177—178..
- ⁶ Там же. С. 177—179.
- ⁷ Чжунсу гуаньси шиган (Основные вехи истории китайско-советских отношений. 1917—1991) / Под ред. Шэнь Чжихуа. Пекин, 2007. С. 496.
- ⁸ Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. Т. 4. С. 339.
- ⁹ Чжунсу гуаньси шиган (1917—1991). С. 491—492.
- ¹⁰ См.: Там же. С. 492—496.
- ¹¹ См.: Там же. С. 496—500.
- ¹² Там же. С. 503.

*Людмила Леонидовна Сухадольская,
с.н.с. ИДВ РАН*

ПРОБЛЕМА ГАРМОНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

Аннотация. В докладе рассматривается проблема гармонии и ее стратегической роли во внешней политике КНР. Показано значение наследования и развития принципов традиционной китайской идеологии гармонии для построения гармоничного общества. Проанализирован инновационный характер современной китайской дипломатии в новых условиях. Автор показывает, как осуществление «китайской мечты» зависит от мирного окружения Китая.

Ключевые слова: Китай, Си Цзиньпин, гармония, «китайская мечта», внешняя политика, «новая дипломатия».

Annotation. The report deals with the problem of harmony and its strategic role in China's foreign policy. It shows the significance of inheritance and development of the principles of traditional Chinese ideology of harmony for building a harmonious society. It analyzes the innovative character of the contemporary diplomacy of China. The author shows how the implementation of the «Chinese Dream» depends on China's peace surroundings.

Keywords: China, Xi Jinping, harmony, «Chinese dream», foreign policy, «new diplomacy».

В Китае издавна особое внимание уделяли понятию «гармония» (*хэ-се*) как высшей ценности. Выдвинутая Конфуцием идея «единения (гармонии) без унификации» (*хэ эр бу тун*) — это важный закон развития

отношений всех вещей в природе и общественных отношений, а также важный принцип поведения людей, истина скоординированного развития человеческой цивилизации. Гармония не однообразна, разнообразие исключает взаимные конфликты. Гармония строится на принципах сосуществования, и «одно дополняет другое», «в гармонии — осуществлять совместное развитие, в разнообразии — перенимать все лучшее от противника»¹.

В период становления государственности в Китае шел процесс поисков наиболее результативной модели управления государством. Наиболее эффективной оказалась модель, предложенная Янь Ином, сановником царства Ци (правление Цзин-гуна, 547—490 гг. до н. э.). Он полагал, что достижение единения может быть осуществлено в процессе столкновения и согласования различных мнений. Лишь это позволит правителю выйти на верную дорогу, ведущую к сердцу народа².

И сегодня успешное и процветающее общество в большой степени основывается на системе ценностей, предложенной еще Конфуцием. Проблема гармонии играет стратегическую роль как во внутренней, так и во внешней политике КНР. Учитывая тот факт, что в Китае реализуется курс на построение «гармоничного общества» (*хэсе шэцхуэй*), важными составляющими которого являются процветающее [гармоничное] государство, гармония в семье, воспитание высоко нравственного человека, очевидным становится существование двух стратегий: внутренней, направленной на развитие государства и построение среднезажиточного общества (*сяокан шэцхуэй*), и внешней, целью которой является распространение и укрепление влияния «мягкой силы» страны, когда под видом мифологемы «гармонии» («гармонии в мире», «мира во всем мире»), ставшей идеологемой, осуществляется одна из культурных стратегий влияния Китая. Сегодня руководство КНР, используя культурную стратегию «ставить древность на службу современности», все чаще включает конфуцианские идеи в концепцию создания «гармоничного общества»³.

Наследование и развитие принципов традиционной китайской идеологии гармонии имеет огромное значение для построения гармоничного общества. Именно понятие «гармоничное общество» было заложено в основу формирования концепции «китайской мечты» (*чжунго мэн*), выдвинутой лидером нового, пятого поколения китайских руководителей Си Цзиньпином в 2012 г. и получившей статус главной официальной идеологемы на ближайшие годы. Идею «единства без унифика-

ции» Си Цзиньпин считает неотъемлемой частью «китайской мечты» и подчеркивает, что осуществление «китайской мечты» требует приверженности политике мира и развития. Реализация «китайской мечты» на основе признания ее совместимости с частными мечтами других стран придает новое содержание древней конфуцианской идее «единства без унификации».

После XVIII съезда КПК (2012 г.) и прихода к власти нового поколения руководителей стали очевидными изменения во внешнеполитическом курсе КНР. В конце 2014 г. Си Цзиньпин выдвинул концепцию об установлении международных отношений нового типа, основанных на взаимовыгодном сотрудничестве. Впервые, выступая на ежегодных дискуссиях Генеральной Ассамблеи ООН высокого уровня в сентябре 2015 г., председатель КНР Си Цзиньпин призвал к созданию международных отношений нового типа. В настоящее время китайские официальные лица и политологи делают акцент именно на новизне китайской дипломатии, которая выражается в теории «дипломатии с китайской спецификой», новом положении китайских лидеров на мировой арене и дальнейшем развитии китайской «мягкой силы».

Первая зарубежная поездка нового китайского лидера в марте 2013 г. в Россию, Танзанию, ЮАР и Республику Конго, а также участие в 5-м саммите стран-членов БРИКС продемонстрировали намерение Китая содействовать дальнейшему слиянию «китайской мечты» со «всемирной мечтой». Как подчеркивала британская газета «Гардиан», визит Си Цзиньпина имел исторический характер, поскольку в его ходе была обнародована политика Китая и продемонстрирована решимость Пекина идти по пути мирного развития, высоко неся в руках знамя мира, развития, взаимодействия и обоюдного выигрыша⁴.

Посол КНР в Казахстане Чжоу Ли в своей статье, опубликованной в газете «Деловой Казахстан», также подчеркивает, что «китайская мечта» выразительно трактует путь мирного развития Китая, она содержит в себе quintэссенцию тысячелетней истории и культуры, которая заключается в таких идеях, как «гармония ценней всего», «не делай людям того, чего не желаешь себе». Широкая душа китайской нации, которая характеризуется идеями «находиться в гармонии при разногласиях», «достигшим удаchi людям следует делать добро для всех», делает построение гармоничного мира с долгосрочным миром и всеобщим процветанием возможным. «Китайская мечта» может быть осуществлена только при общем развитии всего человечества. Китай готов укреплять

контакты со всеми странами и учиться друг у друга, наращивать взаимовыгодное сотрудничество и добиваться взаимодополняемости, чтобы мечты каждой страны могли быть реализованы в ходе совместного развития⁵.

Министр иностранных дел КНР Ван И, выступая на 2-м Международном форуме мира в университете Цинхуа 27 июня 2013 г., выделил семь направлений внешнеполитической деятельности Китая: 1) строительство отношений нового типа между великими державами; 2) создание мирной и стабильной среды с сопредельными государствами; 3) установление отношений с развивающимися странами на основе концепции справедливости и выгоды; 4) дальнейшее проведение политики реформ и открытости; 5) активное участие в решении международных и региональных проблем, формирование нового мирового порядка; 6) отстаивание целей и принципов Устава ООН и норм международного права; 7) защита законных прав китайских граждан за рубежом⁶.

За последние годы руководство Китая выдвинуло новые концепции внешней политики страны, направленные на обеспечение мира и развития на планете. Во вступительном слове на открытии Беооского азиатского форума 7 апреля 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин призвал укреплять в умах народов представление о сообществе с единой судьбой. Китайский лидер заявил, что наша планета — это дом для всех стран. Общее развитие, которое является основой устойчивого развития, служит долгосрочным и коренным интересам всех народов мира. Китай уже разделил приверженность идее сообщества с единой судьбой с Африкой, Латинской Америкой, арабскими государствами и Европой.

7 сентября 2013 г. Си Цзиньпин выступил в Назарбаев-Университете в Казахстане и предложил, чтобы Китай и Центральная Азия объединили усилия с целью создания «экономического пояса Шелкового пути» для повышения уровня сотрудничества. 3 октября 2013 г. Си Цзиньпин заявил в своем выступлении в индонезийском парламенте, что КНР и АСЕАН будут способствовать морскому сотрудничеству и создадут морской Шелковый путь XXI в. Более 50 стран вдоль древнего Великого шелкового пути выразили готовность участвовать в инициативе «один пояс — один путь», чтобы способствовать общему развитию Китая, Европы и Азии. Эта концепция создала новую возможность для расширения экономических и культурных связей, установленных вдоль Великого шелкового пути, и представила взаимовыигрышный подход к мирному сосуществованию и совместному развитию. Реализация кон-

цепции «один пояс — один путь» принесет выгоду 4,4 млрд человек, или 63 % мирового населения.

27 марта 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении в штаб-квартире ЮНЕСКО призвал к глобальным усилиям по активизации обменов и взаимного обучения, а также к достижению гармоничного сосуществования различных цивилизаций. Он отметил, что цивилизации представляются разнообразными, равноправными и инклюзивными, добавив, что междивилизационные обмены и взаимное обучение должны в полной мере сыграть роль моста дружбы между народами, стать движущей силой человеческого прогресса и прочно скрепить мир во всем мире.

9 ноября того же года на встрече АТЭС Си Цзиньпин призвал приложить усилия для осуществления «азиатско-тихоокеанской мечты». Он отметил, что данная мечта направлена на то, чтобы действовать в духе азиатско-тихоокеанского сообщества и придерживаться сознания единой судьбы, следуя тенденциям мира, развития и взаимовыгодного сотрудничества и работая ради процветания и прогресса в регионе. Она также направлена на опережение глобального развития и внесение большего вклада в благополучие человечества, усиление жизнеспособности экономики, стимулирование свободной торговли и упрощение процедур в области инвестиций, улучшение дорог и укрепление обменов между народами. Кроме того, «азиатско-тихоокеанская мечта» ориентирована на обеспечение большей безопасности и процветания народов и создание для детей лучшей среды, в которой они будут расти, работать и жить. Для её осуществления весь регион должен удвоить усилия по установлению партнерских связей, характеризующихся взаимным доверием, инклюзивностью, взаимовыгодным сотрудничеством, и совместно построить открытую экономику⁷.

На проходившей в Пекине конференции по вопросам дипломатии Си Цзиньпин подчеркнул необходимость хорошей дипломатической работы в сопредельных странах. Он отметил, что «стратегической целью китайской внешней политики в отношении сопредельных стран является служение задаче национального возрождения, для чего Китай должен консолидировать дружеские отношения с соседними странами и наилучшим образом использовать имеющиеся сейчас стратегические возможности». Китайский лидер призвал учитывать как внутреннюю, так и международную обстановку, отметив, что внутри КНР нужно сосредоточиться на «вековых целях» и «китайской мечте», а в международной

сфере — на создании благоприятных внешних условий для китайских реформ, развития и стабильности, защиты национального суверенитета, безопасности и развития, защиты глобального мира и стабильности, а также содействия совместному развитию⁸.

Явным признаком растущего участия Китая в мировых делах являются частые заграничные визиты его высших лидеров. «Китайский вихрь», созданный более уверенной и активной дипломатической позицией нового руководства страны, захватил мир в 2014 г. Как отметил министр иностранных дел КНР Ван И, Китай тогда собрал «невиданный дипломатический урожай». Одной из основных причин урожайного года стала уверенность и более активная дипломатическая позиция нового китайского руководства. В течение 3 лет председатель Си Цзиньпин посетил свыше 50 государств на 5 континентах. Зарубежные поездки китайских руководителей показали приверженность Китая продвижению мирного развития и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами и продемонстрировали конструктивную роль, которую Китай играет в поддержании мира, стабильности и развития в Азии и в мире в целом.

«Достоинства китайских лидеров всегда были чрезвычайно высокими, — отмечал бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер в интервью Синьхуа. — Но каждое поколение китайских лидеров, которое я встречал, отражало различный опыт китайской новейшей истории». «Новейшая история», упомянутая Г. Киссинджером, связана с неустанными усилиями Китая по реализации китайской мечты национального возрождения путем ускорения всесторонних реформ и продвижения верховенства закона. Между тем экономическая и политическая турбулентность в мире в 2014 г. еще сильнее сигнализировала о необходимости достижения мира и развития, а также сотрудничества, перемен и создания сообщества с единой судьбой⁹.

На фоне увеличения вызовов глобального характера руководство Китая направляет усилия для продвижения системы глобального управления в более справедливом и рациональном направлении в целях создания более благоприятных условий для развития Китая и обеспечения мира на планете. На очередном 27-м коллективном семинаре Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин заявил, что основная цель участия Китая в глобальном управлении — достижение двух великих целей: во-первых, к 100-летию КПК создать в Китае среднезажиточное общество, во-вторых, к 100-летней годовщине своего образования КНР должна стать бо-

гатов, могущественной, демократической, цивилизованной и гармоничной современной социалистической страной, а также осуществить мечту о великом возрождении китайской нации. По его мнению, на фоне увеличения вызовов глобального характера укрепление глобального управления и изменение его системы станут общей тенденцией. Для противостояния глобальным вызовам нужны общие усилия стран всего мира¹⁰.

В сентябре 2015 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин нанес первый визит в штаб-квартиру ООН для участия в серии саммитов ООН и конференций по случаю 70-летия создания ООН. Излагая свое видение международных отношений нового типа, китайский лидер призвал к совместному созданию рациональной, справедливой и взаимовыгодной архитектуры безопасности, к открытому, инновационному и всеохватному взгляду на развитие, а также к активизации межцивилизационных обменов для содействия гармонии, инклюзивности и уважительному отношению к различиям. Кроме того, Си Цзиньпин пообещал создать Фонд мира и развития Китай—ООН размером 1 млрд долл. в поддержку деятельности ООН и для развития многостороннего сотрудничества¹¹.

27 сентября в Нью-Йорке состоялась церемония вручения ООН «Кубка мира» от Китая в связи с празднованием 70-летия основания Организации, на которой присутствовали председатель КНР Си Цзиньпин и генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. Китайский лидер в своем выступлении отметил, что «Кубок мира», прототипом которого послужили древние китайские бронзовые сосуды *цзунь*, не только демонстрирует древнюю историю и современную цивилизацию китайской нации, но и воплощает общение и обмен между различными цивилизациями и культурами, открытость и совместный прогресс. «Кубок мира» передал сигнал о вере Китая и китайского народа в стремление к миру, развитию, сотрудничеству и взаимному выигрышу, что соответствует духу Устава ООН. Китайская сторона намерена совместно со всеми странами мира продолжать прилагать совместные усилия для реализации «ооновской мечты»¹².

Выступая на саммите ООН по миротворчеству, Си Цзиньпин изложил принципиальную позицию Китая по обеспечению мира на планете и выразил новый взгляд на способы содействия глобальному росту и развитию, добавив, что китайское видение, мнение и инициативы в значительной мере обогатили повестку дня в области развития на пери-

од после 2015 г., принятую на саммите ООН. Для надлежащей её реализации глава КНР выдвинул предложение, состоящее из четырех пунктов: наращивание потенциала развития, улучшение международного климата, обновление партнерства в целях развития и укрепление координационных механизмов. Си Цзиньпин сообщил, что Китай учредит Фонд содействия сотрудничеству по линии Юг—Юг и выделит для этой цели на первом этапе 2 млрд долл., а также окажет развивающимся странам поддержку в реализации повестки дня в области развития на период после 2015 г. Кроме того, Китай освободит наименее развитые страны, развивающиеся государства, не имеющие выхода к морю, а также небольшие островные развивающиеся экономики от долгов со сроком погашения в конце 2015 г., образовавшихся в рамках выдачи межправительственных беспроцентных кредитов. В ближайшее время Китай предоставит развивающимся странам проект поддержки «Шесть сотен». Этот проект включает в себя 100 проектов по снижению уровня бедности, 100 проектов в области сельскохозяйственного сотрудничества, 100 проектов помощи в торговле, 100 проектов по экологической защите и мерам реагирования на изменения климата, 100 проектов по строительству и обустройству больниц и клиник, 100 проектов по строительству и обустройству школ и профессиональных учебных заведений¹³.

Благодаря «новой дипломатии» за 3 года китайская идеология стала влиять на мир, а «дипломатия Си Цзиньпина» добилась понимания и поддержки еще большего количества государств и положила начало новой эпохе державной дипломатии Китая, оказала содействие новому международному порядку на основе сотрудничества и взаимовыигрыша, создала новую обстановку открытости и развития Китая. Исходная точка дипломатической концепции Си Цзиньпина берет свое начало в концепции «гармонии» традиционной китайской культуры, ключевой смысл которой заключается в принципе добрососедства, основанного на «мире» и «сотрудничестве». Выдвижение концепций «китайской мечты», «справедливой выгоды», создание китайско-американских отношений нового типа, концепция дипломатии с сопредельными странами на основе «близости, искренности, взаимовыгоды и толерантности», концепция безопасности в Азии и многие другие в дипломатической идеологии и стратегии Китая приносят миру позитивную энергию мира и развития. По этой причине Китай добился должного уважения и политического взаимодоверия разных стран. Оглядываясь на достижения ди-

пломатии Си Цзиньпина в течение 3 лет, можно сказать что эти новые идеи — не просто «идейное пиршество», которое устраивает Китай для всего мира, а, скорее, необходимый материал для содействия державной дипломатии с китайской спецификой и реализации великого возрождения китайского народа¹⁴. В 2014 г. в одном из своих выступлений китайский лидер сказал: «История показывает, что только путем обмена и взаимного обучения цивилизация может наполниться жизненной силой. Если все цивилизации будут поощрять инклюзивность, о так называемом столкновении цивилизаций не может быть и речи, а гармония цивилизаций станет действительностью»¹⁵.

Примечания

¹ *Распертова С.* Гармоничное общество и гармоничная культура как платформа формирования «китайской мечты». URL: <http://research-journal.org/feature/culture/garmonichnoe-obshhestvo-i-garmonichnaya-kultura-kak-platforma-formirovaniya-kitajskoj-mechty/> (Дата обращения: 28.11.2015).

² *Переломов Л.С.* Мое видение истоков «китайской мечты» (от Конфуция до Си Цзиньпина) // *Жэньминь жибао*. 10.02.2014.

³ *Распертова С.* Указ. соч.

⁴ Комментарий: Историческое турне Си Цзиньпина. URL: http://russian.news.cn/dossiers/2013-03/31/c_132274889.htm (дата обращения: 12.11.2015).

⁵ В газете «Деловой Казахстан» опубликована авторская статья посла КНР в РК Чжоу Ли. URL: http://russian.news.cn/china/2013-06/11/c_132448306.htm (дата обращения: 17.10.2015).

⁶ *Мокрецкий А.* Основные направления китайской дипломатии // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 1. С. 44.

⁷ Годовой обзор / Справка: выдвинутые Китаем новые дипломатические концепции. URL: http://russian.news.cn/china/2014-12/29/c_133883850.htm (дата обращения: 28.11.2015).

⁸ Си Цзиньпин: Китай будет продвигать дружеские отношения с сопредельными странами. URL: http://russian.news.cn/china/2013-10/26/c_132831772.htm (дата обращения: 28.11.2015).

⁹ Годовой обзор / Специальный репортаж: Активная дипломатическая позиция Китая удостоена международных аплодисментов. URL: http://russian.news.cn/china/2014-12/29/c_133883838.htm (дата обращения: 10.10.2015).

¹⁰ Си Цзиньпин: необходимо продвигать систему глобального управления в более справедливом и рациональном направлении. URL: http://russian.news.cn/2015-10/13/c_134710073.htm (дата обращения: 17.12.2015).

¹¹ Глава МИД КНР: визит Си Цзиньпина в ООН реанимировал развитие международных отношений. URL: http://russian.news.cn/2015-09/30/c_134676264.htm (дата обращения: 17.10.2015).

¹² Си Цзиньпин посетил церемонию вручения ООН «Кубка мира» от Китая. URL: http://russian.news.cn/2015-09/28/c_134665259.htm (дата обращения: 11.10.2015).

¹³ Глава МИД КНР: визит Си Цзиньпина в ООН... URL: http://russian.news.cn/2015-09/30/c_134676264.htm (дата обращения: 11.10.2015).

¹⁴ За 3 года благодаря «дипломатии Си Цзиньпина» китайская идеология стала влиять на мир. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2016-01/30/content_37700926.htm (дата обращения: 07.02.2016).

¹⁵ *Станченко Л.* Евразия философская. Вызов интеллектуального характера // Китай. 2016. № 1. С. 10.

*Син Юань-юань,
стажер ИДВ РАН, Институт мировой истории КАОН*

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРЕХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ, РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

Аннотация. В трехсторонних отношениях между Китаем, Россией и Японией РФ ищет некий баланс между Китаем и Японией. В трехсторонних отношениях между Китаем, Россией и Японией китайско-российские отношения развиваются на глобальном уровне. Учитывая правила взаимодействия трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией, единственным реализуемым выбором у КНР в урегулировании данных трехсторонних отношений является укрепление китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

Ключевые слова: трехсторонние отношения, Россия, Китай, Япония.

Annotation. In the triangle relationships between China, Russia and Japan Russia is seeking a certain balance between China and Japan. In the triangle relationships between China, Russia and Japan Chinese-Russian relations are developing on a global scale. Taking into account the rules of handling relations in the triangle the only choice for China to maintain proper relations in the triangle is to cement the Chinese-Russian strategic cooperative partnership.

Keywords: trilateral relationship, Russia, China, Japan.

В истории международных связей тема трехсторонних отношений не является новой. Еще во времена «холодной войны» изучение трехсторонних отношений между Китаем, США и СССР получило большое

развитие. Эта статья посвящена трехсторонним отношениям между основными державами в Северо-Восточной Азии — Китаем, Россией и Японией — после окончания «холодной войны» как важному фактору системы международных отношений. Поэтому их изучение имеет и большое практическое значение.

1. Основные законы изменений в трехсторонних отношениях между Китаем, Россией и Японией

В трехсторонних отношениях, участниками которых являются Китай, Россия и Япония, каждая страна тщательно следит за развитием других двусторонних отношений с целью создать наиболее выгодные для себя условия¹. Этим и объясняется, что идеальное состояние в межнациональных отношениях — это когда отношения между тремя странами подобны трем сторонам равностороннего треугольника. Но такого состояния трудно достичь. По теореме о соотношениях между сторонами и углами треугольника, если две стороны не равны, тогда против большей стороны лежит больший угол, а против меньшей стороны лежит меньший угол. По аналогии, в трехсторонних отношениях, если отношения между двумя странами становятся отдаленными, тогда дипломатическое пространство третьей страны становится больше (больший угол) и она получает выгодное место; если отношения между двумя странами сближаются, тогда дипломатическое пространство третьей страны подвергается сильному ограничению и сжатию (меньший угол) и ей необходимо открыть новые пространства². С этой точки зрения, сразу же после образования Нового Китая в 1950 г. он объединился в союз с СССР, что заставило Японию изменить направление развития во внешнюю сторону, стремясь к развитию тесных отношений с Соединенными Штатами и объединению с ними в политический и военный союз. Следовательно, взаимодействия между Китаем, Россией и Японией сыграли свою роль в процессе формирования «холодной войны» в Восточной Азии.

Сложившиеся в прошлом правила взаимодействия в трехсторонних отношениях оказывают влияние на изменения сегодняшних отношений между Китаем, Россией и Японией. С 70-х годов XX в. китайско-японские отношения ускорили свое развитие. Благодаря экономическому сотрудничеству в качестве основной линии, многие различия в

политической области оказались в сфере контроля. Руководители двух стран договорились временно не затрагивать проблему островов Дяюйдао, «оставив ее решение на будущее». Но быстрый рост Китая обеспокоил Японию, поскольку он сопровождался тенденцией ослабления собственной позиции. С 2005 г. она держалась на чеку в отношении Китая, а с конца 2010 г., когда ВВП Китая превзошел ВВП Японии, изменения в региональной ситуации еще больше ее стимулировали считать Китай угрозой. Отношения между Китаем и Японией стали нестабильными. После аварии на АЭС Фукусима-1, произошедшей 11 марта 2011 г. в результате землетрясения, американо-японский альянс был усилен³. А китайско-японские отношения из «отложенного» состояния постепенно впадали в состояние конфронтации после проведения японским правительством так называемой национализации островов Дяюйдао в сентябре 2012 г.

Таким образом, японо-российские и китайско-российские отношения неизбежно подвергались трансформации. Во-первых, Япония и Россия сближались, обе стороны активно стремились урегулировать территориальный спор о южных Курильских островах. После аварии на АЭС Фукусима-1 Япония срочно нуждалась в увеличении поставок энергоносителей из России, поэтому она активно искала путь переговоров по территориальному вопросу, обе стороны сформировали молчаливое согласие по этому вопросу. После ухода с поста президента Д. Медведева, посетившего Южные Курильские острова в период своего президентства, Япония немедленно послала России дружественный сигнал, надеясь на улучшение отношений между двумя странами во время второго президентского срока Путина с 2012 г. В связи с большой зависимостью от импорта энергоносителей Япония выбрала энергетическое сотрудничество как прорыв, чтобы не только воспользоваться географическим преимуществом России для защиты энергетической безопасности Японии, но и создать условия для решения территориального вопроса через переговоры между двумя сторонами. Другими словами, Япония хотела побудить Россию пойти на уступки по территориальному вопросу с использованием своего собственного капитала и технологии.

Россия, хотя и не пыталась идти на компромисс по территориальному вопросу, тем не менее расширение экономических и торговых отношений с Японией путем политических контактов способствовало сближению двух стран.

Китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнерства всё более укреплялись. Стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией по международным вопросам усилилось, двусторонние военно-промышленные связи до некоторой степени были восстановлены и расширены, сотрудничество в энергетической сфере было продолжено, объем двусторонней торговли быстро рос.

Дипломатические отношения между Китаем и Японией нормализовались в 1972 г., это время совпало с ухудшением китайско-советских отношений. На этом фоне Китай поддерживал позицию Японии по территориальному спору между Россией и Японией, в позже на опубликованных Китаем картах южные Курильские острова были отмечены цветом территории Японии⁴. Теперь Китай отрегулировал позицию и стал нейтральным по поводу российско-японского территориального спора.

Китайские СМИ поменяли предыдущее одностороннее наименование «четырёх северных островов» на наименование «четыре северных острова (известных в России как Южные Курильские острова)», что конкретно отражало нейтральную позицию Китая по этому поводу. Территориальные споры становятся непримиримым противоречием в трехсторонних отношениях, что, как термометр, непосредственно отражает «изменение температуры» в треугольнике Китай—Россия—Япония. Регулировка политической позиции Китая более благоприятна для России, что и является большим стимулом для нее. Тем не менее Китай по-прежнему полностью не поддерживает территориальные претензии России, китайское правительство настаивает, что территориальный спор между Россией и Японией должен быть решен на основе двусторонних политических переговоров. На настоящем этапе китайское правительство хочет, чтобы Россия более активно участвовала в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, подавая Китаю руку. По принципиальным политическим вопросам Китай и Россия твердо поддерживают друг друга.

Между тем в сфере экономического взаимодействия Россия проявляет большое внимание к Японии, которого в целом недостаточно, чтобы повлиять на общее положение китайско-российских отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства. Таким образом, напряженные китайско-японские отношения периодически влияют на российско-японские и китайско-российские отношения.

2. Особенности изменений в трехсторонних отношениях между Китаем, Россией и Японией

2.1. *Россия ищет некий баланс между Китаем и Японией*

Предотвращение возникновения геостратегического исключительно враждебного альянса безусловно служит важной мотивацией взаимодействия трехсторонних отношений. В связи с этим любая страна должна сохранять высокую международную бдительность касательно двусторонних отношений между другими странами и их потенциальных намерений. В контексте подъема Китая Япония в срочном порядке хочет сбалансировать влияние Китая при помощи России. Вследствие того что китайско-российские партнерские отношения с каждым днем укреплялись, Япония продолжала политику, направленную на ухудшение китайско-российских партнерских отношений. Находясь перед соблазном использования Японии в интересах собственной безопасности, Россия осуществила определенные противоречивые действия. Некоторые российские политики и ученые считают, что надо поддерживать надлежащий баланс в трехсторонних отношениях, чтобы расширить их возможности для маневра, поэтому самая благоприятная для России позиция — нейтральная⁵. В китайско-японском споре Россия может обеспечить безопасность поставки в Китай энергоносителей и ресурсов, но невмешательство в военную политику усилит фактор стабильности в трехсторонних отношениях. Вследствие попыток Японии «переманить» Россию на свою сторону и под влиянием ряда политиков и ученых в России проявились колебания во второстепенных вопросах, но в позиции ключевых направлений Россия в основном сохраняла единство с Китаем. К примеру, после столкновения японских патрульных кораблей с китайскими рыболовными траулерами в акватории близ островов Дяоюйдао в начале сентября 2010 г. президент России Д. Медведев сразу после визита в Пекин посетил южные Курильские острова, чем поставил Японию в невыгодное положение одновременного взрыва южного и северного территориальных споров. Но в китайско-японском территориальном конфликте, начавшемся в сентябре 2012 г., реакция России стала намного спокойнее. Министерство иностранных дел России только заявило: «мы надеемся, что Китай и Япония смогут разрешать территориальные споры путем диалога, а не создавать угрозу безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона». С одной стороны, можно

предположить, что это непосредственно связано с неэффективным результатом давления, оказываемого Россией на Японию, а с другой стороны, также отразило регулирование дипломатической политики России. Столкнувшись с быстрым ростом Китая, Россия стремится установить какой-то надлежащий баланс в отношениях между Китаем и Японией, чтобы максимально защитить свои собственные интересы. Многие ученые в России считают, что для РФ российско-японский островной спор и китайско-японский островной спор принадлежат к одному и тому же типу, а положение России в споре южных Курильских островов и положение Японии в споре Дяоюйдао одинаково. Сомнение Китая в суверенитете Японии над островами Дяоюйдао имеет сходство с сомнением Японии в суверенитете России над южными Курильскими островами. По нашему мнению, Россия не имеет никаких мотивов участвовать в споре между Китаем и Японией; если Россия серьезно вмешается в этот спор, то сделает двусторонний вопрос международным, что предоставит Соединенным Штатам достаточную причину помочь своему союзнику — Японии. Кроме того, нейтральная позиция России обеспечит соответствующую стратегию относительно нейтральной позиции Китая в российско-японском территориальном споре. Развитие международной обстановки заставило Россию перерегулировать свою политику и твердо стоять рядом с Китаем⁶. После присоединения Крыма к России по результатам референдума Япония вслед за Европой и США применила санкции к РФ. Россия поняла, что укрепление китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства имеет большое значение для недопущения её международной изоляции. Одновременно в качестве обратной благодарности за невмешательство Китая в вопросе Крыма Россия немедленно приняла твердое решение в вопросе Восточно-Китайского моря. Она стремится поддерживать надлежащий баланс между Китаем и Японией, потому что КНР является самой сильной стороной среди трех стран. Но эта балансирующая стратегия России не носит всеобъемлющего характера и ограничивается экономической областью⁷. Россия всегда рассматривает военный альянс США—Японии как главную угрозу безопасности на Дальнем Востоке, а китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнерства — в качестве основной защиты ее безопасности на Дальнем Востоке. Экономические интересы и есть главная цель политики России в поддержании надлежащего баланса между Китаем и Японией.

2.2. Японии трудно изменить свое неблагоприятное положение

Во взаимодействиях трех сторон — Китая, России и Японии — последняя всегда занимает неблагоприятное положение. Эти отношения представляются образно в виде треугольника, в котором есть две длинные стороны и одна короткая. Причина такого состояния заключается не только в историческом последствии внешней экспансии японского милитаризма, но и в прямой угрозе Китаю и России со стороны американо-японского альянса. Противоречия между Китаем и Японией, Россией и Японией из-за территориальных споров трудно полностью решить в обозримом будущем. В начале XXI в. стремление к изменению тенденции к снижению международного статуса Японии в Восточной Азии стало основой правых сил для новой реализации своего политического влияния. Япония стала агентом США в Северо-Восточной Азии, её региональные интересы и политические цели уже были интегрированы в глобальную стратегию США. Япония рассматривает восточноазиатские дела как продолжение западных интересов, а не дел и интересов Восточной Азии⁸. Отношение Японии негативно влияет на региональные интересы Китая, поэтому трудно достичь с Китаем согласия на общие концепцию и действие. Изменение соотношения сил между Россией и Японией беспокоит РФ, вынуждает её к увеличению присутствия вооруженных сил на Дальнем Востоке в целях предотвращения намерений Японии изменить настоящий статус южных Курильских островов, которыми владеет Россия. С точки зрения РФ, если она сделает уступки в проблеме южных Курильских островов, Япония не будет удовлетворена этим, а обязательно потребует еще больше территорий от России, в том числе Сахалин. В то же время, если этот прецедент будет иметь место, многие страны будут требовать у России вернуть территории, например Германия, которая хочет вернуть Калининград, либо Финляндия, которая претендует на Карелию, и т. п. В результате этих действий российско-японские отношения по-прежнему не улучшатся, и общий дипломатический климат России ухудшится в целом. Так что большинство российских ученых и политиков полагают, что Россия должна от начала до конца твердо отстаивать свою позицию по территориальному вопросу и не делать ни малейшей уступки Японии. В настоящее время РФ стратегически рассматривает Японию как долгосрочную угрозу безопасности и своего конкурента на Востоке и хочет её заставить пойти на политические уступки и отказаться от своей позиции по возвраще-

нию четырех северных островов (русское название — южные Курильские острова). Фактически Россия и Китай совместно предотвращают возрождение японского милитаризма, в чем заключается одна из основных целей России развития китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства.

2.3. Трехсторонние отношения между Китаем, Россией и Японией путем развития китайско-российских отношений переходят на глобальный уровень

Китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнерства имеют глобальное значение, а не только играют важную роль в Северо-Восточной Азии. Глобальные международные и региональные вопросы также оказывают влияние на китайско-российские отношения, тем самым опосредованно влияют на трехсторонние отношения между Китаем, Россией и Японией. Китайско-российские отношения стратегического взаимодействия и партнерства уделяют больше внимания общей обстановке. Национальные интересы и стратегические цели Китая и России весьма совпадают в вопросах преобразования существующего неравноправного международного политического и экономического порядка, проведения борьбы против однополярной гегемонии США и участия в глобальном управлении. В отношении региональных вопросов между двумя сторонами существуют различия в конкретных интересах и политических целях, но отношения на глобальном уровне помогут обеим сторонам решить незначительные конфликты. Под стимулированием политиков, имеющих стратегическое видение двух стран, китайско-российские отношения будут все более сближаться, что, несомненно, ограничит развитие японско-русских отношений. А под влиянием китайско-российских отношений на глобальном уровне структура трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией будет более стабильной⁹.

3. Тенденции развития трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией

Развитие трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией обусловлено общими правилами взаимодействия трехсторонних отношений, одновременно обладает многими собственными характери-

стиками. Тенденции развития трехсторонних отношений не только влияют на международную обстановку в Северо-Восточной Азии, но и препятствуют многостороннему сотрудничеству в этом регионе.

Япония продолжает укреплять союзнические отношения с Соединенными Штатами, чтобы балансировать китайско-российские отношения, это становится все более очевидным в контексте реализации США стратегии «Азиатско-Тихоокеанского перебалансирования». В такой ситуации особенность треугольника Китай—Россия—Япония, в котором образно две длинные стороны и одна короткая, будет долго сохраняться¹⁰.

В системе, состоящей из трехсторонних отношений, каждая сторона хочет с помощью второй стороны оказать на третью сторону давление и сковать ее силы, чтобы максимизировать свои собственные интересы. Это противоречит сущности многосторонности, которая состоит из взаимной выгоды, сотрудничества и взаимного выигрыша. Противостояние и конкуренция между Китаем и Японией при условии отказа от войны способствуют развитию каждой из двух стран и расширению их национальных интересов в пределах региона. В результате отсутствия условия для взаимного компромисса в территориальном споре между Китаем и Японией в краткосрочной перспективе китайско-японские отношения трудно улучшить, соответственно идею многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии также трудно осуществить. Если противоречие между Китаем и Японией из-за территориального спора будет углубляться, то это обязательно приведет к изменению трехсторонних отношений между рассматриваемыми странами. В треугольнике Китай—Россия—Япония РФ как единственный поставщик энергоносителей занимает более благоприятное место, она может получить большую выгоду от жестокой конкуренции между Китаем и Японией. Только в системе указанных трехсторонних отношений Россия не является наиболее сильной стороной по совокупной мощи государства, ее благоприятное место не вызывает у Китая и Японии ревность, а, наоборот, может сделать отношения треугольника сбалансированными и ситуацией в регионе более стабильной.

Учитывая правила взаимодействия трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией, автор считает, что единственным реализуемым выбором у КНР в урегулировании данных трехсторонних отношений является укрепление китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства. Если рассматривать

трехсторонние отношения между Китаем, США и Россией как большой треугольник, оказывающий влияние на глобальные международные отношения, то трехсторонние отношения между Китаем, Россией и Японией являются маленьким треугольником, который подвергается воздействию и ограничению большого треугольника. В рамках глобальных отношений трехсторонние отношения между вышеуказанными странами находятся в подчиненном положении. В большом треугольнике Китай—США—Россия укрепление китайско-российских отношений представляет собой неизбежный выбор для балансирования статуса супердержавы США, одновременно оно содержит потенциальную угрозу Японии в результате ее следования за политикой США. Таким образом, не только на национальном уровне, но и с региональной точки зрения, китайско-российское сотрудничество — это наиболее выгодный выбор для китайской внешней политики.

Примечания

- ¹ 喻常森:《中国-日本-东盟三角关系结构变化与东亚一体化前景》,《东南亚研究》,2008年第5期,第85页.
- ² 宋德星:《地缘政治、弹性均势与美中印三角关系》,《世界经济与政治论坛》,2004年第4期,第43页.
- ³ [日] 桜田大造、伊藤剛著:《比較外交政策——イラク戦争への対応外交》,明石書店,2004年版,第59页.
- ⁴ Кошкин А. Россия и Япония: возможен ли компромисс о курилах. М.: Вече, 2010. С. 312.
- ⁵ 陈景彦 等著,《20世纪中日俄(苏)三国关系史研究》,长春出版社,2011年1月,第142页.
- ⁶ Кистанов В. Острова раздора Токио с соседями, Территориальная дипломатия как фокус внешней политики Японии. URL: http://www.Ng.ru/courier/2013-03-18/9_tokyo.html.
- ⁷ 丛鹏、张莹著,《战略视角下的中俄关系》,时事出版社,2011年10月,第203页.
- ⁸ 日中経済協会『日中経協夕中一于少』2000年5月号、45頁。日中経協夕十一于2007年3月号、42頁。『日中経協夕一于瓜』2013年3月号、42頁。
- ⁹ Нагорный А.А. Глобальный треугольник: Россия—США—Китай. От разрушения СССР до Евромайдана. Хроники будущего. М.: Книжный мир, 2015. С. 149.
- ¹⁰ 肖刚:《中美日三角关系的不对称性与应对之策》,《现代国际关系》,2008年第8期,第43页.

*Ирина Николаевна Сотникова,
к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ДРУГИХ ФОРМ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена теме становления и особенностей нормативно-правовой базы советско-китайских экономических отношений.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, КНР, правовая система, соглашение, договор.

Annotation. The report focuses on the theme of formation and features of the regulatory framework of the Soviet — Chinese economic relations.

Keywords: economic assistance, China, legal system, the agreement, the contract.

Известно, что экономическое сотрудничество между СССР и КНР началось еще до 1 октября 1949 г. Вопрос о поддержке Китая в экономическом строительстве Советским Союзом обсуждался как в КНР, так и в СССР на двусторонних встречах руководителей стран. Руководство Китая дважды обращалось с просьбой о предоставлении денежного кредита для создания в стране современной промышленной базы. Принципиальное согласие удовлетворить просьбу КНР командировать в Китай советских специалистов для работы в различных отраслях и выделить ему

1%-ный кредит в размере 300 млн долл. было выражено И.В. Сталиным 27 июня 1949 г. на приеме партийных и правительственных деятелей¹. Позже решение о предоставлении помощи ЦК ВКП(б) принял, основываясь на определенных принципах: обращении КНР с просьбой об оказании ей помощи; заинтересованности Китая как получателя помощи в поступательном развитии двусторонних отношений; выражении согласия на обязательность заключения международного договора. Приоритетом для СССР при оказании помощи Пекину стали исторически сложившиеся дружественные связи и проведение КНР курса на добрососедство и союзничество с СССР. В результате Компартии Китая был предоставлен льготный кредит на поставки в Китай оборудования, машин и различного рода материалов и товаров равными частями по 60 млн долл. в год в течение 5 лет². Однако собственно юридический факт вступления в силу советско-китайских договоренностей происходил после создания законного правительства КНР.

Надо сказать, что в тот момент СССР как страна-победитель во Второй мировой войне формировал новую систему международных отношений, исходя из своей исторической ответственности за судьбы государств, принявших его идеологию. Советский Союз рассматривал помощь новым народным республикам как один из эффективных механизмов решения глобальных и региональных проблем, противодействия новым вызовам и угрозам. В то же время реализация договоренностей способствовала продвижению его национальных интересов в Китае. Донорский потенциал позволил СССР аргументировано определить КНР как государство-получателя помощи.

Правовая основа государственной политики Советского Союза в сфере содействия развитию государств — получателей помощи заложена в Конституции СССР и представлена общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами СССР, Бюджетным кодексом страны и другими нормативными правовыми актами. Принципы и основные направления государственной политики в сфере оказания международной помощи базировались на основных документах ООН, а также на собственных приоритетах и формах оказания иностранным государствам технической, финансовой и иной помощи.

Что касается новообразованного китайского государства, то у него практически отсутствовал правотворческий опыт вообще и в сфере правового регулирования международных отношений в частности. Преж-

нее, гоминьдановское, законодательство было отменено сразу после образования КНР. Оформление правовой системы нового Китая шло параллельно с формированием договорно-правовой базы советско-китайских экономических отношений, становлением форм и методов экономического сотрудничества между двумя государствами³.

На основании правомочности субъектов Президиум Верховного Совета СССР и Центральное народное правительство КНР *14 февраля 1950 г.* подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи⁴. От СССР договор был подписан министром иностранных дел СССР А.Я. Вышинским, а от КНР — премьером Госсовета, министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлаем. Согласно ст. 5 договаривающиеся стороны обязались развивать и укреплять экономические связи, оказывать друг другу экономическую помощь и осуществлять экономическое сотрудничество. Советско-китайский договор вступил в силу в день его ратификации — 11 апреля 1950 г.⁵

Договор образовал регулируемое международным правом базу развития экономического сотрудничества, обеспечив законные интересы двух государств. Неизбежное в тех исторических условиях сближение нового китайского законодательства с советским в сфере экономики приводило к сближению нормативной базы КНР и СССР, что значительно облегчило работу и партнерские взаимоотношения.

В рамках Советско-китайского договора *14 февраля 1950 г.* был заключен целый ряд важных межправительственных соглашений, определивших основные параметры оказания помощи КНР. Нормативно-правовая база советско-китайских отношений охватывала фактически все сферы сотрудничества. Исключая документы, касающиеся создания военно-промышленного комплекса КНР, стоит остановиться на тех договоренностях, которые обеспечили создание ядра промышленной базы китайской экономики, а именно 156 предприятий. Принятые в этой сфере нормативные документы с учетом их назначения можно разделить на несколько основных, связанных между собой групп:

1) документы кредитно-финансовой сферы (от *14 февраля 1950 г.*, *15 сентября 1952 г.*, *12 октября 1954 г.* и др.), а также дополнительные протоколы к кредитным соглашениям по обслуживанию и ведению кредитов. Подписанные соглашения оговаривали льготные условия и льготные процентные ставки предоставляемых КНР кредитов. Особенностью этих договоров была их «связанность», т. е. предоставление не денежной массы, а открытие кредита на приобретение товаров и услуг в

СССР⁶. Это означало, что на указанные в соглашениях суммы осуществлялись поставки советского оборудования и материалов для реконструкции и строительства электростанций, металлургических и машиностроительных заводов, угольных шахт, железнодорожного и автомобильного транспорта и других отраслей китайской экономики;

2) соглашения об оказании помощи СССР в строительстве и реконструкции 156 промышленных предприятий (*50 предприятий по соглашению от 14 февраля 1950 г., 90 предприятий — от 15 мая 1953 г., 15 предприятий — от 12 октября 1954 г.*)⁷, а также дополнительные протоколы о поставках комплектного оборудования на указанные предприятия (*19 апреля 1950 г., 15 июня 1951 г., 12 апреля 1952 г., август 1952 г., 12 октября 1954 г.*). Причем отдельно *11 августа 1952 г.* был подписан протокол о восстановлении и реконструкции Аньшаньского металлургического комбината⁸ и *21—25 ноября 1952 г.* Соглашение о строительстве автомобильного завода на базе ЗИЛа. Эти документы предусматривали строительство новых предприятий с нулевого цикла, т. е. с выбора места и изыскательских работ или полную реконструкцию уже имеющихся предприятий до пуска их в эксплуатацию. В соглашениях указывалось не только количество предприятий, но и их отраслевая принадлежность;

3) соглашения и протоколы, регулирующие торговые отношения и поставки промышленного оборудования на предприятия, строящиеся с помощью СССР (*19 апреля 1950 г., 1951 г., 16 апреля 1952 г., 26 марта 1953 г., 12 февраля 1955 г., 10 апреля 1957 г.*)⁹. Эти документы оговаривали количество, марки и комплектность оборудования. В целях облегчения доступа производимых СССР товаров и услуг на китайский рынок и поставок китайской продукции на советский рынок определялись тарифные преференции и иные льготы, правда не носившие постоянного характера;

4) соглашения, регламентирующие отношения в сфере оказания услуг научно-технической помощи (*9 августа 1952 г., 12 октября 1954 г., 18 июля 1957 г.*)¹⁰, включая документы советско-китайской комиссии (*1954—1957 гг.*) по научно-техническому сотрудничеству (7 сессий). Эти соглашения подразумевали оказание научно-технического содействия КНР путем передачи знаний и опыта, командирования советских специалистов, подготовку национальных кадров китайской экономики в целях развития институционального и кадрового потенциала. Помимо этого, в рамках соглашений происходила передача научно-технической документации на безвозмездной основе по аналогии со странами СЭВ.

Кроме межправительственных документов по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами заключались также соглашения межведомственного уровня. К таким документам можно отнести контракты между внешнеторговыми организациями двух стран об условиях выполнения проектных заданий, командирования специалистов и пр., где генеральными поставщиками услуг выступали отделы внешних сношений ряда министерств и ведомств СССР. Судя по заключенным соглашениям, приоритетным направлением международного экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и КНР являлось создание новых промышленных отраслей экономики КНР, промышленного и инновационного потенциала для содействия социально-экономическому развитию.

Сложившаяся нормативно-правовая база советско-китайских отношений не была чем-то застывшим. По необходимости она корректировалась и подстраивалась под менявшиеся экономические условия. Так, действующие ежегодные торговые протоколы, принятые на двусторонней основе (советско-китайское соглашение от 19 апреля 1950 г. и «Общие условия поставок из СССР»), составляющие юридическую базу для торговли между СССР и КНР, охватывали далеко не полный круг вопросов. Приходилось ежегодно согласовывать объем товарооборота, порядок расчетов, транзита, установления цен и т. д. В неудовлетворительном состоянии находилась нормативная база таможенной политики. Китай оставался единственной из социалистических стран, с которой не было подписано соглашение о пошлинах и взаимовыгодном таможенном режиме, не были также определены четкие границы сферы преференций. В результате на некоторые товары советского производства не были снижены ввозные пошлины. Расширение экономического сотрудничества двух стран и усложнение к 1957—1958 гг. форм торговли вызвало необходимость дополнительной правовой регламентации действия экономических механизмов торговли.

В связи с этим *23 апреля 1958 г.* между двумя странами был заключен Договор о торговле и мореплавании¹¹, который определил долгосрочные, обеспечивающие развитие товарооборота отношения обоих государств. Договор предусматривал взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования во всем, что касается таможенных вопросов: складирования товаров под таможенным контролем, правил и формальностей, применяемых при таможенной обработке товаров (ст. 3), обложения внутренними сборами (ст. 6), каких-либо ограниче-

ний или запрещений при ввозе и вывозе товаров (ст. 7), перевозок по внутренним железнодорожным, грунтовыми и водным путям товаров, пассажиров и багажа, а также проблем, связанных с пребыванием юридических и физических лиц каждой стороны на территории другой страны (ст. 14). По условиям Договора товары не подлежали обложению никакими пошлинами, налогами или сборами (ст. 12). Одновременно с заключением указанного договора было достигнуто соглашение по одному из кардинальных вопросов торговли — о порядке установления цен. Установление твердых, неизменных на длительный период цен, определенных на основе усредненных цен основных мировых рынков, вносило элемент устойчивости, гарантированной от всяких случайных рыночных колебаний. Торговля по таким ценам облегчала расчеты сторон и укрепляла плановость в социалистической экономике¹².

Торговый договор и связанные с ним соглашения, заключенные в 1957—1958 гг., подвели широкую юридическую базу под уже сложившиеся условия торговли между двумя государствами.

Нельзя не сказать об имевшихся недостатках нормативно-договорной базы экономического и научно-технического сотрудничества двух стран. Прежде всего, не было подписано соглашение об образовании в каждой стране специальных органов по оказанию и приему экономической помощи, получивших распространение в мировой практике тех лет. Безусловно, экономическое сотрудничество между двумя государствами ориентировалось на различные механизмы организационного инфраструктурного обеспечения. К ним следует отнести межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, двусторонние комиссии по научному и приграничному сотрудничеству и т. п. Однако масштабность и многовекторность помощи СССР Китайской Народной Республике требовали более серьезного контроля и учета. Кроме того, трансферт советских технологий, являвшихся одним из существенных факторов, влияющих на структурные сдвиги в китайской промышленности, представлял собой сферу интенсивно возрастающих международных экономических связей. Они дополнялись научно-технологической помощью СССР на стадии разработки продукта, в непосредственном производстве, предоставлении технологических услуг при монтаже и пуске объектов в эксплуатацию, инжинирингом¹³ в период их эксплуатации. Удельный вес общего количества новых технологий (технических достижений), переданных безвозмездно китайской стороне, имел тенденцию к значительному увеличению. Подписанное

12 октября 1954 г. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между двумя странами¹⁴ лишь в общем виде определяло порядок передачи технологий: стороны «будут обмениваться соответствующей информацией, а также будут командировать специалистов для оказания технической помощи...» (ст. 1). Законодательная база в области трансферта технологий и формирования государственной политики в сфере защиты интеллектуальной деятельности не была разработана в нужной мере. Оговаривалась лишь безвозмездность передачи технологий с оплатой фактических расходов, связанных с изготовлением копий документов (ст. 1). Для координации действий была образована советско-китайская комиссия с проведением сессий 2 раза в год в Москве и в Пекине (ст. 2). Однако значительное количество межведомственных соглашений заинтересованных организаций КНР с проектными институтами СССР, разбросанными по стране, зачастую проходило мимо надзора двусторонней комиссии. Кроме того, отсутствие в Китае целых отраслей экономики делало китайский рынок технологий поистине бездонным, что нередко приводило к бесконтрольному валовому заимствованию советских технологий, включая секретные разработки, и к фактам бесконтрольной утечки интеллектуальной собственности.

Таким образом, несмотря на разработанные программы и соглашения в части научно-технического сотрудничества, отсутствовала системная методология межгосударственного механизма передачи научно-интеллектуальных инноваций СССР, не был сформулирован алгоритм взаимодействия и управления, комплексно учитывающий особенности инвестирования в инновационную сферу. Исправить ситуацию могла гармонизация нормативно-правовой базы в сфере управления интеллектуальной собственностью в направлении более эффективного законодательного закрепления на всех уровнях межгосударственного регулирования прав на интеллектуальную собственность и обеспечение правовых основ их эффективной защиты.

Другие проблемы касались нормативно-правовой базы межведомственного и межрегионального сотрудничества, согласно которым осуществлялись обмен информацией и специалистами, а также контакты между хозяйственными субъектами. Главной причиной низкой эффективности такого типа сотрудничества являлась недостаточная информированность органов, уполномоченных на установление и поддержание такого типа сотрудничества, относительно конкретных запросов, возможностей, сильных и слабых сторон потенциальных партнеров в дву-

сторонних отношениях. Усугубляла положение несопоставимость субъектов Советского Союза и областей Китая как в отношении уровня экономического развития, так и правого обеспечения взаимодействия сторон.

На пути развития экономических отношений СССР и КНР существовали и другие препятствия, но уже не нормативного, а, скорее, бюрократического характера, влияющие на эффективность китайско-советских связей.

Говоря о нормативно-правовой базе экономической помощи СССР КНР, нельзя не сказать о том, что для понимания юридических особенностей изучаемого вопроса необходимо анализировать не только двустороннее международное законодательство, но и партийные документы, высказывания руководителей правящей Коммунистической партии Китая по изучаемой проблематике¹⁵.

Тем не менее принятие целой системы нормативно-правовых актов обеспечило в общем и целом успешность торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между странами на протяжении более чем 10 лет и позволило закрепить модель технологического развития китайской экономики, создать мощную базу для дальнейшего экономического развития КНР.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф.558, Оп.11 Д.329.Л.1—7.

² Протокольная запись приема делегации ЦК КПК 28 июня 1949 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 18. Тверь, 2006. С. 527—530.

³ Первым документом КНР стала Общая программа Народного политического консультативного совета Китая, принятая на пленарной сентябрьской 1949 г. сессии. В дальнейшем правовая система, в том числе первая Конституция 1954 г., формировалась при непосредственном участии советских специалистов. — Подробнее см.: *Трошинский П.В.* Формирование правовой системы Китайской Народной Республики и ее особенности // Тезисы доклада на семинаре сектора теории права и государства Института государства и права РАН 10 декабря 2012 г. URL: <http://www.igpran.ru/public/events/10.12.2012/Troshinskiy.Thesises.10.12.2012.pdf>

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 16 ноября 1950 г. № 36(651). С. 4.

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 11.04.1950 г. о ратификации Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштама. М., 1956. С. 157.

⁶ Протокольная запись приема делегации ЦК КПК 28 июня 1949 г. С. 527—530.

⁷ Справка Госплана СССР об оказании СССР помощи КНР в развитии народного хозяйства // Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сборник документов: В 2-х т. / под ред. В.С. Мясникова. Т. 2: Друг и союзник нового Китая / Сост. Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев. М., 2010. С. 249—255.

⁸ *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917—1974. М., 1977. С. 212.

⁹ Справка Госплана СССР об оказании СССР помощи КНР... С. 249—255.

¹⁰ Советско-китайские отношения. 1952—1955. Сборник документов. М., 2015. С. 26—29; Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XIV (1954 г.). С. 349; Сообщение о расширении научно-технического сотрудничества между СССР и Китайской Народной Республикой.

¹¹ *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 250.

¹² Там же. С. 249—251.

¹³ Предоставление на платной основе инженерно-консультационных услуг, в том числе и по доведению научно-конструкторских разработок до стадии производства.

¹⁴ URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000020/st016.shtml>

¹⁵ *Трощинский П.В.* К вопросу об источниках современного права Китайской Народной Республики. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/article/327/145/11673035/Istochniki_prava.pdf

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

*Александр Владимирович Ломанов,
д.и.н., г.н.с. ИДВ РАН*

ЧУ АНЬПИН И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ «ГУАНЬЧА»^{*}

Аннотация. В докладе прослеживается процесс становления взглядов либерального публициста Чу Аньпина в республиканский период. В 1946—1948 гг. он издавал в Шанхае еженедельник «Гуаньча» («Обозрение»), завоевавший авторитет среди китайской либеральной интеллигенции. Идеологическая позиция журнала рассматривается в связи с оценками Чу Аньпином политики Гоминьдана и КПК, роли интеллигенции в создании демократического государства.

Ключевые слова: республиканский Китай, гражданская война, демократическое движение, интеллигенция, либерализм.

Annotation. The paper focuses on the process of formation of ideas of liberal journalist Chu Anping in the Republican period. In 1946—1948 he published in Shanghai weekly journal *Guancha* (The Observer) that gained popularity among Chinese liberal intellectuals. Ideological standpoint of the journal is analyzed in connection with Chu Anping's views on the policy the KMT and the CCP, and on the role of intellectuals in building the democratic state.

Keywords: Republican China, civil war, democratic movement, intellectuals, liberalism.

^{*} Подготовлено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 14—01—00295.

Чу Аньпин (1909—1966?) запомнился в истории Китая XX в. прежде всего благодаря событиям 1957 г. и фразе о «партийной поднебесной» (*дан тянься*). Его выступление на совещании Отдела Единого фронта ЦК КПК по улучшению стиля работы с беспартийными было направлено против того, чтобы правящая партия полностью подчиняла себе государство. Он заявил, что во главе каждого учреждения, каждого отдела или даже группы сидит член партии, между тем надо в каждом случае смотреть, имеет ли он способности, чтобы занимать пост. «Я считаю, что этот идейный вопрос “партийной поднебесной” — конечный источник всех явлений сектантства»¹.

На следующий день — 2 июня 1957 г. — выступление было опубликовано в «Гуанмин жибао». Вскоре Чу Аньпин стал одной из главных мишеней кампании борьбы против «правых». Осенью 1966 г., когда в Китае бушевала «культурная революция», он ушел из дома и не вернулся. Массовая реабилитация в начале 1980-х пострадавших от кампании 1957 г. «правых элементов» не коснулась Чу Аньпина. Тем не менее в конце 1980-х в КНР появились первые публикации о его биографии. В 1998 г. в Шанхае было издано его двухтомное собрание сочинений.

Самым важным периодом деятельности Чу Аньпина стала вторая половина 1940-х годов, когда он в качестве журналиста и редактора сумел оказать существенное влияние на дискуссии о китайской политике и либеральной идеологии.

Чу Аньпин родился в 1909 г. в уезде Исин пров. Цзянсу. Его мать умерла, когда он был младенцем. В возрасте 14 лет он остался без отца. Заботу о юноше взял на себя его дядя Чжу Наньцян — он не только оплатил его обучение в школе, но и добыл для него в 1930-е через палату образования пров. Цзянсу деньги на учебу в Англии.

В 1928—1932 гг. Чу Аньпин учился в Шанхае в Университете Гуанхуа (после последовавшей в начале 1950-х реструктуризации этот вуз стал основой для формирования Восточно-китайского педагогического университета). По разным сведениям, он обучался на факультете журналистики или политологии, но, скорее всего, был выпускником факультета английского языка, где учился вместе с будущей женой².

Среди профессуры Университета Гуанхуа были влиятельные либеральные интеллектуалы — Чжан Дунсунь, Ло Лунцизи, Пань Гуандань. В те годы Чу Аньпин занялся литературным творчеством. Он публиковался в журнале «Синьюэ» («Новолуние»), который в 1928—1929 гг. служил трибуной для дискуссии о правах человека. Чу Аньпин не был уча-

стником этого спора, однако на него повлияли взгляды сплотившихся вокруг журнала ведущих сторонников либерализма, таких как Ху Ши, Ло Лунцзи и Сюй Чжимо.

Важное влияние на формирование мировоззрения Чу Аньпина оказала поездка в Европу. В 1935 г. он получил стипендию для обучения за рубежом. В 1936 г. в качестве журналиста освещал олимпийские игры в Германии, а потом поступил в Лондонскую школу экономики. Его восхищала британская политическая система, после возвращения в Китай он высоко оценивал национальный характер англичан, сделав вывод о важности демократических институтов.

На основании сопоставлений Англии и Китая Чу Аньпин подчеркивал, что масса китайского населения неграмотна, а те, у кого есть образование, еще не готовы к государству английского образца. У китайцев слишком много формализма, они действуют только для себя, не уважают чужую частную жизнь, им недостает способности к организации и сотрудничеству. Недостаток уважения к чужим интересам и правам неизбежно ведет к общественному беспорядку и политическим репрессиям, поэтому китайское правительство опирается на военных, а не на народ. Чу Аньпин отмечал, что в Англии политики рациональны, а в Китае — неразумны и своевольны. Поэтому Англия, в отличие от Китая, богата и сильна. Он рекомендовал начинать решать проблемы Китая через развитие системы образования по примеру Англии, где прекрасная школьная система воспитала людей с хорошим характером³.

После начала полномасштабной японской агрессии против Китая Чу Аньпин вернулся на родину. В годы войны он преподавал мировую политику, английскую историю и английское конституционное право в Ланьтяньском педагогическом институте в пров. Хунань.

В 1945 г. в Чунцине создал еженедельник «Кэгуань» («Объективный взгляд»), стал его главным редактором, но не был его издателем. В центре внимания находились отношения Гоминьдана и КПК, оценка роли США в политических перспективах Китая. Подобно многим современникам, Чу Аньпин был разочарован в правлении Гоминьдана. Он видел в КПК реальную политическую силу, которая пользуется народной поддержкой, но сомневался в практической осуществимости ее идеологии. Чтобы в Китае развивалась демократия, свое слово должен сказать средний класс, который призван стать основой демократической политики. Для этого нужно дать высказаться университетской профессуре и литературным кругам.

Трибуной для пропаганды политической демократии и либерализма стал созданный Чу Аньпином в Шанхае еженедельник «Гуаньча» («Обозрение»), выходявший с осени 1946 г. до конца 1948 г. Журнал обрел большую популярность среди интеллигенции. Несмотря на неблагоприятные экономические условия, его тираж был высоким (по разным сведениям максимальный тираж составлял 60 или 100 тыс. экз.). Журнал находился в акционерной собственности трудового коллектива и не был связан с политическими структурами, что обеспечило независимость издания. Вместе с тем среди авторов было много деятелей Демократической лиги (Лян Шумин, Чжан Дунсунь, Фэй Сяотун и др.). Главной задачей стало сплочение китайской интеллигенции вокруг лозунгов прекращения гражданской войны и создания демократического государства.

Либеральная позиция журнала не была прозападной. Чу Аньпин отмечал, что китайцы благодарны США за их вклад в разгром Японии, однако все большее разочарование вызывает американская поддержка репрессивной политики Гоминьдана. Следуя духу времени и под влиянием воспринятых во время учебы в Англии социалистических идей Гарольда Ласки, Чу Аньпин превратил журнал в трибуну для оживленной дискуссии о «среднем пути», соединяющем демократию в политике с социализмом в экономике.

В программной статье в первом номере журнала «Гуаньча» Чу Аньпин отметил, что издание предназначено не только для выражения разных мнений, но и для того, чтобы помочь Китаю выйти из трудной ситуации, охватившей политику, экономику и все общество. Журнал создан для того, чтобы на его страницах «высказывать мнение о делах государства» в форме критики или советов, которые должны быть основаны на искренней мотивации⁴.

Чу Аньпин стремился подчеркнуть, что журнал предназначен для публикации «политических суждений», но не для ведения политической борьбы. Авторы журнала выражают позицию «свободомыслящих людей» (*цзыю сысян фэньцзы*), заботятся об интересах народа, но за их спиной нет какой-либо организации. На основании честного и беспристрастного подхода журнал намерен оценивать деятельность правительства, правящей партии и оппозиционных партий в форме «открытого описания» и критики. Эти усилия не направлены на борьбу за власть, они нацелены на понимание политики как дела многих людей, нацеленного на продвижение прогресса государства и улучшение жизни людей.

Вместе с тем важной целью было стремление «внести вклад в прогресс идей и воспитание качеств молодежи». Китайская молодежь долгие годы пребывала в удрученном состоянии, и это привело к ослаблению воли, безучастности, подавленности, кто-то встал на путь гедонизма, стойкие молодые люди склоняются к необъективности и запальчивости. Чу Аньпин заявил, что у редакции нет политической позиции, которую она намеревалась бы передать молодежи. «Люди, любящие свободу мысли», признавали за молодежь право иметь собственные убеждения, верить правым или верить левым.

Будущее Китая лежит на плечах молодежи. Но ее импульсивные действия и дерзость ведут страну к беспорядку, ее эгоизм и упадок приносят в страну дух умирания. Цель просветительской миссии состояла в том, чтобы политические идеи молодежи были основаны на рациональной базе, а не исходили из эмоций. Также необходимо было убедить китайскую молодежь в том, чтобы при серьезном отношении к собственной свободе мысли она приучилась уважать идейную свободу других людей. Помимо этого, журнал намеревался воспитать у молодежи «здоровое отношение к человеческой жизни», помочь ей обрести «модернизированные головы» (*сяньдайхуа дэ тоунао*), т. е. способность по-современному мыслить и действовать.

Чу Аньпин обозначил четыре главных принципа журнала «Гуаньча»:

1. **Демократия.** Это основное течение современного мира, к ней стремятся человеческие сердца и ее невозможно остановить. Нельзя соглашаться с тем, чтобы представляющая интересы меньшинства группировка брала под контроль государство и пренебрегала волей людей. Неприемлема ситуация, когда правительство действует в интересах привилегий и выгод малого числа людей. Государственная политика должна включать в себя народное обсуждение, действия правительства определяет народ, перед которым отвечает правительство. Непременной целью для демократического правительства является создание максимального блага (*цзуйда фули*) для народа, гарантия свободы народа, увеличение счастья народа. «Одновременно демократия не ограничивается политической жизнью, ее следует расширять до экономической жизни, не только политическая демократия, также нужна экономическая демократия»⁵.

2. **Свобода.** Это базовые права человека, которые не означают отсутствия ограничений, — свобода обязательно следует закону, но при этом законы должны защищать свободу людей. Чу Аньпин подчеркнул, что

правительство обязано обеспечить полное и оптимальное развитие физических, умственных и моральных способностей людей. Свобода является неотъемлемым условием такого развития. Без свободы у человека не будет личности, в этом случае получится общество рабов. Права человека нужны для того, чтобы защищать личность каждого человека, продвигать развитие государства и общества.

3. Прогресс. Чу Аньпин решительно высказался против застоя в стране, обещав добиваться политической демократии и осуществления индустриализации. Однако для успеха в этих начинаниях Китаю необходимы «научный дух» и «современные мозги». Целью является «всеобщая модернизация» (*цюаньпань сяньдайхуа*) политики, экономики, общества, образования, армии. «Мы надеемся, что у каждого человека будут модернизированные мозги», и если модернизация будет осуществлена, начнется быстрый прогресс, Китай встанет наравне с другими странами мира.

4. Рациональность. Главная цель образования — это развитие человеческой рациональности, без которой общество не будет стабильным, не будет и прогресса культуры. Чу Аньпин отметил, что в Китае повсюду происходят конфликты, которые решают силовым путем, и даже на получившую образование молодежь оказывают давление с помощью оружия. Он осудил эти действия и призвал правительство и общество обратить внимание на провал в области образования, произошедший в Китае за несколько десятилетий. Лишь при развитии рациональности в обществе воцарятся истина, мир и справедливость. Он полагал, что конфликты и раздоры удастся решить рациональным способом, и тогда страна сможет двинуться по пути разумного и быстрого развития.

Чу Аньпин обещал, что редакция журнала займет беспристрастную, независимую, конструктивную и объективную позицию. На страницах издания будут отражены разные мнения, если только они не идут вразрез с перечисленными выше «четырьмя фундаментальными принципами».

В опубликованной весной 1947 г. в журнале «Гуаньча» статье «Политическая ситуация в Китае» Чу Аньпин подробно охарактеризовал место либеральной интеллигенции как носителя высшей моральной силы в схватке между Гоминьданом и КПК⁶.

Автор признавал, что КПК хорошо организована, эта партия проявила свою жизнеспособность в условиях борьбы в трудной ситуации. Вместе с тем в его подходе можно найти следы распространенных в то

время упреков в адрес партии за то, что она чрезмерно следует советскому образцу. Он заметил, что КПК должна осознать, что она является китайской компартией, что членами партии являются китайцы, и «страна, которую она хочет объединить, — это Китай». А у Китая есть национальный характер и китайская традиция. Если КПК будет ими пренебрегать, ее шансы на успех заметно снизятся.

На волне господствовавшего тогда увлечения китайской либеральной интеллигенции идеей соединения политической демократии с социалистической организацией экономики Чу Аньпин заметил, что провозглашенный в качестве цели КПК коммунизм является разновидностью социализма, так что это не более чем проблема строя. «Сегодня народ Китая, и в особенности интеллигенция, вовсе не против осуществления социализма, можно даже сказать, что они испытывают в этом отношении большие надежды. Сегодня в глазах КПК интеллигенты являются “буржуазными элементами”. Однако на самом деле китайский класс интеллигенции, за исключением очень небольшого числа людей, в большинстве своем скатился к “пролетариату”»⁷.

Чу Аньпин заявил, что в падении уровня жизни китайской интеллигенции виноват Гоминьдан, представители образовательных и культурных кругов уже давно не едят досыта. Но у интеллигенции есть свои идеалы: за исключением небольшого числа своекорыстных людей, она не считает расслоение разумным общественным явлением. «Поэтому принципы КПК в экономической жизни не страшны, обычно люди боятся их методов в политической жизни».

Оценка политической деятельности КПК была бескомпромиссной: «Ныне компартия воспекает “демократию”, но следует знать, что по своему фундаментальному духу в реальности это антидемократическая партия. Если говорить о духе правления, компартия и фашистская партия не имеют отличий, обе хотят через строгую организацию навязать свою волю народу. В политической борьбе сегодняшнего Китая, компартия возвышает “демократию” только лишь для того, чтобы поднять всех против “партократии” (*данчжу*) Гоминьдана. Но настоящий дух компартии такой, что она сама выступает за “партократию”, а не за “демократию”»⁸.

Чу Аньпин подчеркнул, что свободу воли народа, которую также именуют свободой мысли, нельзя умалять ни на йоту. Лишь когда люди обладают свободой воли и могут свободно ее выражать, только тогда может быть настоящий последовательный демократический дух: «Если

свобода слова будет только у верящих в коммунизм людей, тогда о какой свободе мысли и свободе слова можно говорить?»

Все китайские либералы («свободные элементы», *цзыю фэньцзы*) «восприняли влияние либеральной мысли англо-американской традиции», однако это не лишило их способности критиковать Англию и США. Если китайские либералы видят, что в СССР или у коммунистов в Яньяни есть что-то хорошее, они могут дать позитивную оценку. «Но мы никогда не слышали, чтобы компартия критиковала Сталина или СССР, не видели в левых газетах критики в адрес Мао Цзэдуна или Яньяни». Так неужели Сталин и Мао Цзэдун — это «мудрецы из мудрецов», а Москва и Яньань — это «рай в раю», и потому их не за что критиковать?

Чу Аньпин заявил: «Мы не являемся коммунистами, но одинаково уважаем коммунистов, если они верят в свою идеологию, если они верны своей партии, своим идеалам, своей работе и своему делу». А вот у коммунистов отношение к людям другое: они делят их на «своих» и «врагов» в зависимости от того, идут те вместе с ними или нет, во всем исходят из практической выгоды, «для них не существует человеческих чувств и дружбы», компартия может коллективно прославлять человека или коллективно на человека нападать. По мнению китайского либерального публициста, обратной стороной беспристрастности является крайность, она стала стилем компартии и заметно ограничивает для нее возможность завоевывать людские симпатии. По мнению Чу Аньпина, уход Лян Шумина из реальной политики и выход Чжан Цзюньмая из Демократической лиги в той или иной степени связаны с этим духом. «По-правде говоря, мы сейчас боремся за свободу, при власти Гомиьндана это вопрос о том, “много” или “мало” этой свободы. Если бы у власти стояла КПК, то это был бы вопрос, “есть” свобода или она “отсутствует”».

Чу Аньпин напомнил, что после победы на выборах в Великобритании Лейбористской партии он написал статью, в которой сделал вывод — если правление британских лейбористов будет успешным, то весь мир поймет, что для осуществления социализма не обязательно следовать линии Москвы. Британская лейбористская партия, с одной стороны, проводит политику социализма, а с другой стороны — уважает свободу воли народа. Если компартия в политической жизни сможет изменить свою политику и проявить толерантный подход, тогда вырастут надежды на ее успех. Чу Аньпин подчеркнул, что считает свое отноше-

ние к КПК «беспристрастным», и его суждения содержат в адрес коммунистов не только критику, но и конструктивные предложения.

Симпатии Чу Аньпина были обращены к «свободомыслящим элементам» за пределами Гоминьдана и КПК. Он заметил, что прогрессивные и просвещенные люди есть в Гоминьдане и — возможно — в КПК, о чем свидетельствует заявление прибывшего в Китай с посреднической миссией американского генерала Маршалла с осуждением радикальных элементов в компартии. Если исходить из этой логики, то там есть и умеренные элементы, но их мало и они не имеют возможности выразить свою волю в условиях строгой партийной дисциплины.

Важнее всего беспартийные элементы: их численность велика, они разрознены и не имеют строгой организации. Крупной организованной структурой является Демократическая лига, однако ей присущи «врожденная хилость и благоприобретенное нездоровье»: это искусственно созданная организация, которая стала политической. В Демократическую лигу входят люди с разными взглядами, которых объединяет лишь психологический настрой против власти Гоминьдана. Эта сила больше похожа на движение, чем на политическую партию.

Оценка лидеров Лиги была критической. Чу Аньпин заявил, что слабость этой политической структуры обусловлена тем, что среди ее руководителей много представителей старого поколения. По его мнению, Чжан Лань, Шэнь Цзюньжу и обладающий большим опытом практической политики Хуан Яньпэй — все они люди прошлого. Вышедший к тому времени из Демократической лиги Чжан Цзюньмай является хорошим специалистом по конституции и лучшим политическим теоретиком. Однако он лишь обсуждает политику, а не занимается ею, «самое большее — он может быть депутатом парламента, но не подходит для того, чтобы брать административную ответственность». Философ и мыслитель Чжан Дунсунь тоже не подходит для реальной политической жизни. В итоге, по словам, Чу Аньпина, среди деятелей Демократической лиги для участия в политике подходит лишь Ло Лунци — он хорошо знает английский язык, способен действовать и побуждать других людей, у него есть интерес к политике, однако его слабым местом является «несоответствие моральных качеств деловым».

Чу Аньпин настойчиво подчеркивал, что Демократическая лига слаба и ее сплочение основано лишь на общем недовольстве Гоминьданом. Вместе с тем он не разделял критические суждения о том, что «слишком левая» Лига превратилась в «хвост компартии». По его сло-

вам, «все прогрессивные политические группировки сравнительно левые, такова тенденция во всем мире». У КПК и Лиги общая цель — ослабить Гоминьдан, они действуют вместе, поэтому не только КПК использует Лигу, но и Лига использует компартию, такова реальная политика, и тут нет ничего удивительного. А вот когда Гоминьдан перестанет доминировать в политике, тогда КПК и Лига разойдутся и не обязательно сойдутся вновь.

У китайской свободомыслящей интеллигенции из университетов и культурных кругов есть лишь сила морального авторитета, а не сила политической власти, они влияют с помощью идей и выступлений, а не политического действия. Чу Аньпин заметил, что когда генерал Маршалл призывал китайских либералов к сплочению, он проявил себя как американец, исходивший из собственных представлений о политике. На самом деле есть много причин, которые мешают свободомыслящей интеллигенции создать прочную организацию.

Прежде всего, в прошлом взаимодействие китайских свободомыслящих интеллектуалов было построено на моральных принципах (*даоу*), а не на интересах (*лихай*). Недостатком стало формирование узкого индивидуалистичного подхода: китайцы говорят, что с древности образованные люди презирают друг друга (*вэнь жэнь сянь цин*). Хотя значительная часть китайской интеллигенции прошла через купель современной культуры, смыть привычку к «взаимному презрению» непросто. Среди причин китайских политических споров немаловажное место занимают разногласия между людьми, примером чему может служить разрыв между Демократической социалистической партией и Демократической лигой.

Настоящий политик должен уметь видеть перспективу, бороться за большие цели, отказываться от собственных стереотипов, держать под контролем эмоции и жертвовать своими интересами. Лишь таким образом можно добиться сплочения и осуществлять сотрудничество. Политическая деятельность невозможна без лидеров, но из-за «взаимного презрения» и надменности среди свободомыслящих интеллектуалов лидерам появиться трудно. Чу Аньпин признал, что для политической деятельности нужны организация и дисциплина — коренная слабость китайских «свободных элементов» заключается в том, что их общение основано на морали, а не на правах, и потому им очень непросто стать организующей силой.

Вторая трудность обусловлена тем, что два десятилетия Гоминьдан ограничивал активность свободомыслящих интеллектуалов. К полити-

ческим ограничениям добавились экономические — для политической деятельности нужны время и финансовые возможности, однако за 8 лет Войны сопротивления Японии жизнь культурных и образовательных кругов стала беспокойной, их дух и разум полностью расходуется на обеспечение базовых материальных потребностей, что ослабило возможности проявить себя в политике. К тому же усилия по насаждению гоминьдановской идеологии в образовании лишило молодежь возможности получить качественные знания. Среди молодых людей значительное неприятие Гоминьдана, у них много эмоций из-за недовольства ситуацией, молодежь движется в сторону левых сил, и ей все труднее сохранять разумный подход.

И все же, по мнению Чу Аньпина, влияние либеральной интеллигенции в Китае с каждым днем растет, это связано с запросами эпохи. «Если исходить из моральной и идейной точек зрения, то ныне способна свергнуть власть Гоминьдана не компартия, а эти свободомыслящие элементы, потому что все боятся компартии, боятся ее насилия с убийством людей и поджогами, и неважно, исходит ли этот страх из непонимания — в общем компартии боятся все. И, наоборот, ныне способен противостоять компартии не Гоминьдан, а эти свободомыслящие элементы»⁹.

Коррупция Гоминьдана видна всем, народу трудно сохранять веру в эту политическую силу. Хотя свободомыслящая интеллигенция рассредоточена, ее сила исходит из морали. Такая сила не имеет формы, ее нельзя увидеть и схватить, но она глубокая и длительная, ее корни в обществе и в человеческом сердце. Если смотреть с точки зрения китайской политической ситуации, то недостатком моральной силы является пассивность. Большинство людей недовольны Гоминьданом, они также не приветствуют КПК. Большинство надеется, что помимо Гоминьдана и КПК появится новая сила, которая стабилизирует политическую ситуацию. Китайские интеллектуалы погружены в думы о будущем страны, но они не должны останавливаться на пассивных переживаниях «Свободомыслящие элементы могут подняться, они должны подняться, это не вопрос того, рады они этому или не рады, хотят или не хотят, это проблема их исторической ответственности», — заключил Чу Аньпин.

Власти закрыли журнал «Гуаньча» в декабре 1948 г. Предлогом стала публикация о событиях гражданской войны, где якобы были выданы тайны новой тактики и вооружения гоминьдановской армии. Несколько сотрудников редакции были арестованы. После этого Чу Аньпин пе-

решил на сторону КПК и попытался продолжить издание «Гуаньча» в Пекине. Издание было возобновлено в ноябре 1949 г., в 1950 г. журнал получил название «Синь гуаньча» («Новое обозрение»). Однако по содержанию это периодическое издание уже не могло быть прежним.

Чу Аньпин покинул журнал и поступил на работу в издательство Синьхуа. Он побывал в Синьцзяне и опубликовал очерки о происходивших там социально-экономических переменах. Но его интерес к проблемам политической журналистики и демократии не угас. Об этом наглядно свидетельствуют его согласие занять пост главного редактора «Гуанмин жибао» в апреле 1957 г. и последующее выступление о «партийной поднебесной».

Примечания

¹ Кюзаджян Л.С. Идеологические кампании в КНР (1949—1966). М., 1970.

С. 97

² Се Юн. Чу Аньпин юй «Гуаньча» [Чу Аньпин и «Гуаньча»]. Пекин, 2005.

С. 5

³ *Yong-tsu Wong*. The Fate of Liberalism in Revolutionary China: Chu Anping and His Circle, 1946—1950 // *Modern China*, Vol. 19. № 4. October 1993. P. 464.

⁴ Чу Аньпин. Вомэн дэ чжицхой юй тайду [Наши намерения и подход] // Гуаньча. Т. 1. № 1. 01.09.1946. С. 3—4.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Чу Аньпин. Чжунго дэ чжэнцзюй [Политическая ситуация в Китае] // Гуаньча. Т. 2. № 2. 08.08.1947. С. 1—8

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 8.

*Алла Леонидовна Верченко,
с.н.с. ИДВ РАН*

ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ В КИТАЕ НАКАНУНЕ И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ДВИЖЕНИЯ ЗА НОВУЮ КУЛЬТУРУ»*

Аннотация. После Синьхайской революции передовые умы китайской интеллигенции пытались искать новые идеи для реформирования страны и обращались за ними в страны Запада и Японию. Однако Первая мировая война принесла разочарование в западных ценностях и демократии. Произошла стремительная трансформация в восприятии образа России от отсталой страны к вступившей на путь цивилизованного развития.

Ключевые слова: Китай, Россия, история, «Движение за новую культуру».

Annotation. After the Xinhai Revolution progressive Chinese intellectuals sought to find new ideas for reforming their country in the Western countries and Japan. However, the First World War brought to China disappointment in Western values and democracy. Meanwhile, there took place a rash transformation of the image of Russia in the mind of the Chinese: Russia stopped to be looked at as that of a backward country to become perceived as a civilized developing state, whose experience was worth thinking about and using.

Keywords: China, Russia, History, New Culture Movement.

В начале XX в. многие представители интеллектуальной элиты Китая, разочаровавшись в результатах Синьхайской революции, искали

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 16-21-10001/16.

новые пути выхода из национального кризиса, охватившего страну. Революция привела к свержению монархии и провозглашению республики, стала для Китая событием огромной важности, но не внесла кардинальных изменений в жизнь государства. Как отмечал Сунь Ятсен, «наша революция одержала лишь частичную победу». «Движение за новую культуру», которое началось в 1915 г., возникло как продолжение борьбы за идеалы революции средствами идеологии и культуры.

Передовые умы стремились к обновлению, но шли к нему разными путями. Представители старшего поколения интеллектуалов (Лян Ци-чао, Кан Ювэй) продолжали защищать конфуцианство как основу стабильного развития страны, видели выход из положения в реформах сверху, критиковали западные ценности и слепое подражание Западу, категорически не воспринимали их, подчеркивали важность сохранения традиции. Молодое поколение, познакомившееся с западными ценностями и получившее западное образование (Чэнь Дусю, Цай Юаньпэй, Ху Ши, Ли Дачжао), выступало за радикальные преобразования, ликвидацию феодализма, абсолютизма и присущих им этики и морали, мыслило шире, готово было на борьбу со всем старым, призывало искать замену традиционным догмам и конфуцианским постулатам, призывало двигаться по пути образования и просвещения широких масс народа.

После свержения цинов страна была раздроблена, каждая провинция имела своего властителя-милитариста, что привело, с одной стороны, к утрате многих демократических завоеваний и свобод, которые были провозглашены революцией, с другой — к развитию в рядах китайских интеллектуалов определенного свободомыслия, новых идейных течений. Страна была слабо управляема. Установить тотальный контроль и цензуру над прессой, учебными и научными заведениями, общественными организациями было невозможно. Это облегчило проникновение в Китай произведений зарубежных просветителей и идеологов, иностранной литературы, знакомившей читателей с культурой и образом жизни других стран. Власти боролись с прессой, закрывали издания, но они вскоре выходили под другими названиями. Настроенные на преобразования издатели продолжали переводить работы зарубежных авторов, вести дискуссии о важности обновления страны, излагали свои мысли о необходимости подъема национального самосознания во имя спасения родины.

Молодые люди, испытывавшие потребность в знаниях, необходимых для обновления жизни в Китае, в начале XX в. устремились за гра-

ницу получать образование — в Японию, Америку, Англию, Германию, Францию. России в этом списке стран не было.

Сведения о ней были лимитированы властью, иногда доходили в искаженном виде через другие страны и были весьма скудными, рисовавшими угодный правящей династии облик России. Официальные китайские газеты того времени помещали лишь небольшое число перепечаток из газет, издававшихся в России и Маньчжурии, а также незначительные собственные материалы о России и русско-китайских отношениях¹. Серьезным препятствием на пути получения сведений был языковой барьер. Вследствие всего этого общественное мнение не склонно было рассматривать Россию как источник интеллектуальных ресурсов, которые могли бы быть полезными для Поднебесной.

Однако отдельные интеллектуалы, проявлявшие интерес к северному соседу, все же получали представление о России, ее идейной и культурной жизни. Например, Ли Дачжао, в будущем один из активных участников «Движения за новую культуру», в период учебы в Японии впервые услышал о толстовстве. Молодого человека привлекли идеи просветительства и непротивления злу насилием, сочувствие Л. Толстого борьбе китайского народа за национальное освобождение. В 1913 г. Ли Дачжао опубликовал статью под названием «Программа толстовства», в которой изложил некоторые морально-этические взгляды русского писателя. Позже Ли Дачжао продолжил знакомить китайских читателей с идеями Л.Н. Толстого на страницах газеты «Чэнь бао» — «Утро», главным редактором которой он стал с начала основания издания в 1916 г. Известно, что на китайском языке были опубликованы «Где любовь, там и Бог» и «Упустишь огонь — не потушишь»² и другие произведения Л.Н. Толстого. В ранние годы на Ли Дачжао оказали также влияние идеи П.А. Кропоткина и М.А. Бакунина, работы которых переводились на японский язык и пользовались популярностью среди японских анархистов того времени.

В университетах Запада и Японии китайские студенты не только получали современные знания, убеждаясь в несоответствии китайской традиционной системы образования требованиям развития общества, но и пытались найти в буржуазных демократиях идеи, которые можно было бы использовать для идейного и интеллектуального возрождения собственной страны. Молодые люди читали все, что содержало новые для них мысли и концепции, впитывали знания, накопленные на Западе или в Японии, потому что они казались прогрессивными, коренным

образом отличавшимися от того, что господствовало в Китае с его старой культурой, старой школой и неэффективной системой образования. Лучшие представители интеллектуальной элиты Китая были намерены провести реформы и улучшить положение в стране, чтобы встать в один ряд с наиболее просвещенными нациями.

Многие реформаторы связывали успех процесса обновления с учебой у Запада. Большие надежды возлагались на использование опыта Японии, особенно после революции Мэйдзи. Япония была привлекательна для китайцев в силу географической и культурной близости, сходного с китайским образа жизни, а также успехов страны на пути капиталистического развития. К 1906 г. в Японии находились 13—14 тыс. китайских студентов, которые знакомились с европейской теоретической мыслью через японские переводы. Воспринимая западные идеи через призму японской действительности, китайцы думали о том, как можно применить их в просветительской работе после возвращения на родину. Им были созвучны идеи, провозглашенные в политической платформе под названием «Хартия клятвенных обещаний», например о полезности знаний или о справедливости законов³. Таким образом, в начале XX в. идейное влияние Японии на интеллектуальные круги Китая было достаточно большим. Отношение к Японии изменилось с началом Первой мировой войны, когда страна воплотила в жизнь свои агрессивные планы в отношении Китая, захватив немецкие концессионные владения в Шаньдуне. Это было оскорбительно для Китая в плане утраты суверенных прав над частью своей территории. Но еще и как попрание национальной святыни — священного для большинства народа места — родины Конфуция Цюйфу в пров. Шаньдун.

Европа с ее демократическими свободами и развитым капитализмом также интересовала образованных людей в Поднебесной. Однако Первая мировая война, отношение западных держав, показавших свою старую колониальную сущность, к Китаю, провал его попыток отстоять свой суверенитет и национальное достоинство в Лиге наций разочаровали китайское общество и «разбили иллюзии китайцев относительно учебы у Запада»⁴.

В условиях повышенного интереса к западным странам и Японии Россия в глазах китайской интеллигенции выглядела менее привлекательной и из-за соответствующей пропаганды воспринималась как непросвещенная страна, которая едва ли могла стать учителем в деле осуществления обновления, внедрения просветительских идей или демо-

кратических преобразований. Как напишет позже Мао Цзэдун, для дооктябрьской России была характерна экономическая и культурная отсталость, «тяжелая борьба в поисках революционной истины, которую вели передовые люди во имя национального возрождения»⁵.

Россия воспринималась не как единственная, но все же как одна из держав, претендовавших на особые права в Китае и, следовательно, ущемлявшая суверенитет страны. Во многих газетах, журналах, выступлениях общественных деятелей ее называли колониальной державой наряду с Англией, Францией, Германией.

Что же в первое десятилетие XX в. беспокоило китайскую общественность в связи с Россией?

Россия имела особые права и де-факто свою власть в полосе отчуждения, проходившей через весь Северо-Восток КВЖД. Россия участвовала в подавлении восстания *Ихэтуаней*, имела несколько концессий, в свое время арендовала порт Люйшунь, население которого жестоко пострадало от японцев за сотрудничество с русскими после их ухода из города. Тема агрессии царской России в Китае нередко поднималась в прессе в связи с «неравноправными отношениями» между двумя странами.

Озабоченность китайцев в начале прошлого века вызывало присутствие русских войск на Северо-Востоке Китая (Дунбэ), где они оставались после участия в подавлении восстания *Ихэтуаней*. Соглашение об их поэтапном выводе было подписано с цинским правительством 8 апреля 1902 г., однако начавшаяся эвакуация русской армии в апреле 1903 г. была приостановлена, что тут же вызвало реакцию со стороны китайского населения. В Шанхае, где молодежь было особенно активной, начались выступления против продолжающегося присутствия русских войск, что в полной мере продемонстрировало растущее национальное самосознание и патриотические настроения молодежи и студентов. Приостановка эвакуации русских войск стала поводом для выражения недовольства присутствием всех империалистических держав в Китае, обращенного в данном случае против России. Один из активных участников «Движения за новую культуру», будущий ректор Пекинского университета Цай Юаньпэй, встал во главе выступлений, которые постепенно становились все более массовыми, привлекали простой народ и носили ярко выраженный патриотический характер⁶. Студенты, обучавшиеся в Японии, тоже были озабочены судьбой Дунбэя и заявили о готовности вступить в «борьбу с врагом», под которым

подразумевалась Россия. Отражением патриотических настроений молодежи стала организация Шанхайского добровольческого отряда по оказанию сопротивления России и движение «Дать отпор России». Студенты под руководством Цай Юаньпэя, У Цзинхэна, Хуан Цзунъяна вступали в этот отряд и вместо занятий занимались боевой подготовкой. Демонстрации прошли также в Пекине, Ухане и других городах. В Токио более 500 китайских студентов приняли участие в митинге, направленном против политики России в Маньчжурии. Конкретной целью выступлений была Россия, однако за ними стояло желание защитить суверенитет страны, избавиться от присутствия на китайской земле иностранных держав с их привилегиями, добиться реформ и обновления в стране. Угрожавшее устоям маньчжурской власти движение молодежи было подавлено полицией. Протесты с улиц переместились на страницы газеты «Набат», главным редактором которой был Цай Юаньпэй. Однако тон его публикаций, как и других представителей китайской интеллигенции, участвовавших в «Движении за новую культуру», вскоре после событий революции 1905 г. и Февральской буржуазно-демократической революции в 1917 г. в России начал меняться. Китайские интеллектуалы обратили свои взоры на Россию и начавшиеся в ней преобразования.

В то же время работавшие на КВЖД большевики старались «развивать классовое самосознание китайских рабочих» и планомерно и постоянно работали с ними⁷. Большое впечатление на китайских демократов произвела революция 1905 г.⁸ В этот период как раз развернулась дискуссия между ними и реформаторами по поводу представлений о революции — споры шли на страницах «Миньбао» и «Синьминь цунбао»⁹.

Больше всего русских проживало на северо-востоке Китая. Это было обусловлено тем, что до русско-японской войны Россия была одним из крупнейших инвесторов в экономику Маньчжурии: на ее долю приходилось до 30 % всех иностранных инвестиций в регионе. Отношение жителей трех провинций северо-востока к русским в начале XX в. было далеко не однозначным, противоречивым. Порой возникали моменты напряженности. Даже ходили слухи о возможном восстании против русских. Как отмечает доктор исторических наук из Санкт-Петербургского института истории РАН И.В. Лукоянов, «среди китайцев распространялись слухи о скором нападении японцев и о грядущем указе богдыхана изгнать всех русских из Маньчжурии»¹⁰. На бытовом уровне часто возникали кривотолки о возможности войны против иностран-

ных держав, в том числе против России, за возвращение утраченных суверенных прав. А.Н. Тимченко-Островерхов, который в начале XX в. работал консулом Российской империи в Ханькоу, отмечал «склонность китайцев приписывать вину за бедственное положение, в котором оказался Китай, нелюбимому чужеземцу и подозревать иностранцев в попытке занять господствующие позиции в Китае»¹¹. Китайцы рассматривали Россию как слабого (особенно после поражения в русско-японской войне) и часто самого вероятного противника в условиях, когда Китай не чувствовал себя в состоянии воевать с другими державами.

В начале XX в. на негативное восприятие китайцами России оказал также монгольский вопрос в связи с её обещаниями оказать помощь Монголии в сохранении и расширении автономии последней. Участие России в обсуждении статуса этой страны расценивалось как вмешательство в дела Китая. Китайская общественность приветствовала подписание в мае 1915 г. в Кяхте Русско-китайско-монгольского соглашения¹².

Все эти проблемы, связанные с отношением в Китае к России, нашли отражение в журнале, который начал издавать один из ведущих идеологов и руководителей «Движения за новую культуру» Чэнь Дусю в 1915 г. Первое название журнала — «Молодежь» («Циннянь») вскоре пришлось изменить, так как одноименный журнал уже издавался в Шанхае. Под названием «Синь циннянь» («Новая молодежь») журнал просуществовал около 7 лет в значительной степени благодаря организаторскому и публицистическому таланту Чэнь Дусю. Журнал освещал разнообразные вопросы на политические, социальные, научные, культурные темы, волновавшие сторонников обновления страны¹³.

С первых номеров журнал «Новая молодежь» начал помещать материалы о России, рассматривая ее под разными углами зрения. Обычно это были небольшие очерки и эссе, которые легко воспринимались читателями. Активно о России писал сам редактор журнала Чэнь Дусю. Китай в связи с Россией волновали такие вопросы, как «вывод войск из района Алтайского округа, границы Внешней Монголии, разработки золотых месторождений во Внешней Монголии, транспортировка китайскими купцами золотого песка, наём рабочей силы»¹⁴. Оценивая государственное устройство России и уровень ее социально-политического развития, журнал относил ее к отсталым странам. Чэнь Дусю в статье «Сегодняшний курс в образовании»¹⁵ в 1915 г. называл Россию наряду с Турцией «исключением из современной цивилизованной Европы», от-

мечал, что в основе политики европейских стран, относящихся как к республикам (США, Франция), так и к монархиям (Англия, Бельгия), лежит забота о народе. Россия, с его точки зрения, заботу о своем народе не проявляла.

С первых номеров журнал обратился к русской литературе, давая китайскому читателю через произведения русских авторов некоторое представление о России. Как отмечал Ли Дачжао, «в течение десятков лет выдающиеся мастера [русской] литературы в своих гуманистических социальных произведениях вели борьбу против политического строя и поддерживающей его религии»¹⁶. В первом номере журнала (том 1, 1915 г.) в переводе Чэнь Гу с английского языка была помещена повесть И.С. Тургенева «Вешние воды». На китайском языке появилось также его стихотворение в прозе «Любовь». Романтические строки «Все говорят: любовь — самое высокое, самое неземное чувство» можно одинаково применить и к человеку, и к родине, путь к счастливому будущему которой искали участники «Движения за новую культуру». Интерес к переводам русской прозы проявил Ху Ши. В первом номере (том 2, сентябрь 1916 г.) журнала появилась в его переводе повесть А.И. Куприна «Поединок». Примечательно, что Ху Ши в тот период находился в США, где под руководством Дж. Дьюи изучал философию в Колумбийском университете, однако выбрал для перевода произведение русского, а не американского писателя. Переводы произведений американских писателей он начал публиковать позже.

Из публикаций Жу Фэя «Уход и смерть Толстого»¹⁷ и «Кровь и железо» вытекает образ царской России как душителя свободы. Лю Вэньдянь в статье «Война в Европе и самосознание молодежи» называет Россию полудикарской нацией, полицейским государством, диктатурой, коррумпированной страной. Лю Вэньдянь, как и другой автор Ван Чэн в статье «Нынешняя ситуация преподает урок молодежи», предостерегает Китай от превращения в полицейское государство, подобное России¹⁸.

После Февральской революции 1917 г. тон публикаций о России меняется. В её результатах Чэнь Дусю увидел положительные моменты. 1 апреля 1917 г. во втором номере журнала «Синь циннянь» (том 3) Чэнь Дусю одобрительно отзываясь о Февральской революции в статье «Русская революция и пробуждение сознания китайского народа» и говорит о вступлении России на цивилизованный путь развития¹⁹. В другой статье «Великая русская революция» автор ставит знак равенства между

Февральской революцией в России и покончившей с монархией Синьхайской революцией в Китае и подчеркивает важное значение обеих революций для мировой истории XX в., особо отмечая, что свержением самодержавия и предоставлением власти народу Россия открыла новую страницу своей истории. Положительной оценки в глазах Чэнь Дусю заслужило предоставление Россией права на самоопределение Польше и Финляндии. Россия в глазах китайцев уже не выглядела неисправимой колониальной державой.

Статьи в «Синь циньянь» позволяют наглядно увидеть стремительное изменение тона публикаций о России и рост интереса к событиям в России, в чем нашла отражение позиция руководителей «Движения за новую культуру». Издававшийся большими тиражами журнал влиял на мировоззрение молодежи, студентов и интеллектуалов, возбуждал интерес к идейным и культурным сторонам жизни России.

До 1910-х годов Россию в Китае считали отсталой страной, у которой невозможно было заимствовать просветительские идеи, полезные для Китая на пути обновления и строительства нового государства. Их пытались искать на Западе и в Японии. Однако западная демократия вскоре разочаровала китайских интеллектуалов. Смещению интереса в сторону России способствовало развитие революционной ситуации, в частности Февральская революция. После Октября передовые умы начинают менять свой взгляд на Россию, смотрят на нее иными глазами. Сторонники «Движения за новую культуру» приступают к изучению опыта России и ее идейно-теоретических основ. Россия, долгое время воспринимавшаяся в Китае как отсталая в культурно-идеологическом отношении страна, родила идеи, изучение и анализ которых китайские интеллектуалы сочли целесообразными в надежде использовать их для развития страны и сделали в конечном итоге вывод — «идти по пути русских».

Примечания

¹ Чугуевский Л.И. Китайская пресса периода Синьхайской революции // Народы Азии и Африки. 1968. № 5. С. 135, 138.

² Ксенофонов А.И., Улыбышев В.И. Ясная Поляна и Китай // Великая дружба великих народов. Тула. 1959. С. 69—81.

³ История Японии / отв. ред. А.Е. Жуков. В 2-х т. М., 1998. Т. II. С. 3.

⁴ *Мао Цзэ-дун*. О демократической диктатуре народа. В 4-х т. // Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Пекин. 1969. Т. 4. С. 503.

⁵ *Мао Цзэ-дун*. Там же. С. 502.

⁶ *Фэн Цинфан*. Лунь синьхай гэмин цянъци дэ цай юаньпэй (Цай Юаньпэй в период до Синьхайской революции) // Ланьтай шицзе. Шэньян. 2011. № 12. С. 14.

⁷ *Гридина Н.П.* Великая Октябрьская социалистическая революция и становление рабочего движения в Маньчжурии в начале XX в. // Становление советско-китайских отношений (1917—1950-е годы). Владивосток. 1987. С. 26.

⁸ *Кривцов В.А., Краснова В.А.* Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму-ленинизму. М., 1978. С. 18.

⁹ Там же. С. 25.

¹⁰ *Лукоянов И.В.* Не отстать от держав. Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 290.

¹¹ Архив внешней политики Российской империи. Китайский стол. Ф. 143. Оп. 491. Д. 385. Л. 178.

¹² Материалы Международного круглого стола «Кяхтинское соглашение 1915 года: историческая ретроспектива и современность» (ИВ РАН. 07.10.2015).

¹³ *Рыкова С.Л.* Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю. М., 2004. С. 4, 8.

¹⁴ *Чэнь Дусю*. Чжун э цзяошэ чжунчжун (Вопросы для китайско-русских переговоров // Синь Циннянь. Шанхай. Т. 1. № 2. 15.10.1915.

¹⁵ *Чэнь Дусю*. Циньжи чжи цзяоюй фанчжэнь (Сегодняшний курс в образовании // Синь Циннянь. Шанхай. Т. 1. № 2. 15.10.1915.

¹⁶ *Ли Дачжао*. Сравнение французской революции с русской // Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989. С. 145—146.

¹⁷ *Жу Фэй*. Тоэрсытай чжи тао ван (Уход и смерть Толстого) // Синь циннянь. Т. 1. № 2. 15.10.1915.

¹⁸ URL: <http://www.chenduxiu.net/ReadNews.asp?NewsID=957> (дата обращения: 04.01.2016); *Линь Шэньцян*. Синь циннянь эго ии бяньцянь (Изменения в оценках России: по материалам журнала «Новая молодежь») // Туаньцзе бао. Пекин. 17.09.2015.

¹⁹ *Линь Шэньцян*. Синь циннянь эго ии бяньцянь (Изменения в оценках России: по материалам журнала «Новая молодежь») // Туаньцзе бао. Пекин. 17.09.2015.

*Наталья Леонидовна Мамаева,
д.и.н. ИДВ РАН*

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РИХАРДА ЗОРГЕ И ЕГО ГРУППЫ В КИТАЕ (1929—1932) И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. Работа советской резидентуры в Шанхае, особенно в период 1930—1932 гг., когда резидентом нелегальной разведывательной сети в этом мегаполисе — средоточии разведывательной деятельности иностранных разведок всех государств — был Рихард Зорге, сыграла значительную роль в формировании внешней политики СССР относительно Китайской Республики (КР) и Японии, которая представляла реальную угрозу Советскому Союзу на его восточных рубежах. Деятельность нелегальной сети ГРУ в Шанхае, сформированной Р. Зорге в условиях наличия конфликтных ситуаций между КР и СССР, положила начало созданию системы разведки СССР в Китае и способствовала в дальнейшем совершенствованию разведывательной деятельности СССР в Японии.

Ключевые слова: Рамзай, резидентура, нелегальная разведывательная сеть, агентура, радиосвязь.

Annotation. The work of Soviet residency in Shanghai, especially in the period of 1930—1932 ., When a resident of an illegal intelligence network in this Megapolys — the focal point of intelligence activities of foreign intelligence services of all States was Richard Sorge, has played a significant role in shaping the foreign policy of the USSR in relation to the Republic of China (CR) and Japan, which represented a real threat to the Soviet Union on its eastern borders . The activities of the GRU illegal

network in Shanghai, Sorge formed in the presence of conflict between the CR and the Soviet Union, led to the creation of intelligence in China and the Soviet Union contributed to the further development of Soviet intelligence activities in Japan.

Keywords: Ramsay, Residency, illegal intelligence network, agents, radio, Republic of China, the Main Intelligence Agency, informants.

В последнее десятилетие историческая наука в России, как и в других странах, раздвигает свои границы, включает в оборот историков темы и направления, которые в силу различных причин, и прежде всего недостаточной источниковедческой базы, ранее не занимали должного места в исторических исследованиях. Одним из таких направлений является изучение разведки. История деятельности разведки различных стран имеет много блистательных страниц. В этом ряду особое место занимает деятельность советского разведчика Рихарда Зорге (псевдоним «Рамзай») (1894—1944), получившая мировое признание. До своей деятельности в качестве резидента в Японии (1933—1941) — основного направления работы советской разведки на Востоке в те годы, когда эта страна представляла прямую угрозу Советскому Союзу на его восточных рубежах, Р. Зорге и его группа занимались разведывательной работой в Китайской Республике (КР) в течение 1930—1932 гг. Штаб-квартира Р. Зорге в эти годы находилась в Шанхае, основном пункте деятельности всех мировых иностранных разведок в Китае. Шанхайский период положил начало успехам советской разведки и в Китае, и, позднее, в Японии. Именно в Китае формировались навыки разведывательной службы СССР на Востоке, имевшей свою специфику.

Родился Р. Зорге 4 октября 1895 г. в Азербайджане, в семье немецкого инженера нефтяной компании. Его мать Нина Кобелева, русская, родилась в г. Баку. Его дед — Фридрих Альберт Зорге был революционером, хорошим знакомым Маркса и Энгельса. На Гаагском конгрессе I Интернационала деда Зорге избрали секретарем Генерального совета. О нем тепло отзывался В.И. Ленин. Тяготы Первой мировой войны, собственные ранения заставили Р. Зорге по-новому взглянуть на мир и связать свою жизнь с рабочим движением. После демобилизации он вступает в ряды независимой социал-демократической партии Германии. В Германии он узнает о революции в России. В числе потрясенных революционными событиями в России был и Р. Зорге. Революционный дух охватил многие страны Запада и Востока, в том числе Германию. После подавления вос-

стания в Киле центр революционного движения переместился в Гамбург, где Зорге в 1919 г. вступает в члены Коммунистической партии Германии (КПГ). В 1925 г. КПГ рекомендовала Р. Зорге отправиться в Советский Союз. В эти годы в СССР переехали многие зарубежные коммунисты, для которых СССР стал духовной Родиной. Необыкновенная духовная атмосфера революционного энтузиазма, время надежд и мечтаний дали удивительное поколение интернационалистов. В марте 1925 г. Р. Зорге вступил в ВКП(б), принимал активное участие в работе руководящих органов Коммунистического Интернационала (КИ). С начала 1927 г. он работает инструктором Орготдела Исполком Коминтерна (ИККИ), секретарем Д.З. Мануильского, который с 1924 г. был членом Президиума ИККИ, в 1928 по 1943 г. — секретарем ИККИ. Внутренние разногласия в Коминтерне затронули и Р. Зорге (он попал в число лиц, оказавшихся в рядах «примиренцев» — сторонников Бухарина). 24 августа 1929 г. был освобожден от работы в ИККИ и передан в распоряжение ВКП(б) и КПГ¹. Наряду с деятельностью в КИ, Зорге в те годы работал в Институте марксизма-ленинизма в Москве, занимался научной работой и журналистской деятельностью. Сфера его интересов была чрезвычайно широкой и в ее центре были Германия и Советский Союз². Как прозорливо отмечал Зорге еще в 1920-х годах, негативные для Германии результаты Версальского мира косвенно подстрекают к будущим войнам. В связи с этим он подчеркивал мысль о том, что Советский Союз и мир — синонимы. Поэтому считал одной из своих главных задач — предпринимать усилия с целью усиления системы обороны СССР. Существует точка зрения, что идея привлечения в разведку Рихарда Зорге принадлежала резиденту Берлинской резидентуры Константину Басову (Ян Аболтынь), высказанная им в 1928 г.³

Однако именно знакомство с Яном Берзиным, старым большевиком, бывшим комиссаром дивизии латышских стрелков, начальником IV (Разведывательного) Управления Штаба РККА, определило решение Зорге связать свой жизненный путь с военной разведкой. В 1929 г. он перешел в распоряжение Разведывательного управления РККА. Руководимая Берзиным военная разведка действовала в основном в Шанхае. Именно в этот мегаполис был послан нелегал Р. Зорге. Разведывательные группы из СССР (по линии различных ведомств) действовали в Китае, и в частности в Шанхае, и раньше, однако задача создания нелегальной резидентуры военной разведки была впервые поставлена в конце 1920-х годов. Задача была чрезвычайно сложной, учитывая специфиче-

ские условия Китая, где были сильны антикоммунистические и антисоветские настроения, между тем как общий объем информации в СССР о Китае тех лет был явно недостаточным для выработки хорошо обоснованной внешней политики СССР относительно КР и Японии.

Создание нелегальной резидентуры в Китае, как и в других странах, было делом нелегким, осложнялось языковым барьером, ситуацией политической нестабильности в КР, раздираемой борьбой за власть между военно-политическими группировками и перманентным состоянием гражданской войны между Гоминьданом и КПК. Агрессивный настрой империалистической Японии по отношению к Китаю распространялся и на Советский Союз, что не было секретом. Перед военной разведкой СССР в Китае ставились задачи изучить внутривнутриполитическую ситуацию в КР, распутать клубок пересечения сфер влияния держав, а также направления развития внешней политики, прежде всего КР и Японии, но главное — определить степень опасности для СССР, исходящей от Японии. Решение этих проблем было возможно только на пути создания нелегальной сети.

После провала в 1930 г. шанхайского резидента А. Улановского (подпольная кличка «Шериф») нелегальным резидентом советской разведки в Шанхае был назначен Р. Зорге⁴. Этот выбор был весьма удачным по многим причинам, включая его немецкую национальность и возможность использования связей с немецким консульством и немецкими военными советниками. Прибытию Зорге в Шанхай предшествовали тяжелые события в советско-китайских отношениях: провокации в 1927 г. против советских загранучреждений в Кантоне и Ханькоу, агрессивные действия властей Чжан Сюэяна против сотрудников генконсульства в Харбине и т. д.

Конфликт между КР и СССР, сопровождавшийся разрывом дипломатических отношений и разгромом в ноябре 1929 г. Особой дальневосточной армией маршала В.К. Блюхера в районе станции Маньчжурия военной группировки Чжан Сюэяна, подписание в итоге в Хабаровске советско-маньчжурского протокола ослабили противостояние, однако не привели к нормализации дипломатических отношений между СССР и Китаем.

Конфликт на КВЖД нанес большой ущерб миру и безопасности на Дальнем Востоке, советско-китайские противоречия значительно облегчили агрессивным силам Японии последующее военное вторжение в Китай (1931 г.). В таких условиях начиналась деятельность Р. Зорге в Китае.

Советская разведка хорошо продумала все тонкости легального «прикрытия» Рихарда Зорге. Основным прикрытием Зорге стала его аккредитация как специального корреспондента немецкой газеты «Soziologische Magazin», пользовавшейся хорошей репутацией в Германии и за рубежом. Выступая в качестве представителя этой авторитетной газеты, он имел возможность активного передвижения по стране. Кроме того, Р. Зорге представлял и некоторые американские газеты⁵. Через неделю после прибытия в Шанхай он посетил германское консульство, представив рекомендательное письмо от германского МИДа генеральному консулу Германии в КР барону фон Колленбергу, который одобрительно отнесся к научным и журналистским замыслам Зорге и рекомендовал ему наладить связь с немецкой общиной в Шанхае.

Освещение группой Зорге сложной внутривосточной обстановки в Китае осуществлялось через созданную Зорге систему агентуры и агентов-связников. Выявление источников информации из числа китайцев и иностранцев осуществлялось, как правило, на доверительной основе. Чаще всего эти люди даже не предполагали о том, что их сведения будут составной частью информационных донесений разведчика. В результате созданной им системы Зорге получал информацию из правительственных кругов Нанкинского и провинциальных правительств, штабов войск, дислоцированных на севере и юге страны, из окружения политических и военных деятелей — Чан Кайши, Ван Цзинвэя, Чжан Сюэяна, Сунь Фо, Сун Цзывэня, Чэнь Цзитана, Чэнь Гунбо и др. Информация о японских вооруженных силах и их планах относительно Китая и СССР предоставлялась также и японскими агентами, количество которых не превышало 2 человек. Постоянно действующим источником информации, причем довольно реалистичной, были немецкие военные советники, число которых в КР к 1932 г. достигало 58 человек.

Агентов среди китайцев Рамзай называл групповодами, которые непосредственно устанавливали связи с китайцами, поставлявшими нужные сведения. Сам Зорге не был непосредственно связан с китайской сетью, которую возглавляли и формировали китайские агенты-групповоды: «Рудольф» в Шанхае и «Марианна» в Кантоне. Были агенты-групповоды в Нанкине, Ханькоу, в провинциях Хэнань, Хунань, Фуцзянь, Цзянси, в Маньчжурии. Всего удалось создать в китайской среде 13 руководителей связями, которые через агентов-связников замыкались на «Рудольфе», тесно связанном с Зорге и фактически являвшимся его заместителем⁶.

Наиболее активными агентами группы Зорге являлись Зебер Вайнгартен, Макс Клаузен (занимались радиосвязью и обеспечением выхода на Москву через Владивосток), «Рудольф», «Марианна», «Пауль» (Римм) (зам. Р. Зорге), жена «Пауля» Любовь Ивановна (Луиза Клас) — радистка-шифровальщица, Джон («Стронский»)». Рамзай активно пользовался собранной американской журналисткой Агнесс Смедли картотекой на 218 гоминьдановских генералов. К работе в своей группе Рамзай привлек также японского корреспондента «Осака Асахи симбун» Одзаки Ходзуме. В качестве источника информации Зорге порою удавалось привлечь и вдову Сунь Ятсена — Сун Цинлин, не имевшую отношения к советской военной разведке⁸.

Работа с Центром осуществлялась главным образом по двум каналам связи: через направление зашифрованных радиogramм и через письма — почтой. Существовала также практика передачи почтовым путем заданий Центра, составленных на полгода. В условиях быстро менявшейся обстановки Р. Зорге был вынужден нередко сам ставить задачи и анализировать ситуацию, а не просто передавать информацию вышестоящим руководящим органам разведки, что иногда ему ставилось Центром в упрек. Постепенно деятельность нелегальной резидентуры группы Р. Зорге вышла за пределы Шанхая и уже к маю 1931 г., благодаря работе с китайскими помощниками, распространилась до Нанкина, Кантона (Гуанчжоу) и Гонконга.

Не следует забывать о том, что в самом начале 1930-х годов ситуация на Востоке балансировала на границе войны и мира, причем Япония воспринималась как агрессор не только в Советском Союзе. Различные разведки не исключали и вариант её перехода к военным действиям, направленным против США. Тем не менее главными направлениями ожидавшейся японской агрессии в это время считались Китай и Советский Союз. Именно в этом направлении Р. Зорге и информировал Центр, хотя наиболее подробными и конкретными были его сведения о внутреннем положении Китая, на что и нацеливало его ГРУ СССР. Центр придавал большое значение выяснению вопроса степени силы и прочности КР, ее потенциальной возможности противостоять японской агрессии. От решения этой проблемы в определенной степени зависело прогнозирование дальнейшей внешней политики СССР в отношении Китая и Японии.

Несмотря на трудности в работе, Рамзаю и его агентуре удалось предоставить Центру достаточно объективную характеристику политиче-

ской и экономической ситуации в Китае в 1930—1932 гг. Наиболее подробными и достоверными оказались донесения по вопросам, связанным с военной составляющей политики Нанкинского правительства. По информации Р. Зорге, державы, поддерживая Чан Кайши в его борьбе с китайской Красной армией, продавали Нанкинскому правительству новейшее вооружение и боеприпасы, современные средства связи, способствуя модернизации вооруженных сил КР.

Начало японской агрессии в Маньчжурии в 1931 г., образование в 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го во главе с бывшим императором Пу И означало избрание японцами китайского направления агрессии как первоочередного. На эту информацию, своевременно переданную в ГРУ разными разведками, прежде всего Рамзаем, последовали незамедлительные указания Сталина и Политбюро ВКП(б). В шифрограмме И.В. Сталина Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову в связи с интервенцией Японии в Китае от 23 сентября 1931 г. высказывались в целом реалистичные суждения относительно позиции держав по данному вопросу. Так, Сталин допускал, что интервенция Японии проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае, прозорливо предсказал пассивность держав в деле осуждения и построения препятствий Японии в осуществлении ее агрессивных планов. Он сразу исключил возможность военного вмешательства СССР в события в Маньчжурии и счел нецелесообразным немедленное дипломатическое вмешательство СССР в события на Дальнем Востоке.

Естественно, что, сочувствуя китайскому народу, руководство СССР испытало временное облегчение в связи с тем фактом, что нападение японских военных сил не было совершено на Советский Союз, который еще не оправился от тягостных для страны последствий гражданской войны. Переход японских военных к открытому наступлению на Китай в целом еще больше осложнил ситуацию, поскольку продемонстрировал готовность японской военщины к развязыванию войны. Как следовало из решений заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1931 г., ставилась задача «поручить НКВД дать еще раз категорические указания дипломатическим представителям СССР в Китае и Японии, что они обязаны 1) аккуратно информировать Москву о происходящих событиях; 2) не предпринимать никаких шагов и не давать никаких разъяснений без указания из Москвы». Естественно предположить, что соответствующим образом данные инструкции касались

и разведки, что возлагало на группу Зорге еще большую ответственность.

Позиция СССР относительно Японии стала еще более осторожной, направленной на недопущение ситуации, которую Япония могла бы использовать в качестве предлога для нападения на СССР. Одним из прямых последствий японской агрессии в Маньчжурии явилось восстановление в 1932 г. в полном объеме дипломатических и консульских отношений между СССР и КР.

Советское правительство, принимая решение по вопросам советской дальневосточной политики, учитывало, что не только Китай, но и Советская Россия не была готова к войне с Японией, а тем более к войне на два фронта (на Западе и Востоке). Советские программы модернизации страны находились в начальной стадии. Советская оборонная стратегия не предусматривала вступления в войну с Японией до того, как она совершит нападение на СССР.

Важнейшей задачей советской дальневосточной политики было, сохраняя на должном уровне советско-японские отношения и не вступая в войну с Японией, оказать поддержку Китаю в отражении японской агрессии, если он встанет на путь антияпонской борьбы.

Центр проявлял исключительное внимание к передаваемым Р. Зорге материалам. В конце августа 1932 г. Рихарду Зорге был выслан перечень оценок материалов, поступивших в Центр из резидентуры Шанхая начиная с 27 февраля 1932 г. 65 материалов из 125 получили оценку как ценные; 48 — как заслуживавшие внимания; 6 материалов как малоценные.

Трудно переоценить значение донесений группы Зорге, добытых постоянным трудом, сопровождаемым реальной опасностью раскрытия группы китайской полицией

Военная резидентура в Шанхае, возглавлявшаяся Рихардом Зорге, была одним из главных каналов, по которым в руководящие органы СССР поступала информация (нередко аналитического характера) о внутренней и внешней ситуации в Китае. Важно отметить, что до работы шанхайской резидентуры в руководстве СССР существовал образ слабого Китая, не способного противостоять агрессивной Японии. Однако, изучая внутреннюю и внешнюю политику КР, оценивая в процессе контактов с Отделом международных связей Коминтерна (ОМС) внутривнутриполитическую ситуацию в Китае, Зорге пришел к выводу, что немедленное прекращение гражданской войны высвободит немалые ре-

зервы для военного, экономического и политического усиления Китая, достаточные для оказания достойного сопротивления Японии.

Не касаясь подробно взаимодействия группы Зорге с ОМС КИ (это — тема отдельного исследования), отметим помощь Зорге в борьбе китайских коммунистов против четвертого карательного похода Го-миньдана.

В период деятельности шанхайской резидентуры под руководством Зорге были и успехи, и неудачи. Тем не менее является фактом, что при всей высокой требовательности Центра к своим сотрудникам именно Рихард Зорге был направлен резидентом военной разведки в Японию — наиболее важный для безопасности СССР участок на Востоке.

17 октября 1941 г. советский разведчик был арестован японской контрразведкой. Зорге казнили 7 ноября 1944 г. Последними его словами были «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Советский Союз!». Имя Рихарда Зорге, коммуниста-интернационалиста, военного разведчика, информатора-аналитика, за три месяца до нападения фашистов на СССР раскрывшего планы гитлеровского генштаба и назвавшего дату нападения — 20—22 июня, навсегда останется в памяти России.

Примечания

¹ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919—1943. Москва, 1997. С. 144.

² Научная и журналистская деятельность Зорге показывает его глубокое проникновение в суть мировой политики. См.: Sontter R. Der neue deutsche Imperialismus. Hamburg-Berlin, 1928.

³ URL: www.1917.com/History/I-II/1176490892.html

⁴ Алексеев М. «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае 1930—1933 гг. М., 2010. С. 164—165.

⁵ Дементьева И., Агаянц Н. Товарищ Зорге. Документы, воспоминания, интервью о подвиге советского разведчика. М., 1965.

⁶ Алексеев М. Указ. соч. С. 593—602.

⁷ Подробнее см.: Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 222—226.

⁸ Дементьева И., Агаянц Н. Указ. соч. С. 65.

*Игорь Евгеньевич Пожилов,
к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ВООРУЖЕННОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКИХ РАЙОНАХ ЦЗЯНСИ

Аннотация. В докладе рассмотрены малоизвестные вопросы контрреволюционного движения в Цзянси периода «аграрной революции», мотивации, формы и специфика сопротивления крестьянства насаждению советов. Анализ проблематики базируется на повременных документах КПК и свидетельствах участников событий.

Ключевые слова: аграрная революция, контрреволюционное движение, тувэйцзы.

Annotation. The report deals with some obscure aspects of counter-revolutionary movement in Jiangxi through the period of «agrarian revolution», as well as incentives, forms and specificity of peasant resistance to the Soviets. The analysis is based on CPC' documents and testimonies of the events participants.

Keywords: agrarian revolution, counter-revolutionary movement, tuweizi.

В октябре 1931 г. по случаю «грандиозной победы в третьей революционной войне»¹ в политотделе 3-й армейской группы сочинили победную песню. В ней целых 1,5 тыс. иероглифов, и всякий что-нибудь да значил.

Вот, к примеру:

*Сила масс воистину велика,
У нас нет трудностей,
Трудности — у врага!*²

Если опустить ритуальные реверансы в сторону масс, которых вместе со всей территорией советского района Красная армия сходу сдала гоминьдановским войскам³ и чудесным образом (ни разу не овладев инициативой) взяла верх в войне, то действительно враг столкнулся с «трудностями». И немалыми, коль скоро таковые вдруг решительно исчезли у коммунистов. О чем речь, догадаться не сложно: в связи с японской агрессией в Дунбэе Чан Кайши (некоторые историки считают, что в шаге от успеха) приказал завершить поход и перенаправить усилия на борьбу с угрозой национального порабощения.

Перед КПК стояла другая задача. За предшествующие 3 года партии так и не удалось по-настоящему «раскачать» цзянсийское крестьянство посулами справедливого аграрного передела и избавления от кабалы деревенских мироедов. Право же, реально ли было поднять на борьбу за землю тех, у кого она имелась, — пусть мало, но все-таки? Тех, кто зачастую «не сразу соображал, что такое *тухао*, а что такое *лешэнь*»? Тех, кто попросту «хихикал», слушая проповеди о «диковинном коммунизме»⁴?

Китайская деревня юго-восточнее Янцзы, не говоря уже о *Ганьнани*, не знала концентрации земли, тем более критической, и с земельным переделом процветания не связывала⁵. Последняя позиция отношения к революции коммунистов не имела; с первой поначалу работали, не покладая рук, подтягивая показатель к искомому, затем душою не кривили (и так сойдет). В 1928 г. Мао Цзэдун «одарил» помещиков Суйчуани целыми 80 % пашни; через два года, обследуя уезд Сюньу той же Цзянси, показал, как все обстояло по факту: «...Общественные земли — 40 %, у помещиков — 30 %, у крестьян — 30 %»⁶.

Еще менее к крутому развороту деревни в равнополье располагала доля *пиньгунун* (крестьян-бедняков и батраков) в общей численности крестьян на территории будущих опорных баз КПК. Так, в уезде Синго, т. е. самом «сердце» Центрального советского района (ЦСР), они составляли менее 1 % населения, а в фучзяньском Юндине их не было совсем. В целом же по ЦСР «горючая» субстанция совокупно укладывалась в 5 %⁷.

Да и не только в земле заключался крестьянский интерес — вне свободы распоряжения продуктом своего труда она едва ли что-либо значила. И лозунг советов лишь микшировал, но не снимал проблему. Участие во власти для крестьян было неприемлемым, а коммунистам с кем-то делиться ею не пристало. «...Демократия — это вообще не наша цель, а средство завоевания масс», — мимоходом озвучил сокровенное Чжоу Эньлай, поразив своим, как бы это помягче выразиться, прагматизмом даже коминтерновских советников⁸.

По итогу, ко времени написания песни про победу Компартия, обладавшая на редкость боевитой 40-тысячной армией, а также, как принято считать, легионом партизан и красногвардейцев, довольствовалась в Цзянси даже меньшей опорной базой, чем давно брошенная Цзинганшань (современный историографический официоз КНР по-прежнему неумолимо утверждает, что в провозглашенную в ноябре 1931 г. Китайскую советскую республику вошли более 20 уездов⁹).

Так, согласно телеграмме ЦБ ЦК КПК (сентябрь 1931 г.) в Политбюро, «полностью красным» накануне I съезда советов являлся только уезд Жуйцзинь, четыре соседних были «большей частью белыми», остальные — «полностью белыми». Мало того, Бюро ЦК подчеркивает, что для «их завоевания необходимо длительное время», равно как и «100-тысячная Красная армия»¹⁰. На этот показатель (в 20 уездов) КПК, кстати, не вышла даже в 1932 г., когда Центральный советский район достиг максимума территориального размаха (в докладе цзянсийского провинциального комитета партии от 4 мая говорилось, что ЦСР охватывает 18 уездов, из них полностью советизированы 7)¹¹.

Иначе говоря, Центральная опорная база КПК в Цзянси и в лучшие времена представляла собою ядро из так называемых старых, т. е. мало-мальски стабильных, соврайонов (в поперечнике около 100—120 км), охваченное по обводу «новыми районами», как их лукаво называли в публичных документах, а в обиходе — «пограничем». В «новых районах» советская власть существовала в основном на бумаге, и здесь попеременно хозяйничали то коммунисты, то гоминьдановцы («красные бьют белых, белые бьют красных»)¹².

Сдерживающим фактором экспансии КПК в Цзянси, наряду с карательными экспедициями Гоминьдана, выступала и не могла не выступать внутренняя оппозиция, сложившаяся стихийно как реакция на разрушение традиционных устоев, жертвы и изъятия собственности. Эта, подлинная, контрреволюция (а не полумифический Антибольше-

вистский союз¹³) никогда не являлась предметом исследований ни в Китае, ни за рубежом. Одновременно оказывалась (и остается) на периферии внимания реальная подоплека пресловутых кампаний *суфань* (борьбы с контрреволюцией), заключавшаяся, помимо устрашения партийных и беспартийных масс, в физической ликвидации коммунистами-пришельцами (например, из 4-го корпуса Чжу-Мао) местных кадров (события в Футяни и др.). Чистки неугодных создавали условия для форсированной селекции нового, всецело покорного вождям господствующего класса (к 1934 г. на 3 млн населения ЦСР выпестовано как минимум 300 тыс. не занятых никаким производительным трудом *ганьбу* и конторских служащих¹⁴).

Как бы то ни было, антикоммунистическое движение в Цзянси, имея неоспоримое преимущество в объективном подкреплении своих интересов и чаяний, не получило существенного развития и не стало главенствующей силой в разгроме «аграрной революции» КПК подобно, например, событиям в Южной Хунани первой половины 1928 г., где крестьянство расправилось с коммунистами, не дожидаясь подхода карательных сил. Укажем лишь на самые важные причины феномена.

Освоение Цзянси 4-м корпусом Чжу-Мао с весны 1929 г. сопровождалось беспрецедентным красным террором, неоглядными пепелищами и тотальным грабежом, освещенными тогдашней политикой партии *шаоша* («жги и убивай»). Первичный натиск насилия привел к резкой перемене поведенческой модели оцепеневшего от ужаса сельского обывателя, запустив процесс «биологизации» его ценностных ориентаций, сводившийся в общем и целом к перенастройке на физическое выживание со всеми ее модальностями. Активное сопротивление насаждению советов (вооруженная контрреволюция), разумеется, не исключалось и присутствовало повсеместно, однако, повторим, не выглядело убедительным и, тем паче, превалирующим в умонастроениях и действовании цзянсийской деревни.

Еще одна из основных причин сравнительно вялого течения антисоветской борьбы залегала в геополитическом положении центральной базы КПК как отторгнутого не окраинного, но внутреннего района страны, сжатого блокадой и не имевшего перспективы к развитию. Поэтому вооруженное сопротивление советской власти, как считалось, «временной и обреченной», принимало большей частью пассивно-оборонительный характер и формы, которые не многим отличались от до-

минирующего «выжить—уцелеть». Что касается упований на раскрепощение от «гнета *гунфэй* (бандитов-коммунистов)», то они связывались, как правило, с усилиями провинциальных милитаристов и правительства, которых клеймили все кому не лень, включая исконные элиты, но, считая хотя бы предсказуемыми, наделяли освободительной миссией¹⁵. Питались, конечно, и другие надежды, вроде того, в частности, что «бандиты, дочиста разорив край», уйдут сами, как ушел из Пинцзяна тот же Пэн Духай, превративший его в безжизненную пустыню¹⁶.

Общая инертность контрреволюционного движения в Цзянси (включая вооруженную оппозицию) сопрягалась — что является, пожалуй, самой примечательной его особенностью, — с довольно массовой базой участников. Число контрреволюционеров с оружием в руках ничуть не уступало численности регулярных соединений Красной армии (до 50 тыс. человек, а то и больше)¹⁷. Такая причудливая данность находит объяснение даже не столько в неприемлемости коммунистического порядка консервативным большинством, сколько в традициях цзянсийского сельского социума.

Здесь, пожалуй, как нигде, была сильна приверженность крестьянства солидарным отношениям семейно-родственной общины (*цзунцизу/шицизу*). «Лучше уж умереть, чем лишиться имени»¹⁸, — буквально так звучал лозунг, побуждавший людей уходить прочь от советов, «покусившихся на мораль и благонравие», «обобравших народ до нитки» и укрываться в родовые убежища-крепости *тувэйцзы*¹⁹.

Разбросанные по всем уездам Южной Цзянси, в том числе в самом центре советского района (Юйду, Нинду, Синьфэн, Жуйцзинь), около 1,5 тыс. *тувэйцзы*, собственно, и воплощали в себе практически весь спектр форм и способов борьбы с коммунистическим режимом (в крепостях укрывались не только сородичи по общине, но и окрестные миньтуани, отставшие или отрезанные от своих частей подразделения правительственных войск, выжившие активисты Гоминьдана, чиновный и прочий «старорежимный эксплуататорский элемент»).

В советском районе «гнездилища контрреволюции» называли «белыми точками» (*байдянь*), нарочито подчеркивая их микроскопичность, ничтожность и невеликую опасность для рабоче-крестьянской власти. А в закрытых партийных документах можно прочесть совсем другие сентенции, как-то: «Вооруженные силы реакции сильны, обосновались в горных *тувэйцзы*; крепки своими традиционными семейно-общинными отношениями; накапливают силы, ведут пропаганду, изматывают

нас то обороной, то наступлением. Таким образом, внутри советской опорной базы созданы мощные белые отторгнутые районы»²⁰.

Авторы донесения в инстанцию, думается, несколько стусили краски. И все же, учитывая компактность соврайона и наличие вокруг *байдянь* «сочувствующих территорий», а также то обстоятельство, что целый ряд *тувэйцзы* занимали стратегически важные позиции на узлах коммуникаций, мешавших консолидации советов, вооруженная контрреволюция потенциально являла собою очень опасный фактор для режима КПК. И не столько в военном, сколько в политическом плане. Как выразился один из уездных партийцев, «*тувэйцзы* — гноящиеся занозы на теле советской власти, грозящие обернуться горячкой и смертельным исходом для нас»²¹. В упомянутой песне есть строчки и об этом, но с обнадеживающим диагнозом:

*Контра, о погибели скорой знай,
Трепещи, реакция!
Красная армия крепка, как сталь*²².

«Занозами» занялись сразу по отражении 3-го гоминьдановского похода в октябре 1931 г., начав свою «карательную операцию» против крепостей, самую длительную из шести войн, не считая заключительного наступления националистов на ЦСР. В операции принимала участие наличная группировка Красной армии в Цзянси полного состава при поддержке всех отдельных дивизий территориальных войск, партизанских отрядов и красной гвардии. В течение 5 месяцев коммунисты взяли штурмом или осадой около 200 *тувэйцзы* в 4 уездах (Жуйцзинь, Юйду, Шэнли, Нинду), и их насущная задача сплотить в одно целое хотя бы старые базы была выполнена. За крепости по южной кромке провинции, где их было вообще не счесть, даже не стали браться, иначе положили бы там всю армию, поскольку за уже взятые две сотни, не имея тяжелого вооружения и навыков позиционной войны, расплатились колоссальными потерями²³.

В свою очередь, защитники «белых точек» выказали завидную стойкость, встав перед выбором погибнуть или умереть. Они и до того, находясь в «показательной» осаде, терпели крайнюю нужду, но на предложение сдаться и быть прощенными отвечали категорическим «нет». Особенной непримиримостью к коммунистам отличалось население Сяньду-Цибяо²⁴, которое и вне *тувэйцзы* сражалось с ними столь дерзко и отчаянно, что Реввоенсовет республики постановил «решить вопрос

самого реакционного района» путем «мирных переговоров» (уникальный случай в истории советов)²⁵.

Заманчивое предложение? Безусловно. Но Цзянси никогда не видела такого обветшания хозяйства, поразительного запустения полей и нищеты, в которые ввергли ее коммунисты с их «аграрной революцией» и «народовластием», а теперь предлагали защитникам крепостей попробовать все это на вкус. Так стоит ли капитулировать, чтобы изнывать от непосильных поборов, бесконечных «расписочных» конфискаций, череды оборонных займов, принудительных работ, полуголодного существования, трястись в ожидании *суфань* или, еще хуже, «добровольного» призыва в армию?! Достаточно сказать, что по оценкам Хуан Даосюаня, которого к критической школе историографии КПК не отнесешь, налоговое бремя крестьян советской Цзянси превышало показатель белых районов в 3 раза²⁶.

Наконец, в качестве особого, идейно непримиримого и бескомпромиссного, сегмента вооруженного антисоветского движения в провинции выступали так называемые *синь юцзидуй* («новые партизанские отряды»), состоявшие из тех, кто ввиду репрессий и непрерывного красноармейского фандрайзинга покинул родные места и испытывал бездонную ненависть к *хэйшадан* («черной партии убийц») ²⁷.

Эти отряды, следуя проторенной коммунистами дорогой борьбы, также базировались на труднодоступных горных сокрытиях вроде Цзинганшани или Фэнбяньгуна, осваивали их тактику «воробьиных налетов» и «нарезания кругов», совершали вылазки в советские районы, жгли, убивали, вели пропаганду. «В свое время коммунисты потерпели поражение, — агитировали “новые партизаны” односельчан, — силы у них были слабые, вот и перешли к партизанству. Сейчас празднуют победу. Мы проиграли и тоже должны партизанить...»²⁸

В одном из докладов Реввоенсовету с мест о «новых партизанах» сказано: «...Их следует считать подлинно классово [помещичьей] контрреволюционной вооруженной силой»²⁹. Пассаж типовой и ничем не примечателен. Да и кому, как не Реввоенсовету, было не знать, что большинство «партизан» и защитников крепостей составляли вовсе не помещики и не *лешэнь*, но крестьяне, включая бедняков (от 2/3 и более)³⁰. Словом, в «великий поход» («бегство на запад», как окрестила предприятие «реакционная» цзянсийская деревня) коммунистам все-таки пришлось уйти. В определенной мере этому послужила и вооруженная контрреволюция.

Примечания

¹ В партийных документах периода и обиходе боевые действия Красной армии по отражению карательных походов Гоминьдана против Центрального советского района назывались соответственно «первая [революционная] война», «вторая...» и т. д. Понятие *фань вэйцзяо* («отражение похода на окружение») вошло в оборот позже, видимо, как более корректное с точки зрения партийных идеологов.

² Синго вэньши цзыляо сюаньци (Избранные материалы по культуре и истории Синго). Т. 3. Наньчан, 1990. С. 52.

³ В «Тезисах для пропаганды» (от 13 июня 1932 г.), составленных политотделом цзянсийского военного округа КРККА, отмечается: «...В период прошлогодней третьей войны в советском районе Цзянси не оказалось ни одного населенного пункта, куда бы не добралась белая армия» (Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйци. 1932 нянь [Документы по истории революции в Цзянси. 1932 год]. Наньчан, 1992. С. 228).

⁴ Миньчжу гэмин шици Чжучжоу данши цзыляо (Документы по истории парторганизации Чжучжоу периода демократической революции). Чанша, 1989. С. 391—392.

⁵ Подробно о структуре землевладения в регионе и минимальных значениях ее взаимосвязи с «аграрной революцией» КПК см.: *Хуан Даосюань*. 1920—1940 няндай Чжунго дуннань дицюйдэ туди чжанью: цзяньтань дичжу, нунминь юй туди гэмин (Землевладение в Юго-Восточном Китае в 1920—1940-е гг.: о помещиках, крестьянстве и аграрной революции) // Лиши яньцзю. 2005. № 1. С. 34—53).

⁶ *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. Т. 1. М., 1952. С. 140; Мао Цзэдун нунцунь дяоча вэньци (Сочинения Мао Цзэдуна об обследовании деревни). Пекин, 1981. С. 105. О невымышленной ситуации с землевладением и уровнем зажиточности деревни, в частности в Цзянси, ЦК КПК имел представление и без аналитики Мао. Достаточно указать на его письмо от 2 февраля 1928 г., в котором подчеркивается, что в провинции «крестьян-собственников больше всего по Китаю», не считая того, что она лидирует и по сборам зерна на душу населения, в разы опережая Хунань или Аньхуэй (См.: Диэрцы гонэй гэмин чжаньчжэн шици туди гэмин вэньсянь сюаньбянь [Избранные документы по аграрной революции в период Второй гражданской революционной войны]. Пекин, 1987. С. 57).

⁷ См.: *Чжан Хунцин, Сяо Вэньянь*. «Бяньюаньхуа чжаньюэ»: Чжунгун дуньюань юй Чжуньян сущой миньчжундэ цзибэнь лии, шэхуэй ганьцин («Стратегия периферизации»: мобилизационные мероприятия КПК и коренные интересы, социальные настроения масс в ЦСР) // Кайфан шидай. 2011. № 8. С. 38—56.

⁸ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. III. Ч. 1. М., 1999. С. 575.

⁹ См., например: Чжунъян гэмин гэньцзюйди шигао (Очерк истории Центральной революционной опорной базы). Шанхай, 1996. С. 354.

¹⁰ Синго вэньши цзыляо сюаньцзи. Т. 3. С. 50.

¹¹ Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1932 нянь. С. 128.

¹² Юйду вэньши цзыляо (Материалы по культуре и истории Юйду). Т. 2. Наньчан, 1991. С. 67—68.

¹³ Антибольшевистский союз (АБ-союз) просуществовал три месяца (январь—март 1927 г.) и был ликвидирован в ходе погромов 1—2 апреля в Наньчане, направленных против Чан Кайши с подачи генерала Чжу Пэйдэ (См.: *Сюй Син*. Цзянси шицидэ хунсэ кунбу [Красный террор в Цзянси] // Кайфан. 2006. № 12. С. 74—77). Крайне любопытно, что кампанией по искоренению структур «правого» Гоминьдана, включая АБ-союз, руководил Чжу Дэ, в то время начальник управления общественной безопасности в провинции (См.: *И Юй*. Цзинлэй: Наньчан ции цзиши [Раскаты грома: достоверно о Наньчанском восстании]. Чанша, 1997. С. 230).

¹⁴ *Хуан Даосюань*. Чжанли юй сяньцзе: Чжунъян сушой дэ гэмин. 1933—1934 (Растяжение и предел: революция в Центральном советском районе). Пекин, 2011. С. 287.

¹⁵ Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1932 нянь. С. 361.

¹⁶ Там же; Пинцзян ции: цзыляо сюаньцзи (Пинцзянское восстание: избранные материалы). Пекин, 1984. С. 45.

¹⁷ Подсчитано по: Чжунъян гэмин гэньцзюйди шилиао сюаньбянь (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы). Т. 1. Наньчан, 1982. С. 425—426; Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1932 нянь. С. 129, 323—324.

¹⁸ Юйду вэньши цзыляо. Т. 2. С. 59.

¹⁹ Иначе назывались *вэйчжай*, *тулоу*, *тубао*. Построены в основном в позднечинский и цинский периоды; после Синьхая активно реконструировались; были по сути неприступными сооружениями с мощными стенами (до 7 м в высоту, до 1,5 — толщиной) из песчаника, по периметру окаймленными рвами с водой или просто расположившимися на рисовых полях; часто возводились и на скальных породах, что исключало возможность откопать минную галерею и пробить брешь фугасом. *Тувэйцзы* обеспечивали длительным и надежным укрытием от 200—300 до нескольких тысяч человек. Признавая семейные крепости более чем серьезными фортификационными сооружениями, их великое множество, а также то, как «насмерть стоят их защитники», коммунисты меж собой называли

тувэйцзы «незыблемой стеной Цинь Шихуана» (См.: Чжунъян гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь. Т. 1. С. 362).

²⁰ Юйду вэньши цзыляо. Т. 2. С. 75.

²¹ Там же. С. 60.

²² Синго вэньши цзыляо сюаньцзи. Т. 3. С. 51.

²³ Чжунъян гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь. Т. 1. С. 425—426.

²⁴ Несколько десятков деревень на стыке уездов Синго, Юйду, Нинду и Юнфэн.

²⁵ Чжунго гэмин цзюньши вэйюаньхуэй цзунчжэнчжибу дисыхао тунлин (Директива № 4 ГлавПУ Реввоенсовета Китая) // Дандэ вэньсянь. 1991. № 2. С. 54; Синго вэньши цзыляо сюаньцзи. Т. 3. С. 159.

²⁶ См.: Хуан Даосюань. Чжанли юй сяньцзе. С. 283—287.

²⁷ Сян-Гань гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Избранные материалы по истории революционной опорной базы Хунань-Цзянси). Т. 1. Пекин, 1990. С. 406.

²⁸ Чжунъян гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь. Т. 1. С. 361; Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1932 нянь. С. 105.

²⁹ Сян-Гань гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь. Т. 1. С. 406.

³⁰ Цзянси гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1932 нянь. С. 323.

Ольга Николаевна Борох,

к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН

ИССЛЕДОВАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В РАБОТАХ ВАН ЯНАНЯ 1940-х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассмотрена концепция китайской бюрократической политики, которую разработал в республиканский период ученый-марксист Ван Янань (1901—1969). Предпосылками формирования этой концепции стали проведенные им в 1930-е годы исследования экономической истории Китая и специфики китайского феодального общества. Важным событием стала состоявшаяся в 1943 г. встреча Ван Янаня с британским ученым Джозефом Нидэмом, проявившим интерес к бюрократической системе Китая. Ван Янань приступил к изучению этой проблемы и в 1948 г. издал книгу «Исследование бюрократической политики Китая». Прослежена связь этого исследования с общественно-политическими тенденциями в Китае периода гражданской войны и марксистской критикой гоминьдановского «бюрократического капитализма».

Ключевые слова: республиканский Китай, Ван Янань, бюрократическая политика, марксизм.

Annotation. The article is focused on the concept of Chinese bureaucratic politics elaborated in the republican period by marxist scholar Wang Yanan (1901—1969). His studies of the 1930s in China's economic history and specifics of Chinese feudal society laid the foundation for this concept. An important event was Wang Yanan's meeting in 1943 with

British scholar Joseph Needham who expressed interest in China's bureaucratic system. Wang Yanan went on investigation of the problem and published the *Studies in Chinese Bureaucratic Politics* (1948). The article traces connections of this book with social and political trends in China during the Civil War and with marxist criticism of Guomindang's «bureaucratic capitalism».

Keywords: republican China, Wang Yanan, bureaucratic politics, marxism.

В 1930—1940-е годы китайские марксисты добились заметных успехов в изучении социально-экономических проблем Китая. Показательным примером является деятельность Ван Янаня, целенаправленно работавшего над пропагандой марксистской экономической теории и ее адаптацией к исследованию китайской реальности.

Известная работа «Основы экономики Китая» (1947)¹ стала логическим развитием научных поисков Ван Янаня начала — середины 1940-х годов. Замысел книги «Исследование бюрократической политики Китая» (1948) появился позже². Существенную роль сыграла встреча Ван Янаня с английским ученым Джозефом Нидэмом, приехавшим в Гуандун в поселок Пинши, где в то время находился Университет Сунь Ятсена. Ван Янань занимал пост декана экономического факультета этого университета с осени 1940 г., читал лекции по экономической науке, истории китайской экономики и истории экономической мысли. Биохимик и эмбриолог Нидэм в 1942—1946 гг. возглавлял Британскую научную миссию в Китае, он использовал эту возможность для сбора материалов для своего будущего исследования по истории китайской науки.

В предисловии к книге о бюрократической политике Китая Ван Янань вспоминал: «В 1943 г. английский профессор Нидэм приехал с культурной миссией в государственный Университет Сунь Ятсена в район Пинши на севере пров. Гуандун, где он тогда находился. В одной из гостиц Пинши мы имели две длинные беседы. Перед расставанием он вдруг поднял тему “бюрократической политики Китая”, попросил меня сжато дать ей объяснение с точки зрения истории и общества. Он занимается естественными науками, но у него есть исследовательский интерес к общей экономической истории, особенно к социально-экономической истории Китая. Выдвинул ли он эту тему потому, что у него возникли затруднения при исследовании социально-экономической истории Китая, или это было связано с его впечатлениями во время пу-

тешества по Китаю, — я тогда не спросил. Но я действительно стал думать над этим вопросом, на который обычно не слишком обращал внимание. Хотя тогда я отделался общей фразой “не изучал, если будут результаты, то поставлю в известность”, но впоследствии этот сложный вопрос постоянно заставлял меня искать ответ на него»³.

В 1954 г. Нидэм упомянул Ван Яняня среди имен многих китайских ученых, общение с которыми помогло приступить к созданию фундаментальной «Науки и цивилизации в Китае». Он вспомнил, как душевными летними ночами беседовал с Ван Янянем при свечах на балконе над рекой Пинши о «точном характере средневекового китайского феодально-бюрократического общества»⁴.

Британский ученый заинтересовался историей китайской бюрократии в поисках ответа на вопрос о том, почему, несмотря на успехи в прошлом, Китай не сумел создать современную науку, сопоставимую с той, что возникла в Европе после XVI в. и стала одним из факторов формирования мирового порядка. Чтобы найти ответ на этот вопрос, получивший название «загадки Нидэма», исследователь обратился к систематическому изучению истории науки и техники в Китае.

Основным стимулом для обращения Ван Яняня к проблемам бюрократизма и феодализма была прежде всего социально-политическая обстановка в Китае второй половины 1940-х годов. Ван Янянь признал, что со времени встречи с Нидэмом в 1943 г. постоянно думал об этой проблеме и начал обращать внимание на относящиеся к ней материалы. Вместе с тем определяющим фактором стал заметный рост политической актуальности проблемы бюрократии для критики гоминьдановской власти: «В последние годы бюрократический капитал уже стал предметом горячего обсуждения на форумах общего характера, а отношения бюрократической политики и бюрократического капитала очень ясные. Исследования бюрократического капитала ... все больше требовали от меня давать научные разъяснения бюрократической политике»⁵.

Ван Янянь стремился подчеркнуть взвешенный и объективный характер своей исследовательской позиции. Он утверждал, что бюрократическая система нанесла много вреда в прошлом, она играет разрушительную роль и противоречит духу эпохи Китая 1940-х годов, все говорят о бесчинствах «отвратительного» бюрократического капитала. «В этой обстановке исследование бюрократической политики требует сдерживания стремления выразить эмоции. Чрезмерное преувеличение уродства того, что надо срочно устранить, и чрезмерное преувеличение красоты

того, что надо срочно осуществить, возможно, необходимо для пропаганды, однако в то же время может затруднить научное познание»⁶.

Обобщающая статья Ван Янаня «Теоретический анализ бюрократического капитала в Китае» была в полном виде опубликована в газете «Вэньхуэйбао» 25 марта 1947 г. Ученый выделил три взаимосвязанные формы «бюрократического капитала»: владение, пользование и распоряжение капиталом бюрократией⁷. На основании анализа этих форм Ван Янань определил бюрократический капитал как «общее название органического соединения различных видов капитала, которым при определенных общественных условиях владеет, который использует и над которым осуществляет контроль бюрократия»⁸. Все три формы бюрократического капитала (владение, пользование, распоряжение) связаны и образуют единый узел. Основной является первая форма, т. е. владение, но без второй и третьей появление и развитие бюрократического капитала затруднительно.

Ученый сформулировал ряд предложений по усилению контроля над бюрократическим капиталом. Ван Янань рекомендовал ввести запрет на занятие бюрократией торговой деятельностью, государству предлагалось проводить либеральную экономическую политику, уменьшить сферу контроля над экономикой и зарегистрировать бюрократическое имущество⁹. Однако Ван Янань признавал, что осуществить эти предложения практически невозможно, так как в условиях полуфеодального, полукOLONиального общества сохраняются многие предпосылки формирования бюрократического капитала. Только устранив феодальные отношения и ограничив правовыми рамками деятельность бюрократического капитала, можно не допустить превращения государственных и частных предприятий в капитал бюрократии¹⁰.

Вслед за обсуждением «бюрократического капитала» Ван Янань опубликовал несколько статей на тему китайской традиционной бюрократической власти в еженедельном журнале «Ши юй вэнь» («Время и текст»), который выходил в Шанхае с марта 1947 г. по сентябрь 1948 г. Ученый исследовал особенности бюрократической деспотической политики в Китае, подверг критике диктаторский характер феодальной помещичьей экономики и идейную монополию традиционного конфуцианства¹¹.

В статье «Перспективы бюрократической политики в Китае», которая впоследствии была включена в книгу в качестве заключительной главы, Ван Янань определил бюрократическую политику как ««полити-

ку особых прав», когда политическая власть, вместо того чтобы выражать волю народа и выступать в интересах народа, использует вывеску «государственного» или «народного» для контроля над народом, его порабощения, чтобы реализовать своекорыстные цели власть имущих¹².

Ван Янань выделил три предпосылки существования бюрократической политики. Во-первых, докапиталистическая, или феодальная, система по-прежнему играет важную роль в экономике и обществе. Во-вторых, народ пребывает в состоянии невежества, поэтому рассматривает правителя как «сверхчеловека». В-третьих, обществу в целом является отсталым и закрытым, у него отсутствуют экономические и культурные контакты с более прогрессивными обществами¹³.

По мнению Ван Янаня, бюрократическая политика выступает как побочный продукт политики деспотизма. Преемственность (*яньсюйсин*) бюрократической политики обеспечила длительность ее существования; благодаря инклюзивности (*баожунсин*) она вобрала в себя широкий спектр культурных явлений — этику, религию, закон, искусство и т. д.; пронизывающая всеединая последовательность ее претворения в жизнь (*гуаньчэсин*) поставила мировоззрение китайцев в рамки, которые были обозначены бюрократической политикой¹⁴.

На этом фоне все факторы китайской культуры, включая науку, идеи и образование, превратились в политические инструменты. Система идей конфуцианства стала «главным средством духовного производства», которое использовалось бюрократией для поддержки деспотического господства¹⁵. Ключевым элементом конфуцианской системы Ван Янань назвал концепцию «небесного пути» (*тяньдао*), ее производными являются идея «великого единства» (*да и тун*) и моральное учение (*ган чан*)¹⁶.

Сославшись на опыт чтения университетского курса экономической истории Китая, Ван Янань отметил, что многое в процессе исторических изменений китайского общества нельзя объяснить с помощью готовых формул. Выдвинуть специфические законы экономического развития сложно, применять эти законы для объяснения всех заметных социальных и культурных явлений еще труднее. «Бюрократическая политика принадлежит к подобным социально-культурным явлениям, она вместе с заметными в китайском обществе патриархальными организациями (*цзунфа*), этическими традициями, конфуцианскими идеями и другим также становится проверкой того, правильны ли законы особого развития общества и экономики Китая, которые я выдвигаю. В этом смысле

изучение бюрократической политики Китая неизбежно становится побочным продуктом моего изучения экономической истории Китая»¹⁷.

Задуманное исследование должно было показать, каким образом возникает бюрократическая политика, что поддерживает ее существование и при каких условиях она может исчезнуть. Ван Янань призвал смотреть на это явление исторически: «С точки зрения сегодняшнего дня бюрократическая политика стала устаревшей, отсталой вещью, но в прошлом в истории она сопровождала другую общественную систему и играла прогрессивную роль. В Китае бюрократическая политика возникла относительно рано. Ее даже можно рассматривать как достаточно прогрессивную особенность китайского общества, проявившуюся в политической области»¹⁸.

Ученый прозорливо указал на устойчивость бюрократической политики: она такая же древняя, как и история китайской политики, «подобно чудовищной змее с девятью головами, которой отрубают голову, и эта голова вырастает вновь, бюрократическая политика на протяжении долгого времени непрерывно “воскресает” в глазах людей в образе бюрократии и обеспечивает свое бессмертие»¹⁹.

Ван Янань отметил, что неизменно подчеркивает «особое развитие китайского общества» и в книге о бюрократической политике представлен итог его размышлений на эту тему. «Проблемы долговременного застоя китайского общества, феодальной формации помещичьей экономики, сочетания бюрократизма, деспотизма и феодализма, противостояния чиновников и народа, классового характера старых служилых (*шидафу*), феодальной эксплуатации, препятствий для деятельности городских торговцев и ремесленников, различий между старой и новой бюрократической политикой, неизбежной связи между демократической политикой Китая и земельными преобразованиями — все эти вопросы... непосредственно или косвенно касаются темы особого развития китайского общества, а также четко определяют путь будущего исторического развития китайского общества»²⁰.

Ученый считал, что развитие бюрократической политики в Китае прошло через два этапа: на смену первому этапу землевладельческой аристократии (*линъчжу*) пришла помещичья (*дичжу*) экономика, которая на протяжении двух тысячелетий от династии Цинь до династии Цин занимала господствующее место. Он указывал, что помещичья экономика является материальной основой китайской бюрократической политики.

Ван Янань пришел к выводу, что Китай долгое время находится на феодальном этапе помещичьей экономики из-за того, что внутри этой экономической формации существовали ограничения, которые не позволяли породить новый способ производства. Лежащие в основе этой формации бюрократическая политика и конфуцианское учение привели к появлению многих мер, смягчающих внутреннее противостояние и обеспечивающих устойчивость феодального строя²¹.

Ученый выступал против попыток объяснить отсутствие прогресса в Китае ссылками на «азиатскую отсталость». Застой был обусловлен не тем, что долгое время не происходило перемен, а тем, что имелось много препятствующих факторов и накопленный общественный прогресс не мог проявиться в качественных изменениях. Ван Янань был уверен, что после искоренения феодальной системы китайской бюрократической политике наступит конец и на смену ей придет демократическая политика.

Через этап бюрократической политики прошли многие страны: Англия, Франция, Германия, Россия, — однако в Китае ее особым проявлением было правление с помощью ритуала вместо правления на основе закона. Анализируя отношения между культурой, политикой и экономикой, Ван Янань отмечал, что традиционные идеи культуры, главным образом конфуцианство, стали «скрепляющим элементом» между помещичьей экономикой и бюрократической политикой и обеспечили ей длительное существование.

Ван Янань пытался применить свою концепцию китайской бюрократии к поиску путей развития экономики Китая. Ученый доказывал, что, хотя современное экономическое строительство во многих странах началось с городов, подготовительные преобразования, или «работа по расчистке дороги», должны начинаться с деревни. Он предупреждал, что старые социальные отношения в китайской деревне при поддержке международного капитала могут стать помехой на пути экономических преобразований.

Распространенные иллюзии по поводу возможности приоритетного развития городской экономики и невнимание к социальным проблемам деревни Ван Янань объяснил спецификой китайской бюрократической традиции. Формальная свобода крестьян, обусловленная особенностями традиционного китайского феодального общества — помещичьей экономикой и бюрократической политикой, — не только осложняла понимание препятствий, которые это общество ставило на пути прогрес-

су, но и притупляла требования капиталистов проводить радикальные реформы²².

Ученый настаивал, что китайская деревня не избавилась от господства старого феодализма. Более того, за десятилетие с конца 1930-х до конца 1940-х годов появился новый феодализм, который набирает силу. Ван Янань указывал на необоснованность прямого сопоставления китайской реальности с историей Европы «темного средневековья», когда у землевладельцев были особые права в отношении крепостных крестьян (право первой ночи, вмешательство в брак и т. д.), которые считаются доказательством существования феодальной системы. В китайской истории ничего подобного не было. Однако на деле по масштабам поборов в Китае уже превосходили эксплуатацию крепостных крестьян землевладельцами в средние века. В китайской деревне мелкий крестьянин, арендатор и даже мелкий помещик занимают подчиненное положение по отношению к местным тухао и лешэням, которые «наверху находятся в сговоре с чиновниками, а внизу связаны с бандитами», их слова часто становятся приказом для добропорядочных маленьких людей, превращающихся в пожизненных пленников. Хотя в образованном китайском обществе не может быть права первой ночи и других подобных обычаев, молодая дочь крестьянина неизбежно станет объектом унижения со стороны тухао, лешэней и их родственников, и такое уродливое поведение не будет рассматриваться другими как нечто особенное²³.

Особенность китайского бюрократического феодального общества Ван Янань видел не в принадлежности отдельного крепостного отдельному землевладельцу, а в том, что любой добропорядочный крестьянин подвергается неограниченной явной и скрытой эксплуатации со стороны всех местных богачей. Ван Янань подчеркивал, что «свобода» и «прогрессивность» китайской феодальной системы, о которых судят на основании специфических для Китая свободной продажи земли и свободного обращения рабочей силы, не образуют предпосылок формирования современного рыночного порядка.

Оценивая научный вклад Ван Янаня, его ученик Сунь Юэшэн отмечал, что наибольшая ценность и реальное значение книги «Бюрократическая политика Китая» заключается в том, что «на основе исторического и экономического анализа в ней дан прозорливый разбор основного противоречия бюрократической политики как высшей формы развития бюрократизма — отношений противостояния чиновников и

народа, она дает пищу для размышления при поиске методов коренного преодоления бюрократизма»²⁴.

По мнению канадского ученого Т. Брука, книга Ван Яняня о китайской бюрократии стала «первой попыткой совместить нечто похожее на веберовскую критику бюрократизма с историческим анализом роли бюрократии в императорском Китае». Стимулом для написания книги стало общение с Нидэмом, который «также подходил к Китаю с веберовско-марксистской позиции»²⁵.

Современные исследователи Чжан Синго и Чжан Синсян из Сяньского университета отмечают, что в 1960-е годы по политическим причинам исследования бюрократической политики Китая были прерваны, их возобновили только в 1990-е. После «культурной революции» работе Ван Яняня давали высокие оценки, поскольку он исследовал отношения противостояния чиновников и народа, выступал с предложениями, направленными на преодоление бюрократизма²⁶.

Исследование Ван Яняня ставит вопросы о том, каким образом положить конец бюрократической политике и при каких условиях она может возродиться. Когда вскоре после образования КНР в 1950-е годы преобразования только начались, глубинные проблемы в этой сфере обнаружены не были. Будучи ограниченными условиями своего времени, Ван Янянь считал, что форма бюрократической политики уже закончилась, однако, по мнению китайских авторов, это было заблуждение, «у мудреца среди тысячи размышлений неизбежна одна ошибка»²⁷.

Возможно, Ван Янянь не ошибся, но проявил осторожность и не захотел называть коммунистов продолжателями бюрократической политики. Его марксистская трактовка бюрократической политики как единства политики, экономики и культуры неизбежно требовала признать, что немедленное прощание с бюрократической политикой невозможно из-за «инерции» общественных отношений как части «надстройки». Этот вывод мог вызвать несогласие со стороны основного течения в официальной идеологии.

Проблемы, с которыми столкнулся Китай в ходе экономических реформ, придают практическое значение изучению бюрократической политики. В наши дни опасным явлением стала капитализация властных полномочий, в научных кругах началось изучение темы «властного капитала» (*цзюаньли цзыбэнь*). Этот термин не является новым, его употребляли в период «культурной революции», в 1990-е он вновь стал использоваться. По мнению Чжан Синго и Чжан Синсяна, независимо от того,

идет речь о «властном капитале» или о капитале «богатых и знатных» (*цюаньгуй*), «легко вспоминается их общий предок — бюрократический капитал и соответствующая ему форма бюрократической политики»²⁸.

Ныне китайские ученые много спорят о «загадке Нидэма», связывая нахождение правильного ответа с возможностью сформулировать действенную стратегию научно-технического развития, позволяющую преодолеть накопленное многовековое отставание и войти в ряды передовых стран. Причастность Ван Янаня к обсуждению этой темы в 1940-е годы способствует повышению интереса к наследию китайского марксиста.

Китайские авторы отмечают, что Ван Янань нашел свой ответ на «загадку Нидэма», обратившись к проблемам общественно-экономического развития. «Недостаточно только с точки зрения развития науки и техники объяснять, почему современная наука началась на Западе; научно-техническая деятельность — не изолированное общественное явление, она тесно связана с экономической структурой, политической системой, культурой, идеологией и другими факторами»²⁹. Созданный во второй половине 1940-х годов Ван Янанем марксистский социально-экономический ответ на «загадку Нидэма» не потерял своей актуальности из-за живучести китайской бюрократии.

Примечания

¹ Ван Янань. Чжунго цзинцзи юаньлунь (Основы экономики Китая). Фу-чжоу, 1946.

² Ван Янань. Чжунго гуаньялю чжэнчжи яньцзю (Исследование бюрократической политики Китая). Шанхай, 1948.

³ Ван Янань. Сюйянь (Предисловие) // Ван Янань. Чжунго гуаньялю чжэнчжи яньцзю (Исследование бюрократической политики Китая). Пекин, 2013. С. 1—2.

⁴ *Needham J. Science and civilization in China. Vol. 1. Introductory orientations. Cambridge University Press. 1954. Preface. P. 12.*

⁵ Ван Янань. Сюйянь. С. 1.

⁶ Там же. С. 2—3.

⁷ Ван Янань. Фулунь у (Приложение 5). Чжунго гуаньялю цзыбэнь чжи ли-лунь дэ фэньси (Теоретический анализ бюрократического капитала в Китае) //

Ван Янань. Чжунго цзинци юаньлунь (Основы экономики Китая). Пекин, 2011. С. 481—483.

⁸ Там же. С. 483.

⁹ Там же. С. 506—507.

¹⁰ Там же. С. 509—510.

¹¹ *Чжан Синго, Чжан Синсян.* «Лиюэсы наньти» юй Ван Янань дэ Чжунго гуаньяляо чжэнчжи яньцзю («Проблема Нидэма» и исследование Ван Янанем бюрократической политики Китая) // Гуандун шэхуэй кэсюэ. 2003. № 2. С. 119.

¹² *Ван Янань.* Чжунго гуаньяляо чжэнчжи яньцзю. Пекин, 2013. С. 197.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ *Ван Янань.* Сюйянь. С. 2.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 5.

²¹ *Ван Янань.* Дичжу цзинци юй Чжунго шэхуэй чанци тинчжи вэньти (Помещичья экономика и проблема долговременного застоя в китайском обществе) // Ван Янань вэньцзи (Сочинения Ван Янаня). Т. 4. Фучжоу, 1988. С. 94.

²² *Ван Янань.* Чжунго цзинци чжи лу (Путь китайской экономики) // Цзинци пинлунь. Т. 2. № 15. 10 января 1948 г. С. 6.

²³ Там же. С. 6—7.

²⁴ *Сунь Юэшэн.* Цзайбань сюйянь (Предисловие к переизданию) // Ван Янань. Чжунго гуаньяляо чжэнчжи яньцзю (Исследование бюрократической политики Китая). Пекин, 1981 г. С. 1.

²⁵ *Brook, Timothy.* Capitalism and the Writing of Modern History of China // *Brook, Timothy and Gregory Blue* (eds.). China and Historical Capitalism: Genealogies of Sinological Knowledge New York: Cambridge University Press, 2002. P. 143.

²⁶ *Чжан Синго, Чжан Синсян.* Цзай лунь Ван Янань дэ Чжунго гуаньяляо чжэнчжи яньцзю (Еще раз поговорим об исследовании Ван Янанем бюрократической политики Китая) // Чжэнчжисюэ яньцзю. 2007. № 3. С. 122.

²⁷ Там же. С. 123.

²⁸ Там же. С. 125.

²⁹ *Чжан Синго, Чжан Синсян.* «Лиюэсы наньти» юй Ван Янань дэ Чжунго гуаньяляо чжэнчжи яньцзю. С. 120.

*Сергей Михайлович Силонов,
к.и.н., советник генерального директора
ПАО «МРСК Сибири», г. Красноярск*

ДОКУМЕНТЫ ГАНО¹ О ПРЕБЫВАНИИ ЛО ВЭНЬГАНЯ В НОВОСИБИРСКЕ ОСЕНЬЮ 1933 г.

Аннотация. В сентябре 1933 г. в Советский Союз впервые прибыл министр иностранных дел и юстиции Китая Ло Вэньгань, посетивший ряд городов страны, в том числе Новосибирск. В Государственном архиве Новосибирской обл. хранятся ранее не публиковавшиеся архивные материалы о поездке китайской делегации. Представленные документы являются дополнительным источником информации о развитии восстановленных в 1932 г. двусторонних отношений между СССР и Китайской Республикой.

Ключевые слова: СССР, Китай, Ло Вэньгань, Ф.П. Грядинский.

Annotation. The Minister of foreign Affairs and of Justice of China Luo Wengan for the first time arrived to the Soviet Union in September 1933. He visited several Russian cities including Novosibirsk. Previously unpublished archival materials about the visit of the Chinese delegation are stored in the State Archive of the Novosibirsk region. Submitted documents are an additional source of information about development of the restored relationship between the USSR and the Republic of China in 1932.

Keywords: USSR, China, Luo Wengan, F.P. Gryadinsky.

В декабре 1932 г. СССР и Китайская Республика (КР) возобновили дипломатические отношения², прекращенные в августе 1929 г. вследствие событий на КВЖД. Обе стороны провозгласили восстановление

консульских отношений, обменялись послами. Нормализация взаимоотношений состоялась в непростой для обеих стран международной обстановке. К этому времени прошло уже более года, как Китай подвергся агрессии со стороны Японии, аннексировавшей приграничную с СССР территорию Маньчжурии и создавшей в оккупированной зоне марионеточное государство Маньчжоу-го. Тем самым Советский Союз оказался лицом к лицу с Японией, вынашивавшей захватнические планы в Дальневосточном регионе. А на всём протяжении советско-китайской границы общим остался лишь западный участок, где Синьцзян граничил с советскими среднеазиатскими республиками и Казахстаном.

Восстановление дипломатических отношений явилось следствием объективной необходимости, послужившей обеспечению национальных интересов СССР и Китая, их заинтересованности друг в друге, в первую очередь в противостоянии агрессивным действиям и планам Японии, став основой для дальнейшего развития и углубления сотрудничества, включая визиты официальных лиц и делегаций двух стран.

В сентябре 1933 г. Советский Союз впервые посетил министр иностранных дел и юстиции Китайской Республики Ло Вэньгань³. Одним из пунктов его пребывания был город Новосибирск. Документальные свидетельства об этой поездке опубликованы сравнительно недавно. В вышедшем в 2010 г. третьем томе сборника документов о русско-китайских отношениях в XX в. впервые опубликовано «Письмо председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф. Грядинского⁴ заместителю наркома иностранных дел СССР Г.Я. Сокольникову⁵ о пребывании министра иностранных дел и юстиции КР Ло Вэньгана и посла КР в СССР Янь Хойцина⁶ в Новосибирске»⁷. Публикация была осуществлена на основе заверенной копии машинописного экземпляра письма, хранящегося в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Однако правила делопроизводства предполагают, что исходящие документы исполняются в нескольких экземплярах, часть из которых остается в организациях и учреждениях, их подготовивших, а часть направляется в вышестоящие и иные инстанции согласно рассылке. Таким образом, копии одного и того же документа, подготовленного в свое время в партийно-государственных органах Сибири и направленного в головные союзные структуры в Москву, в настоящий момент можно встретить как в федеральных, так и региональных архивах.

Это правило было соблюдено и при подготовке вышеуказанного письма Ф. Грядинского. В ГАНО находится один из его экземпляров⁸. Сопоставление текстов архивного (новосибирского) и опубликованного (московского) документов позволяет сделать вывод об их идентичности. В то же время при подготовке к публикации в соответствии с современными правилами была проведена редакторская правка всех китайских имен. Так, вместо написанных в оригинальном варианте ЛО-ВЕН-ГАН (имя министра), УЭЙ-ЧИНЬ и МА-ЦИН (лица, сопровождавшие министра в поездке), доктор ИЕНЬ (посол), МАУ (атташе), ЧЖАО-ГО-БИН (консул КР), ГЕОУ (корреспондент) в публикации соответственно употребляются: Ло Вэньгань, Юэ Цин и Ма Цзинь, доктор Янь, Мао, Чжао Гобин, Гэ Хоу.

Новосибирский экземпляр позволяет восстановить лауну в письме, хранящемся в АВП РФ. В последнем несколько слов не читаемы, о чем при публикации сделана соответствующая пометка: «<...> Чиновник мининдел Ван [далее неразборчивая запись] правительства, сопровождающие министра Юэ Цин и Ма Цзинь <...>»⁹. Неразборчивыми оказались следующие слова «<...> -ЛАН-КЕ, чиновник Цзинцзянского¹⁰ <...>. Если принять во внимание, что слово «чиновник» должно быть написано во множественном числе, так как относится к перечислению лиц, сопровождавших министра, то восстановленная фраза будет выглядеть таким образом: «<...> Чиновник мининдел Ван Ланке, чиновники Синьцзянского правительства, сопровождающие министра, Юэ Цин и Ма Цзинь <...>».

Дальнейший анализ и сравнение документов позволяет еще дважды восстановить оригинальный текст, при этом в одном случае ликвидировать возможную смысловую двойственность вследствие неправильного употребления падежного окончания. Так, в предложении «После обеда атташе посольства секретарь крайисполкома тов. Быстрову сообщил <...>» вызывает недоумение формулировка «атташе посольства секретарь крайисполкома», но после того, как в новосибирском документе прочитывается «атташе посольства секретарю крайисполкома тов. Быстрову сообщил <...>», все встает на свои места. В документе, хранящемся в АВП РФ, в фразе «<...> посол [среди] них более опытный и старший по возрасту <...>»¹¹, было пропущено слово, которое при публикации заменили словом, подходящим по смыслу. В экземпляре, хранящемся в ГАНО, в тексте в этом месте четко читается предлог «у».

В отличие от московского документа, исполненного на двух листах, новосибирский исполнен на трех, размер которых отличается друг от друга и составляет примерно половину листа современного формата А4. Еще одним отличием экземпляров является отсутствие на новосибирском грифа секретности. На первом листе письма из новосибирского архива сверху слева достаточно разборчиво виден угловой штамп Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета, на котором от руки чернилами вписан исходящий номер (№ 0408) и дата регистрации письма (30 сентября 1933 г.). Оба документа не имеют подписи Ф. Грядинского. На новосибирском экземпляре имеется рукописная заверительная подпись сотрудника с/ч¹² ЗСКИКа Прошков[?] (окончание фамилии не читаемо).

Помимо указанного письма, в ГАНО хранятся еще два документа, касающиеся поездки китайской делегации в Новосибирск, ранее не публиковавшиеся: телеграмма из Семипалатинска в адрес Западно-Сибирского крайисполкома и второе письмо Ф. Грядинского на имя Г. Сокольников¹³.

В телеграмме от 26 сентября 1933 г. председатель Восточно-Казхстанского облисполкома Сарымудаев¹⁴ сообщает в крайисполком Западно-Сибирского края о выезде министра Нанкина из Семипалатинска в Новосибирск и просит организовать его встречу и размещение¹⁵.

В дополнение к первому во втором письме Ф. Грядинский сообщает об отъезде китайских представителей из Новосибирска и докладывает о предполагаемом маршруте передвижения министра Ло Вэньгана: Новосибирск—Семипалатинск—Западный Китай—Ташкент. Возвращаться в Нанкин министр планировал через Семипалатинск—Новосибирск или Москву. Поездка через Москву была «для министра удобнее — идет международный вагон, но <...> пребывание в Москве отнимет у министра много времени»¹⁶.

Существенной является информация о решении китайской стороны открыть консульство в Новосибирске. Сообщение об этом по поручению посла Янь Хойцина сделал китайский консул Чжао Гобин.

Следует отметить, что китайское консульство в Новосибирске работало в середине 1920-х годов, однако его деятельность, как и работа других китайских дипломатических, консульских, торговых учреждений в СССР, была прекращена вследствие советско-китайского конфликта на КВЖД. Вновь китайское консульство в Новосибирске открылось в

1934 г.¹⁷ К началу 1935 г. в столице Сибири работали «кит. генконсул в Новосибирске ЛИ-ФАН» и «консул ЛИ-ЧЕН-ИН»¹⁸.

Анализ документов показывает, что Китай в условиях сложного международного положения и внутренней обстановки, обусловленной агрессией Японии, предпринимал попытки выяснения позиции СССР по актуальным проблемам, имевшим значение для обеих стран. Об этом свидетельствуют и вопросы, которые поднимал Ло Вэньгань в ходе бесед с Ф. Грядинским: «<...> В отношении наших путей сообщения (железнодорожных и шоссейных дорог) по направлению к Западному Китаю и на восток <...>», о наличии у Советского Союза достаточного количества «войск, чтобы отразить нападение японцев».

Представленные документы являются дополнительным источником информации о развитии восстановленных двусторонних отношений между СССР и Китайской Республикой.

Текст телеграммы и письма передан по современным правилам орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей подлинников. Китайские имена даны в орфографии источников.

№ 1. Телеграмма из Восточно-Казахстанского облисполкома в Западно-Сибирский крайисполком о поездке из Семипалатинска в Новосибирск министра иностранных дел и юстиции Ло Вэньганя.

Новосибирск, Крайисполком, агенту НКВД.

Двадцать седьмого поездом 82 выезжает министр Нанкина ЛОВЕНКАН. Просим встретить, оказать содействие, забронировать [в] гостинице Советов три комнаты. Облисполком. Сарымуддаев.

ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 183. Л. 28. Подлинник.

Телеграфная лента с текстом наклеена на бланк телеграммы. Имеются служебные отметки, в том числе о дате и времени передачи-приема информации: 26 сентября в 15 ч. 10 мин. и 20 ч. 30 мин. соответственно. Телеграмма с грифом «срочная» передана через дежурного ОГПУ. Имеется надпись: «снять копию».

№ 2. *Письмо председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинского заместителю наркома иностранных дел СССР Г.Я. Сокольникову об отъезде министра иностранных дел и юстиции КР Ло Вэньганя, китайских представителей из Новосибирска.*

В дополнение моего письма от 1 октября за № 0408 о пребывании у нас ЛО-ВЕНЬ-ГАНЯ и ИЕНЯ, направленного Вам еще до отъезда из Новосибирска китайских представителей, сообщаю, что первого октября с поездом № 1 в Москву выехали посол ИЕНЬ, атташе МАУ и корреспондент ГЕОУ; в тот же день с п. № 82 до Семипалатинска выехал ЛО-ВЕНЬ-ГАНЬ, консул ЧЖАО-ГО-БИН вместе с их свитой, кроме секретаря мин. юстиции ФЫНА, который выедет сегодня с п. № 2, через Владивосток в Китай.

На вокзале, как посла, так и министра проводили ответ. секретарь краевого исполкома и зав. ИНО, министр и посол передали благодарность за теплый прием и оказанное им содействие.

По сообщению китайского консула ЧЖАО-ГО-БИНА, министр после 5 дневной остановки в Семипалатинске, предполагает выехать в Западный Китай с тем, чтобы вернуться обратно в Ташкент во второй половине октября.

Из Ташкента министр предполагает выехать в Нанкин, через Владивосток. Окончательно еще не разрешен вопрос у них о том, поедет ли министр из Ташкента через Москву, или через Семипалатинск — Новосибирск; хотя поездка через Москву, как выразился консул, для министра удобнее — идет международный вагон, но что пребывание в Москве отнимет у министра много времени.

По отъезде посла, ЧЖАО-ГО-БИН по поручению посла сообщил нам, что в Новосибирске в ближайшее время предполагается открытие китайского консульства, не будет ли затруднений в подыскании подходящего помещения для нового консульства.

ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 183. Л. 29. Копия. Машинопись.

В левом нижнем углу имеется прямоугольный штамп Запсибкрай-исполкома, на котором от руки исполнены дата и регистрационный номер документа: 0412 — 2.Х.—33 г. Имеется заверительная подпись: Прошков[?] (окончание фамилии не читаемо).

Примечания

¹ Государственный архив Новосибирской области.

² Документы внешней политики СССР / Ред. коллегия Г.К. Деев [и др.]. Т. XV. М., 1969. С. 681—682.

³ Ло Вэньгань (1888—1941), в 1932—1934 гг. — министр юстиции, в 1932—1933 гг. министр иностранных дел правительства Китайской Республики.

⁴ Грядинский Федор Павлович (1893—1938), советский партийный и государственный деятель. С 25 августа 1930 г. по 15 августа 1937 г. — председатель Западно-Сибирского крайисполкома.

⁵ Сокольников Григорий Яковлевич (1888—1939), советский партийный и государственный деятель. В 1932—1936 гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР.

⁶ Янь Хойцин (1877—1950), в 1933—1936 гг. — посол Китая в СССР.

⁷ Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М., 2010. С. 213—214.

⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 183. Л. 30—32.

⁹ Русско-китайские отношения в XX веке. С. 213—214.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 183. Л. 30.

¹¹ Русско-китайские отношения в XX веке. С. 214.

¹² Спецчасть.

¹³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 183. Л. 28, 29.

¹⁴ Сарымуддаев Кабылбек (1898—1938) — советский общественный и государственный деятель. В 1933 г. председатель Восточно-Казахстанского облисполкома.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 183. Л. 28.

¹⁶ Там же. Л. 29.

¹⁷ *Дацышен В. Г.* Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLII. Часть 3 / Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 7. М., 2012. С. 153—159.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 215. Л. 7.

КНР. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Егор Леонидович Логиновский,
студент УрФУ*

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В МАССОВЫХ КАМПАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х ГОДОВ В КНР И КНДР

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению «большого скачка» в КНР и «движения Чхоллима» в КНДР. Рассмотрены дискуссионные вопросы о хронологических рамках, сфере распространения и результатах обеих кампаний, сделаны выводы о степени их сходства.

Ключевые слова: «движение Чхоллима», «большой скачок», экономическое развитие, идейное заимствование, декабрьский (1956) пленум ЦК ТПК.

Annotation. The study is devoted to comparing China's Great Leap Forward to North Korea's Chollima Movement. Issues concerned include the chronological framework, the scope of distribution, and outcomes of these campaigns. Findings related to similarity of these campaigns are also presented.

Keywords: Chollima Movement, Great Leap Forward, economic development, adoption of ideas, KWP CC December Plenum (1956).

В настоящее время в академических сообществах мира сохраняются существенные разночтения относительно характера «движения Чхоллима» в КНДР и его предположительной связи с «большим скачком» — одной из составляющих курса «трех красных знамен» в Китае 1950—1960-х

годов. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что неоднозначные, а порой и противоречивые толкования «движения Чхоллима» экстраполируются на современную политическую сферу обоих государств и их восприятие на международной арене. К примеру, положение о том, что данной движение развернулось именно в 1958 г., поддерживают многие исследователи в КНР¹. На наш взгляд, подобный подход способствует формированию в массовом сознании представления о «движении Чхоллима» как о копии указанной китайской кампании. Сравнительный анализ этих движений позволяет раскрыть ключевые дискуссионные вопросы данной проблемы, а также выявить реальную степень влияния китайского опыта на пути исторического развития КНДР.

В случае с «большим скачком» у исследователей имеется единство в определении его хронологических рамок. Абсолютное большинство специалистов относят «большой скачок» в КНР к 1958—1960 гг., а его официальное начало — ко 2-й сессии 8-го съезда КПК (5—23 мая 1958 г.)². В отношении временных рамок северокорейской кампании наблюдается большое разнообразие взглядов. Сегодня в научной среде доминирует мнение о том, что данное движение берет свое начало в 1958 г. До середины 1970-х годов на этих позициях стояли дипломаты и ученые СССР; китайские исследователи, в том числе известный историк Шэнь Чжихуа, и поныне придерживаются этой точки зрения. В американских публикациях, в том числе близких к правительственным кругам США, имеются разночтения. В одних отмечается, что уже существовавшее движение за увеличение производства с 1958 г. стали называть «движением Чхоллима». В других 1958 г. выступает как момент старта этой кампании³.

В мировой научной литературе представлены и иные версии. Можно встретить точку зрения, согласно которой «движение Чхоллима» началось в 1957 г.⁴ Эту точку зрения изложили и составители известного советского двухтомника по истории Кореи⁵. Ряд экспертов, в числе которых А.З. Жебин, С.О. Курбанов, А.В. Торкунов, Со Дэ Сук (США), М. Сет (США), а также северокорейские издания указывают в качестве отправной точки декабрь 1956 г.⁶ Председатель правительства КНДР Ким Ир Сен многократно подчеркивал, что именно в декабре 1956 г. начался новый подъем в экономическом строительстве. Несмотря на всю значимость, которую лидер КНДР придавал данному периоду, большинство западных экспертов его не признают⁷. Отметим, что в отдельных современных изданиях КНДР имеется некоторая двусмысленность

по вопросу о времени начала «движения Чхоллима», тогда как в публикациях, хронологически более близких к рассматриваемому периоду, весьма ясно указывалось, что оно началось с декабря 1956 г.⁸ Составитель «Исторического словаря Пхеньяна» Дж. Корфилд предлагает довольно интересную версию, согласно которой данное движение началось 15 ноября 1956 г.⁹ Эксперты Центра Вудро Вильсона (США), где в 2006 г. был организован Международный проект документации по Северной Корее¹⁰, указывают, что эта кампания зародилась в середине 1950-х годов¹¹. Мы полагаем, что «движение Чхоллима» действительно возникло в декабре 1956 г.

Одной из вероятных причин столь существенных разногласий по поводу времени начала этой кампании является тот факт, что «движение Чхоллима» не было известно под данным названием с самого начала. Так, в течение 1957 г. руководство КНДР обозначало курс, взятый на декабрьском 1956 г. пленуме ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК), как «движение за увеличение производства и экономию». В северокорейских текстах данный курс характеризовался также как движение за «максимальное увеличение производства и экономию»¹². Профессор П.Г. Муди (США) отмечает, что в отличие от «большого скачка» «кампания Чхоллима не начиналась как структурированный экономический расчет с особой стратегией»¹³.

Немаловажно, что курс, взятый в декабре 1956 г., стал, по существу, дальнейшим развитием ряда установок властей КНДР в экономической политике после Корейской войны. Из дипломатических источников известно, что основные направления данного курса были фактически определены еще на августовском 1956 г. пленуме ЦК ТПК, когда было принято решение о сокращении расходов на капитальное строительство и создании в дальнейшем промышленных предприятий, способных обеспечить относительно быструю экономическую отдачу для повышения уровня жизни населения¹⁴. Глава правительства КНДР отмечал, что в 1954—1956 гг. «линия на экономию средств» была в числе важнейших установок руководства страны при восстановлении и строительстве тяжелой промышленности¹⁵. Схожие тенденции имелись и в экономическом развитии КНР. Еще в 1955 г. лозунг борьбы за «режим экономии в производстве» считался в Китае «важнейшим», а в марте 1956 г. ЦК КПК начал развертывать движение передовиков производства, ставшее известным в 1956—1957 гг. как движение «за увеличение производства и экономию»¹⁶. Необходимо добавить, что с течением времени в обеих

республиках расширялись задачи на перспективу. В КНДР, к примеру, начиная с весны 1956 г.¹⁷ показатели плана 1957—1961 гг. подвергались увеличению.

Следует помнить о том, что власти Северной Кореи в своей практике оперировали «традиционным корейским понятием»¹⁸. У китайской же кампании вовсе не имелось символа, и поэтому Пхеньян (если принять версию о заимствовании) должен был бы заметно доработать концепцию «большого скачка». Несомненно, что китайская цивилизация исторически была для жителей Корейского полуострова источником явлений, которые заслуживали быть заимствованными и усовершенствованными. Образ корейского коня Чхоллима появился в китайской культуре не позднее XIV в. Сами корейцы были знакомы с конем Чхоллима в течение многих веков¹⁹, однако в годы развертывания «движения Чхоллима» это существо было несколько переосмыслено²⁰. В печати КНДР Чхоллима стал упоминаться, начиная с 13 июня 1958 г.²¹

Наиболее оживленные дискуссии ведутся по вопросу о влиянии китайского «большого скачка» на «движение Чхоллима». Российские исследователи преимущественно придерживаются мнения о том, что последнее во многом напоминало «большой скачок»²². Аналогичных взглядов придерживается и ряд американских авторов, которые подчеркивают, что данное движение возникло по образцу кампании в Китае²³. В условиях объективно ограниченного доступа исследователей к источникам, по которым можно судить об оценках «большого скачка» руководством КНДР, подобные выводы представляются не вполне обоснованными. Вместе с тем нельзя отрицать утверждение о роли Китая как ориентира для азиатских элит, сформулированное профессором О.А. Вестадом²⁴. Трудно также не согласиться с мыслью П.Г. Муди о том, что китайский «большой скачок» по меньшей мере учитывался при расширении «движения Чхоллима» летом—осенью 1958 г.²⁵ Однако вряд ли подобный подход следует использовать в качестве аксиомы. На наш взгляд, осторожные замечания М. Сета²⁶ о возможном влиянии китайского «большого скачка» на «движение Чхоллима» и их параллельном проведении являются более уместными в данном контексте.

Хорошо известно, что китайские власти во второй половине 1950-х годов стремились опередить Великобританию по производству ряда важнейших видов промышленной продукции. Позднее ставились задачи обогнать и Советский Союз, и США²⁷. В этом отношении у Пхеньяна было мало общего с Пекином, ибо руководство КНДР даже во време-

на, когда его взгляды на экономическую политику имели сравнительно большее, чем обычно, сходство с китайскими, продолжало сопоставлять экономическое развитие республики с социалистическими странами, странами Европы в целом и Японии.

Еще до официального утверждения в Китае новой генеральной линии построения социализма I конференция ТПК (3—6 марта 1958 г.) увеличила предварительные задания на пятилетку²⁸. Спустя два месяца, 8 мая, партия объявила, что план будет выполнен к 18 августа 1959 г., раньше на два года²⁹. Впоследствии пятилетка, как известно, по показателям выпуска промышленной продукции действительно была выполнена в указанные сроки.

Источники, доступные исследователям сегодня, дают, однако, возможность составить мнение о воздействии курса властей КНР, взятого весной 1958 г., на северокорейское руководство. Выступая перед депутатами парламента КНДР 11 июня 1958 г., Ким Ир Сен утверждал, что республика переживает «не виданный до сих пор» «великий революционный подъем», и выражал уверенность в досрочном выполнении пятилетнего плана³⁰. В ноябре того же года глава правительства КНДР говорил своему китайскому коллеге Чжоу Эньлаю: «После того как мы в этом году стали свидетелями искоренения предрассудков в Китае во время “большого скачка”, мы также занялись кустарной и мелкой промышленностью»³¹. Подчеркнем, что решение о проведении июньского 1958 г. пленума ЦК ТПК, который постановил создавать на местном уровне предприятия для расширения производства товаров народного потребления, включая продовольствие, было высказано еще в январе того же года, когда потребность в таких мерах стала бесспорной³². Следует отметить, что в начале «большого скачка» и Пекину, и Пхеньяну было свойственно развивать местную промышленность, производящую сталь, электроэнергию, потребительские товары, строительные материалы, а также стремиться к резкому увеличению сельскохозяйственного производства³³.

В 1958 г. были и другие примеры заимствований из практики северного соседа. Китайские эксперты со ссылкой на источники КНР утверждают, что Ким Ир Сен испытывал и политическое влияние разворачивавшейся в Китае кампании³⁴. На сентябрьском 1958 г. пленуме ЦК ТПК подготовил и разослал в низовые партийные организации так называемые красные письма, в которых призвал всех членов партии и всех трудящихся к досрочному выполнению пятилетнего плана 1957—1961 гг.

С этого времени был взят курс на «значительное ускорение темпов экономического строительства». Обсуждение этих писем вылилось в широкомасштабное движение, которое, очевидно, и было воспринято советскими дипломатическими работниками как «движение Чхоллима»³⁵.

Ким Ир Сен говорил Чжоу Эньлаю в ноябре 1958 г., что текущая пятилетка в КНДР может быть выполнена в 1959 г.³⁶ Как отмечал заведующий промышленным отделом ЦК ТПК в январе того же года, пятилетка могла быть выполнена досрочно и в случае сохранения темпов 1957 г.³⁷ Решения руководства КНДР, принятые после начала в Китае «большого скачка», не замедлили сказаться на положении дел в экономике республики. Российские исследователи подчеркивают, что показатели производства основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, которых требовал достичь сентябрьский 1958 г. пленум ЦК Трудовой партии Кореи, были достигнуты только к середине 1970-х годов³⁸. Попытка воплощения нового курса привела в 1958—1959 гг. к масштабному перенапряжению производительных сил, что отражено в документах советской дипломатии³⁹. В конце 1950-х годов, когда «движение Чхоллима» последовательно распространялось на все отрасли народного хозяйства КНДР, наблюдались разбалансировка в развитии отдельных отраслей и снижение качества выпускаемой продукции⁴⁰.

На наш взгляд, ситуация в Китае в эти годы была гораздо сложнее. Так, глава правительства КНР в ноябре 1958 г. утверждал, что республика выполнит собственный пятилетний план в том же году⁴¹. Несостоятельность экономической политики Пекина стала очевидной ко времени январского 1961 г. пленума ЦК КПК, который провел некоторую корректировку показателей. Важно, что в течение 1959 г., когда в Китае кризис лишь углублялся, Пхеньян предпринял ряд шагов для преодоления создавшихся трудностей: к примеру, плановые показатели на год несколько раз уменьшались (задания снижались также и в 1960 г.), народное хозяйство временно переводилось на ежегодное планирование, а в систему управления хозяйством вносились структурные изменения⁴². Все это позволяет утверждать, что поведение властей КНДР при столкновении с трудностями во время развертывания «движения Чхоллима» по всей стране заметно отличалось от действий властей Китая в 1958—1960 гг.

В 1959—1960 гг. Ким Ир Сен не раз весьма высоко оценивал курс «большого скачка» и полностью его поддерживал. Тем не менее едва ли возможно утверждать, что северокорейский лидер долго находился под

его влиянием. Упоминания об «огромных успехах» в народном хозяйстве КНР в 1959 г. занимают в несколько раз больше места, нежели в 1960 г., и потому можно предположить, что привлекательность нового китайского пути для Северной Кореи в 1959 г. была многократно выше по сравнению с более поздними временами⁴³. Однако лидер КНДР также «полностью поддержал» решения августовского 1959 г. пленума ЦК КПК, на котором была фактически прекращена «битва за сталь» — одна из характерных черт «большого скачка»⁴⁴. Это дает основания полагать, что положительные высказывания о курсе КПК в экономике в конце 1950-х годов были для Ким Ир Сена скорее дипломатическим маневром, нежели реальным признанием значительных результатов этого курса.

Фундаментальные различия прослеживаются в итогах обоих движений. Общеизвестно, что последствия «большого скачка» были катастрофическими. Кампания, призванная приблизить Китай к вступлению в завершающий этап коммунистической формации, на деле привела страну в такое положение, когда жизненно необходимыми стали частичный откат назад и восстановление некоторых несоциалистических методов хозяйствования. Хорошо известно, что в финансово-экономическом отношении Китай потерпел чистый убыток (в целом экономическое развитие страны оказалось задержано на 7 лет), а в политическом плане итогами «большого скачка» стали частичная потеря авторитета КПК и самого Мао Цзэдуна в народе, волнения в различных слоях китайского общества, в том числе и в НОАК, и новая волна противоборства в высших эшелонах власти⁴⁵. Результаты «движения Чхоллима», напротив, были во многом выдающимися. Еще на начальном этапе данной кампании удалось добиться «особенно больших успехов»: достижения 1957 г. позволили повысить доходы как госбюджета, так и трудящихся⁴⁶. Руководство КНДР отмечало, что «именно благодаря этому движению был досрочно выполнен» план развития народного хозяйства на 1957—1961 гг.⁴⁷ Советские кореееды подчеркивали, что следствием успешного выполнения задач пятилетки явилось превращение КНДР из бывшей отсталой колониальной территории в «индустриально-аграрное социалистическое государство»⁴⁸. При учете этого факта не возникает сомнений в том, что оценка результатов «движения Чхоллима» как «экономический упадок, голод и трудности для людей», свойственная некоторым европейским исследователям⁴⁹, отнюдь не является научно обоснованной.

Американские исследователи отмечали, что «движение Чхоллима» разворачивалось в сочетании с методами работы, предложенными Ким Ир Сенем в 1960—1962 гг.⁵⁰ На IV съезде ТПК (11—18 сентября 1961 г.) Ким Ир Сен провозгласил «движение Чхоллима» «генеральной линией партии в строительстве социализма». Как подчеркивала известный отечественный кореевед Н.Е. Бажанова, эта формулировка была закреплена в социалистической Конституции КНДР 1972 г., где также указывалось, что «движение Чхоллима» является «движущей силой экономического развития при социализме»⁵¹. Еще без малого 40 лет назад отмечалось, что данное движение не только не было свернуто в исторически короткие сроки, но и было сохранено как один из методов развития народнохозяйственного комплекса КНДР⁵². В связи с этим небезынтересно мнение П. Муди, который считает, что «движение Чхоллима» в целом было явлением из области идеологии⁵³.

Кардинальные различия между «большим скачком» и «движением Чхоллима» состоят также в присутствии этих кампаний в общественно-политическом дискурсе обеих стран. Так, «движение за обладание красным знаменем трех революций», запущенное в КНДР в 1975 г., было объявлено продолжением «движения Чхоллима»⁵⁴, примером которого руководство Северной Кореи вдохновлялось еще по меньшей мере дважды после 1950-х годов, на что ясно указывают попытки Ким Чен Ира развернуть новые «великие походы Чхоллима» в 1998—1999 гг. и 2008—2009 гг.⁵⁵ К китайскому случаю следует подходить дифференцированно. После свертывания «большого скачка» представители «левых» в руководстве КПК и КНР вновь выдвигали установки на ускоренное экономическое развитие страны; так, еще в первой половине 1978 г. концепция хуагофэновского «нового скачка» была отражена в решениях ЦК КПК и документах сессий ВСНП⁵⁶. В свою очередь, с конца 1970-х годов прагматики во главе с Дэн Сяопином осуществили ряд мер для выработки новой экономической политики КПК⁵⁷. Иными словами, власти Китая не прибегали более к методам развития экономики, подобным «большому скачку», окончательно сделав это движение частью истории.

Северная Корея же, напротив, и после кончины Ким Ир Сена продолжает существовать в условиях активного использования руководством республики политического и идеологического наследия «великого вождя». Еще при жизни «вечного президента КНДР» в честь Чхоллима были названы населенные пункты, улицы, промышленные

предприятия, учебные заведения, марки техники, спортивные команды. Изображение памятника Чхоллима с парой всадников помещено на банкнотах КНДР; «эпоха Чхоллима» нередко упоминается на страницах центральной газеты республики «Нодон синмун». В КНР, по всей вероятности, «большой скачок» не был увековечен столь широкомасштабно, хотя отдельные, весьма незначительные шаги в этом направлении все же совершались. Так, в Даляне в ноябре 1958 г. был спущен на воду океанский пароход «Скачок»⁵⁸.

Таким образом, на начальном этапе распространения «движения Чхоллима» на все отрасли северокорейской экономики (1958—1959 гг.) действительно можно выделить ряд событий, так или иначе указывающих на попытку реализации осуществлявшейся тогда в Китае концепции экономического развития. Данное обстоятельство не позволяет, однако, говорить о «движении Чхоллима» как о попытке всестороннего воплощения утопического курса китайских властей, поскольку экономическая политика ТПК второй половины 1950-х годов в целом обладала рядом существенных отличий от мероприятий руководства КПК и КНР того времени. Следует также отметить, что недостаток источников и литературы, характерный для исследований по Северной Корее, делает необходимыми углубленное изучение и критику существующих в наше время свидетельств исторического развития КНДР. В настоящее время постепенно расширяется общедоступная источниковая база, предоставляющая широкие возможности для дальнейших изысканий по истории «движения Чхоллима».

Примечания

¹ Чаосянь цзинци гайкуан (Обзор экономики КНДР) // URL: kp.china-embassy.org/chn/cxgk/cxjj/t288437.htm (дата обращения: 24.10.2015).

² URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64165/79703/82263/5708274.html> (дата обращения: 01.11. 2015).

³ North Korea: A Country Study. Washington, D.C., 1994. P. 323.

⁴ Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1985. С. 45; Ланьков А.Н. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М., 2009. С. 265; Хан Ёнгу. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 535; Barkin D. Food Self-Sufficiency in the Democratic People's Republic of Korea // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1986. Vol. 18. No. 4. P. 27; Туйцинь шэхуэйчжуи гунъехуа шици. 1957—1970 нянь.

(Период продвижения социалистической индустриализации. 1957—1970.) // URL: news.ifeng.com/history/special/weichengchaoxian/200907/0724_7506_1267655_1.shtml (дата обращения: 30.08.2015).

⁵ История Кореи (с древнейших времен до наших дней): в 2-х т. Т. II / М., 1974. С. 277.

⁶ *Жебин А.З.* Массовые движения в КНДР на рубеже веков // Корея: новые горизонты: сб. ст. М., 2005. С. 84; *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб., 2002. С. 567; *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 408; *Dae-Sook Suh.* Kim Il Sung: The North Korean Leader. N.Y., 1988. P. 164; *Seth M.J.* A History of Korea: From Antiquity to the Present. Lanham [et al.]: Rowman & Littlefield Publishers, 2011. P. 343; История революционной деятельности президента Ким Ир Сена. Пхеньян, 2012. С. 339—340.

⁷ *Moody P.G.* Chollima, the Thousand Li Flying Horse: Neo-traditionalism at Work in North Korea // *Sungkyun Journal of East Asian Studies*. 2013. Oct. Vol. 13. No. 2. P. 217.

⁸ Краткая история революционной деятельности товарища Ким Ир Сена. Пхеньян, 1969. С. 197.

⁹ *Corfield J.* Historical Dictionary of Pyongyang. L.; N. Y., 2013. P. 32.

¹⁰ North Korea International Documentation Project. URL: <https://www.wilsoncenter.org/program/north-korea-international-documentation-project> (дата обращения: 30.08.2015).

¹¹ *New Evidence on North Korea's Chollima Movement and First Five-Year Plan (1957—1961)*. Washington, DC. 2009. P. 2.

¹² Краткая история революционной деятельности товарища Ким Ир Сена. С. 194; *Пак Кым Чер.* Наш опыт строительства социализма // *Партийная жизнь*. 1958. Август. № 15. С. 57.

¹³ *Moody P.G.* Chollima, the Thousand Li Flying Horse... P. 219.

¹⁴ *New Evidence...* P. 5.

¹⁵ *Ким Ир Сен.* Избранные статьи и речи. М., 1962. С. 304.

¹⁶ *Лаврентьева А.В., Фомичева М.В.* Рабочий класс в социалистическом строительстве Китайской Народной Республики // Краткие сообщения Института народов Азии. 1961. Вып. XLIX. С. 19; *Историография новейшей истории Китая (1949—1982)*. М., 1985. С. 94; *События международной жизни // Международная жизнь*. 1957. № 4. С. 126.

¹⁷ *История Кореи...* С. 274.

¹⁸ *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи... С. 568.

¹⁹ *Moody P.G.* Chollima, the Thousand Li Flying Horse... P. 220—223.

- ²⁰ Ibid. P. 213.
- ²¹ *Byung Chul Koh*. The Impact of Chinese Model on North Korea // *Asian Survey*. 1978. Jun. Vol. XVIII. No. 6. P. 641.
- ²² *Жебин А.З.* Массовые движения в КНДР... С. 84; *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров... С. 193; *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год... С. 266—268.
- ²³ *Agov A.* North Korea's Alliances and the Unfinished Korean War // *The Journal of Korean Studies*. 2013. Fall. Vol. 18. No. 2. P. 243.
- ²⁴ *Вестад О.А.* Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года. М., 2014. С. 23.
- ²⁵ *Moody P.G.* Chollima, the Thousand Li Flying Horse... P. 213.
- ²⁶ *Seth M.J.* A History of Korea... P. 343, 349.
- ²⁷ КНР: краткий исторический очерк (1949—1979 гг.). М., 1980. С. 67—68.
- ²⁸ *Грязнов Г.В., Казакевич И.С.* Корейская Народно-Демократическая Республика на путях к социализму // *Советское востоковедение*. 1958. № 5. С. 57.
- ²⁹ *Zhihua Shen, Yafeng Xia.* China and the Post-War Reconstruction of North Korea, 1953—1961. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/china-and-the-post-war-reconstruction-north-korea-1953-1961>. P. 26 (дата обращения: 01.11.2015).
- ³⁰ *Ким Ир Сен.* Избранные статьи и речи. С. 436, 438.
- ³¹ *Zhihua Shen, Yafeng Xia.* P. 63.
- ³² Notes from a Conversation between the 1st Secretary of the PRL Embassy in the DPRK with Go Hui-man, Director of the Industry Department of the CC, on 13.1.1958. URL: digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111284 (дата обращения: 01.11.2015).
- ³³ История Кореи... С. 286; Промышленность КНР. М., 1979. С. 27; *Ланьков А.Н.* Август, 1956 год... С. 266—267.
- ³⁴ *Moody P.G.* Chollima, the Thousand Li Flying Horse... P. 216, 218; *Zhihua Shen, Yafeng Xia.* P. 21—22.
- ³⁵ August 18, 1960... дата обращения 1.11.2015; *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров... С. 193.
- ³⁶ *Zhihua Shen, Yafeng Xia.* P. 67.
- ³⁷ January 13, 1958... // digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111284 (дата обращения: 01.11.2015).
- ³⁸ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров... С. 193.
- ³⁹ August 18, 1960...
- ⁴⁰ *Dae-Sook Suh.* Kim Il Sung... P. 165; North Korea... P. 125.
- ⁴¹ *Zhihua Shen, Yafeng Xia.* P. 67.

⁴² August 18, 1960...; Journal of Soviet Ambassador in the DPRK A.M. Puzanov for 10 February 1960. URL: digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116272 (дата обращения: 14.01.2016).

⁴³ *Ким Ир Сен*. Избранные статьи и речи. С. 588—589, 691.

⁴⁴ September 21, 1959. Report by Qiao Xiaoguang on a Conversation with Kim Il Sung. URL: digitalarchive.wilsoncenter.org/document/115345 (дата обращения: 03.01.2016); Социально-экономический строй и экономическая политика КНР. 1949—1975. М., 1978. С. 150—151.

⁴⁵ КНР... С. 102; *Непомнин О.Е.* История Китая. XX век. М., 2011. С. 528—531.

⁴⁶ *Ким Ир Сен*. Избранные статьи и речи. С. 369.

⁴⁷ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф.* Корейский полуостров... С. 200.

⁴⁸ История Кореи... С. 280.

⁴⁹ *Hatziprokopiou M.* The Political Economy of Asian Transition from Communism: book review // South-Eastern Europe Journal of Economics. 2007. Fall. Vol. 5. No. 2. P. 296.

⁵⁰ Area Handbook for North Korea. P. 236.

⁵¹ *Ким Ир Сен*. Избранные статьи и речи. С. 730—739; *Бажанова Н.Е.* Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993. С. 27.

⁵² *Buung Chul Koh.* The Impact of Chinese Model on North Korea... P. 641.

⁵³ *Moody P.G.* Chollima, the Thousand Li Flying Horse... P. 230.

⁵⁴ *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи... С. 567; Чжэнцзюй-чжуи ваньцяоань шэнли шици. 1971—1990 нянь. (Период борьбы за окончательную победу социализма. 1971—1990). URL: news.ifeng.com/history/special/weichen_gchaoxian/200907/0724_7506_1267655_2.shtml (дата обращения: 30.08.2015).

⁵⁵ *Жебин А.З.* Массовые движения в КНДР на рубеже веков. С. 84; *Snyder S., Lee J.* The Impact of the Korean War on the Political—Economic System of North Korea // International Journal of Korean Studies. 2010. Fall. Vol. XIV. No. 2. P. 170.

⁵⁶ Историография новейшей истории Китая (1949—1982)... С. 242—243.

⁵⁷ История Китая: учебник. М., 2002. С. 702—704.

⁵⁸ В Китайской Народной Республике (Хроника событий) // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 309.

*Владимир Григорьевич Дацышен,
д.и.н., зав. каф. всеобщей истории
Сибирского федерального университета, Красноярск*

КИТАЙ ПЕРИОДА «БОЛЬШОГО СКАЧКА» В ВОСПОМИНАНИЯХ КРАСНОЯРСКИХ ИНЖЕНЕРОВ

Аннотация. Важным источником по истории КНР и советско-китайских отношений во 2-й половине 1950-х годов являются воспоминания инженеров Красноярского машиностроительного завода. Сохранившиеся в заводском музее их рукописные воспоминания отражают историю эпохи «большого скачка» в КНР.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, завод «Красмаш», КНР, «большой скачок», воспоминания участников событий.

Annotation. The memories of engineers from Krasnoyarsk machine-building factory are an important historical source of the history of China People of Republic and Soviet-China relationship in the second middle of 1950 year. Manuscripts of employers from the Krasnoyarsk factory which are saved in factories' museum show historical period of time «Great Leap Forward» in China.

Keywords: Soviet-China relationship, Krasnoyarsk Machine-Building Plant, China People of Republic, the memories, «Great Leap Forward».

Важным источником по истории советско-китайских отношений во 2-й половине 1950-х годов являются воспоминания инженеров Красноярского машиностроительного завода, помогавших китайцам налаживать производство советской военной техники.

Красноярский машиностроительный завод («Красмаш»), в то время носивший имя К.Е. Ворошилова, был одним из самых больших и высокотехнологичных предприятий Советского Союза. Будучи флагманом индустриализации на территории Восточной Сибири, «Красмаш» во время Великой Отечественной войны стал ведущим оборонным заводом страны. Не случайно это предприятие заняло важное место в системе советско-китайского сотрудничества в военно-технической сфере в 1950-е годы. Свидетельством большого значения «Красмаша» является его посещение легендарным маршалом Чжу Дэ. Заместитель председателя КНР военный министр Китая был с визитом на заводе 25 марта 1956 г.¹ В документах из фондов заводского музея мы можем прочитать: «В ходе сотрудничества с КНР возникла необходимость оказания технической помощи зарождающейся промышленности Китая... В 1955 г. из Министерства оборонной промышленности пришло задание по отправке специалистов на машиностроительные заводы Китая...»²

В советской историографии уделялось много внимания вопросам советской помощи Китаю в 1950-х годах, в том числе и в деле строительства промышленных предприятий³. В последние годы и в советской, и в китайской исторической науке заметен интерес к истории советско-китайского сотрудничества в военно-технической сфере⁴. Издаются также дневники и воспоминания советских специалистов, побывавших в КНР⁵. Однако в обобщающих работах далеко не всегда уделяется достаточно внимания специалистам, представляющим российские регионы⁶. Для создания максимально полной и объективной картины истории советско-китайского сотрудничества необходимо выявление и введение в научный оборот новых исторических источников.

История участия завода «Красмаш» в оказании помощи Китаю в деле модернизации экономики и развития обороноспособности страны долгое время оставалась неизвестной. Первые упоминания в литературе о сотрудничестве красноярского завода с КНР появились лишь в 1990-е годы. В посвященной 55-летию Ленинского района Красноярска книге «Годы свершений и надежд» есть фотография, под которой написано: «А на этой фотографии 1950-х гг. Федор Петрович снялся на память вместе со специалистом-практикантом из Китая Джао Фуцинем»⁷. В вышедшей в 2002 г. книге «Щит и меч Родины» были опубликованы отрывки из воспоминаний двух красмашевцев о работе в 1950-х годах в Китае⁸.

В фондах музея завода «Красмаш» сегодня хранятся воспоминания работавших в Китае заводчан. Отражение Китая времен «большого скачка» в воспоминаниях живших в то время русских инженеров, практически не связанных с политикой и не задействованных в двусторонних отношениях времен советско-китайского противостояния, представляется нам ценным и интересным. Запись воспоминаний относится, вероятно, к 1990-м годам, одна из рукописей датирована «2.02.2000»⁹.

В числе первых советских специалистов, выехавших в Китай еще в 1953 г., был красноярец Ф.И. Зверьков, который не раз был отмечен китайскими наградами и благодарственными письмами. Ведущий инженер завода дважды, в 1955 и 1958 гг., был награжден медалью китайско-советской дружбы.

Первая группа специалистов с Красноярского машиностроительного завода выехала в КНР в 1955 г. В рукописных материалах заводского музея говорится: «В 1955 г. из Министерства оборонной промышленности пришло задание по отправке специалистов на машиностроительные заводы Китая... С 1955 по 1960 г. в КНР были командированы: Зверьков Ф.И. — начальник отдела по проектированию спец. оборудования, Васильева Г.В. — инженер-технолог по мех. обработке, Мендубаев Х.Г. — инженер-конструктор по проектированию спецоснастки, Семенов В.И. — инженер-технолог по сборке и испытаниям изд. АСП57, Куликов Г.Н. — инженер-конструктор по автомату... Пономарев В.А. — инженер-конструктор по электроприводам»¹⁰.

Один из красмашевцев, В.И. Семенов, вспоминал: «В 1957 г. из министерства пришла разрядка для отправки специалистов на один из объектов в КНР, строящихся с помощью специалистов СССР. Таких объектов в КНР тогда было около 250... Завод, на котором нам предстояло работать, находился в городе Баотоу — это мы узнали позже. Собственно завод находился в стадии строительства. В январе 1958 г. мы прибыли в Москву, где началась процедура оформления, различные собеседования, получение загранпаспортов. Выехали из Москвы 19 января 1958 г. поездом Москва-Пекин... На вокзале в Пекине нас встретили представители министерства машиностроения с переводчиком... После прохождения необходимых процедур и небольшого отдыха выехали к месту работы в город Баотоу, расположенный во Внутренней Монголии, где строился завод... На месте нас привезли в гостиницу, которая расположена в стороне от населенного пункта, как бы в поле, в стороне и от старого города, и от заводских площадок, почему заводских, потому

что в этом районе одновременно возводилось несколько объектов-заводов, в том числе громаднейший металлургический комбинат, танковый завод, мощная ТЭЦ и машиностроительный завод, в котором нам и предстояло работать. Все эти объекты строились при помощи советских специалистов...»¹¹ В 1959 г. состоялась вторая командировка этого специалиста в КНР.

В воспоминаниях одного из красмашевцев, вероятно Г.Н. Куликова, «О пребывании в КНР (август 1959 — сентябрь 1960)», говорится: «Намечалось отправить 4-х специалистов по системам — автомату, прицелу, повозке и электроприводам. Оформлены были двое: Пономарев В. — по приводам, и Куликов — по остальным системам (Чегликцев Н.Г. и Михалов В.Н. отказались). Очень тщательная проверка проходила в Москве. Особенно много пришлось пройти кабинетов в аппарате ЦК партии. Пункт назначения в Москве (ГКЭС) считали г. Баотоу... я узнал, что изготовление пушек будет в г. Чунцине... И вот Чунцин — центр провинции Сычуань... В Чунцине приставлена была переводчица (звали Лю-чин). И на машине, затем паромом через р. Ян-цзы-цзян прибыли на завод (порядка 20 км. от Чунцина)... Завод небольшой (сравнительно с нашим), но имел свою историю и традиции... Примерно в июле 60 г. была изготовлена первая партия пушек, последовала командировка на север Китая. Здесь, в маньчжурских степях, были проведены БКИ. Испытания прошли успешно... Задание в КНР мною было выполнено, последовало награждение медалью «Дружбы», и в сентябре 60 г. вернулся домой на родной «Красмаш»»¹².

Всего с 1953 по 1960 г. в КНР работали в разное время и неоднократно как минимум 6 инженеров завода «Красмаш». И все они работали в Китае и в период политики «большого скачка». Поэтому в воспоминаниях советских инженеров хорошо отражена эта эпоха, и сами авторы воспоминаний не раз упоминают «большой скачок».

В воспоминаниях В.И. Семененко говорится: «1958 год в КНР был годом так называемого «большого скачка». Имелся в виду резкий подъем производства в промышленности и сельском хозяйстве, борьба со всякого рода излишествами, борьба с потерями производимой продукции. Решение этих вопросов они видели, например, в металлургии за счет организации повсеместного производства чугуна в микродоменных печах. Был брошен лозунг — «строим доменную печь в каждом дворе!» И действительно, пошло строительство таких печей в каждом дворе. Отливали чугун килограммами неизвестного качества, но вдоволь.

Дальнейшую судьбу этих килограммов, центнеров, тонн не знаю. Таким образом пытались догнать и перегнать ведущие страны по выплавке металла. В сельском хозяйстве, чтобы уменьшить потери зерна, риса, стали повсеместно уничтожать крыс, мышей, грызунов — отчетность по отрезанным хвостам. Уничтожали воробьев... Нам довелось участвовать в кампании по ловле воробьев. Делалось это следующим образом: в место, где предполагалось большое скопление воробьев, направлялась большая группа людей, вооруженных трещотками, пороховыми хлопьями, просто палками и даже ружьями. На месте, рассредоточившись, начинали шумную пальбу, гвалт и т. д. Предполагалось, что от этого шума воробьи должны подняться в лет и нам предстояло не дать им возможность сесть, т. е. приземлиться. Известно, что долго воробьи летать не может — устают и падают обездвиженным, тут его подходи и собирай совком! Как летали воробьи, я видел, а вот валявшихся воробьев я не видел. Хотя фотографии воробьев: гирлянды подвешенных за лапки — видел. Все это так. Но вместе с тем были и достижения, по настоящему деловые и эффективные. Например, по соседству с нашим заводом, опять же с помощью советских специалистов, возводился гигант, металлургический комбинат, и готовилась к пуску 3000-кубовая домна... Мы присутствовали на пуске этой домны. Это было очень эффектно и обставлено с большой патетикой и патриотизмом. Возили нас и на экскурсии по выставкам достижений промышленности и сельского хозяйства некоторых отдельных районов... Выглядело это очень эффектно и показательно. В магазинах, в которых нам приходилось бывать, промышленных товаров, текстильной продукции было вполне достаточно, особенно шерстяных товаров, в которых у нас в Союзе ощущался большой дефицит... Отношение к нам, советским специалистам, в этот период было достаточно теплым и, вообще, ко всему советскому хорошо относились»¹³. Достижения «большого скачка» несколько не оттеняли экзотики китайской культуры, с которой в эти годы активно знакомили советских специалистов. В.И. Семененко в своих воспоминаниях подробно описывает обеды в традиционных китайских ресторанах, отмечает: «Были и длительные, утомительные экскурсии — путешествия, например, в действующие монастыри»¹⁴.

Сохранились воспоминания и о второй поездке В.И. Семененко в Китай, которая состоялась в 1959 г. В документе, в частности, говорится: «Во 2-й половине года с июля появилось новое течение в общественной жизни КНР, если коротко, то лозунг «сердце каждого открыто для

партии» — это не дословный перевод, но примерно так, т. е. каждый человек должен высказать партии все его замечания по делу и качествам любого человека и особенно его непосредственного да и любого начальника. Появилась масса стенных газет, т.н. Дацзыбао (что-то вроде листовки или боевого листка), ими обклеивались все заборы, стены зданий, на земле вдоль дороги (на территории предприятия). И все это критика в адрес любого и каждого... Заметного охлаждения к нам, советским специалистам, еще не ощущалось...»¹⁵

В воспоминаниях Г.Н. Куликова «О пребывании в КНР (август 1959 — сентябрь 1960)» говорится: «...В этот период «большого скачка» в КНР была провозглашена так называемая «линия масс», направленная на ускорение и удешевление производства. Но поскольку своих технических кадров [не]доставало, а изделия осваивались по документации стран народной демократии (через СЭВ) и не каждое упрощение и изменение К.Д. согласовывались с разработчиками — эта линия часто приводила к ляпусам. Например, наш специалист из Кунцево на радио-заводе не выдержал психологической нагрузки по этим произвольным упрощениям, был отправлен домой на лечение. Так что мне в этом плане повезло, на заводе были традиции, кадры. Строго шло производство в части выполнения требований К.Д.... Почти ежедневно посещал основные цеха. Много вопросов решал на рабочих местах. Надо отдать должное китайским техническим работникам, их большому стремлению к познаниям, их энтузиазму в делах — в целом трудолюбию... Отношение ко мне, как «сулян цандя» в целом очень хорошее, благожелательное, причем всех уровней людей — и на заводе и везде, где приходилось бывать...»¹⁶.

Некоторые впечатления о результатах «большого скачка» зафиксированы в рукописи «Впечатления общего характера». Г.Н. Куликов записал: «А вот памятники великого скачка — в каждой коммуне (деревне) стоит высоченная кирпичная труба, метров 20. Это значит. Здесь выплавляют чугуна, причем, и руда и все, что нужно для выплавки, доставляются на плечах или в тележках, т. е. везде ручная работа. Выплавленный чугун в такой печи представляет собой как бы спекшийся кусок глины в виде притвы, пригодной только для переплавки в нормальных литейных печах... В садовых делах появился скачковый курьез: после уничтожения мух и воробьев оказалось, что садовые деревья не плодоносят кондиционных фруктов, их съедает червь. Этот повсеместный в

КНР факт нанес большой урон, поскольку основная часть фруктов шла на экспорт»¹⁷.

Воспоминания красноярцев ценны тем, что в них показана реальная практика советско-китайского сотрудничества в крайне противоречивые годы. Китайские историки пишут: «В годы “большого скачка” некогда востребованный опыт советских специалистов начал повсеместно подвергаться критике, между советскими и китайскими специалистами возникли споры. И некогда “слепое преклонение” перед советским опытом теперь превратилось в “слепое отрицание”»¹⁸. В обобщающей работе профессора Шэнь Чжихуа приводится в пример постановление Госсовета КНР от 25 февраля 1957 г., где говорится, что среди части китайских работников по отношению к советским специалистам проявлялись «настроения высокомерия и великодержавного шовинизма»¹⁹. В обобщающей работе О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова приводятся примеры «критики и прямого игнорирования рекомендаций советских специалистов», «пренебрежительного отношения к советским специалистам»²⁰. В воспоминаниях советских инженеров мы не видим отмеченных выше проблем. В целом воспоминания красноярских инженеров подтверждают озвученный китайской стороной в конце 1950-х годов тезис о поддержке советским народом политики «большого скачка» в Китае. Шэнь Чжихуа приводит текст телеграммы агентства Синьхуа, в которой говорилось, что часть советских людей «верит в нашу генеральную линию... Большая часть этих людей бывали в Китае, знают обстановку...»²¹.

Таким образом, сохранившиеся в заводском музее рукописные воспоминания красноярских инженеров являются важным источником по истории КНР и советско-китайских отношений противоречивой эпохи конца 1950-х годов.

Примечания

¹ Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). Основной фонд. № 3048.

² Фонды музея Красмаша.

³ Борисов О.Б. Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения 1945—1977. Изд. 2-е, доп. М., 1977.

⁴ Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сборник документов: В 2-х т. / под ред. В.С. Мясникова. Т. 2. М., 2010; Чжан Байчунь, Яо Фан, Чжан

Цзючунь, Цзян Лун. Передача технологий из Советского Союза в Китай. 1949—1966 / пер. с кит. Е.И. Ганьшиной. СПб., 2010; *Гончаров С.Н.* Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века (с переводом избранных фрагментов из воспоминаний генерал-полковника Лю Хуацина). М., 2013.

⁵ Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Т. 1. Взгляд советских и китайских ученых. М., 2010.

⁶ *Шэнь Чжихуа.* Советские специалисты в Китае (1948—1960) / пер. с кит. А.А. Тагировой. М., 2015.

⁷ Годы свершений и надежд: Книга о делах и людях Ленинского района / сост. Л.П. Бердников, В.В. Чагин, И.Н. Шаленков. Красноярск, 1997. С. 69.

⁸ Щит и меч Родины. Красноярск, 2002. С. 104—106.

⁹ Впечатления общего характера. С. 11 // Фонды музея Красмаша.

¹⁰ Фонды музея Красмаша.

¹¹ *Семенов В.И.* С. 1—2 // Фонды музея Красмаша.

¹² *Куликов Г.Н.* О пребывании в КНР. С. 1—9 // Фонды музея Красмаша.

¹³ *Семенов В.И.* Указ. соч. С. 8—9.

¹⁴ Там же. С. 10.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ *Куликов Г.Н.* Указ. соч. С. 4—7.

¹⁷ Впечатления общего характера. С. 4—6.

¹⁸ *Чжан Байчунь, Яо Фан, Чжан Цзючунь, Цзян Лун.* Указ. соч. С. 142—143.

¹⁹ *Шэнь Чжихуа.* Указ. соч. С. 244.

²⁰ *Борисов О.Б. Колосков Б.Т.* Указ. соч. С. 161—166.

²¹ *Шэнь Чжихуа.* Указ. соч. С. 285.

*Борис Михайлович Кондорский,
к.биол.н., НПФ «Синбиас», г. Донецк, Украина*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Аннотация. Революции в одной стране составляют революционный период (РП) как целостную систему, имеющую свои законы. В Китае РП продолжался с начала и до конца XX в. В РП все политические режимы имеют черты диктатуры.

Мао Цзэдун в своей деятельности подчинился законам существующей политической системы. «Культурная революция» явилась естественным этапом развития Китая в рамках РП. Ее основной целью было устранение носителей либерального сознания. Это исключило тот путь «перестройки», по которому пошел Советский Союз, и предотвратило развал государства.

События «культурной революции» имеют глубокие исторические корни. Сходство решаемых исторических задач сближает события «культурной революции» с реформами Ивана Грозного.

Ключевые слова: «культурная революция», история Китая XX в., революционный период, Мао Цзэдун, реформы Ивана Грозного.

Annotation. Revolution in one country makes up the revolutionary period (RP) as an integrated system having its own laws. In China, RP lasted from the beginning to the end of the XX century. Through RP all political regimes have the features of a dictatorship.

Activities of Mao Zedong obeyed the laws of the existing political system. The «cultural revolution» was a natural step in the development

of China as part of RP. Its main goal was to eliminate the liberal media consciousness. It excluded the path of «perestroika», that was in the Soviet Union, and has prevented the collapse of the state.

Events of the «cultural revolution» has deep historical roots. The similarity of solved problems brings together historical events of the «cultural revolution» with the reforms of Ivan the Terrible.

Keywords: «cultural revolution», the Chinese history of the XX century, the revolutionary period, Mao Zedong, the reforms of Ivan the Terrible.

«Культурная революция» как феномен вызывает неоднозначные оценки уже в течение полувека. К сожалению, в основном доминирует поверхностный, часто эмоциональный, подход к данному явлению, которое, по нашему мнению, оказало и оказывает (косвенно) существенное влияние на ход мировой истории в лице современного Китая.

Разговоры о преступлениях «культурной революции», иррациональных бесчинствах и зверствах хунвэйбинов¹, восприятию «революции» как катастрофы² мало что дают для глубокого понимания данного явления, его места в рамках исторической системы. Здесь также нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторического процесса часто носит парадоксальный характер, не подвластный обыденному сознанию.

«Культурная революция» оказалась органической частью революционного периода в Китае. Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции — лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий³.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основные группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой, в США — Гражданской войной. В большинстве европейских стран (в частности, Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В СТГ — России,

балканских государствах, Китае, Турции, Иране, Индии РП ограничился рамками XX в. В арабских странах РП начался после Второй мировой войны. События «арабской весны» как раз и стали проявлением этих революционных процессов.

Если в СВГ (в первой половине РП) формирование капиталистических отношений носило эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Что и имело место в Китае, России, Турции (Османской империи). Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 г. закончились полным провалом. Партия реформ «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне»⁴.

Перед РП в Китае до 90 % населения составляли крестьяне, имевшие патриархальный тип сознания в рамках традиционной общины, которая мало чем отличалась от таковой в древности (по крайней мере, внешне). Глава семьи не мог продать ее имущество без согласия остальных мужчин. Отношения между хозяином земли и ее держателем регулировались обычаем⁵. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана⁶. Подавляющее большинство крестьян не могли стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание⁷. Товарно-денежные отношения носили внешний характер. Среди крестьян всегда доминировали антирыночные настроения⁸. Господство патриархальных отношений сохранилось и в 20—40-е годы XX в.⁹ Нечто похожее наблюдалось и в других СТГ.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены в значительной степени сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленной революции — была индустриализация. Здесь так и не сформировалась та критическая масса капитала, которая способствовала бы самостоятельному развитию капитализма.

Этатизм как политика активного участия государства в становлении промышленности был основой процесса индустриализации в СТГ. Убежденным сторонником и инициатором подобного рода деятельности в Турции был Ататюрк¹⁰. Тот же Гоминьдан в Китае проводил антикапиталистическую (а не антибуржуазную) политику¹¹ в духе этатических идей Сунь Ятсена¹², который рассматривал капитализм как уродливое явление¹³. Помещики в сельской местности были поставлены под кон-

троль партийных комитетов¹⁴. Была предпринята попытка формирования государственного капитализма, слабо связанного с рынком¹⁵.

Для РП характерны свои специфические законы. В этот период все режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры (особенно во время самих революций). Даже в США имела место диктатура в период «Реконструкции Юга» после гражданской войны¹⁶. Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Насколько успешно она это делает и какой ценой — это уже другой вопрос.

Неспособность буржуазии в России после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. В Китае попытка создания «третьей силы» на базе интеллектуальной элиты, придерживавшейся китайской версии европейской буржуазно-реформистской концепции «государственного социализма»¹⁷, закончилась ничем. Китайская буржуазия не смогла ни создать партию, которая на равных могла конкурировать с Гоминьданом и КПК¹⁸, ни взять власть в свои руки¹⁹. На капиталистическом пути развития был поставлен крест.

В соперничестве КПК и Гоминьдана, закончившемся поражением последнего, не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи «мелкотравчатым» политиком²⁰, не был реформатором с большой буквы. Он не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований²¹. В то же время КПК, в первую очередь усилиями Мао Цзэдуна, смогла в «красных зонах» путем последовательной политической работы, а то и репрессий превратить сборище плохо вооруженных крестьян и рабочих, бродяг и бандитов в монолитную революционную силу, способную противостоять превосходящему ее по всем аспектам противнику²².

Более 20 лет истории КНР прошли при «органическом» руководстве Мао Цзэдуна. Дело в том, что к этому времени Мао из личности превратился в явление. Он уже не просто руководитель партии и государства, а «органическая» часть государственно-партийного «тела», его голова. Ни партия, ни государство сами по себе вне власти Мао Цзэдуна просто не существовали²³. Кстати, нечто подобное наблюдалось и в других СТГ в лице Ленина, Сталина, Атагюрка, Хо Ши Мина.

Мао Цзэдун в первую очередь был политиком макиавеллиевского типа²⁴. Таким, какими были Ришелье, Талейран, Бисмарк, Сталин, Чер-

чилль. Кстати, если бы последний оказался на месте Сталина и Мао Цзэдуна, он действовал бы точно такими же методами. Необходимо понимать, что Сталин и Мао Цзэдун в своей деятельности подчинились законам существующей политической системы.

Мао обладал удивительным даром предвидения, твердыми убеждениями, уверенностью в собственных силах. Ему были присущи тонкая организация мышления и безошибочная интуиция²⁵. Мао чаще других был прав в дискуссиях о путях революции в Китае. Он лучше понимал душу и чаяния своего народа и меньше оглядывался на зарубежный опыт. Сталинизм и маоизм явились логическим результатом процесса приспособления марксистской теории к специфическим условиям России и Китая²⁶. При этом Мао не останавливался ни перед какими средствами, ни перед какими жертвами для достижения победы²⁷.

В начальный период «культурной революции» внешне все выглядело, как конфликт внутри партийного руководства²⁸. Хотя не исключено, что существовал заговор во главе с мэром Пекина Пэн Чжэнем²⁹. Лю Шаоци был официальным преемником Председателя. Однако Мао панически боялся появления после его смерти в Китае ревизионизма, как это случилось после смерти Сталина в лице Хрущева. По-видимому, он чувствовал, что в случае кризиса и выступления антисоциалистических сил Лю Шаоци может «дать слабину», как это наблюдалось впоследствии с Ху Яобаном во время студенческих волнений в 1986 г. и Чжао Цзяном во время событий на площади Тяньаньмэнь. Не надо забывать, что развал СССР начался с доклада Хрущева на XX съезде партии. Мао своим «звериным» чутьем предвидел возможные последствия этой «глупости», а говоря политическим языком, — преступление. Кстати, политическим преступлением следует считать ситуацию, когда государственный деятель действует вопреки объективным (не зависящим от социального сознания) законам политической системы. Кроме Хрущева, в истории России XX в. можно вспомнить еще таких «товарищей», как Керенский и Горбачёв. Второй «осиновый кол» был вбит уже Брежневым и Громыко после подписания Хельсинкских соглашений.

У Сталина Мао научился раз в 7—8 лет «встряхивать» руководство партии и государства, устраняя при этом потенциальных соперников³⁰. Начиная «культурную революцию», Мао исходил из принципа «без разрушения нет созидания». Он пришел к решению, которое выражалось формулой: «Только устроив великую смуту в Поднебесной, можно впо-

следствии создать там порядок»³¹. Мао Цзэдун считал, что в партию, правительство, армию проникло большое количество представителей буржуазии и «контрреволюционных ревизионистов». Только начав «великую пролетарскую культурную революцию», можно было решить накопившиеся проблемы³², ликвидировать в зародыше ревизионизм и предотвратить сползание на путь капитализма³³.

Основной удар был направлен по идеологическим органам партии³⁴, представителям творческой интеллигенции³⁵, т. е. потенциальным носителям идеи «ревизионизма». Мао считал, что угроза реставрации капитализма исходит не столько от остатков буржуазии, сколько от самих членов партии и ее руководства³⁶. По мнению Джеймса Цзесюна, «культурная революция» была смелой попыткой прочистить мышление целой нации путем решительного наступления на ревизионизм и капитализм. Попыткой Мао восстановить свое руководство в партии³⁷.

События времен «культурной революции» имеют еще более глубокие корни. Дело в том, что в Китае и архаическая революция (в первой половине I тыс. до н. э.)³⁸, и феодальная (в период династии Сун)³⁹ носили неполный характер. Здесь автор исходит из «революционной» концепции смены основных этапов исторического развития, смены одного типа исторического сознания принципиально другим⁴⁰. «Неполный» характер революции предполагает сохранение многих «реликтов» предыдущего типа сознания.

В Китае основную роль здесь сыграла относительная изоляция китайской ойкумены. Изоляция на уровне ойкумены всегда препятствовала технологическому и социальному прогрессу. Достаточно вспомнить доколумбову Америку или Тропическую Африку. Несмотря на то, что в Китае самостоятельно появились порох, бумага, компас, это не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, колонизации⁴¹.

Сходство решаемых исторических задач сближает события периода «культурной революции» с реформами Ивана Грозного. Нечто похожее имело место при первом императоре династии Мин Чжу Юаньчжане, когда путем репрессий была устранена старая элита в лице чиновников, конфуцианских ученых, крупных землевладельцев, военачальников. Речь идет о десятках тысяч человек⁴². На их место приходили люди из формально непривилегированных слоев («служилые люди»), которые своим положением были обязаны новой династии. Были даже свои «опричники». Для вылавливания «ненадежных» был создан специальный

военизированный отряд — «парчовая охрана», занимавшийся сыском и пытками⁴³.

Основной целью террора в период всех революций было устранение носителей «старого сознания». Иван Грозный всеми способами пытался сконцентрировать всю политическую власть в одних руках путем репрессий против князей и бояр как носителей удельного сознания⁴⁴. Большая часть родовитой элиты по-прежнему воспринимала Грозного как великого князя, а не как царя — символа единства Московского государства и всех его сословий.

Несмотря на почти религиозное почитание Мао Цзэдуна основной массой населения⁴⁵, большая часть партийной элиты в период, предшествовавший «культурной революции», внутренне относилась к нему не столько как к вождю, сколько как к старому товарищу по партии. В то же время исторически требовалась реальная концентрация политической власти в одних руках⁴⁶ для последующего эффективного проведения реформ, как в 30-е годы XX в. в СССР. Кстати, в 1980-е годы так оно и было в лице Дэн Сяопина. Нужно было заменить партийную «родовую аристократию» партийным «служилым людом». Чем и занимался в свое время Сталин.

Просматривается много параллелей между опричниками и хунвэйбинами. Обе организации имели архетип мужского союза. В еще первобытный период юноши, прошедшие инициацию, но еще не вступившие в брак, жили отдельно от общины и занимались, с одной стороны, охраной границ племени, а с другой — грабительскими набегами на соседей⁴⁷. Членов мужского союза характеризовало отсутствие традиционного сознания. Впоследствии автономизация этого социального института привела к появлению надобщинных государственно-политических структур.

Именно создание Иваном Грозным опричного войска, а Мао Цзэдуном отрядов хунвэйбинов преследовало цель оторвать молодежь от источников традиционного сознания. Опричники, присягая на верность царю и выступая как его личная охрана⁴⁸, были готовы исполнить любой его приказ⁴⁹. Хунвэйбины позиционировали себя как стражи революции⁵⁰, как защитники Мао Цзэдуна⁵¹, используемые им для расправы с неугодными⁵².

В заключение следует отметить, что если бы не было «культурной революции» (направленной против носителей либерального сознания), не было бы и современного Китая. Любая «перестройка» горбачёвского

типа привела бы к развалу государства⁵³. Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 г., с учетом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер⁵⁴.

Примечания

¹ *Делюсин Л.П.* Культурная революция: тридцать лет спустя // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч.1. М., 1998. С. 187.

² *Галенович Ю.М.* Заметки китаеведа. М., 2002. С. 265.

³ *Кондорский Б.М.* Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: Материалы VII Всероссийского конгресса политологов. М., 2015. С. 289, 290.

⁴ *Ходоров А.Е., Павлович М.П.* Китай в борьбе за независимость. М., 1925. С. 11.

⁵ *Гельбрас В.Г.* О классово-социальной структуре населения Китая в канун победы революции // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 333.

⁶ *Делюсин Л.П., Костяева А.С.* Революция 1925—1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985. С. 103.

⁷ Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. М., 1991. С. 103.

⁸ *Панцов А.В.* Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20—40-х годов. М., 1985. С. 20.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ *Розалиев Ю.Н.* Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерк жизни и деятельности. М., 1995. С. 32.

¹¹ *Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999. С. 168.

¹² *Бергер Я.М.* Об эволюции суньятсенизма в гоминьдановском Китае // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 281.

¹³ *Делюсин Л.П., Костяева А.С.* Указ. соч. С. 227.

¹⁴ Социальная структура Китая: XIX — первая половина XX в. М., 1990. С. 150.

¹⁵ *Непомнин О.Е.* Директивно-распределительная система гоминьдана и концепция «бюрократического капитала» // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1998. С. 388, 389.

- ¹⁶ *Блинов А.И.* Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866—1868 гг.). Красноярск, 1960. С. 327.
- ¹⁷ *Белоусов С.Р.* Китайская версия «государственного социализма» (20—40-е годы XX в.). М., 1989.
- ¹⁸ *Делюсин Л.П., Костяева А.С.* Указ. соч. С. 63.
- ¹⁹ *Меликсетов А.В.* Потерпела ли поражение Синьхайская революция // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. М., 2013. С. 36.
- ²⁰ *Далин С.* Очерки революции в Китае. М.Л., 1927. С. 210.
- ²¹ *Бурлацкий Ф.М.* Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. М., 2002. С. 367.
- ²² *Шорт Ф.* Мао Цзэдун. М., 2001. С. 180.
- ²³ *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. М., 2005. С. 6.
- ²⁴ *Бурлацкий Ф.М.* Указ. соч. С. 370.
- ²⁵ *Шорт Ф.* Указ. соч. С. 252.
- ²⁶ *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. М., 2001. С. 123.
- ²⁷ *Бурлацкий Ф.М.* Указ. соч. С. 50.
- ²⁸ *Чжан Ю., Холлидей Д.* Неизвестный Мао. М., 2007. С. 534, 535.
- ²⁹ Там же. С. 534.
- ³⁰ *Бурлацкий Ф.М.* Указ. соч. С. 84.
- ³¹ *Маомао.* Мой отец Дэн Сяопин. «Культурная революция»: годы испытаний. М., 2001. С. 19.
- ³² *Попов А.П.* Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М., 2007. С. 123.
- ³³ *Делюсин Л.П.* Культурная революция: тридцать лет спустя. С. 186.
- ³⁴ *Непомнин О.Е.* История Китая. М., 2011. С. 554.
- ³⁵ *Усов В.Н.* КНР: От «большого скачка» к «культурной революции» (1960—1966 гг.) // Информационный бюллетень ИДВ РАН. № 5.Ч. 2. М., 1998. С. 130, 131.
- ³⁶ *Гельбрас В.Г.* Указ. соч. С. 57.
- ³⁷ *Бурлацкий Ф.М.* Указ. соч. С. 164.
- ³⁸ *Кондорский Б.М.* Архаическая революция в древнем Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. М., 2013. С. 25.
- ³⁹ *Кондорский Б.М.* Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. М., 2016.
- ⁴⁰ *Кондорский Б.М.* Архаическая революция в древнем Китае. С. 17.

⁴¹ *Кондорский Б.М.* Сравнительно-исторические предпосылки революционных событий в Китае // Россия — Китай: история и культура: Сборник статей и докладов VIII научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 109.

⁴² *Боровкова Л.А.* О некоторых аспектах аграрной политики Чжу Юань-чжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974. С. 163.

⁴³ *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Лики средневекового государства: занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М., 2002. С. 38.

⁴⁴ *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 28.

⁴⁵ *Желоховцев А.Н.* Роль традиции в формировании стереотипов мышления и поведения в современном Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 355, 365.

⁴⁶ *Галенович Ю.М.* Смерть Мао Цзэдуна. С. 6.

⁴⁷ *Андреев Ю.В.* Мужские союзы. СПб., 2004. С. 50, 51.

⁴⁸ *Курукин И.В., Булычев А.А.* Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 331.

⁴⁹ *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 67.

⁵⁰ *Усов В.Н.* История КНР. Т. II. М., 2006. С. 47.

⁵¹ *Попов А.П.* Указ. соч. С. 126.

⁵² *Чжан Ю., Холлидей Д.* Указ. соч. С. 546, 547.

⁵³ *Кондрашова Л.И.* Китай на пути к национальной модели демократии // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2009. С. 170.

⁵⁴ *Кондорский Б.М.* Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч.1. М., 2015. С. 147.

*Диана Радиковна Мисбахова,
студентка Казанского федерального университета*

«КИТАЙСКИЙ ЛЕКСИКОН» ИЗ ОТДЕЛА РЕДКИХ РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ОПИСАНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ИСТОРИЯ

Аннотация. В работе рассматривается «Китайский лексикон», который, возможно, является переводом на русский, маньчжурский и старомонгольский языки II части известной работы французского синоведа Жозефа Анри Премара «Notitia linguae Sinicae», написанной в 20-х годах XVIII в. Дан анализ причины выбора этого труда для перевода на русский язык и причины его появления в библиотеке Казанского университета.

Ключевые слова: востоковедение и китаеведение, Казанский университет, Отдел редких рукописей НБ КФУ, Жозеф Анри Премар, Notitia Linguae Sinicae.

Annotation. The article deals with «Chinese lexicon» that possibly is translation into Russian, Manchurian and old Mongolian languages the second part of the famous work «Notitia Linguae Sinicae», that was written by French sinologist Joseph Henry Premare in the 20th of the XVIII century. The author studies, the reasons of choosing this book for translating into Russian language, the reasons of appearing it in the library of the Kazan University.

Keywords: Asia studies and sinology, Kazan University, Department of rare manuscripts of Kazan Federal University's library archive, Joseph Henri Premare, Notitia Linguae Sinicae.

Казань и Казанский университет — колыбель восточного языкознания. В XIX—XX вв. здесь формировались и развивались научные центры, было написано огромное количество книг и учебных пособий.

В XVIII — начале XX в. в Казани в связи с её удобным географическим положением формировалась и развивалась система организации востоковедения. В середине XIX — начале XX в. активизировалось развитие филологического направления в ориенталистике, а также новых методик и приемов исследования и нового подхода к преподаванию восточных языков. Научная и педагогическая деятельность востоковедов значительно способствовала дальнейшему становлению и развитию востоковедения как гуманитарного образования и науки. Труды ученых до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и изучения истории российского востоковедения¹.

Здесь стоит упомянуть «Китайскую грамматику» о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина), в которой впервые в России были систематически изложены знания о китайском языке². До этой работы студенты учили китайский язык при помощи латинско-китайских словарей, которые составили католические миссионеры. Эта книга стала важнейшим пособием по теоретическому изучению китайского языка в России, её также долгое время использовали и за рубежом.

Однако к тому времени среди многочисленных работ русских востоковедов всё ещё не было ни одного пособия по практическому китайскому языку. А для подготовки кадров для Российской духовной миссии в Пекине это оказалось бы значительную помощь. Люди, отправлявшиеся в Китай, нередко владели лишь некоторыми базовыми, книжными знаниями. Тем не менее эти знания не могли помочь в бытовой сфере жизни, с которой неизбежно сталкивался любой миссионер.

О недостатке учебных пособий А. Владыкин, бывший ученик 7-й миссии, говорил уже с июня 1802 г.³ Он обращал внимание на то, что ученикам было бы полезно иметь знакомство с трудами европейских миссионеров. Сказано это было в связи с донесением начальника 8-й миссии архимандрита Софрония (Грибовского), который был обеспечен качеством изучения китайского языка. Это стало хорошим толчком для создания новых словарей.

«Китайский лексикон», хранящийся сейчас в Казани, был одним из многих лексиконов, которые создавались в духовной миссии в то время⁴. Радзиевская София Борисовна при описании «Китайского лек-

сикона» предположила, что работа сделана на основании II части «Notitia Linguae Sinicae».

Автор «Notitia Linguae Sinicae» — Анри Премар (1666—1736) был выдающимся французским миссионером-иезуитом и учёным. Он уделял большое внимание изучению китайского языка, так как хотел на нём свободно говорить и писать. Премар стал одним из лучших филологов среди иезуитов. В сотрудничестве с одним из своих коллег он составил латино-китайский словарь, экземпляры которого сохранились в Национальной библиотеке в Париже. Однако главным делом его жизни стала грамматика китайского языка «Notitia Linguae Sinicae»⁵.

Эта работа имела необычную судьбу. В 1728 г. Премар, находясь в Макао, отправил её Этьену Фурмону, жившему во Франции и с которым у него была давняя переписка, чтобы тот опубликовал рукопись. Однако, получив труд Премара и ознакомившись с его содержанием, Фурмон понял, что данная работа может отодвинуть его личные труды на второй план, и сделал всё, чтобы обеспечить себе приоритет. А затем «похоронил» рукопись Премара в недрах Королевской библиотеки.

Лишь в следующем столетии 3 из 5 её томов были обнаружены французским синологом Абедем Ремюза и опубликованы в 1831 г. Англо-американским колледжем в Малакке⁶.

В 40-х годах XIX в. книга была переведена на английский, русский и другие языки. Английский перевод выполнил американский священник Джемс Бриджмэн в Кантоне (Гуанчжоу) в 1847 г.⁷

Вполне возможно, что один из экземпляров книги «Notitia Linguae Sinicae» попал в Российскую духовную миссию в Пекине во время гонения на католиков. С 1784 г. деятельность иезуитов в Китае была запрещена, но они продолжали работать на полуполюгальной основе. В конце XVIII в. гонения на католиков усилились. С 1805 г. единственным каналом связи западных миссионеров с Европой была Российская духовная миссия, тогда же её библиотека пополнилась немалым числом ценных синологических изданий, выпускаемых иезуитами с конца XVI в.

Уже с 1795 г. П.И. Каменский стал составлять библиотеку духовной миссии. Поначалу в ней преобладали богословские труды и словари, привозимые из Петербурга, потом к ним стали добавляться работы самих членов духовных миссий, а также переводы работ иезуитов.

В «Китайском лексиконе» нет указания на имя переводчика, место издания и год. Однако была найдена комбинация, состоящая из букв КГКОСН на левой стороне обложки. В книге С.А. Клепикова «Фили-

границы и штемпели» есть данная комбинация, она находится под двумя порядковыми номерами 281, 282 и далее следует расшифровка, благодаря которой удалось определить время и место изготовления бумаги переплёта⁸. Бумажная фабрика находилась в селе Новодемидовское Кинешемского уезда Костромской губернии. По качеству обложки и её цвету можно сказать, что она была российского производства. Её голубой цвет указывает нам на временную рамку 1740—1830 гг. Именно в этот отрезок времени в бумагу добавляли медный купорос, что и придавало ей голубоватый оттенок.

Но стоит отметить, что материал основной части рукописи и материал обложки совершенно разные. Вполне возможно, что обложка была пришита позднее, а рукопись привезена без неё.

Использованная бумага в основной части рукописи — китайская, очень тонкая и мягкая, на ней видны волокна и даже мелкие кусочки ниток, она изготовлена по технологиям европейских бумажных фабрик, т. е. с использованием венжер и понтюзо.

Переплёт книги сделан в форме бабочки, что характерно для китайского вида письма. Существование такой формы обусловлено особенностью китайского написания иероглифов. Как известно, китайцы писали тушью, а она имела свойство растекаться, а также промокать лист, пачкая следующую страницу. Поэтому переплёт бабочкой являлся идеальным решением, так как обе оборотные стороны сложены друг к другу, и если тушь немного просачивается, это не влияет на лицевую сторону следующего листа.

Работа написана достаточно аккуратным почерком. Русский перевод сделан в совершенстве, но заметно, что почерк в начале и конце рукописи не совпадает. До середины текста он размашистый, потом же становится более аккуратным и отрывистым, также заметно разное написание букв Т, М, Р. Можно предположить, что писали рукопись два человека.

О письме на других языках трудно что-либо сказать, но принимая во внимание тот факт, что наряду с исправлениями китайских иероглифов нет исправлений маньчжурского и старомонгольского текста, можно предположить, что ошибок не имеется.

В работе используются маньчжурский, китайский, старомонгольский и русский языки. Наличие такой языковой комбинации связано с государственными нуждами Российской империи. Начнём с обозначения актуальности маньчжурского языка, которая была обусловлена не-

обходимостью изучения письменных источников на маньчжурском языке, а также научным интересом к миру и культуре маньчжуров. Маньчжурские и китайские книги и рукописи стали появляться в России в начале XVIII в. с установлением торговых и культурных связей с цинским Китаем. Все эти издания и материалы относились к истории империи Цин и изучались с большим вниманием в XVIII—XIX вв., поскольку давали необходимые знания об огромной империи, с которой Россия в первую очередь стремилась развивать добрососедские отношения⁹.

Что касается китайского, он был языком, заключавшим в себе многотысячелетнюю историю: сколько бы раз Китай не был завоёван, значимость китайского языка не исчезала. К тому же он был одним из официальных языков Маньчжурской империи.

С Монголией раньше всего соприкоснулась Россия; надо сказать, что первые контакты русских с китайцами были как раз на монгольском языке. К тому же после заключения Нерчинского договора в 1689 г. Россия осуществляла оживлённую торговлю с Китаем. В 1727 г. в местечке Кяхта, расположенном в Бурятии, у границы с Монголией, существовала уже большая торговая слобода. Такое тесное взаимодействие определило необходимость знания монгольского языка.

Рассмотрев три важных аспекта «Китайского лексикона», мы можем перейти к не менее важной части описания рукописи: к объяснению систематизации материала.

Была сделана попытка сопоставить «Китайский лексикон» со словарём Роберта Моррисона, представляющим собой самый первый классический китайский словарь в трёх томах. В словаре Моррисона организация осуществлена по разному принципу: по количеству черт в иероглифе и по ключам, по фонетическому звучанию, а также по английскому алфавиту. Были использованы три тома словаря¹⁰.

В «Китайском лексиконе» нет чёткой структурной организации, можно лишь заметить различные тематики употреблённых слов, однако переход от одной к другой тематике не имеет четкой границы. Такое построение лексики было достаточно прогрессивным; все словари, которыми пользовались до этого русские миссионеры, были со строгой организацией по тому или иному принципу. Новая организация материала делала возможным лучшее восприятие и запоминание слов, к тому же перевод с русского делался сразу на три языка, что тоже увеличивало

применимость «Китайского лексикона». В этом заключалась его ценность как учебного словаря-пособия.

Всю рукопись можно поделить на три больших раздела. В первом располагается категория слов, связанная с бытом: палатка, юрта, стол, котёл. Во втором — профессиональные занятия и предметы: гребни, шпильки, ремонт и пошив одежды и обуви. В третьем разделе — характеристика качеств людей и их эмоций, описание разных состояний человека: умный, смышлённый; гнев, ярость, раздражение, уныние, печаль; мерзнуть, голодать, слабость.

Основная масса слов в «Китайском лексиконе» — это существительные и прилагательные, но также присутствуют и другие части речи. Слова расположены систематически: родственные слова, а также слова одной тематики находятся рядом. Приведем примеры со страниц 19—20 лексикона¹¹.

На странице 19 указаны некоторые виды одежды и обуви 裕, 留水鞋, 木屐, а также смысловые глаголы по этой теме 穿 (надевать (одежду)), 脱 (снимать (одежду)).

На страницах 20—21 описывается обработка кожи, меха и её виды¹².

剃毛, 捋毛, 腿毛 — это разные виды обработки кожи, избавление от перьев и шерсти.

Дальше изложены все виды кожи, известные на тот момент.

去毛鹿皮 — оленья кожа.

猪皮 — свиная кожа.

野猪皮 — кожа кабана.

羊皮 — коровья кожа.

羊皮 — овечья кожа.

狼皮 — волчья кожа.

Можно заметить, что у первой группы слов есть повторяющийся иероглиф 毛, что означает перья, шерсть, волосы. У второй группы слов есть общий иероглиф 皮, который переводится как кожа.

Завершив детальное знакомство с «Китайским лексиконом», можно перейти к вопросу о возможном авторстве перевода, так как это тоже представляет большой интерес.

1831 год — это год публикации Notitia Linguae Sinicae, следовательно, раньше этой даты книга никак не могла попасть в Пекин. Благодаря этому, мы можем сделать некие временные рамки. То есть определить,

кто входил в состав духовных миссий в тот момент, и определить того, кто мог бы быть предполагаемым переводчиком. Подходит 11-я и 12-я духовные миссии, которые были в Китае с 1830—1840 и 1840—1849 гг. Дальнейшие Пекинские духовные миссии не рассматриваются, так как в 1855 г. центр отечественного востоковедения был перенесен из Казани в Санкт-Петербург и любые материалы, привезённые из Китая, логичным образом попали бы в Санкт-Петербург.

В рукописи использованы три языка: маньчжурский, русский, старомонгольский. Из всех членов 11-й миссии владел тремя восточными языками только Дмитрий Семёнович Честной. В 12-й духовной миссии таким человеком был Василий Павлович Васильев, он был магистром Казанского императорского университета. Скорее всего именно он и привез «Китайский лексикон» в Казань по возвращении из Пекина, а переводчиками были эти два крупных синолога.

Д.С. Честной и В.П. Васильев проделали большую работу, создали словарь необходимых, часто применимых бытовых слов. «Китайский лексикон» — не просто словарь, это уникальное свидетельство живого учебного процесса как в духовной миссии, так и в Казанском университете, который ещё несколько столетий помогал разным поколениям учить восточные языки.

Примечания

¹ *Валеев Р.М.* Феномен университетского востоковедения в Казани: Истоки и развитие (XIX — начало XX в.) // Учёные записки Казанского государственного университета. Казань, 2013. С. 3.

² Китайская грамматика, сочинённая монахом Иакинфом. СПб., 1835. С. 237.

³ *Адоратский Н.* Православная миссия в Китае за 200 лет ея существования // Православный собеседник. 1887. Ч. III. С. 316—317.

⁴ Китайский лексикон. // Отдел редких рукописей Казанской университетской библиотеки. № 3.876, Казань, С. 52.

⁵ *Premare P.* Notitia Linguae Sinicae. Malacca: Academiae Anglo-Sinensis, 1831. P. 298.

⁶ Там же. P. 298.

⁷ *Premare P.* Notitia Linguae Sinicae / Translated into English by J.G. Bridgman. Canton: Office of the Chinese repository, 1847. P. 328.

⁸ Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные. М., 1959. С. 152.

⁹ Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII — XVIII вв.: Дис. кан. ист. наук СПб.: Институт восточных рукописей РАН, 2004. С. 3.

¹⁰ *Morison Rt.* Dictionary of the Chinese language / vol. 1, part I. Chinese and English arranged according to the keys. Macao: Honorable East India company's press, 1815. P. 1087; *он же.* Dictionary of the Chinese language / vol. 1, part II. Chinese and English arranged according to the keys. Macao: Honorable East India company's press, 1819. P. 927; *он же.* Dictionary of the Chinese language / vol. 2, part I. Chinese and English arranged alphabetically: Macao: Honorable East India company's press, 1822. P. 881; *он же.* *Morison R.* Dictionary of the Chinese language / vol. 1, part II. Chinese and English arranged alphabetically: Macao: Honorable East India company's press, 1820. P. 480; *он же.* Dictionary of the Chinese language / vol. 3, part I. English and Chinese. Macao: Honorable East India company's press, 1823. P. 911; *он же.* *Morison R.* Dictionary of the Chinese language / vol. 3, part II. English and Chinese. Macao: Honorable East India company's press, 1822. P. 477.

¹¹ Китайский лексикон. С. 19—20.

¹² Там же. С. 20—21.

*Владимир Львович Нежданов,
магистр востоковедения, бакалавр международных отношений,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

ПОЛИТИКА РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ: ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕЙ КОНФУЦИАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Политика реформ и открытости в КНР внесла значительные изменения в политическую, экономическую и социальную жизнь Китая, которые, с одной стороны, по экономическим показателям сближают его со странами Запада, но с другой — по политическим и социальным маркерам конструируют уникальный государственный строй, соединяющий капитализм, социализм и конфуцианские идеи о государственном управлении. Сегодня все чаще можно провести параллели между идеями конфуцианства и современной политической риторикой Китая, что позволяет во многом говорить о творческом развитии идей конфуцианства в современности.

Ключевые слова: КНР, Китай, Конфуций, конфуцианство, политика, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао, китайская специфика.

Annotation. The policy of Reform and Opening has brought big changes in political, economical and social life in China. On one hand it put China closer to the Western states from the economy development

point of view. On the other hand political and social changes in China have constructed the unique state which combine capitalist's, socialist's and Confucian's ideas about statecraft. Today it is possible to find parallels in Confucianism and modern political rhetoric of Chinese leaders, this gives us a possibility to speak about creative development of Confucianism.

Keywords: PRC, China, Confucius, Confucianism, policy, Den Xiaoping, Jiang Zemin, Hu Jintao, Chinese characteristics.

3-й пленум ЦК КПК XI созыва, состоявшийся в декабре 1978 г., значительно изменил политический и экономический ландшафт КНР. В политическом дискурсе руководителей КНР с этого времени стали появляться такие характерные для традиционных философских учений Китая философские термины, как «сяокан», «гармония» и «человеколюбие», граничащие с идеей о правах человека. Нельзя обойти вниманием и то, что на XVI съезде КПК была принята программа укрепления норм гражданской морали, в которой можно отметить более чем 40 пунктов, связанных с нормами конфуцианства.

Однако следует заметить, что конфуцианство к 1978 г. было не просто забытой идеологией, но и изрядно поруганным учением. Можно сказать, что после образования КНР и вплоть до политики реформ и открытости, а именно с 1949 по 1979 г., конфуцианская традиция Китая была практически утеряна. Вместе с тем нельзя не отметить, что основой ее возрождения в 1980-е годы стал общественный уклад китайской деревни, что подтверждается началом ренессанса конфуцианства в деревенской общине. Конец 1980 — начало 1990-х годов стали переходным моментом для китайской общественной мысли. Политика реформ и открытости привела к развитию диалога Китая с миром, что породило синтез традиционных ценностей общества и глобальных трендов. В это время конфуцианская мысль стала возрождаться в среде китайских предпринимателей и в 2000-х годах стала частью бюрократического этикета КНР. Основными постулатами такого типа поведения стали: «и» — долг или справедливость, «чэн» — искренность, «хэ» — гармония и «дэ» — нравственность¹. Однако, став частью политического курса КНР, данные традиционные ценности не перешагнули через свое положение «блуждающей души».

Китайский политолог Ли Минхуэй, интерпретируя на современный лад работу Юй Иши, отмечает концепцию «блуждающей души» как

«призрака» конфуцианства. Ли отмечает существование так называемой конфуцианской культурной сферы, которая объединяет государства Юго-Восточной и Восточной Азии. Политолог полагает, что в отличие от христианства или ислама, которые могут самостоятельно организовать государственное управление, конфуцианство не имеет больших возможностей к самоорганизации, что заставляет его опираться на уже существующие в государстве как политическую, так и социальную системы². По мнению Ли Минхуэя, смерть конфуцианства в 1945 г. и его возрождение в 1990-е годы прервали традицию, но воссоздали лишь его интерпретацию. Однако, подвергая конфуцианство критике, Ли Минхуэй в то же время отмечает, что, несмотря на невозможность идеологизации конфуцианства в современном мире, оно превосходно подходит для национального и глобального культурного строительства³.

Китай как родоначальник конфуцианской политической и общественной традиции оказал влияние на многие соседние государства, что выразилось в формировании конфуцианского культурного круга (сферы). Главным маркером в общественной жизни стран этой сферы является так называемый конфуцианский капитализм, а также существование общих базовых общественных идей⁴. Вместе со сходными базовыми общественными концепциями так называемый конфуцианский культурный круг в конце XX — начале XXI в. столкнулся с общими проблемами⁵. В целом проблемы конфуцианских стран Ли Минхуэй делит на три основные категории. Первая — культурный вызов Запада. Сегодня под давлением процессов глобализации и глокализации государства конфуцианского культурного круга сталкиваются с деградацией традиционных ценностей и базовых установок, изменением культурной сферы, что приводит к разрыву традиции, а значит, к деградации уникальной конфуцианской цивилизации как таковой. Вторая проблема выражается в постоянной погоне за модернизацией как в общественно-политической, так и производственной, экономической и духовной сферах. Изменения должны происходить при осторожном обращении с культурой, особенно конфуцианской, которая не вырабатывает общественно-политический строй, а лишь ложится на уже существующий. Наконец, падение традиционных систем стран Запада также сказывается на кризисе конфуцианства и китайской культуры.

Вместе с этим важным общественно-политическим мотивом «гибели» традиции конфуцианства в период «культурной революции» стала кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», которая базировалась на

традиционной увязке истории и политики в Китае. Дело в том, что Мао Цзэдун стремился к созданию нового китайского общества, которое в своей основе противоречило установкам общества традиционного. По этой причине исторические границы китайской пропаганды того времени были расширены до периода Чжоу. В период «Борьбы ста школ» Мао официально выступал против Конфуция, во многом поддерживая легизм⁶. Бесспорно, этот период вписывается в цикл противостояния идей конфуцианства и школы законников, однако результатом политики можно считать моральный кризис и гибель конфуцианства в традиционном виде в XX в.

Скорее всего, необходимость обратиться к философии конфуцианства во второй половине XX в. была вызвана моральным кризисом в КНР после смерти Мао Цзэдуна, а также необходимостью предложения близкого результата экономического развития страны при опоре на традиционные политические идеи. Население Китая к 1980-м годам устало от постоянных политических и экономических неурядиц в стране, граждане КНР столкнулись с моральным кризисом, вызванным политикой китайского правительства на протяжении периода «большого скачка» и «культурной революции».

Характерной особенностью китайской политической и социальной жизни является возможность расширения и сужения исторических рамок реальности⁷. Такое мировоззрение можно сравнить с представлениями древних людей, стоявших в начале формирования религиозной традиции. Идея древних заключалась в том, что время «золотого века» обязано повторяться каждый праздник, особым образом освящая и благословляя этот мир на еще один год жизни⁸. Видимо, конфуцианство как основная политическая и социальная идеология Китая на протяжении веков, пронесло эту идею с V в. до н. э. до современности. Вторая половина XX в. ознаменовалась не только кампанией «критики Линь Бяо и Конфуция», критикой в прессе Конфуция, будто он был современником, но и началом нового витка спора конфуцианства и легизма⁹. Как и 1,5 тыс. лет назад, основной вопрос заключался в идеологическом подходе к власти: быть ли ей более или менее гуманной. В остальном обе системы были способны подстраиваться под сложившиеся политические отношения, так как не имели собой глубины теории управления государством, были зациклены на государстве, а также теряли всякий смысл и силу при «трещинах» в государственной системе¹⁰. Однако усталость населения Китая вылилась в разочарование в дальнейшем

развитии. Ввиду сложившихся обстоятельств и была установлена победа конфуцианства, которое привносит прошлое в форму будущего. Обладая концепциями «сяокан» и «датун», конфуцианство в отличие от легизма имело возможность предложить близкую цель в политике. Так, можно предположить, что идея социализма была приравнена к идее «датун», однако для достижения этой цели было необходимо приложить труд многих поколений, а «сяокан» — цель гораздо более близкая, что придавало общественный оптимизм населению Китая.

Следует подчеркнуть, что в период политики реформ и открытости Китай стремился не только к реформированию экономической сферы, но и к демократизации общества. Концепцию китайской демократической традиции можно проследить начиная с принципа «миньбэнь». При этом поскольку конфуцианство стремилось вобрать в себя все лучшие образцы древности, оно породило две основные идеи, легшие в основу китайской политической мысли. Первая идея «правитель — ветер, народ — трава» отмечает большую власть правителя над народом¹¹. Именно идея большой власти через мандат Неба послужила основой становления однопартийных режимов как в КНР, так и в Китайской Республике. Другая идея заключается в принципе «миньбэнь», который в «Шуцзин» описывается так: «Народ есть корень — основа государства, если корень крепок, то и государство в спокойствии». Однако при этом из-за отсутствия рычагов влияния на власть в древнем Китае общество создало концепцию «гэмин» — революция, которая направлена на смену неугодной и не отвечающей интересам народа власти¹². Вместе с этим в конфуцианстве можно просматривать демократические зачатки в сфере равенства всех при получении чиновничьего звания. Стоит отметить, что во многом эти представления мало изменились внутри китайского общества и по сей день, создавая синкретический вариант взгляда на демократическое развитие. Традиционный китайский взгляд на общество не предполагал получения титулов, званий и славы без накопления категории «жэнь», которая возносит человека до идеала — «цзюньцзы». С другой стороны, важными в конфуцианстве остаются также идеи о взаимоотношении в обществе и семье, при выполнении ритуалов, об отношении к природе и т. д. Центральным положением в этих отношениях обладает принцип «ли» — правило. На современном этапе можно предположить, что традиционные китайские идеи о государственном управлении получают свое развитие через современный политический словарь: китайский язык переводит любые термины, встраивая их в тра-

диционные и привычные представления китайцев. По этой причине любые идеи о либеральной демократии, экономических переменах, выборах, политических изменениях имеют традиционное звучание. Итогом этого является то, что уже на современном этапе конфуцианство как государственная идеология претерпевает изменения, которые включают её в мировой политический дискурс. При этом конфуцианство не страдает от переизбытка привнесенных идей, а, наоборот, настаивает на их ортодоксальной принадлежности древнему учению. По этой причине, с одной стороны, можно говорить об обновлении традиции. Но с другой — отметить, что такое изменение кардинально переписывает взгляд на конфуцианство как на идеологию стран Восточной Азии, претендуя на глобальную важность по причине обладания всеми необходимыми категориями современной политики.

Заслуживает внимания тот факт, что не все идеи конфуцианства были взяты из глубокой древности. Так, принцип «сяокан», несмотря на конфуцианское происхождение, в современном политическом дискурсе можно считать заимствованным, так как в XX в. идеи «сяокан» еще раньше использовали на Тайване (1973 г.) и в Японии (конец XIX — начало XX в.)¹³. Можно предположить, что введение данной идеи в политический дискурс было обусловлено необходимостью поиска концепции, которая могла обеспечить быстрое достижение успехов в экономическом и политическом развитии. Важно отметить, что руководство КНР стремилось найти исключительно китайский вариант в противовес привнесенным. Использование идеи «сяокан» после 1978 г. отвечает двум требованиям. С одной стороны, эта концепция является традиционной политической идеей Китая, а традиционная политическая культура в этой стране свойственна большому числу граждан, что делает идею развития страны гораздо более легитимной¹⁴. С другой стороны, можно предположить, что идея «сяокан» гораздо глубже, чем принято считать. По этой причине её реальное применение в обществах конфуцианского культурного круга стало возможным лишь в конце XIX—XX вв. после получения возможностей к модернизации. В любом случае подтверждение данного тезиса невозможно без детальной проработки не только текстов конфуцианства и современных теоретических и рабочих документов Японии, Тайваня и КНР, но и без общения с носителями культуры.

Наконец, современный виток возрождения конфуцианской традиции можно связать с многовековым спором конфуцианства и легизма.

Отметим, что принципы конфуцианства в XXI в. оказались более выигрышными, что логически завершает исторический спор. Важным замечанием является то, что традиционная политическая культура Китая подразумевает честность и неподкупность власти как основу её легитимности¹⁵. Вместе с этим добродетель также выступает в качестве легитимной основы строя. Таким образом, КПК в лице второго поколения руководителей определенным образом возвращала себе символический мандат на управление Китаем. После смерти Мао Цзэдуна проблема заключалась в том, что кумиром Мао, а также ролевой моделью в политике выступал Цинь Шихуан-ди, который, опираясь исключительно на идеи легизма, быстро утратил мандат Неба. Дэн Сяопин поступил мудро, обратив внимание населения на новые идеологические аспекты, и вернул КПК возможность постепенного развития страны. Основная же масса конфуцианской идеологии была привнесена третьим и четвертым поколениями руководителей. Рубежом полного переключения на конфуцианские идеи можно считать 2001 г. когда Цзянь Цзэминь отметил важность управления страной на основе закона и добродетели¹⁶. Позже конфуцианство проявило себя в «Программе укрепления норм гражданской морали КНР», научной теории развития, политике «мягкой силы» и т. д. Однако кардинально важно отметить, что конфуцианская идеология подвергается большим изменениям в современном обществе. Так, сегодня никто не говорит о верховенстве «*ли*». Напротив, в настоящее время силу набирает «*фа*», правительство стало настаивать на верховенстве закона, а с 2014 г. Китай официально отмечает День Конституции.

В заключение стоит добавить, что на современном этапе Конфуций как философ, самый знаменитый китаец в мире и бренд вышел на арену мировой политики, став лицом КНР через Институты Конфуция, которые открываются во всем мире с 2004 г. Этот политический шаг, бесспорно, является удачным решением правительства КНР.

Таким образом, можно сказать, что конфуцианство сохранило свою суть, став в определенной степени «кризисной идеологией» для Китая на рубеже XX—XXI вв. При этом конфуцианство легло в основу политики «мягкой силы», которая направлена одновременно как на внешнего потребителя, так и внутрь Китая. Вместе с этим одной из внутренних задач «мягкой силы» можно считать стремление написать современный Китай в многотысячелетнюю историю Поднебесной через следование конфуцианским принципам и их развитие.

Примечания

¹ *Лоншакова Е.А., Морозова В.С.* К вопросу о трансформации национальных ценностей Китая в условиях глобализации // Успехи современного естествознания, материалы конференции. 2012. № 5. С. 126.

² *Lee Ming-huei.* Confusian Traditions in Modern East Asia. Their Destinies and Prospects // Oriens Extremus. URL: www.oriens-extremus.de/inhalt/pdf/49/OE49-11.pdf

³ Ibid.

⁴ *Хун Цзяцзэ.* Дуй хайвай хуажэнь хуацяо цзинци юй чжунго гуаньси дэ чун-синь сыкао (Еще раз поразмышляем об связях экономики зарубежных китайцев с Китаем) // Бяньцзян цзинци юй вэньхуа. 2009. № 8. С. 32—34.

⁵ *Lee Ming-huei.* Op. cit.

⁶ *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 253—278.

⁷ Там же. С. 279—306.

⁸ *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 71.

⁹ *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм... С. 253—278

¹⁰ *Алаев Л.Б., Васильев Л.С., Фурман Д.* Религиозные традиции и процесс модернизации // Политика. 1990. № 2. С. 29.

¹¹ *Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России. М., 2015 С. 168.

¹² Там же. С. 171.

¹³ *Переломов Л.С.* Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М., 2004. С. 57.

¹⁴ *Шарко С.В.* Культурно-идеологический аспект в современной политике Китая. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/orientiry/or_6/8.pdf (дата обращения: 01.12.2015).

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Переломов Л.С.* Указ. соч. С. 61.

*Марина Ринальдовна Фомина,
д.филол.н., Азовский технологический институт
Донского государственного технического университета,
г. Ростов-на-Дону*

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: КОНФУЦИАНСТВО И КАПИТАЛИЗМ

Аннотация. В данной статье показана несовместимость конфуцианства и капитализма западноевропейского образца. Рассмотрена китайская система землевладения и наследования земли как главное препятствие к формированию в Китае предпосылок для развития современного индустриального капитализма. Показано, что система «семейного подряда» является китайским вариантом коммунистического решения аграрного вопроса.

Ключевые слова: конфуцианство, капитализм, землевладение, наследование земли.

Annotation. Incompatibility of Confucianism and capitalism of the Western European sample is shown in this article. The Chinese system of ownership and inheritance of land as the main obstacle to the formation of prerequisites for development of modern industrial capitalism in China is considered. It is shown that the system of «family contract» is the Chinese version of the communistic solution of an agrarian question.

Keywords: Confucianism, capitalism, ownership of land, inheritance of land.

Генеральная идея Вебера, прозвучавшая в «Протестантской этике и духе капитализма», состояла в том, что капитализм является достижением исключительно западноевропейской цивилизации. Причину подоб-

ного рода исключительности он связывал с влиянием протестантизма на зарождение и формирование капиталистического уклада в Западной Европе. Другие народы, по его мнению, не знали такой религии, как протестантизм, поэтому у них и не возник капитализм западноевропейского образца. К таким народам, по его мнению, принадлежат китайский и индийский народы, религии которых, конфуцианство и индуизм, воспрепятствовали появлению в Китае и Индии индустриального капитализма.

Н. Якобс, работающий уже в новых исторических условиях, когда в Восточной Азии набирал обороты японский капитализм, в своей книге «Возникновение современного капитализма и Восточная Азия» поставил веберовский вопрос: «Почему современный индустриальный капитализм появился в одном восточном азиатском обществе (Японии), а не в другом (Китае)?»¹. Ответил он на этот вопрос от противного: в Японии не было такой мощной религиозной антикапиталистической доктрины, какой в Китае было конфуцианство, поэтому там и возник индустриальный капитализм. «Чтобы дать религиозное объяснение происхождения и развития современного капитализма в Японии и его отсутствия в Китае, мы не должны искать положительную догму, направляющую религиозные интересы в капиталистическое русло, а должны оценивать функцию существующей религиозной догмы в социальных системах Китая и Японии. В Китае была догма с положительной функцией претворения развития капитализма, а в Японии такой догмы не было»². Причина этого в отсутствии в Японии религиозной ортодоксии, которая была свойственна Китаю, где конфуцианство, подавляя всякое инаковере, тотально контролировало политическую власть. В Японии, напротив, была узаконена религиозная терпимость и каждая религиозная секта конкурировала друг с другом за религиозное влияние, подобно тому, как на Западе политические партии вели борьбу за политическое лидерство. Поэтому ни одна религиозная секта, действующая в Японии, не могла выступить той антикапиталистической силой, какой в Китае выступило конфуцианство. Дж. Нидэм, который при написании своей знаменитой работы «Общество и наука на Востоке и на Западе», использовал указанную выше книгу Якобса, эту мысль её автора выразил так: несмотря на смену династий и режимов правления, «Китай всегда был “однопартийным государством”, и правящей партией в стране была более двух тысячелетий конфуцианская партия»³.

Собственно, задача Якобса и состояла в том, чтобы показать, насколько западный капитализм не соответствует конфуцианству. В результате проведенных им исследований автор не только подтвердил идею Вебера о несовместимости конфуцианства и капитализма, но и высказал мысль, что именно конфуцианство, во многом сформировавшее земледельческий уклад Китая, в конечном итоге предопределило коммунистический путь его развития.

О том, что земледельческие отношения Китая нельзя объяснить чисто научно-правовой точки зрения, как это делается на Западе, а только с точки зрения «религиозно-политического универсализма», первым из европейских ученых заявил О. Франке: «Государственную верховную или, лучше, коллективную форму собственности на землю в Китае можно объяснить только в связи с общей китайской государственной идеей, которая зиждется на конфуцианском принципе верховенства Неба над землей (властвующее Небо над подвластной Землей). Император является Сыном Неба, которому передан мандат на правление над землей и народом, который смотрит на это сыновнее почтение как на основной принцип нравственного порядка на земле»⁴. Именно торжеством конфуцианства можно объяснить то, что в Китае сохранилась коллективная собственность на землю, как государственная максима, в то время как на Западе она исчезла и ее место заступила неограниченная частная собственность. Другими словами, коллективизм, по мнению Франке, был сознательно удержан конфуцианским принципом, «выраженным в стихах “Шицзина”, согласно которым император в принципе является всеобщим собственником земли: «Вся под обширным Небом земля — повелителя. Все обитатели земли — слуги повелителя»⁵. Это конфуцианское выражение созвучно ветхозаветному изречению, где также провозглашается принцип коллективной формы собственности на землю: «Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее на ней»⁶, с той только разницей, что Китай остался верным ему в ходе своей истории, а Запад нет. Таким образом, под государственной собственностью на землю в Китае понимается всеобщая, или коллективная, собственность, служащая интересам всего общества, а не интересам отдельных лиц. Ведь земля в Китае (в отличие от Западной Европы и Японии) никогда не была источником накопления капитала, а всегда только средством существования для своего народа.

Эти принципы китайского земледелия были определены еще в древности, о чем говорит значение китайского слова, от которого впоследст-

вии произошло слово «экономика» и которое буквально означало «развивать землю и спасать людей», ибо «такое положение дел — желание Небес»⁷. Впоследствии под «экономикой» стало пониматься продуктивное управление жизнью людей, или «экономика жизни», что созвучно аристотелевскому определению экономики как «домостроительства», в противоположность «хрематистике» или «экономике обогащения», получившей свое развитие на Западе. Отсюда следовало признание земледелия фундаментальным занятием, а земледельцев — фундаментальным классом Китая, обеспечивающим жизнеспособность всего общества. В этом смысл «земледельческого фундаментализма» как основы государственного устройства Китая. «Обязанность политического аппарата состояла в том, чтобы обеспечить надлежащее урегулирование для сельского хозяйства, сохранять мир и препятствовать оттоку населения из сельского хозяйства как угрозу сокращения производительности. Отклонение людей от сельского хозяйства было нежелательно как отклонение, подвергающее опасности общественный строй. Спорадические вторжения в Китай кочевых народов не изменяли это; основным образцом остался идеально сельскохозяйственным»⁸. Хотя попытки изменить его были и на государственном уровне, в период правления монгольской династии Юань, которая, соответственно хозяйственному быту монголов, попыталась провести огораживание земель около столицы для развития скотоводства. «Большая часть земель около столицы обращена была в степь для пастбища скота, для распространения которых, при начале владычества монголов в Китае, предполагалось даже: “обратить всю, покоренную страну в степь, а китайцев, если можно, всех вырезать”»⁹. Но все это не принесло успеха, и уже к концу правления этой династии все вернулось к фундаментальным основам китайской экономики как земледельческой культуры, и развитие скотоводства в XIII в. не получило того исторического значения, которое оно приобрело в XVI в. на Западе, выступив предпосылкой для накопления первоначального крупного частного капитала.

Это не говорит о том, что в Китае нет частной собственности на землю; она была введена еще во II в. до н. э. легистами, т. е. появилась там гораздо раньше, чем на Западе или в Японии. Это говорит о том, что, исходя из конфуцианского земледельческого фундаментализма — верховенства коллективной формы собственности, — частная собственность на землю в Китае сразу же была поставлена под контроль государства и приобрела форму ограниченной или неполной частной собственности.

И «права государства на всю землю, которые должны ограничивать частную собственность и обосновывать верховную или универсальную собственность его, т. е. императора, как олицетворение государственной власти»¹⁰, не были попораны легистами. Сама же частная собственность на землю была понята не так, как на Западе, как неограниченная купля-продажа земли, а исходя из принципа, согласно которому земля должна принадлежать тем, кто на ней живет и кто ее обрабатывает. Из этого легистского понимания частной собственности на землю следовало то, что: 1) земля должна принадлежать земледельцам; 2) земля должна быть использована по назначению — только для земледельческих работ; 3) земля не должна быть отчуждаема у земледельцев ни при каких обстоятельствах. «В Китае правящая власть хотя и санкционировала частную собственность человека на землю, но сохранила за собой этическое право на препятствование её развитию не только посредством фискальных методов, но также посредством захвата и передачи прав на неё или через переселение населения»¹¹. Все эти меры были направлены на то, чтобы предотвратить появление в Китае крупной земельной собственности в руках немногих в ущерб существующей политической власти и большинству земледельческого населения страны. Что же касается земледельцев, то их право на частную собственность на землю было неотчуждаемо ни при каких условиях. В крайнем случае, в интересах государства, земледелец мог быть переселен, но никогда не лишен земли, которую он в том же размере получал на новом месте. Поэтому в Китае не произошло то, что произошло в Европе в эпоху Реформации, когда крестьян просто сгоняли с земли для развития скотоводства, тем самым расчищая площадку для развития индустриального капитализма.

Когда конфуцианцы пришли к власти, они не стали отменять, введенную легистами частную собственность на землю, а просто стабилизировали контроль над ней государства, ибо увидели в ней новый эквивалент своему старому идеалу, а именно: контроль государства над земледелием и принцип справедливого распределения земли согласно потребности, качеству и размеру семьи. Затем этот принцип был воплощен в надельной системе Китая, когда вся государственная земля, поделенная на равные наделы, передавалась в частную собственность трудоспособным членам семьи. И в этом отличие надельной системы Китая от надельной системы Японии, в которой землю получала не семья, а двор, т. е. не трудоспособные, а все члены двора, включая детей и стариков. Это привело к концентрации земли в руках главы дома, что, в ко-

нечном итоге, и привело к разрушению уравнительного принципа распределения земли и к формированию в Японии крупного помещичьего землевладения. Н.И. Конрад провел сравнительный анализ надельной системы Китая и Японии и убедительно показал, что расхождение путей развития Китая и Японии начались именно в период феодализма, когда эти страны по-разному воплотили принципы надельной системы: Китай сохранил «уравнительное землепользование» и мелкую частную собственность на землю, а Япония пошла по пути крупного землевладения и развития капитализма.

Конфуцианцы безоговорочно приняли и легистскую концепцию наследования земли, согласно которой она передавалась равным образом всем законным наследникам (обычно сыновьям). А.Л. Кроебер назвал ее «*homoyogeniture*», что буквально означает «человекопорождение», и это название отражает суть конфуцианской аграрной политики, которая направлена на поддержку слабого, а не сильного. На Западе и в Японии, в противоположность китайской системе наследования, действовала система наследования, основанная на принципе первородства, согласно которой земля передавалась только старшему сыну. Последствиями её были: 1) концентрация независимой крупной земельной собственности, которая выступила первой формой богатства, предшествующей денежному и промышленному капиталу; 2) «высвобождение свободных талантов» из числа детей знатных родов, которые, не получив наследства, были вынуждены для поддержания своего статуса искать иные источники существования. К примеру, совершить великое географическое открытие или заняться пиратством и привезти в Европу золото и серебро, т. е. тот первоначальный капитал, который затем был бы инвестирован в промышленность; 3) отток из деревни дворян, лишенных земли (наследства), а также безземельных крестьян, потерявших землю в результате огораживания — сгона крестьян с земли, способствовали появлению свободной дешевой рабочей силы, выступившей, наряду с частным капиталом, необходимой предпосылкой для возникновения западноевропейского капитализма.

С точки зрения экономической эффективности китайская система наследования *homoyogeniture*, делившая семейные владения между всеми законными наследниками, была не самой лучшей. Ведь как утверждает экономическая теория, большие поместья являются более рентабельными, так как на них может быть использована сельскохозяйственная техника. Тогда как в Китае мы имеем дело с «рассеянным», или

«дробным земледелием», где единственной надеждой на увеличение урожая было интенсивное, основанное на ручном труде культивирование небольших участков земли. Но с точки зрения экономической безопасности народа и препятствия для развития капитализма эта система землевладения и наследования была безупречна, потому что: 1) она обеспечивала землей всех мужчин. (И где бы ни находился китаец, и чем бы он ни занимался, когда наступало время наследования, он всегда возвращался в деревню, чтобы наследовать землю, чтобы со временем передать свой участок своим сыновьям.) Тем самым китайская система наследования, в отличие от европейской системы, не поставляла элементы для разрушения традиционного строя, а направляла человеческие ресурсы в сельскохозяйственную сферу; 2) эта система наследования максимизировала налогоплательщиков и трудовое обслуживание земли, что было выгодно государству. В Китае очень рано утвердился принцип государственного благополучия: чем больше земледельческого населения, тем богаче государство, а незначительный поземельный налог в 10 % обеспечивал равноправный доход и правителю, и земледельцам; 3) она предотвращала концентрацию земли в руках одной семьи в течение долгого времени и препятствовала образованию торгового и промышленного капитала. Таким образом, «положительная функция этой системы земли всем ясна; она... положительно функционировала в пользу антикапиталистических сил в Китае»¹².

Эту концепцию наследования земли поддержали националисты и коммунисты. Так, Сунь Ятсен, предложивший обширную аграрную реформу, не стал менять существующую систему наследования, точно так же, как философы «новой китайской экономики» оправдали существующую систему наследования как средство обеспечения населения. Коммунисты сочетали политику принуждения крестьян к объединению в колхозы и кооперативы с институтом частной собственности на землю, видя в обеих этих системах функциональный эквивалент старой системе наследования, которая предотвращала концентрацию земли в одной семье, в чем, собственно, они и видели главную угрозу для построения социализма. Уже «в начале 50-х гг. в Китае на основе опыта пров. Шаньси и Северо-Восточного Китая были созданы сельскохозяйственные производственные кооперативы начальной ступени. Признавалось право крестьян на частную собственность, и на базе частной собственности объединялся труд, велось единое хозяйствование»¹³. А в результате введения подрядной системы был повсеместно осуществлен

переход от общественной собственности к мелкой частной собственности на землю. Китайские экономисты-марксисты настаивали на том, что К. Маркс в решении аграрного вопроса предлагал учитывать местные условия и исторически сложившиеся формы хозяйствования отдельно взятых стран. В условиях «дробного земледелия» для Китая наиболее эффективной формой землепользования является мелкая частная собственность, объединенная в кооперативы по принципу семейного подряда, где социалистический принцип оплаты по труду был понят по-конфуциански: «рассчитайся полностью с государством, воздай коллективу, оставшееся — твое»¹⁴. И вообще, китайцы выбрали социализм как альтернативу капитализму потому, что они увидели в капитализме реальную угрозу для мелкого крестьянского хозяйства, — основе основ их экономики. Под китайским социализмом экономисты-коммунисты как раз-таки и понимали сохранение мелкой частной собственности на землю под контролем государства, т. е. они ни на йоту не отошли от конфуцианской аграрной политики. «Понимая, что мелкая частная собственность на землю будет уничтожена капитализмом, китайцы увидели единственную возможность ее сохранения — это социалистическую кооперацию, под которой они понимали кооперацию семейных хозяйств (семейную кооперацию)»¹⁵, которая и доказала свою конкурентоспособность уже в 1984 г., когда производство зерна в Китае превысило рекордный уровень — 500 млрд кг и страна из мирового импортера превратилась в мирового экспортера зерна.

Таким образом, китайская система землевладения и наследования стала главным оплотом «земледельческого фундаментализма» Китая, наделив земледельцев землей и преградив, с одной стороны, их отток в города для пополнения класса пролетариата, так необходимое для возникновения индустриального капитализма, а с другой стороны, поглощение их торговцами, так необходимого для образования финансового капитализма. Проще говоря, в Китае крестьянство было «сохранено как класс», которое и выступило реальным препятствием для развития там капитализма западноевропейского типа. И на сегодняшний день, к большому сожалению, нужно констатировать тот факт, что единственной страной в мире, которой удалось сохранить крестьянство и деревню как основу экономического могущества страны, является Китай. И Запад в эпоху Реформации, и Россия в эпоху либерально-экономических реформ уничтожили «крестьянство как класс». Более того, Китай оказался ближе всего к практической реализации коммунистических идеа-

лов в области аграрной политики, реально показав другой путь к коммунизму, идущий не через уничтожение крестьянства, а через его сохранение. И самый нерешенный вопрос в марксизме — аграрный — получил свое практическое решение в форме реального «земледельческого коммунизма», берущего свое начало в «аграрном коммунизме» древнего Китая.

Примечания

¹ *Jacobs N.* The origin of Modern Capitalism and Eastern Asia. Hong-Kong, University Press Oxford, 1958. P. IX.

² *Ibid.* P. 191.

³ *Нидэм Дж.* Общество и наука на Востоке и на Западе // Наука о науке. М., 1966. С. 164.

⁴ *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае. Владивосток, 1908. С. 121.

⁵ Там же.

⁶ Псалом. С. XXIII, I

⁷ *Jacobs N.* P. 48.

⁸ *Ibid.* P. 111.

⁹ *Кохановский Н.И.* Землевладение и земледелие в Китае. Владивосток, 1908. С. 20.

¹⁰ *Франке О.* Указ. соч. С. 19.

¹¹ *Jacobs N.* Op. cit. P. 22.

¹² *Ibid.* P. 156.

¹³ Реформа хозяйственной системы в КНР. М., 1989. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 188.

¹⁵ Там же. С. 61.

*Светлана Алексеевна Горбунова,
д.и.н., г.н.с. ИДВ РАН*

РОССИЙСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В КНР

Аннотация. Волна террористической активности во всем мире, и в том числе в КНР, связанная с экстремизмом под религиозными лозунгами, стала одной из актуальных тем современной синологии. Результатом научных подходов к различным внешним и внутренним аспектам этой проблемы, в том числе к ее глубинным историческим причинам, стало появление монографий, диссертаций и статей, в которых она в той или иной степени отражена. Автором предпринята попытка показать, как в отечественных и западных синологических исследованиях изучается история вопроса, а также современные проявления религиозного экстремизма в среде уйгур из СУАР.

Ключевые слова: китаеведение, Синьцзян, терроризм, религиозный экстремизм.

Annotation. The wave of terrorism activity all over the world and in PRC which is connected with extremism under religious goals now can be characterized as one of the actual topics of the contemporary sinology. Monographs, papers and dissertation works make contributions to the research of history of separatism and recent life of Uyghur's mostly living in Xinjiang including the aspect of ethnic violent conflicts with Han and

fierce attacks in the different places of China. The author takes an attempt to analyze Russian and Western scholar's conclusions concerning this question.

Keywords: Chinese studies, Xinjiang, terrorism, religious extremism.

Проблематика религиозного экстремизма в КНР, связанная главным образом именно с Синьцзяном, нашла отражение в китаеведении уже в новом столетии, когда во всем мире наблюдалось стремительное увеличение числа последователей фундаментализма и экстремизма. Они интерпретируют идеи ислама для демонстрации неприятия ценностей светского общества, навязывания ему своих жизненных представлений и норм, а также отрицания традиций иных вероучений. Одно из свидетельств этого — не только активизация мусульман из числа уйгур КНР под воздействием идей создания новой государственности в форме халифата (например, Восточного Туркестана) с едиными религиозными, а не правовыми нормами, но и их непосредственное участие в террористических актах и в вооруженных формированиях ИГИЛ.

Следует отметить, что общетеоретические труды, дающие методологический ключ к пониманию этого явления, стали появляться в отечественном обществоведении в начале 2000-х годов. В их числе сборник статей «Терроризм и религия», под редакцией академика В.Н. Кудрявцева, подготовленный в 2005 г. Общественно-консультативным советом по проблемам борьбы с международным терроризмом РАН. Он посвящен анализу взаимосвязи идеологии терроризма с основными религиозными учениями. С целью теоретического осмысления международного терроризма, непосредственно связанного с религиозным фактором как сложного и многогранного феномена авторы сборника обращаются к изучению его мотивов и идеологии, социальных и исторические корней, внутренней структуры, а также дирижеров и исполнителей¹. В связи с этим академик Л.Н. Митрохин писал о том, что «нет смысла отрицать, что инициаторами и исполнителями современных террористических актов чаще всего выступают организации мусульман». Однако, подчеркнул он, «во-первых, существуют весьма влиятельные идеологи и организации ислама, осуждающие насилие, и отождествлять ислам с терроризмом просто неверно. Во-вторых, ислам — это одна из мировых религий, и типологически она не отличается от других. А потому и задача исследователя в том и заключается, чтобы выяснить, почему религия становится не просто мотивом действий отдельных людей, а неотъемле-

мым компонентом террористических акций, столкновений различных религиозных социальных институтов»².

В той или иной степени, прямо или косвенно причины уйгурского сепаратизма и религиозного фанатизма были затронуты в трудах российских синологов В.С. Кузнецова, А.А. Москалёва, О.И. Завьяловой, Т.В. Лазаревой, А.В. Ломанова, О.В. Зотова и др., а также в диссертации А.С. Мавлоновой.

Например, в общетеоретическом труде А.А. Москалёва³ сделан важный вывод о том, что «политика районной национальной автономии» — «путь решения национального вопроса в Китае»⁴, непосредственно связанного с религиозным вопросом в районах проживания нацменьшинств, с целью сохранения КНР как государства. Автор определил в качестве особенности «районной национальной автономии в КНР — чисто административный характер, отсутствие признаков государственности», что с точки зрения китайских властей исключает возможность отделения или национального самоопределения проживающих там народностей⁵.

В соответствии с трехступенчатой системой районной национальной автономии автономные единицы более высокой ступени могут включать в себя автономные единицы низших ступеней⁶. В связи с этим А. Москалёв приводит слова Чжоу Эньляя от 1957 г., согласно которым уйгуры, например, не могут претендовать на образование в Синьцзяне «своего Уйгурстана» (этот вопрос они неоднократно ставили), поскольку, по словам премьера, нельзя же создавать в Синьцзяне 13 разных национальных «станов». «Не исключено, что руководство КПК рассматривало факт вхождения одних автономий в состав других (особенно в таком регионе, как Синьцзян) как фактор, с помощью которого можно сдерживать национальный сепаратизм»⁷. «В требовании уйгуров назвать их автономию «Уйгурстаном» китайское руководство усмотрело элемент сепаратизма (так сказать, «отрыв» от других национальностей), и это требование было отвергнуто»⁸. Таким образом, для властей КНР вопрос о создании новой уйгурской государственности⁹, был закрыт, но не потерял своей актуальности вплоть до наших дней для сепаратистски настроенных представителей уйгур. Их непреодолимым стремлением к независимости от КНР отчасти объясняются совершаемые ими террористические акты.

Что касается западной историографии, то именно в ней ряд интересующих нас проблем наиболее детально проанализирован. Это в первую

очередь справедливо в отношении книг М. Диллона, главным образом его монографии «Синьцзян — мусульманский отдаленный Северо-Запад Китая»¹⁰, изданной в 2004 г., три года спустя после книги А. Москалёва. Тем самым в изучении этой темы в отечественной и западной историографии происходили два параллельных, однако не пересекавшихся из-за языкового барьера процесса. Прошло уже больше 10 лет со времени выхода монографии Диллона, но авторский анализ многообразных причин проявлений религиозного экстремизма в КНР не потерял актуальности и в наши дни.

Остановимся более подробно именно на ней. Стимулом для ее написания стал ряд перечисленных автором факторов: эскалация этнической напряженности и вооруженного противостояния китайскому правлению в 1990-х, которая усилилась летом 1996 г; дестабилизация Центральной и Средней Азии; террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г. и изменения баланса власти в регионе после распада СССР¹¹. Указанная автором цель — максимально сбалансированное и объективное исследование, состоящее из 4 частей и 14 глав. Оно опирается на серьезную документальную базу на китайском языке. В центре интересов Диллона — Синьцзян как в историческом контексте, так и в реалиях XXI в. с особым акцентом на культурную, национальную исламистскую оппозицию Китаю. В то же время в третьей части своей монографии он рассматривает синьцзянские проблемы, главным образом радикальное исламское движение, в аспекте внутривосточных, но особенно международных изменений. «Синьцзян — высокочувствительная пограничная область, восприимчивая к геополитическим изменениям в остальной Центральной Азии. Большинство населения обладает особой мусульманской религиозностью и этнической идентичностью с нарастающим интересом к независимости. С расширением приграничной торговли изоляции мусульман пришел конец, и близкие политические и религиозные связи с тюрками и таджиками стали лидировать в Центральной Азии. Это усиливает их религиозную и этническую идентичность и чувство сепаратизма от китайцев»¹².

В связи с особенностями реформенного времени Диллон пишет о том, что «Пекин, пытаясь контролировать Синьцзян путем проведения ускоренных экономических реформ, нарастил военное доминирование и иммиграцию хань. Поскольку реформы расширили контакты с мусульманскими общинами, то стабильный эффект от экономических

выгод может быть сильно перевешен ростом влияния политических исламских движений». Хотелось бы отметить, что тенденцию к этому дисбалансу мы действительно наблюдаем в последнее время. Продолжая, он делает прогноз о том, что «как военные репрессии, так и иммиграция хань приведут к углублению возмущения, и, в то время как милитаризация пограничных районов может сдерживать успехи сепаратизма в течение короткого времени, трудно себе представить, как Пекин сможет удерживать власть над районами южного Синьцзяна, Альтишахра и Или неограниченно) без грубых репрессий в широких масштабах, в особенности, если правительства независимых центральноазиатских республик будут дестабилизированы. По наихудшему сценарию (характерно, что Диллон, как и вообще западные авторы, чаще склоняются именно к наихудшему сценарию. — С.Г.) это сможет привести к внутриэтнической бойне, ответственность за которую понесут китайские вооруженные формирования»¹³. Автор задается прогностическим вопросом: «Или Синьцзян останется полностью интегрированным в Китай регионом, или станет полностью независимым от Китая самостоятельным государством?»¹⁴ Учитывая, что разница в материальном положении между хань и уйгурами, несмотря на некоторое снижение уровня бедности последних, сложно преодолима, Диллон делает вывод о том, что «социальное и экономическое разделение между хань и нехань будет обостряться и это будет скорее способствовать нарастанию этнических и религиозных конфликтов, чем их ослаблению»¹⁵. Он перекликается со сделанным годом ранее другим западным синологом, специализирующимся на изучении ислама, Глэдни наблюдением о том, что «если в войне терроризма расширяется пропасть между Западом и Китаем, с одной стороны, и мусульманскими общинами — с другой, в целом можно ожидать, что мусульмане (речь идет об этнических мусульманах, к которым этот автор относит уйгур. — С.Г.) в Китае будут все в большей мере признаваться как угроза государственности и социальной интеграции»¹⁶.

В контексте религиозной составляющей более углубленному пониманию сути современного уйгурского экстремизма, обусловленного социальными проблемами, а также вопросы национального самоопределения и сепаратизма, способствуют суждения современных западных сиологов В. Гуссара и Д. Палмера о том, что в условиях отсутствия какой-либо иной международной поддержки, фактически отсутствия занятости и возможности достижения материального успеха на фоне на-

растающей иммиграции хань, сопровождающейся вытеснением уйгурской традиционной культуры, ислам остается единственным духовным источником, к которому уйгуры обращаются¹⁷. Это, в свою очередь, создает духовно-религиозные основания для сепаратизма и экстремизма. В целом, по словам западных синологов, эскалация этнической напряженности между хань и уйгурскими мусульманами¹⁸ в условиях не снижающегося уровня бедности (или, вернее, медленно снижающегося. — С.Г.¹⁹), особенно в сельских районах проживания уйгуров, обостряет чувство их религиозной идентичности. В связи с этим хотелось бы добавить, что главным, на наш взгляд, отличием самоидентификации тюркоговорящих мусульманских народов является то, что представители ислама в этом регионе Китая считают себя последователями великой мировой религии. Они, в отличие от китайязычных хуэй, отгораживались от влияния традиционной китайской культуры.

С оценками Диллона сближается позиция российского исследователя О.В. Зотова. Особый интерес, на наш взгляд, вызывает одна из его статей, опубликованных в 2011 г., «Черный центр Евразии, или “Брод в кипятке”»: Восточный Туркестан как эпицентр глобальной геополитики»²⁰ именно в силу высказанных в ней мрачных прогнозов, которые, к сожалению, три года спустя отчасти начали сбываться. Автор рассматривает Синьцзян в числе 8 региональных горячих зон соприкосновения России, Китая и Индии (Фергана, Таджикистан, Афганистан, Северный Пакистан, Белуджистан, Кашмир, Тибет), в которых «борьба за социальную справедливость ведется под знаменем исламского фундаментализма»²¹. Но, по его мнению, «ни один конфликт в Азии не достигает такой многосторонности и такого всеобъемлющего характера, как в Синьцзяне»²². Хотя автор не употребляет термин «религиозный экстремизм», однако в содержании статьи отчетливо прослеживается подтекст радикального ислама. Рассматривая проблему в геополитическом контексте, он подчеркивает то, что «Синьцзян граничит со Средней Азией и Средним Востоком — исламскими регионами повышенной напряженности, военных и полувоенных конфликтов. Здесь, на Большом Ближнем Востоке, синьцзянские инсургенты пользуются немалой поддержкой и воюют в том же Афганистане»²³. В настоящее время они одержимые идеями отделения Восточного Туркестана и включения его в халифат, под лозунгами религиозного экстремизма воюют в ИГИЛ, куда направляются через Малайзию. Кроме того, они периодически, несмотря на все предпринимаемые властями попытки, устраивают терро-

ристические акты на территории КНР. Возвращаясь к статье Зотова, хотелось бы особо отметить, что он еще в 2011 г. справедливо указал на серьезную опасность для стран-участниц ШОС, созданной 15 лет назад отчасти с целью борьбы с исламским экстремизмом, появления «геополитических мусульманских образований»²⁴, что и подтвердилось в форме ИГИЛ несколько лет спустя.

В относящейся уже к периоду, характеризующемуся нарастанием религиозного исламского экстремизма, статье А.В. Ломанова «Китай обойдется без референдума», написанной в октябре 2014 г., отмечается, что «власти страны обеспокоены быстрым проникновением в Синьцзян идей радикального ислама»²⁵. И далее констатируется, что «такими частыми и кровавыми нападения на мирных жителей не были никогда — за последний год (речь идет о 2014 г. — С.Г.) вылазки уйгурских боевиков унесли жизни более 200 человек»²⁶. В статье приводится хроника самых кровавых проявлений 2013—2014 гг. религиозного экстремизма в КНР²⁷, а далее говорится об ответных мерах государства. «Власти отвечают суровыми приговорами (пойманные участники кровавых событий, как правило, получают высшую меру наказания) и усилением контроля. Обещаны солидные денежные вознаграждения за информацию о террористической деятельности»²⁸. А.В. Ломанов указывает на то, что «особую тревогу у властей вызывает активное распространение в Интернете информации о терроризме, которая служит радикалам источником вдохновения и руководством к действию. Подсудимые по делу о трагедии в Куньмине заявили, что на их вылазку повлияло изучение видео- и аудиоматериалов зарубежных радикальных групп». Китайские СМИ сообщают также о том, — пишет далее Ломанов, — что уйгурские боевики в рядах организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) налаживают связи с международными группировками и приобретают «боевой опыт». Автор подчеркивает, что «недостаточность отдельных мер по контролю над содержанием Интернета и передвижением людей убеждает китайские власти в необходимости принятия всеобъемлющего закона о борьбе с терроризмом»²⁹. В заключении этой статьи делается чрезвычайно важный вывод о том, что «власти осознали, что речь идет не о теологических спорах, а об угрожающих безопасности страны попытках фундаменталистов взять под свой контроль жизнь религиозных общин»³⁰.

Что касается диссертационных исследований, то в большинстве из них современный исламский религиозный экстремизм рассматривает-

ся не на примере КНР, а на других региональных реалиях. Применительно к китайской специфике, в ракурсе международных отношений и внешней политики данный вопрос анализируется в защищенной в 2015 г. диссертации А.С. Мавлоновой «Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии». Автор выдвигает тезис о том, что «сепаратистские тенденции в СУАР имеют свои отличительные черты». Для доказательства этого диссертант выделяет «пять зон» Синьцзяна, анализирует их особенности и в результате приходит к важному выводу. «Для Западной и Южной зон характерен сильный уклон на ислам; требования сепаратистов в Северной зоне носят политический характер, для них самой главной целью является создание независимого государства с республиканской формой правления; для Восточной и Западной зон преобладающей идеологией является пантюркизм; для Центральной зоны характерна ярко выраженная этническая окраска». В качестве причин политической слабости уйгурского движения названы «разногласия в обозначенных зонах, превалирующие над стремлением к объединению».

В соответствии с наиболее актуальными тенденциями Мавлонова делает важный прогноз о том, что «в настоящий момент в связи с тяжелой обстановкой на Ближнем Востоке серьезная угроза безопасности региона может исходить от набирающей силу террористической группировки “Исламское государство”, контролирующей часть территорий Ирака и Сирии. Нет никакой гарантии, что радикалы из Синьцзяна в ближайшее время не заручатся поддержкой ближневосточных экстремистов»³¹.

Эта мысль перекликается с определениями собственной статьи 2015 г. автора этих строк, в которой говорилось об активизации исламского религиозно-политического экстремизма, направленного на дестабилизацию существующего государственного строя, что «является серьезным вызовом современному китайскому обществу. Власти КНР отвечают на него не только силовым противостоянием, но и мерами по развитию региона, делают попытки решить эту проблему, в которой слились национальный, религиозный и социальный вопросы, на основе понимания истоков этого негативного феномена»³².

В заключение хотелось бы отметить, что содержание приведенных в статье работ отечественных и западных ученых свидетельствует о том, что проявления религиозного экстремизма в среде тех уйгур, которые

являются последователями радикального ислама, так или иначе непосредственно связаны с терроризмом и сепаратизмом. В связи с последними событиями, происходящими в мире, и в том числе затрагивающими КНР, данная тема требует более пристального научного изучения, особенно внутренних (социальных, межнациональных, религиозных и др.), а также внешних причин этого явления, его исторической подоплеку и современного контекста.

Примечания

¹ Терроризм и религия / под ред. В.Н.Кудрявцева. М., 2005. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999). М., 2001.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ А.А.Москалев указал, что к наиболее крупным национальностям мусульман среди других относятся хуэй (более 8 млн) и уйгуры (более 7 млн). (К настоящему времени число их увеличилось. — С.Г.) Хуэй разбросаны по всему Китаю. В составе Синьцзян-Уйгурского автономного района имеется пять автономных округов других (помимо уйгуров, которые составляют 80 % населения) национальностей (монголов, казахов, киргизов, хуэй) и шесть автономных уездов (в которых национальностями, осуществляющими автономию, являются казахи, монголы, таджики, сибя, хуэй). Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Оживление религиозной жизни наблюдалось в Синьцзяне, как указывает Москалев, с середины 80-х гг. XX в., когда «некоторые ахуны, воспользовавшись новой ситуацией, попытались (судя по сообщениям лояльных КПК ответственных мусульманских деятелей) как бы явочным порядком восстановить у себя на местах некоторые старые исламские правила (например, обязать верующих платить им «десятину», подвергать дискриминации и даже побоям тех, кто отказался от веры, и т.п.)». Там же. С. 137.

¹⁰ Dillon M. Xinjiang — China's Muslim Far Northwest. L. N.-Y., 2004.

¹¹ Ibid. P. IX.

¹² Ibid. P. 166.

¹³ В качестве современного примера, подтверждающего прогноз Диллона, можно привести события, происшедшие в указанном им районе уже 9 лет спустя после выхода его книги, летом 2013 г., когда толпа протестующих против закрытия мечети экстремистски настроенных против хань мусульман взяла штурмом китайский полицейский участок города Люкчун. Это протестное, направленное против хань выступление было подавлено подразделениями вооруженной народной полиции. *Головнин В.* Кровавый бунт на Западе Китая. URL: echo.msk.ru/blog/golovnin/11057078-echo

¹⁴ Ibid. P. IX.

¹⁵ Ibid. P. 158.

¹⁶ *Gladney D.C.* Islam in China: Accommodation or Separatism? // *The China Quarterly*. 2003. № 174. P. 467.

¹⁷ *Goossaert V., Palmer D.* The Religious Question in Modern China. Chicago, 2011. P. 379.

¹⁸ Ibid. P. 400.

¹⁹ К 2016 г. СУАР оставался одним из беднейших районов КНР.

²⁰ *Зотов О.В.* Черный центр Евразии, или «Брод в кипятке»: Восточный Туркестан как эпицентр глобальной геополитики//Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т Востоковедения РАН. М., 2011. С. 190—199.

²¹ Там же. С. 191.

²² Там же.

²³ Там же. С. 192.

²⁴ Там же. С. 198.

²⁵ *Ломанов А.В.* Китай обойдется без референдума. URL: Globalaffairs.ru/global/-processes/kitai-oboidetsya-bez-referenduma-17/071.

²⁶ Там же.

²⁷ «Нынешняя волна началась в октябре 2013 г., когда на площади Тяньаньмэнь, в самом сердце китайской столицы, автомобиль протаранил заграждение и загорелся. В марте 2014 г. группа людей с ножами напала на мирных граждан, находившихся на вокзале в Куньмине (дело происходило на другом конце страны в юго-восточной пров. Юньнань). В мае прогремел взрыв на рынке в Урумчи. В июле резня в синьцзянском уезде Шачэ и ответные действия силовиков унесли жизни почти 100 человек. Тревожным знаком стало убийство лояльного властям пожилого имама в Кашгаре, свидетельствующее о расколе внутри уйгурской общины и попытках радикалов подчинить себе умеренные силы». Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Закон о противодействии терроризму был принят в конце 2015 г. и вступил в действие 1 января 2016 г.

³⁰ *Ломанов А.В.* Указ. соч.

³¹ *Мавлонова А.С.* Проблема уйгурского сепаратизма в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии. М., 2015. С. 198.

³² *Горбунова С.А.* Религиозный экстремизм — вызов современному китайскому обществу // Новые аспекты социально-политического развития КНР // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ (Москва, 18—19 марта 2015 г.) // Информационные материалы. Вып.22. М., 2015. Ч. 1. С. 135—144.

*Николай Владимирович Анисимцев,
к.и.н., с.н.с. ИДВ РАН*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Аннотация. Формирование новой системы гражданского права после 1978 г. прошло три этапа: начальный период строительства рыночной экономики (1978—1992 гг.), строительство «социалистической рыночной экономики» (1992—1998 гг.), третий этап модернизации Китая, который широким фронтом начался на рубеже «нулевых» годов. Китайские законодатели добились выдающихся результатов в строительстве гражданского права своего общества, но задача формирования всеобъемлющего ГК пока не решена. Но подготовительная работа над ГК продолжается.

Ключевые слова: гражданское право, модернизация, общие положения гражданского права, коммерческое право, Закон о вещных правах.

Annotation. The formation of a new system of civil law since 1978 has passed three stages: the initial period of construction of market economy (1978—1992), the construction of a «socialist market economy» (1992—1998), the third stage of China's modernization on a broad front began at the turn of the century. Chinese lawmakers have achieved outstanding results in the construction of civil law of their society, but the task of forming a comprehensive Civil Code is not yet resolved. But preparatory work on the Civil Code is continued.

Keywords: civil law, modernization, general provisions of civil law, commercial law, real rights law.

Исследование формирования гражданско-правовой системы КНР важно для понимания закономерностей, специфики и проблем модернизации КНР на современном этапе.

К началу «курса реформ и открытости» в 1978 г. Китай уже имел некоторый собственный опыт гражданского и коммерческого законодательства. Ещё в эпоху правления династии Цинь сложился и действовал обширный свод казусов, именовавшийся «Основные законы и постановления Великой династии Цин» (*Дацин люйли*), отдельные положения которого служили регулированию отношений частной жизни. Многие положения этого средневекового кодекса использовались судами Китая вплоть до 1931 г.

В конце XIX в. иностранные советники при Цинском дворе ознакомили династию с гражданскими кодексами (далее — ГК) Японии и Германии, тогда же был подготовлен и первый проект ГК Китая. Но первый ГК Китая был разработан и промульгирован только в 1929—1930 гг. (частями) в период Китайской Республики, под властью партии Гоминьдан. Он функционировал до провозглашения образования КНР 1 октября 1949 г.

Новая революционная власть сразу же прекратила действие гоминьдановского ГК и приступила к подготовке своего кодекса. В последующие годы было сделано две попытки подготовить и принять ГК — в 1954 г. и в 1962 г. Обе попытки были оборваны политическими кампаниями тех лет.

Изначально в Китае гражданское право жёстко увязывалось с функционированием «товарной экономики». Поскольку под руководством Мао Цзэдуна существование в КНР «товарной экономики» оспаривалось, то и потребность в развитии частно-правовых отношений и гражданского права не осознавалась должным образом. Только после смерти Мао существование товарной экономики при социализме было признано, была признана и потребность в гражданском праве. Но к началу «курса реформ и открытости» в 1978 г. сфера правового регулирования гражданско-правовых отношений представляла собой фактически правовую пустыню: реально существовали и функционировали лишь два закона — Закон о земле и Закон о браке.

С самого начала реформ на рубеже 1980-х годов в руководстве партии и государства наметились два различных подхода к задаче правового строительства. Пэнь Чжэнь, председатель комиссии ВСНП по законодательной работе и вице-председатель КНР, предложил одновременно

готовить ГК страны и принимать отдельные законы, чтобы сформировать гражданскую правовую систему «за один шаг». Но подобный подход должен был столкнуться с огромным количеством трудностей: правовая наука страны, область сравнительного права находились в зачаточном состоянии. Руководство страны и научная общественность рисковали надолго погрузиться в умозрительные теоретические дискуссии, далекие от повседневной жизни страны. Иной подход предложил Дэн Сяопин — осуществлять правовые реформы постепенно, разрабатывать законы и проекты поэтапно, оперативно откликаясь на актуальные требования жизни. Возобладал подход Дэн Сяопина: руководство Китая приступило к опережающей разработке и принятию отдельных законов, а разработка Гражданского кодекса в целом осуществлялась второй очередью.

В процессе формирования современной гражданско-правовой системы КНР с 1978 г. просматривается три основных этапа¹.

В первый период преобразований (1978—1992 гг.) приоритетом государства стало принятие отдельных, самых неотложных гражданско-правовых актов.

С целью дать импульс развитию производительных сил, улучшить жизнь народа ставка была сделана прежде всего на привлечение иностранного капитала и технологий. С этой целью был принят ряд законов. В 1979 г. 2-я сессия ВСНП приняла Закон о совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом². В 1986 г. 4-я сессия ВСНП 6-го созыва приняла Закон о предприятиях иностранного капитала. В 1988 г. 7-я сессия ВСНП приняла Закон о кооперационных предприятиях с китайским и иностранным участием. Данные три закона помогли привлечь в страну иностранный капитал, насытить страну передовыми зарубежными технологиями и опытом управления, дали в целом позитивные результаты. И хотя они претерпевали некоторые ревизии, тем не менее дожили до сего дня и продолжают функционировать.

Не меньшее значение имело и принятие ряда нормативных актов, призванных раскрепостить процесс внутреннего накопления капитала и его инвестирование в предпринимательство. Госсовет принял серию соответствующих указов: «Положения КНР о преобразовании хозяйственного механизма промышленного предприятия общенародной собственности», «Временные положения об ответственности за арендное управление промышленными предприятиями общенародной собственности», «Временные положения об арендном управлении малыми промышлен-

ными предприятиями общенародной собственности», «Положения о волостных и деревенских предприятиях коллективной собственности», «Временное положение о частных предприятиях». Они открыли простор для развития внутренних сил рыночной экономики.

По мере развития товарного производства, отношений рыночного обмена, распределения, роста потребления элементы рыночной экономики всё чаще обнажали несовершенство, недостаточность административных методов руководства экономикой, становились очевидными огромные преимущества договора как инструмента распределения прав и обязанностей между участниками процесса товарно-рыночных отношений. И руководство страны принимало необходимые для разрешения данной проблемы шаги. В 1981 г. 4-я сессия ВСНП 5-го созыва утвердила Закон о хозяйственных договорах. В 1985 г. на сессии ВСНП его Постоянный комитет (ПК) принял Закон о внешнеэкономическом договоре. А в 1987 г. ПК ВСНП утвердил Закон о техническом договоре. В марте 1999 г. 2-я сессия ВСНП приняла Закон о договорах, который стал базовым документом современной КНР. Эти законы в совокупности содействовали утверждению в хозяйственной жизни Китая принципов равноправия и эквивалентности обмена, самостоятельности и ответственности субъектов правоотношений.

В процессе развития рыночных отношений всё отчетливее проявлялась роль нематериального, интеллектуального имущества, значение патентов и марок. О своих социальных и экономических правах и интересах всё чаще заявляли изобретатели, новаторы. И руководство Китая предприняло серьёзные шаги для защиты интеллектуальной собственности, обеспечения прав этой категории граждан. В 1982 г. ВСНП утвердило Закон о товарных знаках, в 1984 г. ПК ВСНП 6-го созыва утвердил Закон о патентах, в 1990 г. ПК ВСНП 7-го созыва принял Закон об авторском праве. Принятые законы дали стимул изобретательству и научному творчеству, способствовали международному сотрудничеству в сфере охраны прав интеллектуальной собственности.

Процессом развития товарно-денежных отношений была затронута и социальная сфера, семейно-брачные отношения. В новых исторических условиях старый Закон о браке от 1950 г. не соответствовал новым явлениям жизни, он неоднократно подвергался ревизии, последний раз — в 2001 г. В 1985 г. был принят новый Закон о наследовании. В 1992 г. принят Закон об усыновлении, он был ревизован в 1998 г. Ими были определены новые нормы семейно-брачных отношений.

Эти меры позволили оперативно запустить процесс рыночных преобразований экономики и социальной сферы.

Историческая речь Дэн Сяопина, произнесённая во время его путешествия на юг Китая в 1992 г., открыла новый, следующий этап, обозначила новые актуальные акценты в социальном и политическом развитии страны, дала мощный импульс нововведениям в сфере гражданского законодательства. XIV съезд КПК в октябре того же года подтвердил курс Китая на формирование общества «социалистической рыночной экономики».

В 1980-е годы и позднее в науке КНР протекали острые дискуссии о природе и о сфере гражданского права. Является ли гражданское право по своей природе частным или публичным правом? Существует ли наряду с гражданским правом и «экономическое право»³ (нормы которого имеют не диспозитивный, а императивный характер)? Эти дискуссии между «цивиристами» и «экономистами» (в смысле, приверженцами «экономического права» как инструмента публично-правового вмешательства в экономику) продолжались активно до начала 1990-х годов. С 1992 г. идеи «экономического права» были потеснены концепцией «социалистической рыночной экономики», провозглашённой Дэн Сяопином и нацеливающей страну на углубление рыночных преобразований. Споры поутихли, и китайский законодатель сосредоточился на активном принятии законов в сфере коммерческого права (в Китае коммерческое право не обособляется от гражданского).

В 1992 г. принимается Закон о морской торговле; в 1993 г. — Закон о компаниях; в том же году — Закон о защите прав потребителей; далее, 1995 г. — Закон о гарантиях; 1995 г. — Закон о страховании; 1995 г. — Закон о векселях; 1997 г. — Закон об артелях предприятий; 1998 г. — Закон о ценных бумагах; 1999 г. — Закон о контрактах; 1999 г. — Закон об индивидуальном самостоятельном предприятии; 2001 г. — Закон о посредничестве; 2002 г. — Закон о подряде сельских земель; 2006 г. — Закон о банкротстве; 2007 г. — Закон о вещных правах; 2008 г. — Закон о государственных активах предприятий; 2009 г. — Закон об ответственности за нарушение прав (о деликтной ответственности); 2010 г. — Закон о применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц.

Принятие новых законов сопровождалось частой правкой ранее принятых законов. Поправки вносились в Закон о браке, Закон об артелях предприятиях, Закон о компаниях, Закон о страховании, Закон

о ценных бумагах, Закон о предприятиях совместного капитала, Закон о предприятиях иностранного капитала, Закон о кооперационных предприятиях с китайским и иностранным участием, Закон о товарных знаках, Закон о патентах, Закон об авторских правах.

Повсеместно утверждались частно-правовые нормы.

В эти два десятилетия — 1980—1990-е годы — параллельно велась подготовка единого Гражданского кодекса. Созданная в 1979 г. внутри Комитета по законодательству при ВСНП группа к маю 1982 г. представила третий проект ГК, и в 1986 г., наконец, были приняты «Общие положения гражданского права».

Документ по настоящее время является наиболее общим выражением гражданского законодательства КНР и занимает место своеобразного Гражданского кодекса. Введен в действие с 1 января 1987 г. Документ содержит 9 разделов, 156 статей. По содержанию он охватывает трактовку общих принципов гражданского права, систему гражданских субъектов, систему правовых действий, представительства, прав и ответственности граждан, систему исковой давности и т. д. Как пишут китайские учёные Сунь Сяньчжун и Чжан Чжэнчжан⁴, документ утверждает рациональные подходы на уровне основных норм социалистической государственной и коллективной собственности: отныне такие гражданские права, как личные, вещные, обязательственные, интеллектуальной собственности, больше не третируются как капиталистические права и взгляды. Принятием этого документа законодатель признал, что наряду с государством существует сильное гражданское общество и гражданское право, и они регулируются нормами частного права. Их объектом регулирования являются личные и имущественные отношения равноправных субъектов. Переход имущества из рук в руки осуществляется через посредство правовых действий: купля/продажа, бартер, дарение. Даже переход имущества как бы недоговорным образом (наследство, компенсация за ущерб) также следует принципу справедливости, равенства, соблюдения прав человека, т. е. также соответствует принципам рыночной экономики и гражданского права. Принятие «Общих положений ГК» было завершением серьёзной идейной и политической борьбы в китайском руководстве и заложило правовой базис для дальнейшего совершенствования гражданского законодательства в КНР.

На рубеже «нулевых» годов модернизация КНР вступает в новую стадию. В 2001 г. КНР была принята в ВТО. Модернизация распространяется не только в социально-экономическую, но и общественно-поли-

тическую сферы жизни страны. Это побудило руководство страны с новой энергией взяться за подготовку полного Гражданского кодекса.

Третий этап правовой модернизации начался, когда в 1998 г. ВСНП образовал группу из 9 выдающихся учёных, и с их помощью была принята стратегия «трёх шагов»: предполагалось принять завершённый Закон о договорах, далее, в течение 4—5 лет подготовить и ввести Закон о вещных правах и, наконец, к 2010 г. завершить полный текст Гражданского кодекса.

Эта группа в 1999 г. приняла Закон КНР о договорах, и тем самым система контрактов приобрела единство, унификацию.

В декабре 2002 г. ПК ВСНП провёл слушания по так называемому сентябрьскому проекту ГК. Проект опять не был принят. В 2004 г. план законотворческой деятельности вновь был изменён: работа над ГК приостановлена, решено возобновить дискуссии по Закону о вещных правах.

Постепенно, через череду обсуждений к марту 2007 г. был подготовлен и принят и Закон о вещных правах.

В итоге на 2011 г. гражданско-правовая система КНР включила в себя 33 действующих закона. Это законодательство активно работает, применяется в стране. Так, в 2010 г. суды рассмотрели 6 112 695 гражданских и коммерческих дел (что составило 61,34 % от общего числа судебных дел в стране за год)⁵.

Что же касается единого Гражданского кодекса, то он остаётся в повестке дня. Дискуссии на разных площадках продолжаются. К примеру, в сентябре—октябре 2014 г. под эгидой Академии общественных наук Китая прошла ежегодная масштабная конференция Общества изучения китайской цивилистики⁶, посвящённая проблемам содержания ГК.

Интересный анализ задач китайских законодателей в сфере гражданского права предлагает проф. Ян Лисинь (университет Жэньминь дасюэ)⁷. Для завершения формирования гражданского права КНР необходимо ещё принять: 1) единый полный ГК; 2) Закон о личных правах; 3) Общий кодекс обязательственного права; 4) осуществить ревизию Закона о гарантиях. На этом работа будет в основном завершена.

Проблема действующих Общих положений гражданского права в том, что они сформулированы слишком обобщённо и неполно. У законодателей нет единства мнений даже по структуре необходимого стране Гражданского кодекса.

Ещё одна дискуссионная проблема — Закон о личных правах. Комитет правовой работы при ПК ВСНП, разработчики проекта кодекса

настаивают, что закон должен быть принят отдельно от ГК, вынесен за его рамки. Их аргументация: концепция прав человека в современном мире претерпевает стремительное развитие, изменения, появляются даже новые права (например, право на «приватность»). Более того, значение проблем прав человека выходит за рамки частного права, фактически это самая важная часть частного права, поэтому данный раздел нужно вынести за рамки кодекса. Оппонирующие им учёные считают, что понятие прав человека естественно сочетается с характером гражданской субъектности, трудно отделимо от гражданских субъектов. Поэтому проблематику личных прав желательно включать в ГК.

Проблема «Общих положений обязательственного права» также оказалась в фокусе полемики между научными кругами и законодательными органами. Законодатели выступают против их принятия, предлагают ограничиться тем, что в «Общие положения ГК» уже включена гл. 2 («Обязательственное право») раздела V, плюс уже существует Закон о договорах, который, как известно, является важнейшей частью обязательственного права. Научная общественность настаивает, что нужно также указать причины возникновения и прекращения обязательственных прав, их цели, виды, изменения и переходы, гарантии прав, т. е. призывает дать полную и конкретную характеристику обязательственного права.

Нет единого видения и «стилистики» будущего ГК. Как он будет написан, какой стиль формулировок предпочтут законодатели — будет ли ГК по своей архитектуре образцом «мягкого сочленения» или это будет «жёстко интегрированная форма»? Речь, по-видимому, идёт о том, насколько конструкция и формулировки кодекса будут эластичными, допускающими перестройки, ревизии, дополнения и сокращения, с нечёткими гранями и границами или же монолитными, полностью завершёнными, отторгающими коррективы. Законодатели скорее тяготеют к стилистике «мягкого сочленения».

Очевидно, что КНР, добившись за годы реформ выдающихся успехов в развитии современной рыночной экономики, соответствующего уровня современных гражданских правоотношений, качественных изменений в духовной и культурной жизни народа, в то же время испытывает значительные трудности в разработке и принятии гражданского кодекса.

Глубинный источник сложностей при разработке ГК и законодательства в целом коренится в самой природе частного права. Об этом

пишет Чень Цзяньфу⁸. Частная жизнь общества не должна тесно зависеть от тех или иных быстротекущих перемен в надстройке общества. Общество, отношения брака и семьи, собственности стремятся к устойчивости, к значительной степени автономии от действий власти, от экономических и политических перемен. Поэтому принципы частного, гражданского и коммерческого права стремятся к универсальным ценностям и сторонятся следования индивидуальным подходам и требованиям. Нормы гражданского права характеризуются абстрактностью и избегают партикуляризма, привязки к конкретике. Абстрактность норм и есть предпосылка их приемлемости для разных сторон, условие равноправия сторон, причина универсального распространения этих норм.

Но при этом возникает проблема: а какова роль и место социального государства в гражданско-правовом регулировании жизнедеятельности общества? Поиски ответа вылились в дискуссии о степени автономности частной жизни и степени, праве государства на интервенцию в экономическую и общественную жизнь, в споры между сторонниками универсального характера частного права и сторонниками права окказионального вмешательства (*ad hoc*) властей в конкретные ситуации с целью принятия индивидуализирующих, партикуляристских решений.

Законодательная политика Китая закономерно колеблется между этими двумя подходами — универсалистским и партикуляристским. Речь идёт о противоречии диалектического характера. Рассуждая философски, чем более динамична, агрессивна субстанция, тем более прочными должны быть стенки контейнера, сохраняющего её в целостности. И эти различие и взаимосвязь универсализма и партикуляризма выражают себя и в подходах к законотворческой работе.

Если в начале большого пути — «реформ и открытости» — руководство КНР отложило принятие ГК на будущее, исходя из неразвитости в Китае как рыночной экономики, так и правовой мысли, отсутствия практического и научного опыта, то в настоящее время принятие кодекса тормозится уже соображениями иного рода, политического характера.

Гражданский кодекс, в отличие от отдельных законов, является документом, закрепляющим большую политическую стратегию государства; это фактически вторая, социально-экономическая, конституция государства, выражающая его цивилизационный выбор. В отличие от законов, которые можно принимать, менять, отменять сравнительно легко и быстро, кодекс предполагает устойчивость, это долгосрочная

программа, фундамент множества других правовых конструкций. Принятием гражданского кодекса государство делает стратегический выбор, пересекает своеобразный Рубикон, связывает себя строгими обязательствами перед обществом на долгую перспективу.

Сегодня китайские законодатели выражают предпочтение менее строгим и определённым формулировкам, более «мягкой», эластичной архитектуре ГК. Они обсуждают возможность вынести вопросы кардинальной важности (личные права, вещное право, обязательственное право) за рамки ГК или хотя бы предварительно опробовать соответствующие законы вне его рамок. Они не торопятся с принятием самого ГК, отодвигая его принятие в неопределённое будущее. Данная тенденция означает, что руководство КНР отсрочивает для себя надвигающийся стратегический выбор.

По сути, под вопросом находится сам характер китайской модернизации, выбор будущего пути развития КНР — как сочетать социализм и рынок, публицитет и цивилизацию⁹? Руководство КНР, элита страны не торопятся сдать общество всецело во власть свободных буржуазных отношений, стихийных сил рыночной экономики, отпустить страну в процессы с непредсказуемым результатом. Поэтому оно стремится сохранить возможности оперативного вмешательства народного государства в сферу гражданско-правовых отношений с целью защиты ценностей социализма. Вот почему развитие гражданско-правовой системы КНР обдуманно сдерживается.

Можно предполагать, что гражданский кодекс КНР не будет принят, пока не сложится устойчивый и ясный баланс социализма и рынка с чётким водоразделом или пока не победит окончательно одна из тенденций.

Примечания

¹ Вопросы периодизации правовой эволюции КНР специально рассматривает Трошинский П.В. (Основные этапы формирования современной правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 4. С. 69—79.)

² С основными законами гражданского права КНР в переводах д.ю.н. Е.Г.Пашенко можно ознакомиться в сборнике — Гражданское законодательство КНР / пер. с кит. М., 1997.

³ Об «экономическом праве» см. подробнее: *Анисимцев Н.В.* Дуализм и гармония «социалистической системы права с китайской спецификой» // Реформы и право. 2013. № 2. С. 57—64.

⁴ См.: Чжунго фасюэ саньшинянь: хуйгу юй чжаньван. (Тридцать лет изучения права Китая: ретроспектива и перспектива) / под общ. ред. Ли Лин. Пекин, 2008.

⁵ The Evolution of PRC Commercial Law. 2012-11-17. URL: <http://www.xzbu.com/2/view-3664724.htm>

⁶ Чжунго минфасюэ яньцзюхуй 2014 няньняньхуй цзяньбао (Резюме ежегодной конференции 2014 г. Общества изучения китайской цивилистики). 2014.10.09. URL: http://www.cssn.cn/st/st_xhzc/st_shkxjclll/201410/t20141009_1354883.shtml

⁷ *Ян Лисинь.* Тюоку мимпотэн но риппо катэй оёби дзюё-на мондай: буккэн хо о тюсин ни (Процесс разработки и важные проблемы гражданского кодекса Китая: вещные права и др.) // Хитоцубаси хогаку, 10 (2): 51—73. — 2011-07. URL: <http://hdl.handle.net/10086/19271>

⁸ *Chen Jianfu.* Chinese Law: Context and Transformation. — Martinus Nijhof Publishers. Leiden, 2008.

⁹ О понятиях «публицитет» и «цивилизация» см.: Теоретические проблемы модернизации КНР: очерк российского китаеведения (1978—2015 гг.) // Историография Китая и Японии: актуальные вопросы и тенденции. М., 2015. С. 04—65.

*Татьяна Васильевна Лазарева,
к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН*

ДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ РАЙОННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ: ЭФФЕКТ, ТРУДНОСТИ, ИННОВАЦИИ

Аннотация. Закон КНР о районной национальной автономии, разработан на основе Конституции КНР 1982 г., опубликован и вступил в силу в 1984 г. (доработан в феврале 2001 г.). В Законе обобщен опыт национальной политики за 30 лет.

Практика 30-летнего применения Закона подтвердила его важную роль в совершенствовании системы национальной автономии, социально-экономическом развитии национальных регионов, создании системы национальных отношений, основанных на равенстве, единстве, взаимопомощи и стабильности. Следование Закону позволило национальным районам решить многие жизненно важные аспекты экономической и социальной политики, развить систему образования, медицину, улучшить жилищные условия, значительно снизить уровень бедности.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, совершенствование института национальной автономии, ускоренное развитие, образование, борьба с бедностью, медицинское страхование.

Annotation. The law of the PRC on regional national autonomy, developed on the basis of the Constitution of the PRC, published and entered into force in 1984 (as amended in February 2001), the Law summed up the experience of the national policy for 30 years.

Practice 30 years of application of the Law confirmed his important role in the improvement of the system of national autonomy, the socio-economic development of national regions, the establishment of a

system of national relations based on equality, unity, mutual assistance, and stability. Following the national Law allowed districts to significantly improve the economy, solve many vitally important aspects of social policy, to develop education, health care, improve housing conditions, to significantly reduce poverty, and to overcome negative tendencies of development of national regions.

Keywords: socio-economic development, improvement of the Institute of national autonomy, accelerated development, education, poverty, health insurance.

В Китае уже сформировалась национальная политика, в основе которой лежит Закон КНР о районной национальной автономии (далее Закон об автономии), и по настоящее время являющийся основным документом, регламентирующим национальную политику КНР. Во всех выступлениях руководящих деятелей страны по национальным проблемам, в основополагающих документах подчеркивается важность сохранения и совершенствования института национальной автономии.

Прошло 30 лет со дня принятия Закона об автономии, который сыграл заметную роль в экономическом и культурном развитии, сохранении государственного единства, обеспечении стабильности в национальных районах. С момента публикации Закона система национальной автономии постоянно развивалась и совершенствовалась.

В 1949 г. накануне провозглашения КНР основные принципы национальной автономии были закреплены в «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая», а в 1952 г. — в «Основных принципах осуществления районной национальной автономии КНР». Далее, в Конституции 1954 г. были определены политическое место районной национальной автономии и пути ее развития. В духе Конституции был разработан и опубликован Закон КНР о районной национальной автономии. На XV съезде КПК (1997 г.) система районной национальной автономии была включена в число трех основных частей политической системы наравне со Всекитайским собранием народных представителей и Политическим консультативным советом Китая. В 2001 г. внесение дополнений и исправлений в Закон об автономии позволило неханьским национальностям успешно развивать социально-экономические процессы в районах их проживания.

Закон об автономии принят в мае 1984 г. на 2-й сессии ВСНП 6-го созыва и вступил в силу в октябре 1984 г.¹ На тот период времени он яв-

лялся прогрессивным правовым документом по сравнению с ранее действовавшими «Основными принципами осуществления районной национальной автономии КНР».

Принятый Закон об автономии является основным конституционным документом, регулирующим осуществление института районной национальной автономии, и охватывает все аспекты деятельности национальных районов. Закон регламентирует и определяет взаимоотношения между центром и местными структурами власти, между народами разных национальностей в стране.

К районам, где осуществляется институт районной национальной автономии, относятся Автономный район Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский, Тибетский, Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, а также автономные административные единицы в провинциях Гуйчжоу, Юньнань и Цинхай, Сычуань, где компактно проживают представители неханьских национальностей.

На рубеже XXI в. многие положения Закона уже не отвечали требованиям современности, выявились и определенные его недостатки, хотя концептуально он и был признан вполне приемлемым. Кроме того, в принятую в 1982 г. Конституцию КНР трижды вносились изменения, и это также требовало соответствующих корректировок Закона об автономии. Главной целью его пересмотра в политическом отношении явилось обеспечение неханьцам возможности «должным образом» реализовывать право на национальную автономию.

В новой редакции Закон об автономии был принят 20-й сессией ПК ВСНП 9-го созыва 28 февраля 2001 г.²

В исправленном и дополненном Законе уделено внимание социально-экономическому развитию, инфраструктурному строительству и защите окружающей среды, развитию торговли, культуре, усилению финансовой помощи районам национальной автономии и многим другим. Среди социальных проблем особое внимание было обращено на наращивание помощи бедным национальным районам, ликвидацию нищенского существования значительной части неханьцев. В Законе появилось посвященное этому специальное положение. Позже статья о борьбе с бедностью была включена и в «Установления Госсовета о проведении в жизнь Закона КНР о районной национальной автономии» (2005 г.), о чем речь пойдет ниже.

При сравнении двух редакций Закона об автономии по многим важным позициям заметны существенные отличия. Новая редакция,

безусловно, является одним из важнейших достижений национально-правового строительства в КНР. И можно согласиться с китайскими исследователями, что в Китае существует особая китайская модель решения национальных проблем в многонациональных государствах.

Важным моментом является усиление политической роли системы национальной автономии. Было четко определено место политической автономии в государственной системе, рассмотрены основные вопросы ее функционирования.

Закон об автономии снабжен статьями, которые позволили местным органам разрабатывать отдельные положения, проводить экономическую, социальную, политическую и культурную политику с учетом рекомендаций центрального правительства и с учетом национальных особенностей. В исправленном Законе КНР об автономии также определены обязанности вышестоящих государственных органов относительно местных органов самоуправления. В 80-е годы прошлого столетия фактически впервые за все время существования районной национальной автономии эти права начали осуществляться на практике.

Одна из функций указанного Закона — социально-экономическое и культурное развитие национальных меньшинств. Китайское руководство, возглавляемое Си Цзиньпином, уделяет большое внимание развитию национальных автономий, используя для этой цели разноплановые меры.

Появление пересмотренного Закона изменило пути претворения в жизнь планов по развитию национальных районов, когда использовались в основном только политические методы. В процессе реформ выявились определенные недостатки чисто административных методов в многоступенчатой национальной политике, которые уже не удовлетворяли требованиям эпохи опережающего развития. Как отмечают средства массовой информации, благодаря Закону появились гарантии осуществления таких замыслов, как освоение западных регионов, адресная помощь, возрождение и развитие приграничных территорий и др.

Разработанные на базе Закона документы, такие как «Некоторые мнения ЦК КПК и Госсовета относительно углубления стратегии великого освоения западных регионов (Чжунфа. 2010. № 10), «Общие положения о помощи деревенской бедноте (2011—2020 гг.), «12-й пятилетний план по развитию национальных районов», «План возрождения окраинных районов (2011—2015 гг.)», «План поддержки малочисленных национальных меньшинств (2011—2015 гг.), «План перехода к оседло-

сти кочевых народов», «Некоторые положения Госсовета относительно развития культуры национальных меньшинств» и многие другие, способствовали корректировке многих статей Закона об автономии, повышению ответственности государственных и административных органов.

В то же время многие положения обновленного Закона об автономии по-прежнему носят абстрактный характер. Как и прежний вариант, новый пересмотренный документ не в достаточной мере снабжен сопутствующими правовыми актами, на что не раз обращалось внимание в средствах массовой информации.

Дальнейшее развитие Закона связано с принятием «Установлений Госсовета о проведении в жизнь Закона КНР о районной национальной автономии», которые вступили в действие в мае 2005 г.³ Содержание документа свидетельствует о социальной направленности национальной политики и своего рода смещении акцентов от политической направленности Закона об автономии к решению насущных социально-экономических задач в национальных районах страны.

Было зафиксировано наличие некоторых дополнительных прав органов самоуправления автономных районов по сравнению с обычными административными единицами. В частности, утверждалось право органов самоуправления проводить в жизнь указания, постановления и распоряжения вышестоящих государственных органов в измененном виде или же вообще приостанавливать их действие с учетом национальных особенностей. Причем оговаривалось, что подобные инициативы не должны противоречить Конституции КНР или Закону об автономии. Так, были внесены дополнения и изменения в положения об охране культурных памятников, об охране окружающей среды, о работе с письмами и жалобами населения, в Постановление об изучении, использовании и развитии национального языка и письменности, в законы о браке, о наследовании, о выборах, в Земельный закон, в Порядок работы сессий собрания народных представителей.

Принятый документ охватывает все стороны жизни национальных районов страны — политику, экономику, культуру, образование, здравоохранение, сохранение национальных языков и письменности, издание литературы на языках неханьских национальностей, подготовку кадровых работников, учителей, владеющих как путунхуа, так и местными национальными языками, обеспечение беднейших слоев неханьского населения одеждой и питанием. Причем ликвидация бедности рассматривается как одно из важнейших направлений национальной

политики, которому в документе посвящена отдельная статья. Проблема бедности остается в числе нерешенных и в настоящее время. Представляется, что поиски путей её решения в ближайшей перспективе по-прежнему будут актуальными.

С внесенными поправками, дополнениями и уточнениями Закон действует и в настоящее время.

Что же изменилось в национальных районах с принятием вышеобозначенных законодательных актов? Изменилось многое.

Так, согласно Закону неханьцы получили право быть избранными в местные органы самоуправления национальных образований и в высшие эшелоны китайского руководства, такие как ЦК КПК, ВСНП, НПКСК. В настоящее время неханьские национальности достаточно широко представлены в вышестоящих государственных и административных структурах.

Органами самоуправления в местах национальной автономии являются собрания народных представителей и народные правительства автономных районов, автономных округов и автономных уездов (хошунов). На пост председателя (или заместителя председателя) ПК местного СНП избирается представитель национальности, осуществляющей региональную автономию.

Органы самоуправления наделены правами развивать образование, науку, культуру и здравоохранение, сохранять и развивать национальный язык.

Заметное развитие получила социально-экономическая сфера регионов. До образования КНР районы, где осуществляется национальная автономия, характеризовались отсталостью производства и низким уровнем жизни. За истекшие годы условия труда и быта проживающих в районах национальной автономии граждан изменились до неузнаваемости. Многочисленные документальные публикации в средствах массовой информации служат красноречивым подтверждением достигнутым успехам.

В частности, сообщалось о существенных достижениях в экономике, защите окружающей среды, совершенствовании инфраструктуры, заметном повышении жизненного уровня населения. Много публикаций посвящено эффективному решению проблемы борьбы с бедностью, устойчивому росту доходов крестьян, стабильному повышению социального обслуживания, улучшению условий проживания, снижению уровня безработицы в городах и поселках. Кроме того, в нацио-

нальных образованиях развивается юридическая база, определенные гарантии получили законные права всех национальностей, значительно усилена правительственная финансовая поддержка, организована адресная помощь со стороны развитых регионов. Специальные меры были направлены на развитие образования, медицинского и культурного обслуживания. Так, обязательным 9-летним обучением уже охвачено более 90 % неханьского населения. С увеличением капиталовложений в социальную сферу введено медицинское и пенсионное страхование.

Между указанными достижениями и статьями Закона имеются тесные системные и логические связи. Можно сказать, что Закон способствовал созданию благоприятных условий и, как отмечает китайское руководство, стал эффективной гарантией осуществления всестороннего развития национальных районов.

Взятие курса на ускоренное развитие национальных районов позволило значительно увеличить рост экономики. По данным Государственного комитета по делам национальностей Китая на конец 2008 г., валовой внутренний продукт в национальных районах КНР равнялся 3 трлн 62,62 млрд юаней, в то время как в 1978 г. его объем составлял лишь 32,4 млрд юаней, т. е. повысился в 18,7 раза, а среднегодовой рост составил 10,2 %. За этот период увеличился среднедушевой ВВП в национальных районах с 248 юаней до 16 057,26 юаней⁴.

Планомерно и интенсивно развивается инфраструктура национальных районов, в развитие которой государство инвестирует большие средства. Первостепенное внимание направлено на рациональное строительство транспортных артерий: скоростных железнодорожных магистралей, путей воздушного сообщения, автодорожной сети.

По состоянию на конец 2008 г. в национальных районах Китая общая протяженность автодорог достигла 850 тыс. км, что в 2,5 раза больше показателя 1999 г.; протяженность скоростных автодорог и железных дорог составила соответственно 9353 и 19 617 км.

В автономных районах страны, по сообщению агентства Синьхуа, в основном сформированы автотранспортное, железнодорожное и воздушное сообщения.

Хотя успехи системы национальной автономии налицо, однако, как отмечают китайские исследователи, им сопутствует ряд проблем, которые нельзя не заметить. Процесс совершенствования системы районной национальной автономии продолжает сталкиваться с целым рядом имеющихся старых и возникающих в ходе проведения национальной

политики новых моментов. За 30 лет действия Закона об автономии в экономике были достигнуты грандиозные успехи. Однако неизбежно возникли и некоторые проблемы. Одна из наиболее острых — серьезное отставание западных регионов и районов проживания неханьского населения. Существенная разница с восточными регионами была заметна даже после десятилетий развития. Районы, населенные малыми народностями, серьезно отставали от районов, населенных ханьцами. Это стало главным противоречием национальных районов.

Сократившаяся после образования КНР разница вновь увеличилась, и наметилась тенденция к ее дальнейшему увеличению. Все это вызывает национальные и социальные противоречия и превращается в фактор нестабильности. По мнению политических кругов, в основе автономии кроме политических гарантий должны быть заложены основы экономического развития, что является не менее, а может и более важным. Отмечалось, что партия и правительство всегда четко понимали это. Еще в 50-е годы XX в. Дэн Сяопин заявлял, что «автономия без экономики пустая затея. Нацменьшинства надеются на пользу от автономии, если не решить экономические проблемы, может возникнуть смута»⁵. Как уже отмечалось выше, в XXI в. по мере увеличения суммарной национальной мощи центральное правительство стало обращать больше внимания на экономическое развитие национальных районов, на повышение благосостояния неханьского населения.

Согласно данным Государственного статистического управления КНР, в районах, где осуществляется институт районной национальной автономии, коэффициент бедности на начало 2013 г. составил 26,5 %⁶.

В соответствии с «Основными положениями национальной программы преодоления бедности в сельских районах Китая на 2011—2020 гг.», в конце 2011 г. на центральном рабочем совещании по вопросам оказания помощи в развитии бедных районов было принято решение о повышении границы бедности, соотносимой к среднедушевому чистому доходу крестьян, с 1274 юаней в 2010 г. до 2300 юаней, что на 92 % больше показателя 2009 г. (1196 юаней)⁷.

По сообщению агентства Синьхуа в апреле 2014 г., число нуждающихся на селе в 8 районах — Автономном районе Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанском, Нинся-Хуэйском, Тибетском, Синьцзян-Уйгурском автономных районах, провинциях Гуйчжоу, Юньнань и Цинхай, где в основном сосредоточено неханьское население страны, сократилось по сравнению с 2012 г. на 17,9 %. В Гуанси-Чжуанском ав-

тономном районе, провинциях Гуйчжоу и Юньнань число нуждающихся сельских жителей равнялось 20 млн 400 тыс. человек. На долю этих трех регионов приходится четверть общего числа нуждающихся в деревнях всей страны и 79,6 % от всех нуждающихся на селе в вышеуказанных 8 районах. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что проблема ликвидации бедности в национальных районах Юго-Западного Китая остается очень острой⁸.

Другой немаловажный фактор, влияющий на общую ситуацию в национальных районах, связан с нестабильностью обстановки в Тибете и Синьцзяне (двух крупнейших по территории автономных районов страны).

В последние годы, особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, значительно участились случаи антиправительственных выступлений уйгурского населения, столкновения между местными жителями (в основном принадлежащими к тюркским народам и исповедующими ислам) и этническими китайцами, проявления насильственных и террористических действий, включая покушения, поджоги, нападения на полицию и на мирных жителей, что связано с гибелью людей. За период 2011—2014 гг. только в Синьцзяне совершено более 20 террористических акций. Волнения также наблюдались в Тибете и Автономном районе Внутренняя Монголия.

Как сообщается, в 1990—2001 гг. от рук террористов «Исламского движения Восточный Туркестан» в Синьцзяне погибли 162 человека⁹. В 2009 г. в ходе самых крупных беспорядков в столице Урумчи были убиты около 200 человек и более 1600 получили ранения¹⁰.

Разжигание межнациональной розни при поддержке из-за рубежа, неблагоприятная международная обстановка, усиление действий международных террористических организаций усугубляют положение в национальных районах. Наличие подобных факторов, мешающих проведению политики районной национальной автономии, является предметом постоянного внимания руководства КПК, которое принимает усиленные меры для борьбы с проявлениями сепаратизма, терроризма, экстремизма.

На заседании Политбюро ЦК КПК, посвященном обеспечению социальной стабильности и долгосрочной безопасности в Синьцзяне, как сообщало агентство Синьхуа в мае 2014 г., говорилось о необходимости глубокого понимания длительности, сложности и остроты борьбы с сепаратизмом в автономном районе. Здесь же подчеркивалось, что акцент

в работе должен быть сделан на усилении борьбы с терактами, всестороннем претворении в жизнь политики КПК по вопросу малых народностей, повышении уровня их жизни, усилении внимания к трудоустройству местных жителей и приоритетном развитии южной части Синьцзяна¹¹. Уместно заметить, что южные районы Синьцзяна, населенные в основном уйгурами, считаются наиболее бедными. Большая часть антиправительственных выступлений приходится именно на долю южных поселений.

Межнациональные отношения внутри Китая, насколько можно судить по сообщениям информационных агентств, все еще не удовлетворяют китайское руководство. В связи с созданным положением принимаются усиленные меры для предотвращения инцидентов террористического характера.

Выход из такой сложной ситуации, как уже отмечалось выше, займет немало времени, потребует от китайского руководства многих усилий. Ставка на ускоренное социально-экономическое развитие, которое должно предотвратить недовольство неханьского населения, антиправительственные выступления, остановить проявления сепаратизма, терроризма и экстремизма, пока не достигла целей. Значительное сокращение числа бедного населения также не привело к ликвидации этого явления. Задача построить среднезажиточное общество к 2020 г. — задача очень сложная.

В подходах ученых к развитию социально-экономической гармонии существует точка зрения о том, что только экономическими средствами бедность победить невозможно.

Тем не менее по заявлениям правительственных кругов, взятый курс на социально-экономическое развитие будет продолжаться. Положительным моментом является постановка решения этой проблемы во главу национальной политики, наличие программы действий, поддерживающей стабильность в стране.

В XXI в. во внутренней и международной обстановке произошли глубокие перемены. Все нации, большие и малые, продвинутые и отстающие, испытывают на себе давление рыночной открытости. По мере развития социалистической рыночной экономики и изменения модели роста, особенно после вступления в ВТО и начала великого освоения западных регионов, национальные автономии Китая, отличающиеся национальным и географическим разнообразием, сложностью исторических условий, стоят перед лицом серьезных вызовов. Для развития

национальных автономий требуются новое мышление, новые пути их совершенствования.

К юбилею Закона об автономии в китайской печати появился ряд аналитических статей, в которых обращается внимание на факторы, тормозящие развитие института национальной автономии. Многие из них лежат в правовой сфере. По мнению китайских аналитиков, законотворческая деятельность по-прежнему сильно отстает. Отмечается слишком общий характер Закона, декларативность и недостаточная конкретность многих статей, что приводит к искажению объективной реальности и требует необходимой детализации. Кроме того, отмечается наличие противоречий между автономной и высококонцентрированной центральной властью, что связано с недостаточной четкостью разграничения функций автономий и центра.

В этом направлении, по заявлению китайских политологов, идет постоянный поиск гармонизации отношений между центром и регионами, по мере углубления реформ системы управления развивается конституционное строительство. Выдвигается идея о необходимости разграничения прав и обязанностей государственных органов по горизонтали и разграничение центра и регионов по вертикали. Разграничение, по их мнению, будет способствовать здоровой конкуренции, препятствовать злоупотреблению властью и коррупции. Государство должно передавать больше функций нижестоящим органам, чтобы они брали на себя больше ответственности по местным проблемам. Все перечисленные факторы серьезно влияют на эффективность исполнения Закона.

Так, Ван Юнь из Юридического колледжа Юго-Западного университета национальностей (г. Чэнду, пров. Сычуань) относит к числу сдерживающих факторов недостаточное количество местных положений об автономии или их полное отсутствие. Он связывает это с повышенными требованиями к содержанию положений, сложностью механизма подачи заявок, порядка их принятия и дальнейшим утверждением ПК ВСНП, что существенно сдерживает законотворческую активность регионов. Поскольку процедура принятия актов местного значения сравнительно простая, а их содержание не противоречит Конституции, местные решения часто «подменяют» отдельные положения, и почти нет примеров обратной замены.

Кроме того, местные постановления более приближены к местным политическим, экономическим и культурным особенностям, более удобны для воплощения в жизнь, направлены в основном на детализа-

цию отдельных статей и являются своего рода юридическими гарантами социально-экономического развития. В то же время содержание положений, разработанных во многих автономиях, носит нечеткий характер и практически не выполнимо.

Следует пояснить, что есть общий Закон о районной национальной автономии, но нет отдельных местных законов об автономии, касающихся конкретных автономных районов. Отсюда возникает объективная необходимость в толковании отдельных положений данного общегосударственного Закона применительно к условиям и потребностям того или иного национального образования, сильно различающимся между собой по многим параметрам.

В связи с этим в национальных районах принимается большое число постановлений местного значения в дополнение Закона. Это видно на примере законотворчества в Автономном районе Внутренняя Монголия, где за период 2000—2009 гг. было разработано 106 законодательных актов и только 1 представлял отдельное положение, которое было скорректировано ПК СНП автономного района. В Тибетском автономном районе из разработанных с 2000 по 2010 г. 59 актов к отдельным положениям относятся — 2, остальные положения носят окружной или уездный характер. Схожая ситуация имеет место и в других автономных районах¹².

В этой проблеме фактически отражены трудности выполнения закона, связанные с регулированием отношений и интересов различных административных органов и местных властей. Конкретные положения об автономии должны затрагивать отношения центра и регионов, вышестоящих органов и органов автономии, китайских законов и местных положений. До сих пор ни в одном из 5 автономных районов не разработаны собственные положения об автономии, за что несут ответственность вышестоящие государственные органы. В разработке положений об автономии центральные органы играют ведущую и определяющую роль, а автономии, являясь одним из субъектов, играют пассивную роль. Если автономии в соответствии с необходимостью реформ принимают меры с учетом местных условий, вышестоящие органы иногда осуществляют ненужное вмешательство. По мнению Дай Сяомина, профессора Южно-Китайского университета национальностей, необходимо как можно скорее разработать местные положения. Он считает, что государственные органы должны занять активную позицию и преодолеть ошибочные взгляды, мобилизовать активность местных авто-

номных органов, что будет способствовать их социально-экономическому развитию. При единстве китайских законов необходимо разработать положения, гарантирующие осуществление автономных прав¹³.

Эксперт юриспруденции Ван Юнью считает, что в толковании Закона со стороны местных административных и высших государственных структур имеются разночтения. Часто прописанных прав бывает недостаточно для решения на местах возникающих вопросов, что требует помощи и поддержки вышестоящих органов.

Наличие подобных несоответствий, по мнению китайских ученых, указывает на отсутствие в исправленном варианте Закона об автономии четкого указания на регулирование отношений между органами Госсовета КНР и органами местных народных правительств автономных образований. Ограничение законодательных прав автономий со стороны центральных органов под предлогом «защиты государственных интересов» способствует возникновению противоречий между основными законодательными и административными положениями и положениями, разработанными органами власти автономий.

В печати в качестве сдерживающих факторов развития национальных регионов называется также нехватка национальных кадров, их низкий профессиональный уровень, большая текучесть, недостаточное представительство национальных кадров в низовых структурах государственной и административной системы. В связи с этим считается необходимым повысить долю национальных кадров в местных органах самоуправления, гарантировать их законные права на представительство, обеспечить на практике национальное самоуправление, преодолеть систему обязательного назначения на должность председателя или заместителя представителя неханьской национальности, усилить «национальный фактор»¹⁴.

Китайский ученый Сюн Вэньчао из Юридического колледжа Центрального университета национальностей обращает внимание на ограничение гарантированных прав дисперсно проживающих народов, хотя в Законе об автономии имеются положения, специально направленные на их защиту. По его мнению, законотворчество по защите прав этой категории неханьского населения существенно отстает и в этом направлении еще необходимо работать. Закон об автономии в принципе рассчитан на компактно проживающие национальные меньшинства, и это определило его ограниченность в плане дисперсно проживающих народов. Высказывается соображение о необходимости разработать за-

кон о гарантии национальных интересов дисперсно проживающего неханьского населения, что позволит защитить его интересы. Необходимость такого закона авторы мотивируют социальными переменами, в результате которых многие неханьцы покидают свои автономии и расселяются по всей стране¹⁵.

Оценивая значение и роль Закона об автономии на современном этапе, подчеркивается, что с началом политики реформ и открытости, особенно после вступления в новый век, в национальной политике Китая произошли большие перемены. Национальная работа стала актуальна не только для автономных, приграничных и сельских районов, но и для современных развитых городов. Она переместилась из зоны плановой экономики в зону рыночной. Кроме того, в современной национальной работе тесно переплетаются международные и внутренние факторы.

Профессор Су Ли считает, что «система районной национальной автономии имеет композитную основу». Автор полагает, что эта композитность состоит из древнекитайской идеи «великого единения» и западной идеи, например «права наций на самоопределение»; из традиционных элементов китайской национальной политики (например, заключение брака с целью укрепления межнациональных отношений, политика сдерживания и пр.) и западной системы автономии. В частности, Су Ли указывает, что «в китайской юридической системе следует учитывать местные источники, практику традиционной юридической культуры, познавать и использовать их». По его мнению, Закон о районной национальной автономии стал образцом юридической культуры в рамках Конституции и благодаря этому стал успешным примером соединения традиционных китайских традиций и западной теории наций¹⁶.

Сюн Вэньчжао приходит к мысли о том, что Закон об автономии в определенной степени корреспондируется с подобными международными актами. Его можно считать стержнем различных документов, гарантирующих права малым народам. Как сообщается в средствах массовой информации, Китай уже присоединился или намерен официально ратифицировать следующие международные документы: «Всемирный манифест прав человека», «Манифест о правах этнических, религиозных или языковых меньшинств», «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах». Закон о районной национальной автономии как по форме, так и по содержанию соответствует этим международным документам¹⁷.

На встрече, посвященной 30-й годовщине публикации и введения в действие Закона КНР об автономии было отмечено, что следует подробно его изучать, внимательно внедрять и должным образом популяризировать¹⁸.

Некоторые ученые, как отмечает Дай Сяомин, профессор Южно-Китайского университета национальностей, на базе практики Китая и других многонациональных стран выдвинули концепцию «общего национального управления» (民族共治) и предложили одновременное существование с «национальной автономией» «двустороннего двухслойного правления».

Он считает, что на долгом пути исторического развития необходимо постоянно развивать и совершенствовать теорию и систему¹⁹.

Несмотря на публикуемые материалы по поводу Закона об автономии, всеми учеными признается, что в документе найден в основном оптимальный баланс между централизованным государством и правами малых народностей. Представляется, это является успешным опытом национальной политики государства социализма с китайской спецификой. Но, как считают некоторые аналитики, Закон далек от совершенства и требует своего дальнейшего усовершенствования. Будет ли он доработан и усовершенствован в ближайшие годы, покажет время. Как подчеркивается в китайской прессе, совершенствование Закона не является основной целью, суть его заключается в обеспечении жизнеспособности системы национальной автономии.

И можно согласиться с китайскими исследователями, что в их стране существует особая китайская модель решения национальных проблем в многонациональных государствах.

Примечания

¹ Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи (Закон КНР о районной национальной автономии) // Жэньминь жибао. 04.06.1984.

² Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа (Закон КНР о районной национальной автономии). Пекин, 2001. С. 12–33.

³ *Вэнь Цзябао*. Гоуюань шиши «Чжунхуа Жэньминь Гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа» жогань гуйдин» (Установления Госсовета о проведении в жизнь Закона КНР о районной национальной автономии) // Жэньминь жибао. 27.05.2005.

⁴ Данные на 1 сентября 2009 г. URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/12/2605/>

⁵ Дэн Сяопин. Жэньминь чубаньшэ. 1994. Т. 1. С. 167.

⁶ Синьхуа. 03.12.2012.

⁷ Там же.

⁸ URL: //server/infbank/sinhua/Rus_2014/04_2014/22/XxjwsrR000003_20140422_VJTFN1.txt

⁹ Белая книга «Развитие и прогресс в Синьцзяне». URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2009-09/22/content_347876.htm

¹⁰ Власти обвиняют уйгуров в новой вспышке насилия. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110731_china_xinjiang_15_dead.shtml

¹¹ Синьхуа. 27.05.2014.

¹² Чжунъян миньцзу дасюэ сюэбао. 2014. № 3. С. 5—14.

¹³ Дай Сяомин. Дандай чжунго шэхуэй бяньцянь юй миньцзу цюйюй цзычжи (Перемены в китайском обществе и районная национальная автономия) // Дунфан фасюэ. 2008. № 1. С. 71—83.

¹⁴ Чжунъян миньцзу дасюэ сюэбао. 2014. № 3. С. 5—14.

¹⁵ Сюн Вэньчжао. Лунь «Миньцзу цюйюй цзычжифа» де дивэй, цзоюн цзи ваньшань (Позиция, роль и совершенствование Закона о районной национальной автономии) // Чжунъян миньцзу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ). 2014. № 3. С. 23—28.

¹⁶ Су Ли. Управление и местные источники. Пекин, 2004.

¹⁷ Сюн Вэньчжао. Указ. соч. С. 23—28.

¹⁸ В Пекине состоялась встреча, посвященная 30-й годовщине публикации Закона КНР о национальной районной автономии. URL: http://russian.news.cn/china/2014-10/17/c_133725134.htm

¹⁹ Дай Сяомин. Указ. соч.

*Александр Чеславович Мокрецкий,
н.с. ИДВ РАН*

КИТАЙ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД СИ ЦЗИНЬПИНА

Аннотация. После XVIII съезда КПК дипломатия Пекина становится все более активной: она не сосредоточивается на отдельно взятой стране или регионе, но, исходя из собственных национальных интересов, проникает повсюду и носит всесторонний или всеобъемлющий характер. Сделана попытка обрисовать контуры китайской глобальной политики через три измерения (институциональное, экономическое и концептуальное), и рассмотрено понимание КНР современной международной системы управления.

Ключевые слова: Китай, китайская дипломатия, система глобального управления, «один пояс, один путь», китайские ценности.

Annotation. After the 18 Congress of the CPC Beijing's diplomacy has become more active: it is not focused on a single country or a region, but on the basis of its own national interests, penetrates everywhere and is inclusive or comprehensive. In this report, the author makes an attempt to outline the contours of China's global policy through three dimensions (institutional, economic and conceptual) and stops on the understanding of China's modern international management system.

Keywords: China, Chinese diplomacy, global management system, «One belt, one road», Chinese values.

В 2015 г. прошли два масштабных события — 70-летние годовщины окончания Второй мировой войны и образования Организации Объединенных Наций. Современный мир переживает глубокие исторические изменения. С одной стороны, несмотря на упорное сопротивление сторонников однополярного мира, активизируются процессы глобализации, становятся все более очевидными тренды формирования полицентричного мироустройства (появляются новые центры силы в регионах). С другой стороны — обостряются старые противоречия и конфликты, перед человечеством стоят новые вызовы и угрозы в виде ухудшения экологии, нехватки ресурсов, роста инфекционных заболеваний, распространения терроризма и др. Все эти проблемы требуют сплочения международного сообщества и разумного решения.

I. Институциональное или политическое измерение

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на Центральном рабочем заседании по внешним делам, состоявшемся в Пекине 28—29 ноября 2014 г., охарактеризовал тренды мирового развития и изменения международной структуры. В частности, он подчеркнул необходимость идти в ногу с течениями эпохи. Говоря о развитии Китая, он сделал акцент на том, чтобы «держат руку на пульсе», все изменения, происходящие в мире, четко осознавать, и подробнее остановился на пяти основных моментах¹, которые следует тщательно анализировать:

- 1) сложность эволюции международной архитектоники и развитие полицентризма («*шицзе доцзихуа*»);
- 2) извилистость в регулировании мировой экономики и экономической глобализация («*цзинци цюаньцюхуа*»);
- 3) острота международных противоречий и борьбы и две главные темы эпохи: мир и развитие;
- 4) долгосрочность борьбы за международный порядок и изменения международной системы;
- 5) неопределенность отношений с сопредельными государствами и общее процветание и стабильность в АТР.

Кроме того, он дал четыре определения современному миру². Это — мир, полный изменений; мир, в котором тесно переплетаются новые шансы и новые вызовы; мир, в котором происходят глубокие изменения

международной структуры и мирового порядка, и мир, в котором меняется соотношение международных сил.

Обозреватель журнала «Шицзе чжиши» Сяо Ань в своей статье о месте Китая в изменяющемся мировом порядке отметил, что спустя 70 лет обкатки и притирки Китай стал мировой страной (интересное выражение «*шицзэчжундэ Чжунго*»), он не только «встал на ноги», но и превращается в глобальное могущественное государство («*цюаньцюсин цянго*»). Вместе с тем Китай еще не является могущественным государством в полном смысле. Дисбаланс внутреннего развития и неорганизованность внешних связей (отсутствие гармонии) неизбежно оказывают на страну двойное давление в процессе подъема — внутренние сомнения и внешние опасения, — и она по-прежнему должна продолжать искать путь между разумом и энтузиазмом³.

Раньше, согласно Дереку Митчеллу, старшему научному сотруднику по Программе международной безопасности в Центре стратегических и международных исследований США, Китай «с подозрением относился к многосторонним структурам, которые потенциально могли ограничить его суверенитет и независимость действий»⁴. В настоящее время мы наблюдаем совершенно иную картину: практически ни один международный форум не проходит без участия КНР, ее активность в так называемом мультилатерализме (многосторонней дипломатии) многократно возросла.

С трибуны ООН Пекин объявляет об активном участии страны в повестке дня глобального развития на период после 2015 г., о подготовке миротворческого контингента в составе 8 тыс. человек для африканского континента. КНР не забывает проводить «домашние» форумы. В частности, в Пекине 16 октября 2015 г. прошел форум на высоком уровне о ликвидации бедности и развитию, на котором КНР представила грандиозный проект по оказанию помощи развивающимся государствам — «6 сотен» («*лю гэ и бай*»): сто проектов по ликвидации бедности; сто проектов сотрудничества в сельском хозяйстве; сто программ помощи по стимулированию торговли; сто программ по защите экологии и противодействию изменению климата; сто больниц и поликлиник; сто институтов и центров по подготовке профессиональных кадров⁵. В 2016 г. Ханчжоу принимал саммит G-20, который, по словам члена Госсовета КНР Ян Цзечи, имеет «не только важное политико-дипломатическое значение, но и глубокое социально-экономическое влияние»⁶.

В 13-м пятилетнем плане китайская дипломатия характеризуется как всесторонняя («*цюань фанвэйдэ*»), т. е. ни один регион, никакая проблема в международной повестке дня, ни один участок глобальной деятельности не считается второстепенным и не может игнорироваться. Такая политика называется «активным осуществлением международной ответственности и долга» Пекина. Выступая на 4-м Форуме мира в Университете Цинхуа, министр иностранных дел КНР Ван И подвел некоторые итоги дипломатической деятельности страны: «За годы после основания нового Китая Пекин в общей сложности подписал более 23 тыс. двусторонних документов, принял участие в 400 многосторонних договорах»⁷. Китай вступил во Всемирную торговую организацию, целеустремленно продвигает подписание двусторонних и многосторонних соглашений о зонах свободной торговли; к 2015 г. подписал 14 договоров, 7 соглашений находится в процессе обсуждения, они охватывают более 30 стран и регионов.

Сяо Ань полагает, что спустя 70 лет КНР вновь стоит на историческом пороге. В то время как мирный подъем Китая в качестве самобытной державы («*дутэ даго*») и динамичная перестройка послевоенного миропорядка параллельно развиваются, многие закономерности в международных отношениях, возможно, становятся непредсказуемыми, а какой прецедент появится в процессе взаимодействия различных факторов, в большой степени зависит от выбора Китая и его действий. В любом случае, Китай не может вернуться к прошлому состоянию закрытых дверей; напротив, должен созреть в непрерывном расширении обменов [и слияния] с миром. Вместе с тем автор выделяет следующие критерии «зрелости» государства: 1) знать, каким оно должно стать государством; 2) понимать, какой ему мир нужен и 3) осознавать свою роль в мире⁸.

II. Экономическое измерение

Осуществление мегапроекта «Один пояс, один путь» является одной из основных дипломатических линий Пекина в современном мире. По мнению Чжоу Синьюя, заместителя руководителя Центра народной дипломатии Пекинского университета иностранных языков, данная стратегия должна иметь не только политическое, но и экономическое обоснование, чтобы конкретные государства получали выгоду и желали в нем

участвовать. Кроме того, должна быть и социальная логика: нужно бороться за поддержку большинства людей как в Китае, так и странах-участницах. Таким образом, Пекин в рамках большой стратегии «Одного пояса, одного пути» должен создать успешные проекты-образцы. Посредством экономической кооперации или внешней помощи обеспечить народы других стран интересами развития — такой представляется автору возможность получить долгосрочную и решительную поддержку. Кроме того, нужно сбалансировать интересы Китая: как долгосрочные, так и краткосрочные, как политические, так и экономические — в этом автор видит колоссальный вызов для китайской дипломатии. Если Китай как социалистическое государство, новая современная крупная западная страна действительно желает перегнать Запад, то он должен сделать это институционально («цзай чжиду шан»), т. е. лучше стимулировать развитие большинства стран и народов⁹.

Финансовое обеспечение мегапроекта «Один пояс, один путь» происходит через создание различных фондов (Юг—Юг, Шелковый путь), банковских структур (АБИИ, Банк развития ШОС, Банк развития БРИКС). Китай запускает собственную международную платежную систему (CIPS или КМПС) в октябре 2015 г., пытается добиться реформирования МВФ и интернационализации юаня через включение его в международную валютную корзину специальных прав заимствования (что он с успехом сделал в декабре 2015 г.).

Китайская дипломатия на практике исключительно многообразна. Профессор дипломатического факультета Института международных отношений и общественных дел при Фуданьском университете Су Чанхэ называет 11 видов китайской дипломатии. Китай является крупнейшей страной-бенефициаром, в оказании помощи он соблюдает принципы равенства и взаимной выгоды; практических результатов, многообразия форм, совместного развития (4 принципа). КНР, не забывая о простом народе и реальной эффективности, не предъявляя никаких политических условий, установила новые модели помощи¹⁰. Другими аспектами такой дипломатии является четкое осознание ответственности и чувства долга Китая в мире. Здесь же и китайская мечта, и собственный вклад Пекина в дело международного мира и развития. Кроме того, подчеркивается готовность и добрая воля КНР поддерживать развитие других стран (особенно развивающихся), предоставляя им различные шансы или предлагая «сесть на попутный поезд».

Сферы интересов Пекина непрерывно расширяются, и у него есть все возможности стать важным учредителем будущего миропорядка. Предпосылкой для этого становится успешное стимулирование внутренних реформ, методов и направлений, которым доверяет международное сообщество. За 70 лет изменилась центральная задача у Китая — от борьбы за освобождение нации до поиска освобождения производительных сил. Придерживаться этого направления — значит стать поставщиком мирового рынка, потребителем глобальной продукции, навигатором международного сотрудничества. Если сможет Китай, другим государствам будет не так сложно¹¹.

III. Концептуальное или идейно-ценностное измерение

Последние годы в китайском лексиконе мы наблюдаем появление новых концепций, формулировок и категорий, которые активно распространяются через разные каналы: сначала на высшем и высоком уровнях, затем китайские ученые и дипломаты во время международных обменов используют эти концепции, формулировки и категории, с тем чтобы другие люди знали о них и использовали на практике.

Примечательно, что сначала идет обкатка конкретной идеи внутри государства («для внутреннего пользования»), а затем она экстраполируется на международное сообщество. Благодаря пропаганде идея позиционируется как инновация или важный вклад КНР в дело международного мира и совместного процветания. Китайские лидеры берут на себя ответственность или право рассказывать истории («*гуши*») о Поднебесной, просвещать иностранных коллег. Важно донести «правильные» сведения о Китае и происходящих в нем процессах, сформировать «правильное» его понимание («*Чжунгоуань*»)¹². Об этом, в частности, говорит глава МИД КНР Ван И, подводя итоги визита Си Цзиньпина в США и выступления на юбилейной сессии ООН.

Кроме того, китайские ученые приписывают внешнеполитическим взглядам Си Цзиньпина космополитический характер. Космополитизм имеет две ключевые темы: первая рассматривает все человечество как сообщество интересов, вторая видит в каждом индивидууме свободную и равную единицу. По мнению Ин Чэня из Чжэцзянского института

иностранных языков, космополитические взгляды Си Цзиньпина отражаются в следующих пяти аспектах¹³.

Во-первых, выраженный холизм (философия целостности) и идея совместного развития. Максимы «ты во мне, и я в тебе», «глобальная деревня», «сообщество судьбы». Си унаследовал тезис Дэн Сяопина о мире и развитии как главных темах эпохи, расширив его понятиями сотрудничества и взаимной победы. Причем чаще используется термин «обоюдный выигрыш» или «соразвитие». Суверенные страны, и особенно могущественные государства, должны помнить о долге в осуществлении соразвития. Звучит тезис о том, что строительство китайско-американских отношений преодолело двусторонние интересы, т. е. Китай осознанно несет ответственность за защиту и содействие общих интересов мира.

Во-вторых, идея о равенстве и суверенитете (суверенное равенство) и принцип невмешательства во внутренние дела других государств (в духе И. Канта и Дж. Ролза). Сегодня растет взаимозависимость между государствами, как следствие возникает конфликт между миром как обществом и суверенными государствами. Си Цзиньпин, отделяя суверенные дела от совместной международной повестки, говорит о глобальном управлении. Он призывает к решительной поддержке коренных интересов (государственного суверенитета, территориальной целостности, безопасности и стабильности). Принцип активной кооперации в общей повестке отражается в формулировке «грести в общей лодке» перед лицом глобальных вызовов — изменениями климата, продовольственной и энергетической безопасностью, кибер-шпионажем, противодействием стихийным бедствиям и др.

В-третьих, идея о равенстве цивилизаций и их интеграции. Си Цзиньпин — проповедник многообразия в культуре, который отстаивает диалог, обмена и заимствование опыта между различными цивилизациями. В своих выступлениях, статьях, интервью он творчески цитирует выдающихся деятелей искусства страны пребывания, не забывает и народный фольклор. Все это демонстрирует его открытость к цивилизациям.

В-четвертых, демонстрация мечты нации о собирании общего и преодолении различий («цзюй тун хуа и»). Унаследовав принцип равенства космополитизма и чувство сострадания, Си соединил национальную любовь с мировой, сделав последнюю сублимацией первой. В частности, это воплощается в перечислении видов национальной мечты:

«американская мечта», «африканская мечта» и др. Китай реальными делами увязывает благосостояние китайского народа с народами всех стран мира через совместные инфраструктурные, экономические и тому подобные проекты. Все это согласуется с концепцией «научить человека ловить рыбу» («шоу жэнь и юй») — уважать желания других народов и культивировать их собственные способности к развитию.

В-пятых, идея пацифизма, сохраняющая право на оборону. Тезис об активной обороне Китая, не направленной против третьих стран. Адекватными мерами являются сотрудничество в области безопасности, коллективная и совместная безопасность, акцентирование роли международных организаций в разрешении конфликтов (ООН, G-20, ШОС, БРИКС).

Китайские ценности в дипломатии тесно связаны с иероглифами «гун» (справедливый), «гун» (общий), «хэ» (гармония)¹⁴. Отсюда происходят слова: правда (*гундао*), честный (*гунпин*), справедливость (*гунчжэнь*). От «гун» (общий), например, симбиоз (*гуншэнь*), взаимный выигрыш (*гуньин*), сосуществование (*гунчу*), а также «хэ» (*гармония*) — гармония (*хэсе*), добрососедство (*хэму*), мир (*хэпин*), согласие (*хэхэ*).

Как полагает вышеупомянутый Су Чанхэ, китайская дипломатия всегда придерживалась и защищала общие ценности международного сообщества. В международной системе, образованной суверенными государствами, к совместным ценностям относятся содействие международному миру и соразвитие, территориальная целостность и невмешательство в суверенные дела, равенство и взаимоуважение между всеми странами; и, напротив, гегемонизм, интервенционизм, силовая политика, милитаризм в корне противоречат общим ценностям. Китай определяет для себя статус крупной страны нового типа: уверенной в себе (*цзысинь*), набирающей силы (*цзыцянь*), а также скромной (*цяньсюй*) и доброжелательной (*кэцинь*)¹⁵.

Начинает активно использоваться термин «коренные ценности китайской дипломатии» как продолжение и воплощение коренных ценностей социализма¹⁶ и свежей «китайской мудрости». В частности, по мнению профессора Института политической культуры и строительства политической цивилизации Тяньцзинского педагогического университета Ван Цуньгана, к таким ценностям относится сосуществование («*гунцунь*», или *co-existence*), совместное использование («*гунсянь*», или *co-share*), совместное управление («*гунчжжи*», или *co-governance*), взаимный выигрыш («*гуньин*», или *win-win*) и совместный прогресс («*гунцзинь*»,

или *co-progressiveness*). При этом сосуществование — это ценностная основа; совместное использование, совместное управление и взаимный выигрыш — это ценностные принципы; а совместный прогресс — это ценностная цель¹⁷.

* * *

В год празднования 70-летия окончания Второй мировой войны и создания ООН мировое сообщество явственно наблюдает возвышение Китая и его более активное участие на международной арене. Мир находится в переходном состоянии: меняется структура глобальной системы управления, формируется новый мировой порядок. В этих условиях хотелось бы сделать некоторые предварительные выводы:

1. Основными целями участия Пекина в системе глобального управления на современном этапе становится достижение «двух вековых целей» развития и осуществление китайской мечты о великом возрождении китайской нации¹⁸.

2. Справедливое и рациональное направление развития системы глобального управления формирует выгодные условия для развития Китая и международного мира¹⁹. (Примечательно, что развитие Китая и мир во всем мире соединены союзом «и».)

3. Следование путем мирного развития не означает жертвование национальными коренными интересами в угоду конъюнктурной выгоды (как основной постулат 3-й коллективной учебы Политбюро ЦК КПК от 28 января 2013 г.).

4. Приверженность традициям невступления в военные союзы, и решение глобальных проблем согласно китайской методологии. На примере международной антитеррористической коалиции во главе с ООН Пекин развернул сотрудничество в области обменов информацией о террористической деятельности, закрытии финансовых каналов и пересечения границ террористами. В целом КНР выступает за то, что необходимо одновременное лечение причины и симптомов заболевания. Другими словами, в таких странах, как Ирак, необходимо всеми усилиями решать следующие вопросы: ликвидировать неравенство между богатыми и бедными, развивать слабые места и повышать образование. И, таким образом, устранить почву и условия для взращивания терроризма²⁰.

5. Возложение ожиданий о защите мира во всем мире на международные организации, выступление против политики вмешательства во внутренние дела других государств вовсе не означает пассивного ожидания мира Китаем. КНР будет конструктивно участвовать в региональных делах и предложит общественные блага («*гунгун чанпинь*») для надлежащего урегулирования споров и конфликтов. Все это свидетельствует о том, что Китай намерен быть активным действующим лицом в деле защиты международного мира²¹.

6. «Объективная» и «справедливая» позиция Китая в решении международных споров и конфликтов. В последние годы Китай активно участвует в посреднической деятельности. Он не вредит истории других стран и соблюдает принцип взаимного невмешательства во внутренние дела. Такое отношение позволяет ему находиться на стороне правды, увязать прагматичность («*ши ши цю ши*») и высшую справедливость и предлагать разумные предложения и проекты государствам с внутренними конфликтами или регионам с горячими точками²².

7. Совершенствование традиционной концепции политического управления «*тянься*» (с центром в Китае) и, возможно формирование новой версии старой политики «*чаогун*»²³ (оплаты дани императорскому дворцу). Пекин, сделав выводы из предыдущей модели (неравноправность, взаимовыгодность, пацифизм и автаркия), останавливается на большей открытости и инклюзивности.

Примечания

¹ Си Цзиньпин чуси чжунъян вайши гунцзо хуэйи бин фабяо чжунъяо цзянхуа [Си Цзиньпин выступает на Центральном рабочем заседании по внешним делам] // Синьхуа. 29.11.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm

² Там же.

³ *Сяо Ань*. Чжаньхоу 70 нянь чжи сы — шицзе чжисюй бяньгэ чжун дэ Чжунго вэйчжи [Размышления спустя 70 лет — место Китая в изменяющемся мировом порядке] // Шицзе чжиши. 2015. № 5. С. 49—51.

⁴ *Бергстен Ф.* Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве / пер. с англ. М., 2007. С. 189.

⁵ 2015 цзяньпин юй фачжань луньтань цзиньжи цзюйсин Си Цзиньпин фабяо чжучжи янцзян (цюаньвэнь) [Форум по ликвидации бедности и развитию

2015 г. сегодня открылся. Си Цзиньпин выступил с программной речью (полный текст) // Жэньминь жибао. 16.10.2015. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/1016/c1001-27706189-2.html>

⁶ Гунтундэ юаньцзин гунтундэ цидай — Ян Цзечи гоу вэйюань тань эршиго цитуань Ханчжоу фэнхуэй чоубэй гуңцзо [Общие перспективы, совместные ожидания — член Госсовета КНР Ян Цзечи говорит о подготовительной работе к саммиту G-20 в Ханчжоу] / МИД КНР. 16.02.2016. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1340765.shtml>

⁷ Чжунго ши гоңци хэ дицуй чжисюйдэ вэйхучжэ, цзяньшэчжэ хэ гунсяньчжэ — цзай ди сы цзе шицзе хэпин луньтань уцаньхуэй шандэ яньцзян [Китай — это защитник, строитель и вкладчик международного и регионального порядка — выступление на 4-м Форуме мира] / МИД КНР. 27.06.2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1276585.shtml

⁸ *Сяо Ань*. Указ. соч.

⁹ *Чжоу Синьюй*. 2015 нянь Чжунго вайцзяодэ сы цзянь да ши [Четыре основных события китайской дипломатии в 2015 г.] // Шицзе чжиши. 2015.

¹⁰ *Су Чанхэ*. Цун вайцзяо кань Чжунго даолу [Китайский путь под углом дипломатии] // Чжунго вайцзяо. 2015. № 1. С. 7—8, 21.

¹¹ *Сяо Ань*. Указ. соч.

¹² Ван И тань Си Цзиньпин чжуси дуй Мэйго цзинсин гоши фаньвэнь бин чуси Ляньхэго чэнли 70 чжоунянь силе фэнхуэй (Ван И подводит итоги государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в США и его участия в саммитах по случаю 70-летней годовщины ООН // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. 29.09.2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/zyxw_602251/t1301679.shtml. См. также: Агентство Синьхуа. 29.09.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116709877.htm

¹³ *Ин Чэнь*. Си Цзиньпин вайцзяо яньцзян чжун дэ шицзечжуй цинхуай [Космополитические взгляды в дипломатических выступлениях Си Цзиньпина] // Чжунго вайцзяо. 2015. № 1. С. 3—6.

¹⁴ *Су Чанхэ*. Указ. соч.

¹⁵ *Су Чанхэ*. Указ. соч.

¹⁶ Они включают общенациональные ценности (процветание и могущество, демократию, просвещение и гармонию), социальные ценности (свободу, равенство, справедливость и верховенство права) и индивидуальные ценности (патриотизм, самоотверженность, добродетель и дружбу).

¹⁷ *Ван Суньган*. Лунь Чжунго вайцзяо хэсинь цзячжигуань [О коренных ценностях китайской дипломатии] // Шицзе юй цзинцзи. 2015. № 5. С. 20.

¹⁸ Си Цзиньпин: туйдун цюаньцю чжили тичжи гэнцзя гунчжэн гэнцзя хэли [Си Цзиньпин: продвигать систему глобального управления в более справедливом и рациональном направлении] // Синьхуа. 13.10.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-10/13/c_1116812159.htm

¹⁹ Там же.

²⁰ Ван И цзешоу Лусюшэ чжуаньфан ань Сюйлия хэ баньдао хэ вэньти [В специальном интервью Рейтерс Ван И говорит о Сирии и решении ядерной проблемы на Корейском полуострове] // МИД КНР. 13.02.2016. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1340286.shtml>

²¹ *Ин Чэнь*. Указ. соч.

²² *Су Чанхэ*. Указ. соч.

²³ Какими особенностями обладала эта система. Во-первых, она была неравноправна. Порядок оплаты дани действовал от центра к периферии. Статус и политическое положение метрополии (сюзерена) и сателлитов были неравноправными. Во-вторых, взаимовыгодность. Благодаря системе оплаты дани с восточным колоритом государства-вассалы получали большие экономические интересы, а Китай как государство-сателлит — безопасные границы. Таким образом, практическим результатом этой системы был взаимный обмен интересов. В-третьих, пацифизм. В отличие от Вестфальской системы, опиравшейся на экспансию силой, китайская империя регулировалась миром и защищала стабильность аграрной цивилизации. В-четвертых, закрытость и автаркия. В эпоху династии Мин и Цин система оплаты дани стала единственной моделью внешних отношений, ее «оборонительная» («фан») и «запретительная» («цзинь») особенности очевидно проявились, что, естественно, ограничивало какие-либо контакты. Более подробно смотрите: *Ли Вэй, Тан Цзянь*. Гоцзи утай шан дэ Чжунго цзюэ юй Чжунго сюэчжэдэ лилунь циззи [Роль Китая на международной арене и теоретические возможности китайских ученых] // Чжунго вайцзяо. 2015. № 1. С. 9—21.

*Амина Арсеновна Абиева,
аспирантка, Пекинский университет*

СУДЬБА В ИСТОРИИ: ЦЗЯНЬ БОЦЗАНЬ

Аннотация. В конце 1950-х годов в историографии КНР стала нарастать тенденция, и она явно поддерживалась сверху, объявить единственным методом исторического познания так называемый классовый анализ. Радикалы считали, что история должна толковаться в соответствии с единственным критерием — классовой принадлежностью, не принимая во внимание исторический контекст. Для историка Цзянь Боцзая центральным понятием был принцип историзма. Концепция историзма подчеркивала значимость контекста в интерпретации истории и комплексность исторической действительности, что было противоположно идеологическим требованиям радикальных историков. Во время «культурной революции» преследователи Цзяня ухватились за концепцию историзма и обрушились с критикой на Цзянь Боцзая. В результате жестоких гонений 18 декабря 1968 г. Цзянь Боцзань и его супруга покончили с собой.

Ключевые слова: Цзянь Боцзань, марксизм, историзм, интерпретация истории.

Annotation. In the late 1950s the so-called class analysis started to dominate the historiography of the PRC. Radical historians believed that history should be interpreted in accordance with class analysis without taking into consideration historical context. For Chinese historian Jian Bozan the central concept was historicism. This concept emphasized the importance of context in the interpretation of history and the complexity

of historical reality. During the cultural revolution Jian was criticized because of his views. As a result of severe persecution, on December 18th, 1968 Jian Bozan and his wife committed suicide.

Keywords: Jian Bozan, historicism, marxism, interpretation of history.

Подобно тому, как каждая следующая династия начинала цикл своего правления с написания истории предыдущей династии, Мао Цзэдун решил переписать историю последних лет с целью легитимировать свою власть. Для выполнения этой задачи ему, конечно же, понадобилась команда профессиональных историков. Таким образом, с конца 1940 — начала 1950-х годов, все самые известные историки Китая активно привлекаются на службу. Среди них Го Можо, Фань Вэньлань, Цзянь Боцзань, У Хань, Шан Юэ, Хэ Ганьчжи, Чжоу Гучэн, Ху Шэн, Лю Чжэньюй, Ху Хуа и некоторые другие.

Вышеупомянутых историков можно назвать историками «первого эшелона». Так как именно на их плечи легла совершенно новая задача — поставить традиционную китайскую историческую науку на новые рельсы, а именно на рельсы марксизма. Историк Цзянь Боцзань оказался одним из первых китайских историков-марксистов, он заложил основы марксистской исторической науки.

Цзянь Боцзань 翦伯赞 (14.04.1898—18.12.1968) родился в уйгурской семье, проживавшей в местечке Таююань, что в пров. Хунань. Прежде чем увлечься историей и марксизмом, Цзянь получил образование в сфере экономики и права в Калифорнийском университете США. В 1926 г. он вернулся в Китай, начал изучать историю и философию, принял участие в Северном походе против бэйянских милитаристов¹. Начиная с 1930-х годов Цзянь Боцзань активно участвует в исторических дискуссиях наряду с такими историками, как Го Можо и Фань Вэньлань. В результате этих дискуссий в свет выходят его первые исторические работы: «Сущность аграрного общества в Китае и периодизация его исторического развития», «Китайское аграрное общество дофеодалного периода».

Цзянь состоял в Гоминьдане, однако в 1937 г. вступил в Коммунистическую партию Китая. Во время войны он вел преподавательскую и научно-исследовательскую работу в одной из школ уезда Ланьтянь в пров. Хунань². Тогда же содействовал созданию Хунаньского общества поддержки антияпонского сопротивления среди деятелей культуры и Хунаньского отделения Ассоциации китайско-советской культуры³.

В 1938 г. Цзянь опубликовал свою работу «Курс философии истории», а в 1942 г. — «Очерк истории Китая». Кроме того, в это время (с 1940 по 1946 г.) Цзянь работал в организациях Единого фронта в разных городах Китая: Чунцине, Гонконге, Шанхае, Нанкине.

После 1949 г. Цзянь Боцзянь, продолжая преподавать историю, одновременно занял несколько важных административных постов. В 1949 г. принял участие в работе Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) и был назначен членом Комитета по делам культуры и просвещения при Государственном административном совете. Одновременно он был избран членом Центрального правления Общества китайско-советской дружбы и был направлен в качестве члена китайской делегации на Всемирный конгресс сторонников мира в Стокгольме (1952 г.). В 1954 г. Цзянь Боцзянь был избран депутатом Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), а в 1955 г. — членом Отделения философии и общественных наук АН Китая.

Научные интересы Цзянь Боцзяня были крайне разносторонними. Он занимался вопросами археологии, истории, экономики, культуры. В исследовании истории Китая Цзянь уделяет внимание различным периодам, его перу принадлежат статьи по древней, средневековой и новой истории Китая. Кроме того, Цзянь также занимался теорией и методологией исторической науки⁴.

Помимо отдельных вопросов Цзянь Боцзянь также занимался и общими исследованиями. Так, он является автором работы «Очерки по истории Китая» (1946, 1962). Издание 1942 г. вышло в одном томе и охватывало лишь древнюю историю Китая от палеолита до династии Хань. В 1962 г. «Очерки» были расширены и опубликованы в трех томах в качестве учебного пособия для вузов. В этом издании излагается история Китая от палеолита до новейшего времени.

Еще одной заслугой Цзянь Боцзяня перед китайской и мировой историографией является сбор и публикация исторических источников и документов. Цзянь стал одним из составителей и ответственным редактором 4-томных сборников документов: «Восстание Ихэтуаней» («义和团起义») (1951) и «Реформы 1898 г.» («戊戌政变») (1955), а также 2-томного труда «Сведения о различных народностях, содержащиеся в Китайских хрониках» («历代各族传记汇编») (1958—1959).

Основные работы Цзянь Боцзяня: «Учебный курс по философии истории» («历史哲学教程»), «Хронология истории отношений Китая

и иностранных государств» («中外历史年表»), «Очерки истории Китая» («中国史纲要»), «Краткий курс китайской истории» («中国历史概要»), «Исторические факты и изучение истории» («史料与史学»), «История династий Цинь и Хань» («秦汉史»), «Новая капиталистическая экономика мира» («最近之世界资本主义经济») и др.⁵

Цзянь был одним из выдающихся историков Китая после 1949 г. и одним из немногих ученых-администраторов, отвечающих за политическое направление и контроль над академической исторической наукой. В начале 1950-х годов. Цзянь стал заведующим кафедрой истории Пекинского университета, а в 1962 г. — проректором университета. Он был также деканом исторического факультета. Будучи и ученым, и администратором, Цзянь играл очень важную роль в организации и развитии исторической науки после 1949 г. Как и другие историки-марксисты его поколения, он полагал, что история — это важное научное дело в рамках, установленных новой, руководимой КПК властью.

Цзянь принадлежал к поколению интеллигентов, которые создали себе научную и политическую репутацию в 1930-х годах, и относились к компартии, как к политической альтернативе националистической партии Чан Кайши (Гоминьдан). В эти годы Цзянь принял участие в дискуссиях, развернувшихся в кругах китайских ученых, в результате которых начали формироваться основные направления марксистской историографии в Китае на три десятилетия вперед.

По мере того как Цзянь оказывал сопротивление вторжению радикальных политиков в сферу истории, ему пришлось выработать методологию и ряд определенных принципов, чтобы узаконить свою критику. Эти принципы, которые ученый назвал историзмом (*历史主义*), заложили теоретическую основу для всеобщей национальной марксистской истории Китая⁶. Историзм предполагал понимание значимости исторических фактов и исторического контекста, главенство эмпирической методологии⁷.

Цзянь впервые публично упомянул понятие «историзм» в своей заметке на тему интерпретации лозунга «Сосредоточиться на настоящем и не придавать большого значения прошлому» в 1958 г. Концепция историзма, отстаиваемая Цзянем, была противоположна идеологическим требованиям радикальных историков. Позже, во время «культурной революции», преследователи Цзяня ухватились за концепцию историзма и заявили, что историзм — это буржуазная историческая философия,

которая отрицает классовую борьбу, подменяет идеи Маркса, Ленина и Мао Цзэдуна и препятствует осуществлению революции в истории⁸.

В начале 1960-х гг. развернулась дискуссия на тему историзма и классовой борьбы. Она началась как реакция на призыв к революции в историографии, целью которой было найти баланс между историческими свидетельствами и классовым анализом, основанным на марксистско-ленинских концепциях⁹.

Радикально настроенные историки считали, что история должна толковаться в соответствии с единственным критерием — классовой принадлежностью, не принимая во внимание изменяющиеся обстоятельства и исторический контекст. Главная задача историка для радикалов сводилась к восхвалению героев и критике преступников, исторических негодяев, воспеванию революционной борьбы и осуждению притеснения и угнетения. Эти идеи нашли отражение в формуле: «Все вороны на небе черные, независимо от времени и места, все землевладельцы — зло»¹⁰. Цзянь четко разграничивал классовый и исторический подходы. Он считал, что нужно оценивать историю исходя из конкретных исторических реалий.

Его взгляды по данному вопросу, пожалуй, наиболее ярко были сформулированы в статье «Некоторые проблемы, существующие ныне в исторических исследованиях». Он писал: «Анализ истории с классовой точки зрения является основным требованием к историку-марксисту... Необходимо сочетать классовую точку зрения с историзмом. Если будет забыт историзм и будет только классовая точка зрения, то легко впасть в крайность одностороннего отрицания»¹¹.

В своих статьях Цзянь Боцзань упорно и последовательно отстаивал необходимость овладения подлинно научным методом исследования. Неоднократно подчеркивая, что гипертрофированный и превратно понятый принцип классового анализа ведет к антидиалектическому искажению сущности исторического процесса, Цзянь Боцзань настаивал на необходимости исходить из исторической практики, исследуя тот или иной вопрос, основываясь при этом следует на широкой базе исторических материалов. Он выступал против ограниченного понимания истории как науки, обслуживающей политику. Цзянь заявлял: «Древняя история может служить современной истории, служить классовой борьбе..., но это не означает, что мы можем применять неисторический подход, без разбора притягивая события и людей в настоящее, как мы того пожелаем»¹².

На стремление радикалов всеми способами связать историографию с современной политикой Цзянь отвечал: «Служение исторической науке политике не заключается в соединении ее с каждым современным политическим движением, когда любая политическая кампания привязывается к истории... Служение исторической науке политике не заключается также и в перенесении живших в древности людей и их поступков в современность, а заключается в обобщении исторического опыта развития общественного производства и классовой борьбы, как успешного, так и ошибочного опыта, и использовании этого обобщенного опыта на службе политики (古为今用)»¹³.

Вторая центральная идея историзма — комплексность. Под этим понятием Цзянь подразумевал сбалансированный подход к истории посредством изучения всех релевантных данных, необходимых для адекватного понимания истории. В рамках комплексного подхода особенно подчёркивались сложность исторической действительности, самобытность и разнообразие исторических форм, многопричинность исторического процесса¹⁴.

Цзянь настойчиво и последовательно боролся с субъективистскими построениями и отказом от объективных критериев оценки отдельных социальных групп и исторических личностей в истории Китая¹⁵.

По мнению Цзяня, поглощенность лишь социально-экономическими процессами ведет к появлению «безликой» истории. Заинтересованность исключительно вопросами производительных сил, классовой борьбы, трудящихся масс отрицает значимость отдельных идей, институтов, исторических персонажей и в целом внутриклассовой истории. Вся совокупность событий, историй, персоналий традиционной китайской историографии, к которым Цзянь и другие историки-марксисты его поколения имели сильную эмоциональную привязанность, оказалась под угрозой забвения¹⁶.

Самой крайней была идея радикалов о необходимости вычеркнуть из истории любое конкретное олицетворение культуры правящего класса. В новой всеобщей истории Китая не было места династиям, императорам, дворцовым интригам. Считая такой подход неприемлемым для историка, Цзянь говорил: «В классовом обществе любой блестящий период имеет свои темные стороны, так же как в любом темном периоде есть лучи света... Человек должен смотреть на историю двумя глазами, чтобы видеть и светлые, и темные ее стороны».

Цзянь считал необходимым «осуществить глубокий, детальный анализ центральных вопросов и на базе этого провести всестороннее, комплексное исследование истории Китая». Чтобы определить социальную природу каждого отдельно взятого периода, историки должны провести специализированное, многостороннее исследование производительных сил, классовых отношений, политики, общественной мысли, искусства и даже религии. Данные, полученные в результате изучения конкретных династий, совместно с методом диалектического материализма могут стать основой для истории каждого отдельного периода. В свою очередь, эти истории могут составить единую марксистскую научную всеобщую историю Китая, которая расширит марксистскую историографию в целом.

Цзянь настаивал на твердой эмпирической основе для любых исторических обобщений. Ученый никогда открыто не отождествлял эмпирическую методологию с историзмом. Он всегда обсуждал его вместе с первыми двумя принципами историзма: значимостью контекста и комплексностью¹⁷.

Цзянь представил свои методологические разработки в ответ на радикальную интерпретацию двух новых слоганов для историков — «Теория главенствует», «С помощью теории вести за собой историю». Этот радикальный подход не только сузил спектр исторических интерпретаций и связал историю с вопросами современной политики, но и усилил тенденцию к пустому пересказыванию марксистских постулатов.

«Этот лозунг, — говорил Цзянь Боцзань, — несет в себе очень большую односторонность, по моему личному мнению, его даже можно назвать ошибочным, потому что смысл выдвижения этого лозунга заключается в том, что изучать историю следует исходя из теории или концепции, а не конкретных исторических фактов»¹⁸.

Цзянь Боцзань критиковал широко распространенное начетничество, буквоедское цитирование, упрощенчество и поверхностность суждений под видом «марксистских исследований». «Нужно вести исторические исследования, базируясь на теоретических принципах марксизма. Однако это не значит, что в отношении каждого исторического лица нужно делать выводы с помощью отдельных фраз из марксистских классических трудов... Нельзя брать отдельные фразы из произведений классиков марксизма и делать их универсальными средствами, подходящими для решения любых вопросов. Похоже, что сейчас наблюдается тенденция считать теоретический уровень статьи тем выше, чем больше

в ней приведено цитат из произведений классиков марксизма. Тем самым общей задачей историка становится извлечение цитат из работ классиков марксизма и пересказ этих цитат»¹⁹.

В другой статье он писал: «Мы должны обращаться к марксистским установкам, но не делать из них клеймо: интеллектуальная составляющая важнее. Нужно помнить марксистские установки, но не превращать их в “литейные формы” для переписывания истории».

Цзянь ни в коем случае не игнорировал важную роль теории в историческом анализе. Будучи марксистом и членом КПК, он старался расширить марксистское идеологическое понимание китайской истории.

Ученый подчеркивал, что исторические данные приобретают значение только при помощи идеологических концепций. Цель идеологии — обеспечить систему для интерпретации, а не давать ответы на конкретные вопросы. «Так, ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не дали готовых решений для любого конкретного вопроса из истории Китая. Даже товарищ Мао Цзэдун научил нас только тому, как изучать историю». Идеология — это лишь структура, в рамках которой можно решать конкретные исторические вопросы, а не готовое решение этих вопросов.

По мнению Цзяня, историк может увидеть общую модель исторического развития только путем внимательного эмпирического исследования.

Таким образом, работы Цзянь Боцзяня показывали, что он выступал против вульгаризации понимания политической направленности исторического исследования, против превращения истории в орудие конъюнктурных интересов (это все-таки случилось через год-два), за глубоко исторический подход к каждому исследованию²⁰.

Цзянь испытывал неприязнь ко всем «левым» проявлениям. Тогда в изучении истории имела место тенденция «теория взамен истории» («以论代史»). Это подразумевало слепое толкование теорий, постоянное цитирование изречений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао, а не исследование реальных исторических фактов. Однажды Цзянь высказался с резкой критикой подобного подхода: «Если на протяжении всей статьи лишь цитировать Маркса, Ленина, Мао, не выражать собственной точки зрения, то такая статья не может считаться авторской, а должна принадлежать Марксу, Ленину, Мао».

Позиция Цзянь Боцзяня была обречена на недовольство Мао Цзэдуна. В итоге, когда буквально через полгода началась «культурная революция», ученый оказался одним из пострадавших: в его трудах не было

цитат «великого кормчего», и он во всеуслышание негодовал по поводу издевательств над У Ханем. Историка заставили носить шапку с надписями «Реакционный буржуазный ученый», «Выскользнувший из сети правый элемент», «Ветеран антикоммунизма», «Прихвостень Чан Кай-ши» и т. д. Во время публичной критики его избивали, связывали руки за спиной, сутками пытали, вынуждая давать показания; Цзянь выселили из дома и заточили в крохотной темной комнате.

В 1968 г. во время 12-го пленума ЦК КПК 8-го созыва Мао Цзэдун сказал: «Цзянь Боцзань пишет об императорах и князьях, генералах и сановниках, и если мы хотим что-то знать об этих персонажах, нужно идти к нему. В них есть прок. Что касается интеллигентов, то мы должны уважать их человеческое достоинство». Эти несколько фраз, сказанные Мао Цзэдуном, изменили положение несчастного ученого: ему даже позволили вернуться в собственный дом. Пропагандистские группы Мао Цзэдуна (工宣队) заставили Цзянь Боцзяня написать Мао благодарственное письмо, что он послушно и сделал.

Однако 4 декабря к Цзяню пришел замдиректора отдела специальных расследований. Ему опять устроили допрос и заставили давать показания. У Цзяня потребовали написать признание и разоблачение. Цзянь отказался делать это. 18 декабря историка снова посетили люди из отдела специальных расследований. На этот раз, пытаясь добиться признания, на Цзяня направили револьвер. Однако и это не сломило ученого. Цзянь оставался непреклонен. Третий визит состояться уже не мог. Цзянь Боцзань оказался в безвыходном положении и поздно ночью 18 декабря 1968 г. принял смертельную дозу снотворного. Вместе с ним ушла из жизни его супруга Дай Шавань. На тот момент историку было 70 лет. В карманах его суньятсеновки нашли две записки. Первая записка гласила: «Я выбираю смерть, так как мне больше не в чем признаваться. Господин Гу (семейный врач. — А.А.) не знает о моих намерениях». Во второй записке рефреном звучала одна фраза: «Да здравствует председатель Мао, да здравствует председатель Мао, да здравствует председатель Мао!»²¹

Лишь в сентябре 1978 г. руководством Пекинского университета доброе имя выдающегося марксистского историка Цзянь Боцзяня было восстановлено: в его честь провели обряд поминовения на кладбище Бабаошань в Пекине, через год в свет вышло переиздание его работ, а чуть позже была проведена конференция в память об ученом²².

Примечания

¹ Чэнь Вэй. Мао Цзэдун юй вэньхуацзе минлю (Мао Цзэдун и выдающиеся персоналии мира культуры) 陈徽。毛泽东与文化界名流.. Пекин, 2003. С. 383.

² Свистунова Н.П. Об исторических взглядах Цзянь Боцзяня и их критике в КНР // Историческая наука в КНР. М., 1981. С. 219.

³ Чэнь Вэй. Указ. соч. С. 383.

⁴ Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. С. 720—721.

⁵ Чэнь Вэй. Указ. соч. С. 383—384.

⁶ China's intellectuals and the state: In search of a new relationship. Edited by Merle Goldman, Timothy Cheek, Carol Lee Hamrun. Cambridge (Massa.) 1987. P. 74.

⁷ Baets, Antoon de. Censorship of Historical Thought: A World Guide 1945—2000. Westport, Connecticut «Greenwood press», 2002. P. 114.

⁸ Baets, Antoon de. Op. cit. P. 114.

⁹ Weigelin-Schwiedrzik, Susanne. Back to the Past: Chinese intellectuals in search of historical legitimacy // Rethinking China in the 1950s. New Brunswick, 2007. P. 7.

¹⁰ China's intellectuals and the state: In search of a new relationship. P. 77.

¹¹ Усов В.Н. История КНР в 2-х томах. М., 2006. Т. 2. С. 710.

¹² China's intellectuals and the state: In search of a new relationship. P. 76.

¹³ Усов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 710.

¹⁴ China's intellectuals and the state: In search of a new relationship. P. 77.

¹⁵ Усов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 710.

¹⁶ China's intellectuals and the state: In search of a new relationship. P. 77.

¹⁷ China's intellectuals and the state: In search of a new relationship. P. 79.

¹⁸ Усов В.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 709.

¹⁹ Там же. С. 708—709.

²⁰ Там же. С. 711.

²¹ Jian Bozan. Статья // Xuweixin Studio [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xuweixin.com.cn/cttest/a/Eng/Works/Catal/2014/1215/91.html> (дата обращения: 17.05. 2015).

²² Baets, Antoon de. Op. cit. P. 113.

*Санат Нурболович Жилкибаев,
студент Оренбургского института (филиал)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В КИТАЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема коррупции и опыт её разрешения на протяжении всей истории Китая.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, взятка, коррупция в Китайской империи, коррупция в КНР, борьба с коррупцией в Китае, антикоррупционная система Китайской империи, антикоррупционная система КНР.

Annotation. This article deals with the problem of corruption and experience of its resolution throughout the history of China.

Keywords: corruption, bribery, bribery, corruption in the Chinese Empire, corruption in People's Republic of China fight against corruption in China's anti-corruption system of the Chinese Empire, the PRC's anti-corruption system.

Известно, что коррупция в Китае началась тогда же, когда началось само китайское государство — 5 тыс. лет назад. В стране при любой династии, которая опиралась на разветвлённый бюрократический аппарат, появлялось множество чиновников, тянущихся к государственным средствам. Конкуренция была высокая, поэтому воровали много и часто. В торговой среде возникло аналогичное явление: чтобы «подмять» под себя весь рынок, занять привилегированные позиции, многие купцы преподносили роскошные подарки высшим чинам.

Истоки китайской коррупции лежали в сложившейся организационной системе, когда осуществление и соблюдение законов ложилось на плечи местных властей. В огромной державе, где невозможно было обеспечить жесткий контроль из центра, власть сделала проще: регионы облагались определенными налогами, которые нужно было платить за определенные промежутки времени. Чиновники мелкого и среднего звена, призванные следить за порядком на местах, были существенно обделены доходом, ведь их поддержка государством была низкой, а официальные зарплаты никогда не соответствовали их запросам. Тогда взяточничество распространилось по всей территории Китайской империи, а в определенных провинциях законы подстраивались местными чиновниками таким образом, что дача взятки в денежной или любой другой форме порой открывала самый короткий и простой путь для простых жителей в осуществлении их целей. Постепенно коррупционная система пронизала весь Китай. Любой чиновник требовал деньги с младшего по званию, например со своего помощника. Тот, в свою очередь, обращался к низшему чину, и таким способом эта лестница шла до самого низа. Власти в столице и крупных городах ничего не могли с этим поделать, ведь концепция была разработана практически безупречно, и очень редко можно было поймать взяточника с поличным. Они и сами, порой, оказывались в этом замешанными. Так, один европейский путешественник, оставшийся безмянным, так охарактеризовал эту систему: «Чиновник, который не дает и не берет взятки, считается здесь идеалистом, недееспособным для своего поста. Это все равно, что плыть против течения»¹. Согласно историческим хроникам, из 10 чиновников только 3 удавалось оставаться неподкупными². Соответственно, несмотря на это, и борьба с этим злом была столь же жесткой и даже жестокой: различные виды смертных казней, телесные наказания, наказания позором (потеря лица) и конфискации имущества.

Ещё в те далекие годы два учения предлагали пути решения проблемы:

1. Легизм, или учение фацзя (верховенство права, жестокие наказания за его нарушения). Именно благодаря этому учению император Цинь Шихуанди (221—210 гг. до н. э.) создал первую в Китае систему административного контроля и надзора за чиновниками (так называемая контрольная, или надзорная, власть): чиновники-инспекторы (*цзяньюйши*, впоследствии также *юйши* и *циши*³), подчиненные напрямую только самому императору⁴). В связи с этим известны слова великого реформатора КНР Дэн Сяопина (1904—1997 гг.) о том, что «мягкой

рукой с преступностью не повоюешь и социальные уродства не выведешь»⁵, а также слова нынешнего председателя КНР Си Цзиньпина, объявившего беспощадную войну коррупции в Китае: «Каждый чиновник, одновременно являющийся членом КПК, должен помнить, что все “грязные руки” будут обрублены»⁶.

2. Конфуцианство — разум, гуманизм, доверие и остальные добродетели должны править в обществе, а регулировать отношения должен ритуал: профилактика в корне неправомерного поведения должностных лиц («благородных мужей») и исправление виновности лиц путем обращения к стыду и совести. Благодаря конфуцианству при императоре У-ди (140—87 гг. до н. э.) была создана качественно новая система назначения на государственные должности (так называемая экзаменационная власть). Желая стать чиновником (в принципе любой подданный китайского императора) должен был сдать специальные государственные экзамены на знание грамоты, истории, культуры, философии (конфуцианства) и т. д., вплоть до составления собственных законопроектов и поэм или стихов⁷.

Сохранились известные высказывания Конфуция в каноническом труде «Лунь юй» («Суждения и беседы»), касающиеся разложения чиновника:

- Не беспокойся о том, что у тебя нет высокого чина. Беспокойся о том, достоин ли ты его⁸.
- Когда ты на службе у правителя, думай прежде о своем деле, а потом уже о своем жалованье⁹.
- Если служивый муж (*ши*) думает лишь о спокойствии и удовольствиях, он не достоин так называться¹⁰.
- Благородному мужу легко служить, но ему трудно угодить. Если, стремясь угодить ему, нарушаешь учение дао, он будет недоволен. Он использует людей на службе сообразно их способностям. Мелкому же человеку трудно служить, но легко угодить. Если, стремясь угодить ему, ты нарушишь учение дао, он все равно будет доволен. Он использует на службе лишь тех людей, которые способны на любой проступок¹¹.
- Когда Жань Ю вернулся из дворца правителя, Учитель спросил его: «Почему так поздно?» Тот ответил: «Занимался государственными делами». Учитель сказал: «Ты занимался частными делами. Если бы дела были государственные, то, хотя я и сам не на службе, все равно узнал бы о них»¹².

Коренное различие между данными учениями вывел ещё сам Конфуций: «Если наставлять народ путем правления, основанного на законе, и поддерживать порядок через наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится чувства стыда. Если наставлять народ путем правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем использования ритуалов, то у народа появится чувство стыда и он исправится»¹³.

В китайской литературе также можно встретить примеры того, насколько коррумпированы были многие китайские чиновники. Взятки и подарки в обмен на то или иное их решение были неотъемлемой частью повседневной жизни. Так, например, знаменитый роман эпохи династии Мин (1368—1644 гг.) «Цветы сливы в золотой вазе», автором которого является некий Ланьлинский насмешник (настоящее имя неизвестно), открыто критикует государственную администрацию, в которой есть место коррупции¹⁴.

Среди широких народных масс Китая известны были и такие традиционные пословицы и поговорки о коррупции в среде чиновничества¹⁵:

- Беда у крестьянина — радость у чиновника.
- Берегись улыбающегося чиновника.
- Бывают столетние крестьяне, не бывает столетних чиновников.
- Какой чиновник не корыстолюбив?
- Когда крестьянин тощает, чиновник жиреет.
- Чиновник не бьет приносящих подарки.
- Чиновник не должен любить деньги, офицер не должен бояться смерти.

Однако были и вполне материальные предложения по профилактике и предотвращению коррупции. Так, например, известный экономист эпохи династии Сун (960—1279 гг.) Ван Аньши планировал провести реформы в денежно-кредитных учреждениях Китая, что позволило бы снизить коррупцию и кумовство. Однако предложенные им идеи были отклонены элитой. В результате коррупция продолжала существовать и приобрела еще большие масштабы. Даже суды, не говоря уже о местной элите, были замешаны в коррупционных делах¹⁶.

Один из сохранившихся юридических актов по борьбе с коррупцией Правовой кодекс династии Цин — был введен в действие в 1644 г. В нем были прописаны санкции, применяемые к замеченным в коррупции чиновникам в зависимости от тяжести преступления. При этом во внимание принимался размер полученной взятки, будь то деньги, по-

дарки или прочие подношения. Наказать чиновника могли разными способами: от ударов бамбуковой палкой до смертной казни¹⁷.

Однако, несмотря на все усилия, китайские «люди подлые» частенько поднимались высоко по ступеням власти. Во времена династии Цин (1644—1911 гг.) фаворитом императора Цяньлуна стал евнух Хэ Шэнь. Он торговал должностями и аудиенциями с Сыном Неба, брал взятки по любому поводу. Только после смерти императора в 1799 г. высокопоставленный мздоимец был разоблачен и казнен. Конфискованное в казну имущество оказалось дороже всех ценностей императорского двора (!!!). Хэ Шэнь был не единственным *сяожэнь* («низкий человек»): «откаты» чиновникам при государственных работах, например строительстве дамб и ирригационных каналов, достигали 50—60 %¹⁸. Безудержная коррупция, прогнивший бюрократический аппарат и ослабленное правительство стали главными причинами ослабления династии Цин, ее позорных поражений в Опиумных войнах с Англией и Францией (1840—1842 гг. и 1856—1860 гг.), с Японией (1894—1895 гг.), других столкновениях с империалистическими державами и, в итоге, падения Цинской империи в результате Синьхайской революции 1911 г. (как многих иных великий династий Китая в прошлом).

В Китайской Республике (1912—1949 г.) была создана Экзаменационная палата, которая ведала не только набором госслужащих, но и их аттестацией, однако фактически все кадровые вопросы оказались в руках Кадровой администрации Исполнительной палаты (правительства). На Тайване такое противоречивое положение сохраняется и по сей день. Демократическая прогрессивная партия Тайваня неоднократно поднимала вопрос об упразднении Экзаменационной палаты, но так и не смогла этого добиться¹⁹.

Однако впоследствии и националистический режим Гоминьдана проиграл в борьбе с КПК по тем же причинам массовой коррупции. С декабря 1951 г. по июнь 1952 г. в новой КНР, основанной в 1949 г. пришедшей к власти КПК, был первый период борьбы с коррупцией, названный «стратегия войны», — программа «три анти-»: антикоррупция; антибюрократизм; антирасточительство.

Уже тогда коррупционеры приговаривались специально созданными народными судами КНР к смертной казни²⁰. Было широко известно дело Лю Циншаня и Чжан Цзышаня — двух видных партийных чиновников. Будучи замешанными в особо крупных хищениях, они были расстреляны²¹. Всех граждан КНР обязали сообщать о ставших им из-

вестных фактах коррупции²², чем они активно занимались, занимаются и будут заниматься. Остальной же период истории КНР до начала эпохи «великих перемен», начатых реформами Дэн Сяопина в 1978 г., назывался «золотым веком» общественного спокойствия²³.

Это было обусловлено крайней политической нестабильностью (политическая борьба и репрессии в недрах ЦК КПК, объяснявшиеся продолжением борьбы с коррупцией), активной занятостью населения и власти в авантюрных планах построения коммунизма (период «большого скачка» — 1958—1963 гг.) и путем периодических «революций» под формальным предлогом очищения партии от разложения, но уничтоживших систему централизованного управления страной (период «великой пролетарской культурной революции» 1966—1976 гг.) и бедностью отсталого Китая.

Отказ от «казарменного коммунизма» после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и проведение политики «реформ и открытости» с 1978 г. привели к внедрению правил рыночной экономики, пусть и с «социализмом с китайской спецификой». Дэн Сяопин бросил лозунг: «Обогащайтесь!», и его призыву последовали не только трудяги и честные предприниматели, но и «люди подлые», в том числе с партийными билетами. Коррупция на всех этапах партии и государства приняла пугающие масштабы, стала вызывать возмущение в обществе²⁴. «Кража государственной собственности, растраты и взяточничество сказываются на материальных и финансовых ресурсах страны. Если мы хотим положить этому конец, мы должны принять быстрые, жесткие и суровые меры». Великий «архитектор китайских реформ» был потрясен тем фактом, что «появились небывалые воры — “большие тигры”, расхитившие до десяти тысяч юаней»²⁵(!!!). Также один из руководителей КПК в 1980-е годы Чэнь Юнь сказал: «Вопрос стиля работы партии — вопрос её жизни и смерти»²⁶.

Вопрос о законодательном регулировании системы государственной службы в контексте утверждения законности и правопорядка был поставлен после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.). Уже в 1980 г. Дэн Сяопин обрисовал новые принципы, выделив такие моменты, как набор служащих по результатам экзаменов, четкое определение критериев назначения на должность и смещения с должности, периодические аттестации, отвод от должности, ротацию кадров. В 1980-е годы Министерству кадров КНР было поручено разработать новый способ организации государственной службы. Первый вариант проекта Временного положения о государственных служащих был под-

готовлен в 1987 г. В 1988—1989 гг. он широко обсуждался в центре и на местах, результаты обсуждения были одобрены постоянными органами Госсовета и ЦК КПК. В 1988 г. началась апробация проекта в некоторых центральных и местных органах. Только в этом году более 1 млн человек приняли участие в экзаменах на штатные должности в правительственных органах различных ступеней. Временное положение о государственных служащих вступило в силу 1 октября 1993 г. Этому предшествовало несколько лет подготовительной работы, в том числе 4 года заняла экспериментальная проверка эффективности²⁷.

Также Дэн Сяопин был инициатором создания в структурах Министерства государственной безопасности (МГБ) и Министерства общественной безопасности (МОБ) мощных специальных системно-аналитических подразделений, которые занимаются долгосрочными прогнозами развития геостратегической и региональной криминогенной ситуации в стране, разрабатывают планы проведения тотальных операций. Существует ещё несколько центральных аналитических организаций (к примеру, Исследовательское бюро при Госсовете КНР)²⁸.

Однако рост разложения начался, и его невозможно было полностью остановить, что повлекло рост общественно-политической нестабильности:

1. В 1985 г. студенты на о. Хайнань и в г. Гуанчжоу протестовали против роста цен, коррупции и бюрократизма. Их поддержали учащиеся Пекина, Сиани и Чэнду. Партийные власти наряду с жёсткими мерами по наведению порядка в студенческих городках вынуждены были провести кампанию борьбы с «порочным стилем среди кадровых работников». С благословения Дэн Сяопина именно тогда была восстановлена смертная казнь и начались показательные расстрелы попавшихся коррупционеров.

2. К весне 1989 г. формирование бюрократического капитализма приняло ещё более откровенные формы. Ускорила инфляция, разрыв в доходах верхов и низов стал вызывать массовое возмущение. Вседозволенность нуворишей и «новой аристократии» из органов власти и партии настраивала на боевой лад бунтарей, ещё помнивших о временах «культурной революции», о погромах горкомов и райкомов, о «дурацких колпаках» на головах вчера ещё веселых начальников, о публичных казнях. А в мае 1989 г. начались беспорядки на площади Тяньаньмэнь в Пекине, поддержанные молодежью в других городах. Трагическая развязка наступила в начале июня. Партии удалось удержать кормило

власти, но «работа над ошибками», отставки высокопоставленных руководителей (включая самого Дэн Сяопина) продолжались еще несколько лет²⁹.

Результаты же первого периода борьбы с коррупцией были так же реальны, как и сегодня. Журнал КПК «Партийное строительство», подводя итоги борьбы с коррупцией в 1982—1989 гг., подсчитал, что было заведено более 1,5 млн дел, более одного 1 млн чиновников понесли наказания³⁰.

Дэн Сяопин, бывший лидером второго поколения китайских руководителей, рассматривал борьбу с коррупцией сквозь призму сохранения социальной стабильности в стране. Магистральный путь борьбы с этим злом он видел в скорейшем создании системы законности и правопорядка и в связи с этим придавал большое значение деятельности Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) КПК, считая, что контроль за соблюдением дисциплины членами партии может прекратить практику подкупа должностных лиц. В политической практике лидера третьего поколения китайских руководителей, Цзян Цзэминя, важное место занимала задача построения «неподкупной администрации». Он настаивал на комплексном подходе к борьбе с коррупцией, т. е. на сочетании карательных мер с воспитательной и образовательной работой. Ху Цзиньтао, лидер четвертого поколения, подобно своим предшественникам, видел в эффективной борьбе с коррупцией важную меру по сохранению политической стабильности в стране. Вместе с тем он усиливал внимание к правотворчеству, разработке теории антикоррупционных мер, в том числе профилактических мероприятий³¹.

На основе вышеизложенного можно с уверенностью сказать, что практика коррупции и, одновременно, борьбы с ней имеют в Китае очень древнюю историю, что проявляется в современном Китае в следующих моментах:

1. Концепции легизма (учения фацзя) и конфуцианства (или неоконфуцианства) после борьбы слились и составляют вместе с трансформированной коммунистической идеологией и современной юриспруденцией теоретический, идеологический и морально-этический каркас, корень, стержень антикоррупционной политики и деятельности в КНР.

2. Сегодня на фоне беспощадной чистки партийно-государственно-го аппарата от всех видов разложения, проводимой по решению пятого поколения китайских руководителей с самого момента их избрания во

власть по результатам съезда КПК в ноябре 2012 г., используя весь тысячелетний опыт своих предков, мировой опыт и современные технологии, имеется позитивная тенденция в решении этой проблемы, и вполне возможно, что скоро если не об искоренении взяточничества в КНР, то хотя бы о снижении коррупции до безопасных для общества и государства размеров можно будет говорить с уверенностью.

Примечания

¹ *Скорыходов П.* Китай коррупционный: как в империи боролись с воровством и взяточничеством и как в КНР это делают сегодня // Правда в чае. Все о бизнесе с Китаем. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://vchaе.com/kitay-korrupsionnyiy-kak-v-imperii-borolis-s-vorovstvom-i-vzyatochnichestvom-i-kak-v-knr-eto-delayut-segodnya/> (дата обращения: 13.08.2015).

² Исторические истоки коррупции в Китае // Gbtimes. 12.08.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ru.gbtimes.com/kultura/istoricheskie-istoki-korrupcii-v-kitae> (дата обращения: 29.11.2015).

³ *Адамчик В. В., Адамчик М. В., Бадан А.Н. и др.* История Китая. М., 2007. С. 203—204.

⁴ Там же. С. 167—168.

⁵ *Макаров А.В., Жукова А.С.* Явление коррупции в Китае и реальность современной России: вопросы совершенствования законодательной базы // Международное публичное и частное право. 2012. № 2. С. 32.

⁶ *Тавровский Ю.В.* Си Цзиньпин: по ступеням китайской мечты. М., 2015. С. 153.

⁷ *Адамчик В. В., Адамчик М. В., Бадан А.Н. и др.* Указ. соч. С. 206.

⁸ Конфуций. Лунь юй. Суждения и беседы. Гл. 15, высказ. 19. Цит. по: *Подолько Е.* Борьба с коррупцией — гарантия процветания Китая // Следователь. 2011. № 2. С. 59.

⁹ Там же. Гл. 15, высказ. 38. Цит. по: Маслов А.А. Конфуций: прогулки с мудрецом // Ростов н/Д; Краснодар, 2010. С. 108.

¹⁰ Там же. Гл. 14, высказ. 2. Цит. по: Там же. С. 42.

¹¹ Там же. Гл. 13, высказ. 25. Цит. по: Там же. С. 272.

¹² Там же. Гл. 13, высказ. 14. Цит. по: Там же. С. 418.

¹³ Там же Гл. 2, высказ. 3. Цит. по: Там же. С. 372.

- ¹⁴ Исторические истоки коррупции в Китае // Gbtimes. 12.08.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ru.gbtimes.com/kultura/istoricheskie-istoki-korruptsii-v-kitae> (дата обращения: 29.11.2015).
- ¹⁵ Китайские крылатые выражения / под ред. Е.В. Мезенцева. Харьков, 2012. С. 47, 50, 57, 118, 122, 217.
- ¹⁶ Исторические истоки коррупции в Китае // Gbtimes. 12.08.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://ru.gbtimes.com/kultura/istoricheskie-istoki-korruptsii-v-kitae> (дата обращения: 29.11.2015).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Тавровский Ю.* Схватка с тигром // Завтра. 2014. № 50. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://zavtra.ru/content/view/shvatka-s-tigrom/> (дата обращения: 09.03.2015).
- ¹⁹ *Гудошников Л.* Метаморфозы государственной службы в Китае // China-INC.ru. 11.10.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://china-inc.ru/news/metamorfozy_gosudarstvennoj_sluzhby_v_kitae/2015-10-11-399 (дата обращения: 29.11.2015).
- ²⁰ *Иванова Л.А., Данилов А.Г.* Опыт борьбы с коррупцией в азиатских странах // Следователь. 2014. № 10. С. 21.
- ²¹ *Тихомиров С.А.* О некоторых технологиях борьбы с коррупцией в Китайской Народной Республике // Адвокат. 2013. № 5. С. 48.
- ²² *Иванова Л.А., Данилов А.Г.* Указ. соч. С. 21.
- ²³ *Овчинский В.* Дракон побеждает коррупцию // Наш современник. 2011. № 2. С. 143.
- ²⁴ *Тавровский Ю.* Указ. соч.
- ²⁵ *Подолько Е.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁶ *Тихомиров С.А.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁷ *Гудошников Л.* Указ. соч.
- ²⁸ *Овчинский В.* Указ. соч. С. 146.
- ²⁹ *Тавровский Ю.* Указ. соч.
- ³⁰ *Тихомиров С.А.* Указ. соч. С. 48.
- ³¹ *Гудошников Л.* Указ. соч.

*Евгения Константиновна Шулунова,
к.филол.н., с.н.с. ИДВ РАН*

КИТАЙСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Статья рассматривает развитие театра Китая за последние три десятилетия. В конце 1980-х годов в связи с реформой китайского театра последнему предстояло заново определить свое место в обществе. В драматургии авторы стали обращаться к интеллектуальной, психологической драме.

В мировом театре XX в. большая роль отведена режиссеру. Китайский драматический театр не явился исключением: роли режиссера в 90-е гг. стали придавать все большее значение. В настоящее время оригинальные формы сценического выражения открывают новые грани театрального выражения, способствуют развитию китайского театра, взаимодействию театра и зрителя, укрепляя их взаимоотношения.

Ключевые слова: китайский традиционный театр *сицзюй*, драматический театр хуацзюй, современная западная классика, отечественные произведения, дискуссии, подъем в области театральной деятельности Китая.

Annotation. The article deals with the development of theatre in China over the past three decades. In the late 1980-ies in connection with the reform of the Chinese theater last had to redefine their place in society. In drama, the authors began to turn to intellectual, psychological drama. In the world of theatre XX century, the major role is reserved to

the Director. The Chinese drama theatre was no exception: the role of the Director in the 90's began to attach increasing importance. Currently the original form of stage expression new dimensions of theatrical expression, contribute to the development of Chinese theatre, interact theatre and the audience, solidifying their relationship.

Keywords: Chinese traditional theatre xiqu, Chinese drama huaju, modern Western classical, discussions, rise in the theater of China.

Несмотря на сложность развития театрального искусства КНР в условиях рыночной экономики с конца 80-х годов XX в., в данное время жизнь китайского театра активна: существуют разные виды и творческие направления в драматургии, большое количество жанров, тематик, развивается режиссура и сценография.

С 1980 г. к театру стали относиться как к объекту искусства, имеющему важное значение для выражения национальной специфики духовной культуры. Одни специалисты заявляли о необходимости «национализации» драматического театра, учитывая специфику традиционного театра. Другие полагали, что театр необходимо осовременить, заимствуя опыт модернистских театральных течений Запада, чтобы увеличить его выразительные способности.

На Всекитайском совещании по вопросам репертуара театра сицзюй, состоявшемся в начале 1980 г., сторонники традиционного театра выделили несколько основных причин потери театром сицзюй своего зрителя: предвзятое отношение к традиционному репертуару во времена «культурной революции», снижение уровня исполнительского мастерства и неподготовленность зрителя к восприятию сценического искусства традиционного театра. В начале 80-х годов драматурги китайского театра создавали спектакли на злободневные темы современности: «Семейное дело», «Чиновник восьмого разряда», «Повесть о кумирне Владыки фармакологии», «Принцесса театра пинцзюй». Из-за острой актуальности проблематики постановки привлекали к себе большое внимание критики, но постепенно востребованность таких спектаклей снижалась, необходимо было создавать новые пьесы.

Выход из сложившейся ситуации был найден в обновлении художественного облика (*гэсинь*) театра *сицзюй*¹ через обращение к современному театру. Концепция обновления включала перевод театра *сицзюй* на овладение современными темами и изменение его общего облика. Про-

грамма обновления театра вызвала значительный интерес со стороны общественности.

Что касается драматического театра *хуацзюй*, то, несмотря на существующие трудности, он продолжал свое развитие. В эти годы на китайской сцене стало появляться много пьес и спектаклей китайской классики и зарубежной драматургии. Критиков и зрителей не могли оставить равнодушными спектакли, затрагивавшие трагедию Китая в годы «культурной революции»: «Ветры и громы в Поднебесной» (Чжао Хуань, Цзинь Цзин), «Партитура о чистых сердцах» (Су Шуян). Тема последствий «культурной революции» стала центральной в «драматургии шрамов». Эти произведения отличало внимание к отдельному человеку, его судьбе, осуждение произвола, царящего в годы «культурной революции»: «Мы» (Ван Пин), «О, учитель, учитель» (Ли Вэньфэнь), «Там, где царило безмолвие» (Цзун Фусянь), «Если бы я был им на самом деле» (Ша Есинь).

Ставилось много спектаклей, где главное место занимала тема любви и душевных переживаний, а также постановки детективного плана. Но уже в 1981 г. официальная критика дала отрицательную оценку такому репертуару. Внимание драматургов переключилось на производственную тематику, связанную с проведением курса «четырёх модернизаций».

Формы других произведений были близки к сценическим иллюстрациям критической корреспонденции в газетах, в постановках отсутствовала глубина раскрытия конфликта, а его развязки звучали искусственно.

В середине 1980-х годов требования зрителей возросли, что послужило стимулом обновления и драматического театра. Одна часть специалистов заявляла о необходимости «национализации» драматического театра, учитывая специфику театра традиционного; другая полагала, что драматический театр необходимо осовременить², заимствуя опыт модернистских, авангардистских театральных течений Запада.

Китайские искусствоведы и драматурги пришли к выводу: искусство драматического театра, являясь искусством реалистическим, следует обогатить приемами, заимствованными из опыта модернистского театра, чтобы увеличить его выразительные способности.

В этот период увеличился объем драматургии традиционного театра *сицюй*. В частности, это произведения, посвященные Синьхайской революции, деятельности Сунь Ятсена и освободительной войне; пьесы

сы антирусской, антисоветской направленности. В эти же годы стали создавать произведения по новым историческим пьесам, в которых осмысливались биографии исторических персонажей, таких как Сыма Цянь, императоры У Ди, Цинь Шихуан, Канси. Спектакли на современную тему создавались в основном региональными видами театра *сицюй*. К экспериментальным поискам относилось создание постановок по пьесам зарубежных драматургов средствами традиционного театра *сицюй*.

Через периодическое издание «Сицюй ишу» («Искусство театра сицюй») и литературно-художественные журналы стала вестись научная и популяризаторская деятельность. Театральные коллективы Китая демонстрировали интересные творческие подходы в сценографии и режиссуре, подборе музыки к спектаклям. В то же время новых хороших произведений было недостаточно, преобладал традиционный репертуар: классика отечественная и зарубежная. Так, на прошедшем в Пекине и Шанхае в апреле 1986 г. Шекспировском фестивале было представлено 29 пьес английского драматурга. Фестиваль вызвал большой интерес у театральной общественности и зрителей. Коллективами национального театра *сицюй* были представлены постановки по пьесам известного драматурга: «Макбет» (режиссер Хуан Цзолин), «Двенадцатая ночь», «Венецианский купец» и многие другие. Все спектакли были поставлены в соответствии с канонами китайского театра с сохранением традиционной певческой школы и мелодики.

Мастера театра *сицюй* обратились также к произведениям А.С. Пушкина. По мотивам повести «Барышня-крестьянка» Пекинский северный театр поставил спектакль «Сельская барышня».

Несовершенство современных пьес явилось причиной возникновения новой дискуссии о дальнейшей судьбе театра. В условиях динамичных социальных, политических, идеологических изменений, происходивших в КНР, внимание к театру *сицюй* ослабевало. Специалисты видели пути осовременивания национального театра *сицюй* через совершенствование традиций, не отказываясь от них.

Театральные смотры и фестивали, проводимые в конце 80-х годов прошлого столетия, отразили творческую активность деятелей национального театра *сицюй*.

Критика отметила положительной оценкой спектакли: «Дела Южной Танской династии» (автор Го Цихун, режиссер Ся Чунь, постановка Пекинского северного театра) и «Дух гор» (автор Шэн Хуэй, режиссер

Тао Сяньлу, постановка театра *сянцзюй* пров. Хунань). Здесь драматурги обратились к истории Китая, по-новому осмыслив события и образы героев. В «Делах Южной Танской династии» главным героем выступает поэт Ли Юй, а в «Духе гор» — Цюй Юань. Первый спектакль отличали изысканность, мелодика, созерцательность, второй — динамика сюжета и ритмическая музыкальность.

Спектакли жанра трагедии «Цао Цао и Ян Сю» (автор Чэнь Ясянь, режиссер Ма Кэ), «Путь в Гонконг» (режиссер Ван Ида) вызвали наибольший интерес у зрителей и критиков. В «Цао Цао и Ян Сю» авторы подняли сложную тему: тиран-властитель и интеллигенция. Постановку отличали высокий профессионализм режиссуры, эмоциональная выразительность и высокое мастерство актерского исполнения. «Путь в Гонконг» характеризуется творческой смелостью режиссера. В пьесе автор затрагивает проблему ценности личности, интеллигенции, раскрывает причины конфликтов, возникающих между людьми.

И все-таки преобразования в области китайского театра были необходимы. В конце 1980-х в связи с реформой китайского театра было принято решение сократить количество храмов Мельпомены и одновременно укрепить их кадровую и материальную базу. В условиях курса на модернизацию, реформы и политику «открытости» драматическому театру разговорной драмы *хуацзюй* было необходимо заново определить свое место в обществе. Это время было отмечено спорами театральной общественности о том, каким быть китайскому театру. В драматургии авторы стали обращаться к интеллектуальной, психологической драме, в частности, к опыту советского театра 1980-х годов и опыту советских режиссеров Вс.Э. Мейерхольда, Е.Б. Вахтангова, О.Н. Ефремова, Г.А. Товстоногова.

На сцене страны было представлено много интересных пьес и постановок, авторы которых принадлежали к среднему и молодому поколению. Впервые в Китае были поставлены пьесы Юджина О'Нила «Печалиться должна Электра»; Софокла «Царь Эдип»; А. Стриндберга «Фрёкен Юлия»; Петера Шаффера «Амадей», «Глаза»; пьесы Б. Брехта «Кавказский меловой круг», Макса Фриша «Швейк во второй мировой войне» и «Обыватель и поджигатели». Все большее внимание привлекают к себе произведения советских авторов: «Иркутская история», «Жестокое игры», «Победительница» А.Н. Арбузова; «Провинциальные анекдоты» А.В. Вампилова; «Синие кони на красной траве» М.Г. Шатрова; «Солдаты» А.А. Дударева. Китайские режиссеры ставили пьесы,

в которых осуществляется попытка познать человека во всем его разнообразии и противоречивости, стремились создать собственные глубокие и зрелые произведения. Эволюция китайского драматического театра на протяжении XX в. выражалась в раскрытии новых для китайского общества тем и мотивов, в изменениях во взаимодействии сцены со зрителем.

«Поисковые спектакли» в 1980—1990 годы считались специфическим явлением в искусстве. Для лучших спектаклей подобного рода характерна многоплановость содержания: постановка проблем нравственных и психологических, раскрытие сложного внутреннего мира человека. К «поисковым спектаклям» критика отнесла пьесы Гао Синцзяня: «Автобусная остановка», «Тот берег», «Снежный человек». В постановках «Визит мертвого к живым» Лю Шугана, «Нирвана Гоу Эръе» Цзинь Юня, «Китайские сновидения» Сунь Хэйчжу (режиссер Хуан Цзолинь), «Деревня Саньшупин» (по новеллам Чжу Сяопина, режиссер Сюй Сяочжун), «Ищу настоящего мужчину» Ша Есиня, «Красная, белая, черная комната» Ма Чжунцзюня явны черты западного экзистенциализма и абсурдизма. Отличительной их особенностью является выход за рамки привычного реализма. К произведениям, строящимся по реалистическим законам, относятся: «Лучший в Поднебесной» (Хэ Цишэн), «Черный камень» (Ян Лимин). Обращение драматургов и режиссеров Китая к опыту модернистского театра в начале 1980-х и в начале 1990-х годов было расценено как отрицательное. Однако пьеса Го Шисина «Птицы-люди» явила собой удачный пример сочетания элементов реалистического театра и театра абсурда, вызвала общественный резонанс.

В начале 1990 г. руководство КПК выдвинуло установку на популяризацию лучших традиций национальной культуры. Большая часть постановок последнего десятилетия XX в. состояла из произведений традиционного репертуара: «Семейное дело», «Повесть о кумирне Владыки фармакологии», «Чиновник восьмого разряда» и т. д.

Экономические трудности этого времени стимулировали появление «театров малой сцены». Такими театральными коллективами ставились камерные постановки «поискового» характера, часто отражая новую социально-экономическую действительность. Высокую оценку получили новые постановки «Чайной» (Лао Шэ), «Ранней весной в феврале» (по повести Жоу Ши), «Буря и натиск», драмы Го Шисина. Большое место в репертуаре театров страны занимали постановки по произведе-

ниям зарубежных драматургов: Г. Ибсена, Л. Пиранделло, А. Миллера, Ж.П. Сартра и др.

В конце 1990-х годов проводилась активная работа над экспериментальными постановками театра *сицью*. Высокой оценкой критиков и зрителей удостоились постановки: «Китайская принцесса Турандот», «Рябь на стоячей воде» (по роману Ли Цзижэня), «Сун Цинлин в Шанхае» (постановка Ма Али) и др.

На рубеже XX и XXI вв. появились спектакли по произведениям современных классиков: «Чайная», «Рикша» (Лао Шэ), «Кун Ицзи» (Лу Синь). Однако время диктовало постановку и чисто коммерческих спектаклей театра *сицью*: «Пионовая беседка», «Сон в Красном тереме», «Сестры по сцене».

В условиях нарастающей интенсивности перехода к рыночной экономике театр Китая стал искать пути выхода на международный уровень. Трудность его вхождения в рынок обуславливалась рядом факторов: дефицит пьес и спектаклей, отвечающих изменившимся запросам зрителей; приоритет финансирования государством пьес и спектаклей, прошедших цензуру. Законы рынка, конкуренция, борьба за зрителя оказывали значительное влияние на репертуар театров. Критерием становится не только высокий художественный уровень, но и кассовость. Постепенно число и интерес зрителей начинают расти. К числу лучших спектаклей, отвечающих новым критериям и пользующихся успехом у зрителей, можно отнести «Поле жизни и смерти» (автор Тянь Цзиньсин, по повести Сяо Хуна), «Ревизор» (спектакль поставлен к 150-летию Н. Гоголя), «Двенадцатая ночь» (В. Шекспир), «Служанки» (Ж. Жене).

Театры стали пробовать силы в постановках мюзиклов: «Биография героя Сымао», «О тех, кому принадлежит будущее», «Двенадцатая ночь», «Сказание о Белой змее», «Сестра не в ту телегу», «Романтическая сюита янгэ», «Красавица и дикий зверь». Последний имел большой успех, благодаря зрелищности и красочности. Однако остро стоял вопрос отсутствия пьес, композиторов, исполнителей.

Важным событием для традиционного театра *сицью* стало завершение издания 30-томного «Свода историко-географических сведений о китайском театре *сицью*» (Чжунго *сицью* цзи). В работе над трудом приняли участие ведущие организации НИИ театра *сицью* Китая, Академия театра *сицью* Китая, НИИ искусств Китая. В труде отражена более чем тысячелетняя история национального театра. Выход в свет в

2000 г. 4-томной монографии «История развития китайского театра сицзюй» (Чжунго сицзюй фачжань ши) также явилось значимым явлением для китайского театра. Монография охватывает весь период развития театра — от зарождения до времен династии Цин включительно.

Актуальность в этот период получает вопрос сохранения национальной специфики культуры. Перед театром поставили задачу борьбы за усиление его национального своеобразия. С 2001 г. в театральной жизни Китая стали происходить изменения. Система присуждения наград и премий способствовала оживлению и расцвету театральной деятельности. На сцене китайского театра ставят спектакли «традиционного репертуара», экспериментальные постановки современного театра *сицзюй*, пьесы разговорной драмы в реалистической и современных режиссерских манерах.

Однако, несмотря на растущее разнообразие репертуара, по-прежнему звучали заявления искусствоведов и драматургов о сохраняющемся застое в театре. К их причинам относили низкий литературный уровень пьес, отсутствие в них интеллектуальной и духовной глубины.

В центральных театральных периодических изданиях внимание критики сосредоточилось как на театре *сицзюй*, так и на анализе ситуации, сложившейся в драматургии и в драматическом театре *хуацзюй*. Часть деятелей театра полагала, что выход из нынешнего сложного положения заключается в необходимости концентрации усилий на реформировании и новаторстве, другая — отстаивала сохранение сценических традиций.

Среди постановок *сицзюй*, вызвавших положительный отклик и большой интерес со стороны зрителей и специалистов, отмечены «Весна и осень гегемона», «Добрая женщина, плохая женщина», «Добрый человек из Сезуана», «Дама с камелиями» и др.; среди постановок театра разговорной драмы — «Салемские ведьмы» А. Миллера, «А зори здесь тихие» Б. Васильева, «Чья жена ошиблась дверью» Роя Котнена и др. Большой кассовый сбор собрал балет «Парк Юаньминь — любовь и ненависть» (музыка Чжао Липина).

Отличительной особенностью театральной жизни Китая 2007 г. стало всеобщее внимание к разговорной драме *хуацзюй*, отмечавшей свое 100-летие. Несмотря на экономические сложности, в китайском драматическом театре появились тонкие и глубокие работы: новая постановка Пекинской музыкальной драмы (в исполнении местной школы музыкальной драмы пров. Шаньси) «Бо Шань входит в столицу», спек-

такль разговорной драмы «Белая акула в гостиной» (драматург Ли Сицзин), «Генерал Кариолан» по известной трагедии В. Шекспира «Кариолан» (режиссеры Линь Чжаохуа, И Лимин), историческая пьеса разговорной драмы Центрального театрального института «Дэлин и Цыси» (драматург Хэ Цзипина, режиссер Жэнь Мин).

Важным событием в жизни традиционного китайского театра *сицюй* в 2008 г. явилось мероприятие, посвященное 320-летию драматического произведения жанра *куньцюй* «Храм Долголетия» (Чаншэн дянь) Хун Шэна³. В 1688 г. жанр *куньцюй* получил большую популярность. В честь такого события на сцене были представлены известные произведения: «Пионовая беседка» (Мудань тин) и «Храм Долголетия» (Чаншэн дянь). Спектакль «Храм Долголетия», исполненный на сцене театра «Баоли» шанхайской театральной труппой *куньцюй*, продемонстрировал публике современный подход к классическому произведению. Новая постановка включила в себя 2/3 пьесы. До этого режиссеры, как правило, представляли на сцене сокращенный вариант произведения, который к тому же подвергали изменениям. Это событие оживило внимание не только к жанру *куньцюй*, но и к китайскому традиционному театру в целом.

В октябре 2009 г. страна отметила 60-летнюю годовщину со дня провозглашения КНР. К этому событию был приурочен симпозиум «Развитие искусства разговорной драмы», на котором обсуждались вопросы деятельности драматического театра *хуацзюй* и его творческого потенциала в условиях рынка. Было отмечено, что искусство драматического театра *хуацзюй* за период существования республики не только эволюционировало, но и укрепило свое значение в ряде других видов искусства. Несмотря на сложность существования театрального искусства КНР в условиях рыночной экономики, жизнь китайского театра очень активна: существуют разные виды и творческие направления в драматургии, большое количество жанров, тематик, развивается режиссура и сценография.

Что касается последних нескольких лет, то здесь наблюдается подъем в театре Китая, что отражается на активной деятельности в области международных театральных контактов, возросшем количестве демонстрируемых постановок, о чем свидетельствуют проводимые в стране смотры, фестивали. Определяющим является и политический курс Китая в области театрального искусства, подчеркивающий культурное развитие в качестве важнейшей цели политики страны⁴.

Примечания

¹ *Гайда И.В.* Национальный театр сицуй и его судьба сегодня // Китайская культура 20—40-х годов и современность. М., 1993.

² *Гайда И.В.* Театральная политика и практика деятельности театра КНР на современном этапе // Информационный бюллетень. Культура КНР на современном этапе. М., 1985.

³ URL: <http://www.yiyuanyi.org> 艺术 › 戏剧 (дата обращения: 25.01.2015).

⁴ URL: <http://www.spc.people.com.cn> 独家稿件 (дата обращения: 18.03.2015).

*Карина Борисовна Байрамова,
ИСАА при МГУ имени М.В. Ломоносова*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕРИОД «ДВИЖЕНИЯ ПОДСОЛНУХОВ» НА ТАЙВАНЕ В 2014 г.

Аннотация. Статья посвящена общественному протесту, произошедшему на Тайване в марте—апреле 2014 г. и получившему название «Движение подсолнухов». Во время этого движения активно использовалось интернет-пространство для организации митингов, привлечения сторонников, распространения идей участников среди населения Тайваня. Студенты также использовали интернет-платформы для внутренней координации действий между собой, передачи информации. Использование Интернета и нетрадиционных СМИ обеспечило успех и широкую поддержку движения, а также показало, какой прозрачности ждут от правительства.

Ключевые слова: Тайвань, «Движение подсолнухов», интернет-пространство, нетрадиционные СМИ, краудфандинг.

Annotation. The article is devoted to a civil protest, named «Sunflower Movement», which took place in Taiwan in March-April 2014. During this movement participants actively used the Internet in order to organize demonstrations, attract supporters, and spread the ideas of the movement among Taiwan citizens. Moreover, students used Internet-sites for coordination and sharing data. Using the Internet and nontraditional media has ensured the success of the Sunflower Movement and huge support for the activists. Besides, it showed to the government what level of transparency the citizens were expecting from it.

Keywords: Taiwan, Sunflower Movement, the Internet, nontraditional media, crowdfunding.

Ночью 18 марта 2014 г. в Тайбэе несколько сотен студентов, выступающих против процедуры ратификации Соглашения о торговле услугами (СТУ) между Тайванем и Китайской Народной Республикой (КНР), захватили здание Законодательного юаня, положив начало самому крупному за последние годы студенческому движению на острове, получившему символическое название «Движение подсолнухов». Благодаря крайне профессиональному использованию студентами информационных технологий, интернет-СМИ и социальных сетей движение в считанные дни собрало массу сторонников. Столь широкомасштабное информационное сопровождение движения стало возможным в силу работы волонтерских групп и помогло активистам в рекордно короткие сроки привлечь к движению и проблеме подписания СТУ максимум внимания как со стороны жителей Тайваня, так и со стороны мировой общественности.

Сразу после начала движения близкие к правительству СМИ попытались дискредитировать протестующих, указывая на то, что они бесчинствуют в здании парламента, а их протестные методы носят «недемократический» характер¹. Поэтому с первых дней оккупации здания Законодательного юаня установление прямой трансляции, а также передача фото- и видеоматериалов стало первоочередной задачей студентов. Прямую трансляцию акции взял на себя сайт g0v.tw² (название намеренно копировало имя официального государственного сайта — gov.tw), который был запущен в 2012 г. и в штате которого находились около 100 сотрудников.

Сайт создавался для того, чтобы граждане могли контролировать работу и оценивать деятельность правительства. Это, по замыслу разработчиков, привело бы к тому, что администрация в условиях контроля действовала бы более открыто и прозрачно. На протяжении последних нескольких лет сайт освещал действия, предпринимаемые правительством, предоставлял политический контент в легкой для понимания форме, чтобы граждане Тайваня были в лучшей степени информированы о том, что происходит на острове, и могли трезво оценить политическую ситуацию. G0v.tw создали официальный сайт «Движения подсолнухов» — Demosgasy at 4 a.m.³, где они публиковали ссылки на наиболее значимые речи и официальные объявления лидеров движения, а также ежедневно описывали события, происходившие у здания Законодательного юаня. Этот сайт обеспечил успех марша 30 марта, когда именно благодаря технической поддержке студентам удалось собрать на митинг

у президентского дворца в Тайбэе, по их данным, от 350 до 500 тыс. человек⁴.

Для распространения информации использовались и такие крупные социальные сети, как Фейсбук, Твиттер и РТТ (популярная социальная сеть среди тайваньской молодежи). Но следует обратить особое внимание на то, что организаторы намеренно не обращались к крупным социальным сетям из-за того, что они не могли быть адаптированы под нужды движения, а также из соображений безопасности. Активно использовалась специальная открытая платформа Hackfoldr⁵ для согласования действий и коммуникации между участниками «Движения подсолнухов», обмена данными, ссылками, информацией и документами, что позволяло студентам постоянно быть в курсе того, что происходит. Именно современные информационные технологии позволили сделать движение массовым и при этом очень организованным. У «Движения подсолнухов» были свои лидеры — Линь Фэйфань и Чэнь Вэйтин, которые общались в основном с представителями власти. В остальном же движение представляло собой структуру с горизонтальным способом управления, что делало ее более дееспособной и позволяло вовлечь больше людей в реальную работу по распространению идей движения среди тайваньских граждан. Интересен также тот факт, что, несмотря на то что в движении участвовало огромное количество людей, не было ни одного человека или группы, которые бы доминировали во время принятия решений.

Участники «Движения подсолнухов» внимательно следили за протестами на Украине в 2014 г. и, рассуждая о том, каким образом можно привлечь внимание международной общественности к их движению, заимствовали методы, применяемые украинскими протестующими на Майдане. Так, тайваньские студенты были вдохновлены видеороликом «Я — украинка», записанным Юлией Марушевой после начала кризиса. Эта видеозапись собрала более 8 млн просмотров на Youtube. Понимая, насколько студенческому движению важна поддержка иностранных СМИ, активисты «Движения подсолнухов» записали свой видеоролик «Я — тайванец»⁶ на 4 языках. Китайский был нацелен на жителей Тайваня и материк, английский и японский помогли привлечь внимание главных союзников Тайваня — США и Японию, а кантонский диалект — чтобы привлечь сочувствующих в Гонконге, который через несколько месяцев захлестнула волна «революции зонтиков». Кроме того, на сайте reddit студентами была создана специальная стра-

ница, на которой любой житель острова или иностранный гражданин мог зарегистрироваться и задать вопрос лично лидерам движения — Чэнь Вэйтину, Оливеру Чэню, Линь Юйсюаню и Су Сяню (сайт работал только на английском языке)⁷.

Движение было преимущественно студенческим и независимым от всех политических сил, поэтому поддерживалось преимущественно сочувствующими протестующим островитянами. В период «Движения подсолнухов» студенты использовали такие электронные ресурсы, как Google Docs, где постоянно обновлялся список того, что требуется активистам (например, еда, вода или медикаменты), а также разъяснялось, каким способом можно предоставить пожертвования. Поддержка движения жителями была столь широка, что список даже был закрыт на два дня (22 и 23 марта) из-за того, что гуманитарная помощь переполнила палатки и волонтеры не успевали раздавать ее участникам. Позже система пожертвований была возобновлена вновь. Google Maps использовались для того, чтобы протестующие и сочувствующие граждане во время массовых демонстраций могли легко находить место пунктов оказания первой помощи, универмагов, уборных и т. д. Для того, чтобы, с одной стороны, постоянно поддерживать определенное число участников в сидячей забастовке вокруг парламента и, с другой стороны, во избежание переутомления людей, был создан специальный сайт⁸ с расписанием. На сайте сочувствующие могли через свои страницы на Фейсбуке записаться волонтерами в список, согласно которому одна группа участников сидячей забастовки сменяла другую по определенным часам и, таким образом, вокруг Законодательного юаня постоянно находилось большое количество людей. Сидячая поддержка снаружи парламента была крайне важна для лидеров и костяка студенческого движения, которые находились внутри, а также позволяла усиливать давление на правительство. Кроме того, большая толпа вокруг самого здания и на близлежащих к нему улицах лишала полицию всяческой возможности добраться до парламента и попытаться вывести из него студентов.

Естественно, «Движению подсолнухов», как и любому другому общественному движению, зародившемуся снизу, нужна была финансовая поддержка. Для сбора средств студенческое движение использовало очень популярный в последние годы способ, получивший название «краудфандинг» (crowdfunding). В переводе с английского слово означает финансирование проекта большим количеством физических лиц. Сегодня существует множество специализированных порталов, на кото-

рых любой желающий может опубликовать объявление о своем проекте и сборе средств на его реализацию. В объявлении указывается цель проекта, этапы создания, планируемый объем средств, ответственные лица. Откликнуться и отправить финансы может любой желающий. «Краудфандинг» стал естественным решением и для «Движения подсолнухов». Студенты создали проект по сбору средств на сайте FlyingV⁹ — одном из главных краудфандинговых сайтов на Тайване.

Самым успешным проектом «краудфандинга» во время «Движения подсолнухов» стал проект по сбору средств для освещения событий 23 марта 2014 г. В этот день студентами была предпринята попытка занять Исполнительный юань, вылившаяся в столкновения с полицией, в результате которых пострадали около 100 человек как со стороны полиции, так и со стороны протестующих. Данные события почти не были освещены в традиционных СМИ, при этом протестующие утверждали, что полиция проявляла жестокость и насилие по отношению к студентам. По горячим следам событий 23 марта сторонники движения на сайте FlyingV попросили общественность внести небольшую сумму в качестве пожертвования, чтобы на собранные деньги купить место на главной странице в «Пинго жибао» (蘋果日報), одной из ключевых тайваньских газет, и «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) с целью разместить информацию о бесчинствах, учиненных полицией. За первые 35 минут акции протестующим удалось собрать 1 500 000 новых тайваньских долларов (50 000 долл. США), чтобы купить место на главной странице в «Пинго жибао». Более 3000 человек сделали пожертвования, и сообщение в «Пинго жибао» было опубликовано 25 марта¹⁰. За 12 часов было собрано 6,3 млн тайваньских долл. (210 000 долл. США) для размещения информации в «Нью-Йорк Таймс», где на собранные средства удалось купить целый разворот¹¹. Статья была озаглавлена «Демократия в 4 утра» и сопровождалась фотографиями того, как полиция 23 марта поливала студентов из водометов, чтобы очистить территорию Исполнительного юаня. Кампания по сбору средств для «Движения подсолнухов» стала самым крупным краудфандинговым проектом на Тайване.

«Движение подсолнухов» породило не виданное для острова по масштабу волонтерское движение. Сочувствующие активистам, задавшись целью пролить свет на действия властей, сосредоточили свое внимание на том, чтобы повысить осведомленность общественности по проблемам, связанным с подписанием СТУ посредством распростране-

ния информации. Так, после окончания движения были создано несколько сайтов, рассказывающих о том, каким образом тайваньцы могут осуществлять свои гражданские права и защищать себя от возможных негативных последствий соглашения с КНР. Один из таких сайтов — «Повлияет ли СТУ на Вашу компанию?» (你被服冒了嗎)¹². В поисковой системе сайта можно ввести имя любой зарегистрированной бизнес-компании, после чего появится информация о том, будет ли ее бизнес затронут СТУ, учитывая нынешние статьи соглашения. Другой сайт — «Битва СТУ» (服冒東西軍)¹³ — дает возможность жителям острова и другим пользователям, владеющим китайским языком, ознакомиться как с позитивными, так и с негативными оценками соглашения. Также предоставляется информация относительно наиболее острых тем вокруг соглашения, которые привлекли внимание общественности, а именно статей соглашения, процесса его принятия, законности захвата парламента студентами, а также действий, предпринятых полицией, чтобы разогнать демонстрацию 24 марта. Следует отдельно отметить, что создатели сайта стараются быть максимально нейтральными, поэтому предоставленная информация не проходит никакую цензуру с их стороны, благодаря чему читатели имеют возможность ознакомиться с противоположными точками зрения относительно целесообразности подписания СТУ. Третий сайт — это «Сами проверяем свое СТУ» (自己的服冒自己審)¹⁴, который стал реакцией на противоречивый и неясный процесс принятия соглашения с Китаем. Создатели сайта ставят целью исправить недоработки соглашения; кроме того, они перерабатывают сложно сформулированные статьи договора, чтобы сделать их понятнее для широкой аудитории. На сайте также доступны записи открытых слушаний по соглашению.

35 лет назад, во время борьбы тайваньцев за установление на острове демократии, активисты не могли и мечтать о каких-либо связях с внешним миром. Протесты были локальным событием, даже участникам акций внутри страны нужно было изрядно потрудиться, чтобы добыть информацию о том, что происходит. Газеты и журналы жестко контролировались правительством. Вместо Фейсбука и моментальных сообщений протестующие мобилизовали сочувствующих посредством подпольных публикаций или нелегальных встреч в подвальных помещениях университетов. Люди узнавали о предстоящих митингах из листовок или через знакомых. В подобных условиях проходили все протестные движения на Тайване, начиная с инцидента в Гаосюне 1979 г. и за-

канчивая «Движением диких лилий» 1990 г. Совершенно иной характер имели студенческие протесты 2014 г. Молодые люди, участвовавшие в «Движении подсолнухов», родились в эпоху, когда у каждого человека есть мобильный телефон и компьютер, когда весь мир охвачен «всемирной паутиной» и широко распространены социальные сети и системы моментальных сообщений, когда любые некорректные действия представителей силовых структур могут быть зафиксированы камерами и распространены через Интернет, даже если в крупных СМИ о них не говорится ни слова. И нужно сказать, что активисты крайне умело использовали все преимущества цифровой эры в интересах студенческого движения. Более того, «Движение подсолнухов» полностью изменило способы ведения политики на Тайване. Сделав движение максимально прозрачным, устроив его круглосуточную трансляцию, студенты продемонстрировали правительству, какой открытости они от него ждут и как в действительности легко эта открытость может быть реализована в XXI в. Кроме того, движение создало условия для более широкого вовлечения тайваньцев в политический процесс. Благодаря новым интернет-платформам g0v.tw, Loomio, Hackfoudr и др., созданным за три с лишним недели оккупации студентами Законодательного юаня, жители острова смогли открыто высказываться относительно тех или иных событий, происходящих на острове, а также требовать от администрации, чтобы политические решения стали результатом совещательной демократии, а не закрытого обсуждения несколькими выборными должностными лицами. Также участниками «Движения подсолнухов» была создана прекрасная информационная база для будущих общественных движений на Тайване.

Примечания

¹ J. Michael Cole. Taiwanese Occupy Legislature Over China Pact. The Diplomat. March 20, 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/03/taiwanese-occupy-legislature-over-china-pact/> (дата обращения: 02.02.2016).

² G0v.tw. URL: <http://g0v.today/congressoccupied/https%253A%252F%252Fg0v.hackpad.com%252Fep%252Fpad%252Fstatic%252FXP8srxgu8Wi> (дата обращения: 02.02.2016).

³ Democracy at 4 a.m. URL: <http://4am.tw/> (дата обращения: 02.02.2016).

⁴ *Austin Razmy*. Large Crowds Fill Taipei Streets in Protest Over China Trade Bill. New York Times. 30.03.2014. URL: http://sinosphere.blogs.nytimes.com/2014/03/30/large-crowds-fill-taipei-streets-in-protest-over-china-trade-bill/?_php=true&_type=blogs&_r=1 (дата обращения: 02.02.2016).

⁵ URL: <http://hackfoldr.org/about> (дата обращения: 10.02.2016).

⁶ Во ши тайвань жэнь; во юй тайвань дэ миньчжу ици чжанда (Я тайванец; я расту вместе с тайваньской демократией)/ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=D5yCoDX0hWk> (дата обращения: 10.02.2016).

⁷ We are students that have taken over Taiwan's Legislature. Almost half a million people have joined us in support. AMA! URL: https://www.reddit.com/r/IAMa/comments/21xsaz/we_are_students_that_have_taken_over_taiwans/ (дата обращения: 18.02.2016).

⁸ Лиюань пайбань бяо (Список организации очереди у Законодательного юаня). URL: <http://antifumao.meteor.com/> (дата обращения: 18.02.2016).

⁹ FlyingV. URL: <https://www.flyingv.cc/> (дата обращения: 18.02.2016).

¹⁰ *Yu-Yun Hsieh, Moira Weigel*, 324: Dispatches from Taipei, 27.03.2014/ URL: <https://nplusonemag.com/online-only/foreign-affairs/324-dispatches-from-taipei/> (дата обращения: 18.02.2016).

¹¹ *Tracey Cheng*. Taiwan's Sunflower Protest: Digital Anatomy of a Movement; Digital Activism in Asia. Meson Press. 2016. P. 90—91. URL: <http://meson.press/wp-content/uploads/2015/08/9783957960511-Digital-Activism-Asia-Reader.pdf> (дата обращения: 18.02.2016).

¹² Ни бэй фумао лэ ма. (Повлияет ли СТУ на Вашу компанию?) URL: <http://tisa.gov.tw/> (дата обращения: 02.03.2016).

¹³ Фумао дунси цзюнь beta (Битва СТУ beta)/ URL: <http://ecfa.kueiapp.com/> (дата обращения: 02.03.2016).

¹⁴ Цзыцзи дэ фумао цзыцзи шэнь (Сами проверяем свое СТУ). URL: <http://review-fumao.logdown.com/> (дата обращения: 02.03.2016).

*Елена Николаевна Степанова,
к.полит.н., с.н.с. ИДВ РАН*

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ НА ВЫБОРАХ 2016 г. И ПОИСКИ ВЕКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАЙВАНЯ

Аннотация. В условиях быстро изменяющейся внешней и внутренней социально-политической ситуации, требующей адекватного реагирования, и продолжающегося влияния материкового Китая и США возникает главный вопрос: каков вектор дальнейшего политического развития Тайваня, каковы политические силы, способные правильно предвидеть будущее острова и повлиять на него.

Ключевые слова: «третья сила», элиты, «безопасный кандидат», формулировка консенсуса, идентичность, этничность.

Annotation. In the conditions of the fast changing of the foreign and domestic socio-political situation, requiring adequate reaction, and the continuing influence of the PRC and the USA there appears the main question about the vector of Taiwan further development and if there are forces capable to foresee the future of the island in the right way.

Keywords: «the third force», elites, «safe candidate», consensus formula, identification, ethnicity.

Осенью 2015 г. расклад политических сил на Тайване в преддверии выборов 2016 г. сводился к борьбе двух женщин — кандидатов¹ в президенты от правящей партии Гоминьдан Хун Сючжу и оппозиционной Демократической прогрессивной партии (ДПП) Цай Инвэнь, а также кандидата от третьей партии Циньминьдан Сун Чуюя (Джеймса Суна),

единственного мужчины-кандидата, являющегося уроженцем материкового Китая, участвующего уже в четвертой президентской избирательной кампании на Тайване.

ДПП сконцентрировала свои усилия на избирательных округах центрального и южного Тайваня², где она располагает основной электоральной поддержкой, не растрчивая потенциал партии в Тайбэе и северной части Тайваня, возможно по причине традиционных приоритетов избирателей в пользу Гоминьдана в этих районах.

Ситуация с появлением Джеймса Суна в команде кандидатов в президенты 2016 г. сразу же изменила общую картину электоральных предпочтений. Согласно опросу общественного мнения, обнародованному 6—7 августа 2015 г. на Тайване, рейтинг Хун Сючжу с 29,68 % уменьшился до 17 %, рейтинг Цай Инвэнь вырос с 35,67 до 36 %, рейтинг Джеймса Суна уменьшился с 24,69 до 24 %, популярность других партий у электората существенно возросла с 9,96 до 23 %³.

При этом с самого начала не исключалась вероятность замены кандидатуры Хун Сючжу непосредственно перед выборами, что впоследствии и произошло. Его кандидатура была заменена кандидатурой председателя Гоминьдана (на тот момент) и мэра города Синьбэй Чжу Лилуня (Эрика Чжу), что, по нашему мнению, было оправдано (согласно избирательной стратегии, элиты выставляют самого «безопасного» кандидата). Впоследствии Хун Сючжу в конкурентной борьбе с оставшимися тремя претендентами победила на выборах на пост председателя партии Гоминьдан (26 марта 2016 г.). Следует отметить гендерный баланс (мужчин и женщин поровну) в номинировании кандидатов на пост председателя партии. По сообщениям СМИ, Хун Сючжу пользуется поддержкой военнослужащих и отставных военных из числа членов партии Гоминьдан. В СМИ звучит важная тема необходимости сделать «прозрачными» финансовые активы Гоминьдана, окончательная сумма которых так и не обнародована партией⁴, что явилось бы гарантией дальнейшего эффективного существования Гоминьдана на Тайване. Хотя, по мнению австралийского профессора Брюса Джакобса, многое будет зависеть от скорости процесса «тайванизации» членов партии Гоминьдан. Надо полагать, речь идет о скорейшей ротации кадров партии и ее омоложении⁵.

По мнению тайваньских ученых и политиков, отношения между берегами Тайваньского пролива не придут к коллапсу (после инаугурации 20 мая 2016 г.), если Цай Инвэнь как вновь избранный президент Китайской Республики на Тайване (КР) и председатель КНР Си Цзиньпин

будут иметь общие цели в межбереговых отношениях. А также при условии, если вновь сформированному кабинету во главе с назначенным Цай Инвэнь премьером Линь Цюанем, появление которого расценивается общественностью как «возвращение команды Чэнь Шуйбяня», удастся оживить экономику Тайваня к 2020 г. Данное обстоятельство может оправдать надежды и ожидания населения в расчете на долгосрочные социально-экономические реформы, повышение конкурентоспособности Тайваня на мировом рынке, от которого остров сильно зависит, и укрепление его субъектности в решении региональных проблем, в том числе территориальных.

Исходя из вышеизложенного, никакие реформы не будут эффективны до решения самого важного на сегодняшний день вопроса для Тайваня — достижения взаимоприемлемой договоренности по дальнейшему развитию отношений между двумя берегами Тайваньского пролива с принятием новой формулировки консенсуса между Тайванем и материковым Китаем.

В 2016 г. электорат заметно «качнулся» в сторону ДПП и альянса других партий (в последнем случае значительно). Рейтинг «тяжеловеса» тайваньской политики, каким считается Сун Чуюй, практически не изменился. Согласно тайваньским СМИ, 96,6 % населения полагало, что появление третьего кандидата на президентских выборах в лице Суна поможет одержать победу женщине-кандидату от ДПП Цай Инвэнь⁶.

В случае победы на выборах ДПП намерена была создать центральную штаб-квартиру партии в южной части острова (как выяснилось позже, в г. Тайнань) — в менее благополучном по сравнению с северной частью острова и столицей Тайбэй месте, видя в этом стимул для ускорения экономического развития региона. Кстати, мэр Тайнаня — представитель ДПП Лай Циндэ, как представляется, по итогам местных выборов в ноябре 2014 г. и с укреплением своей позиции в связи с победой ДПП на президентских выборах в январе 2016 г. на Тайване вполне мог бы претендовать на участие уже в следующих президентских выборах в случае необходимости, продиктованной сложившимися на тот момент обстоятельствами.

Можно предположить, что переезд штаб-квартиры ДПП необходим для долгосрочного укрепления позиций партии в этой части острова также с помощью сетевых групп и активистов «низовой демократии», действующих без определения формального лидерства, исходя из ясной, понятной для избирателей системы ценностей с опорой на буддистские

общины при храмах (как это уже имело место во время недавних муниципальных выборов на Тайване в ноябре 2014 г.)⁷, необходимости создания условий для сбалансированного экономического развития (на что очень надеется Чэнь Цзюй, женщина-мэр г. Гаосюна) всех частей острова, а также для стратегического перебазирования управленческого аппарата (есть также намерения переместить Законодательный юань в Тайчжун) в целях безопасности на случай превентивного удара по северной части Тайваня, где расположены нынешняя столица Китайской Республики и ряд важнейших индустриальных и научно-технологических центров.

Следует отметить, что существовала вероятность объединения малых партий в альянс («горизонтальный союз»), «третью силу»⁸, которой отводится роль не только «сдерживания и противовеса» (несмотря на всего два места для всех малых партий в Законодательном юане по итогам всеобщего голосования 16 января 2016 г.), чем перестала быть ДПП по причине внутренних противоречий (и кажущейся противоречивости кандидатуры Цай Инвэнь) по отношению к зашедшему в тупик долгосрочному противостоянию двух основных партий Тайваня, но и «локомотива»⁹ дальнейшего развития политической системы Тайваня. По прошествии уже трех месяцев со дня национальных выборов и победы на них Цай Инвэнь, первой женщины — президента Тайваня, ДПП может пойти по пути создания «версии объединения партий», как озвучивают данное решение средства массовой информации острова¹⁰.

Что касается общественных движений, желающих стать политическими партиями, «уйти с улиц в коридоры власти», как однажды это произошло с ДПП, то, на наш взгляд, обращает на себя внимание «Альянс справедливости» под руководством бывшего законодателя от ДПП (1995—2001 гг.) Цзянь Сицзе. «Альянс справедливости» выступает за предоставление больших прав женам-иммигранткам на Тайване, за права пожилых людей, за решение проблемы повышения возраста выхода на пенсию в связи с низкой рождаемостью¹¹, а также отстаивает необходимость быстрого принятия решения по данной проблеме в связи с тем, что пенсионная система, по их мнению, обречена на полный провал к 2020 г. Размер пенсии на Тайване для людей с 30-летним стажем работы и с зарплатой 30—40 тыс. новых тайваньских долларов (нтд) составляет ничтожную сумму 3—4 тыс. нтд¹², на которую пенсионеры не могут существовать без дополнительного заработка. Такая ситуация, усугубленная текущей реиндустриализацией острова и грядущей «зеленой рево-

лющей», неизбежно приведет к повышению возраста выхода на пенсию, принятию правительством других мер для поддержки пожилого населения или делегированию с благой целью обязанностей по поддержке немощных, больных и пожилых другим институтам, существующим или вновь создаваемым на Тайване, включая церковь и религиозные общины, как это уже однажды было во времена начала индустриализации (в 1960-х годах) в эпоху Чан Кайши.

Цзянь Сицзе¹³, находясь в рабочем движении с 1984 г., в 1990-х возглавлял Рабочий фронт Тайваня (учрежден в 1984 г., переименован в Ассоциацию в поддержку рабочего движения Тайваня в 1988 г., вновь обрел старое название «Рабочий фронт Тайваня» в 1992 г.), самую большую рабочую группу в общественном движении на острове, борющуюся за права рабочих, уменьшение рабочей недели¹⁴. Деятельность этого движения способствовала сокращению на Тайване продолжительности рабочего времени в год до 2124 часов в 2013 г. Для сравнения: в Южной Корее — 2163 ч в том же году. При этом уровень зарплат на Тайване пока не увеличивается с 2000 г., тогда как в Южной Корее возрос за этот же период на 20 %¹⁵.

Цзянь Сицзе, являясь исполнительным директором Фонда содействия миру на Тайване, продвигал отношения «через пролив», при этом выступал за программу альтернативной военной службы на Тайване. Отмечается, что инициативы Цзянь Сицзе (даже «диссидентство») иногда были предметом критики, предостережений от поверхностного отношения к сложным социальным вопросам, когда трудно примирить малые общественные группы, «правые» и «левые» силы острова, особенно в отношении реформы образовательной системы, платы за обучение¹⁶ и пр.

Очевидно, что рабочее движение на Тайване, как когда-то в 1980-е годы, вместе с другими общественными движениями (женским движением, движением потребителей, рыбаков, затем молодежным движением) продолжает набирать силу на острове¹⁷.

Вновь образованной (2015 г.) в результате поисков социальной справедливости и независимости Тайваня левоцентристской Социал-демократической партии Тайваня (СДП) и Партии свободного Тайваня, рассчитывающим на долгосрочность своей деятельности на острове, предстоит сформировать свой электорат, используя все находящиеся в их распоряжении пропагандистские средства, имеющие эмоциональную составляющую (типа шутилой «свиньи-копилки» ДПП для сбора пожертвований на всеобщих выборах в 2012 г., также появившуюся в

избирательном штабе этой партии накануне национальных выборов 2016 г.¹⁸).

С этой целью Партией свободного Тайваня уже предложена в качестве политического гимна песня независимого «Океанского государства» композитора Ван Минчжэ. В основу гимна заложены идеи, которые, по замыслу лидеров этой партии, должны соответствовать базисным ценностям народа Тайваня и жить вечно.

Социал-демократическую партию Тайваня возглавила Фань Юнь¹⁹, которая, по всей вероятности, станет оппонентом Линь Чанцзо (Фредди Лиму) от Партии новой силы, которая оказалась способной активизировать тайваньскую политическую систему (завоевала 5 мест в Законодательном юане, немало удивив этим общественность²⁰), повысив интерес населения к политическим процессам на острове, настаивая при этом на справедливости налогообложения, защите интересов рабочих и реформировании системы трудовых отношений, на изменении минимальной оплаты труда, прожиточного минимума, достаточного для удовлетворения физических потребностей населения и ведения достойного человека образа жизни²¹. В возникших обстоятельствах серьезной борьбы на выборах 2016 г. обе партии и другие малые партии выступили в поддержку ДПП, обеспечив оппозиционной партии уверенную победу как на выборах в национальный парламент, так и на президентских выборах.

Из 113 мест в парламенте Тайваня СДП (или партийный альянс на момент выборов 16 января 2016 г.) рассчитывала на определенное количество мест из оставшихся 34²² в соответствии с полученными голосами избирателей и намеревалась сотрудничать с Партией зеленых, которая единолично рассчитывала получить 10 мест²³.

СДП объединяет молодежь и поддерживает тесные связи с рабочими союзами, объединениями сторонников нетрадиционной сексуальной ориентации и теми, кто представляет интересы рабочих-мигрантов, жен-иностранок и аборигенов, обездоленных людей. Молодые члены партии рассчитывают, по словам молодежного активиста СДП Сюй Вэйтина, на то, что именно их партия будет проводить «новый стиль» политики, основанной на общественном диалоге, выполняющая свою первичную функцию связующего звена между населением и властью. СДП ставит целью добиться увеличения зарплат, реформы пенсионной системы на Тайване²⁴, увеличения налогов с богатых и с бизнес-конгломератов (в этом вопросе отмечается сходство с позицией Партии новой

силы), продвижения социальной дифференциации, а также прозрачности системы управления на Тайване²⁵.

Проблема острова в предварительной борьбе все-таки по-прежнему оставалась сформулированной как «кто возьмет на себя ответственность» за дальнейшее развитие Тайваня и определит вектор развития острова, хотя по некоторым признакам Гоминьдан не сомневался в победе и дальнейшем продолжении проводимой им политики «через пролив»²⁶. При этом, если понимание «консенсуса 1992 г.» сводится к формулировке «один Китай»²⁷, вопрос о различных интерпретациях статуса Тайваня отпадает автоматически, исключая соответственно вопрос об отделении и независимости острова от материкового Китая.

При отсутствии же безусловного согласия относительно «консенсуса 1992» как «одного Китая» возникают все новые интерпретации в связи с происходящей на острове «значительной трансформацией, согласно национальной демократической реформе»²⁸, по словам экс-президента Тайваня Ли Дэньхуэя (1996—2000 гг.), выступившего с новой интерпретацией статуса-кво как перехода от пространно сформулированной и потому спорной концепции «единой китайской идентичности»²⁹ к концепции «тайваньской этничности». Данная интерпретация поддерживается 95 % молодых тайваньцев в возрасте от 20 до 39 лет (при этом только 1 % из оставшихся идентифицируют себя как этнические китайцы) и основывается на реалии «Тайвань есть Тайвань. Китай есть Китай». После этого заявления Ли Дэньхуэя, сделанного 17 июля 2015 г., 76 % населения острова поддержало суверенитет и независимость Тайваня (увеличение по сравнению с предшествующим 2014 г. на 15 %³⁰).

По прошествии года со дня январских выборов на Тайване вопрос отношений с материковым Китаем остается острым. Население, особенно молодежь, отмечая вторую годовщину «Движения подсолнухов» (2014 г.), настаивает (вплоть до объявления голодовки у штаб-квартиры ДПП) на скорейшем решении вопроса о статусе Тайваня³¹ по принципу «две страны». В складывающейся ситуации консенсус мог бы быть сформулирован на основании стратегии «синкретизма» (т. е. в сочетании со стратегией высшей степени децентрализации во избежание этнических конфликтов, вплоть до федерализации), а именно: на основе понимания этнической группы как неполитической, культурной общности. Ее культура рассматривается как часть общегосударственной культуры, которая полноправно ценится и развивается. При этом отдельным этническим группам не предоставляется политическая и этни-

ческая независимость, эти этнические общности добровольно входят в состав новой синкретической нации/государства³². Время покажет, по какому пути пойдет решение проблемы воссоединения обоих берегов Тайваньского пролива в составе единого китайского государства — достижения взаимного компромисса в той или иной форме или усиления всестороннего давления, в том числе путем задействования различных внутренних социально-политических факторов на Тайване.

Согласно тайваньским СМИ Цай Инвэнь, хорошо подготовленной и внимательной к деталям, удалось прояснить свою позицию кандидата в президенты Тайваня во время визита в США в июне 2015 г. в отличие от кандидата от Гоминьдана Хун Сючжу³³. Оставим за скобками тот факт, что помимо необходимой поддержки избирателей Хун Сючжу обладает еще должностными полномочиями вице-спикера Законодательного юаня, опытом работы в Дисциплинарной комиссии и, по сообщению СМИ (и как упоминалось ранее), серьезной поддержкой силовиков³⁴ и очевидными качествами лидера.

Результаты предыдущих выборов (2004, 2008, 2012 гг.) показывают, что они по-прежнему зависят от того, на чью сторону встанут тайваньские СМИ³⁵, способные в решающий момент перед выборами демонизировать в глазах общественности того или иного кандидата с целью избавления от оппонента³⁶. Начало подобной кампании в СМИ нами отмечалось еще летом 2015 г.³⁷, хотя интернет-сообщество свидетельствовало о потере интереса к содержанию программ, посвященных предвыборной кампании всех кандидатов, демонстрируемой СМИ Тайваня.

Кроме того, при анализе предвыборной ситуации автор пришел к выводу, что исход выборов на Тайване, ввиду явно переосмысленной стратегии общественных сил и расстановки приоритетов, зависит от того, какие консультации и поддержку получают кандидаты в президенты Тайваня во время предвыборной кампании в США³⁸, а также от того, насколько велика вероятность возникновения «фактора Китая»³⁹, особенно в последний день перед и во время выборов. Пример тому — выборы 2012 г. и последние президентские выборы 16 января 2016 г.⁴⁰

В 2016 г. этим значимым фактором оказался факт появления тайваньского флага в руках 16-летней тайваньской молодой девушки⁴¹ Чжоу Цзыюй из южнокорейской поп-группы *Twice* на ТВ шоу в Южной Корее накануне выборов на Тайване. Согласно комментарию к этому событию тайваньских СМИ, «на Тайване есть силы, способные взбудоражить чувства людей по обе стороны пролива». В результате, как отме-

тила сама вновь избранный президент сразу после обнародования результатов голосования, «на следующий день весь Тайвань вышел и проголосовал» в пользу ДПП и Цай Инвэнь.

Примечания

¹ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/02/15/2003611595/2> (дата обращения: 15.02.2015).

² URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/05/15/2003618332> (дата обращения: 15.05.2015).

³ URL: <https://www.youtube.com/user/ttvnewsview/videos> (дата обращения: 06.08.2015).

⁴ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2016/03/13/2003641451/2> (дата обращения: 13.03.2015).

⁵ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2016/01/18/2003637443/2>; На 13-й ежегодной Международной конференции Европейской ассоциации тайваневедения (ЕАТ) в Праге в марте — апреле 2016 г. профессор Брюс Джакобс (Monash University in Melbourne, Australia) высказал мнение о том, что партия Гоминьдан «закончилась» как партия на Тайване. Как нам представляется, такой вывод сделан преждевременно.

⁶ Inside Taiwan. Новости он-лайн. URL: <http://www.ocasmactv.net/mactv/news.htm?classid=16> (дата обращения: 06.08.2015).

⁷ URL: <http://michaelturton.blogspot.com/2014/11/riding-through-2014-election-sign.html#more> (дата обращения: 29.08.2015).

⁸ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/09/03/2003626834> (дата обращения: 03.09.2015).

⁹ По мнению тайваньского исследователя Лянь Хунъи из Университета Чжэнчжи (Тайвань), на Тайване продолжается явное противостояние только двух основных партий (Гоминьдана и ДПП) — из личной беседы автора статьи с Лянь Хунъи во время Международного научного симпозиума в Австралии, Аделаида, июль 2015 г.

¹⁰ Inside Taiwan. Новости он-лайн. URL: <http://www.ocasmactv.net/mactv/news.htm?classid=16&csrt=14969568889794150657> (дата обращения: 18.03.2016).

¹¹ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2003/08/23/2003064882> (дата обращения: 11.06.2015).

¹² Inside Taiwan. Новости он-лайн. URL: <http://www.ocasmactv.net/mactv/news.htm?classid=16&csrt=14969568889794150657> (дата обращения: 18.03.2016).

¹³ Согласно приводимым в тайваньских СМИ свидетельствам, Цзянь Сицзе — идеалист, пассионарий, с чувством необходимости исполнения собственного долга. Amended Taiwan labor law only 'first step': labor group. // Taipei Times. 15.05.2015. URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20150516000121&cid=1103> (дата обращения: 16.08.2015).

¹⁴ Amended Taiwan labor law only 'first step': labor group // Taipei Times. 15.05.2015. URL: <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20150516000121&cid=1103> (дата обращения: 16.08.2015).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Newsmakers: Bid ups stock of Chien Hsi-chieh // Wu Debby. Newsmakers: Bid ups stock of Chien Hsi-chieh. Taipei Times. 11.08.2003. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2003/08/11/2003063180/2> (дата обращения: 11.06.2015).

¹⁷ Согласно проведенной исторической аналогии, возвышение в 1920-х гг. Лейбористской партии до состояния правящей партии Великобритании способствовало серьезному изменению политического дискурса (в частности, в отношении колониальной Индии). Dr. Alexander Colin, Nottingham Trent University на 13-й ежегодной Международной конференции EATS в Праге в марте—апреле 2016 г.

¹⁸ Наблюдения автора в избирательном штабе ДПП в г. Гаосюн во время пребывания на Тайване в ноябре 2016 г.

¹⁹ Фань Юнь — профессор Тайваньского государственного университета, известный специалист по общественным движениям, активистка женского движения на Тайване, социолог, читающая цикл лекций спецкурса в Школе изучения Востока Лондонского университета (SOAS London University), рецензент и оппонент автора статьи на Международной конференции по правам человека в университете Чжэнчжи на Тайване (сентябрь 2010 г.).

²⁰ Hsiao Ellison. Elections: DPP secures absolute majority in Legislative Yuan. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2016/01/17/2003637386/2> (дата обращения: 16.01.2016).

²¹ The New Power Party's Platform. URL: <http://thinking-taiwan.com/the-new-power-partys-platform/#sthash.3YIV7SE9.dpuf> (дата обращения: 15.08.2015); Gerber Fbraham. NPP presents social, economic platform. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/09/01/2003626678> (дата обращения: 02.09.2015).

²² Система распределения 113 мест в парламенте в соответствии со смешанной системой голосования, принятой на Тайване, такова: 73 места для кандидатов от муниципалитетов, уездов и городов, 6 для кандидатов от аборигенных групп, остальные 34 мажоритарных места предназначены для кандидатов от политических партий в зависимости от результата голосования.

²³ *Loa Lok-sin*. Green Party aligns with small parties, snubs DPP. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/04/30/2003617144>(дата обращения 30.04.2015).

²⁴ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/07/09/2003622585/2> (дата обращения: 09.07.2015).

²⁵ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/03/03/2003612660> (дата обращения: 03.03.2015).

²⁶ *Shih Hsiu-chuan*. DPP's China policy under scrutiny. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/05/15/2003618331/2> (дата обращения: 15.05.2015).

²⁷ URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2015/06/19/2003621040/2> (дата обращения: 19.06.2015).

²⁸ *Hsiao Michael*. Taiwanese is the new 'status quo'. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/08/14/2003625295/2> (дата обращения: 14.08.2015).

²⁹ Здесь автор статьи подчеркивает разницу английских терминов «identification» и «identity», которая также отмечалась Стефаном Коркуффом в проекте его работы «Non/Representative, In/Famous, and Power/fulness. Writing about a common Mainlander under Ma Ying-Jeou», представленной на 13-й ежегодной Международной конференции ЕАТ в Праге в марте — апреле 2016 г.

³⁰ *Hsiao Michael*. Taiwanese is the new 'status quo'. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/08/14/2003625295/2> (дата обращения: 14.08.2015).

³¹ Inside Taiwan. Новости он-лайн. URL: <http://www.осасмactv.net/mactv/news.htm?classid=16&csrt=14969568889794150657> (дата обращения: 16.03.2016).

³² *Ачкасов В.А., Гуторов В.А.* Политология. М., 2012. С. 658—659.

³³ A search for wisdom amid defeatism. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/09/06/2003627035/2> (дата обращения: 06.09.2015).

³⁴ Inside Taiwan. Новости он-лайн. URL: <http://www.осасмactv.net/mactv/news.htm?classid=16> (дата обращения: 2015).

³⁵ Former Taichung mayor gets media job. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/01/16/2003609377> (дата обращения: 16.01.2015).

³⁶ Chung Jake Report of Martial Law joke by Soong draws ire. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2015/08/08/2003624856> (дата обращения: 08.08.2015).

³⁷ Tsai 'Time' cover photo met with mixed reaction. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2015/06/22/2003621298> (дата обращения: 22.06.2015).

³⁸ *Loa Lok-sin, Chen Hui-ping*. Tsai policy is in line with US, Tsai leads KMT rivals: survey. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2015/05/29/2003619416> (дата обращения: 29.05.2015); Keating Jerome. Deconstructing Hickey on Taiwan. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/08/15/2003625378/3> (дата обращения: 15.08.2015).

³⁹ К «фактору Китая» можно было бы отнести и неожиданно принятое решение КНР о девальвации юаня. Новый тайваньский доллар по отношению к доллару США сразу же подешевел на 2 %, достигнув самого низкого уровня пятилетней давности. При этом экспорт Тайваня упал в июне 2015 г. на 13,9 %, в июле еще на 11,9 % (см.: Hsu Crystal. NT dollar falls on yuan's devaluation. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2015/08/12/2003625147>). Внезапная девальвация юаня оказалась выгодной поставщикам компании Apple Inc., Hon Hai Precision Industry Co (половину своего дохода 139 млн долл. США компания заработала благодаря Apple Inc. в прошлом году, обеспечивая занятостью 1 млн рабочих из материкового Китая) и Pegatron Corp, так как обе компании платят своим рабочим большую часть заработной платы в юанях, при этом осуществляют продажи в долларах США. Devaluation of yuan good for Hon Hai and Pegatron. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/biz/archives/2015/08/12/2003625131>; Sweeney Pete, Lu China devalues yuan after poor economic data URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2015/08/12/2003625148/2> (дата обращения: 12.08.2015).

⁴⁰ Beijing muscles in on elections. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2015/03/18/2003613795/2> (дата обращения: 29.03.2015).

⁴¹ ELECTIONS: Singer's 'forced apology' angers nation. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2016/01/17/2003637387/2> (дата обращения: 17.01.2016).

*Дмитрий Анатольевич Смирнов,
к.и.н., ИДВ РАН*

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ДВУХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ В КИТАЕ

Аннотация. Статья посвящена основным аспектам эволюции двух политических режимов, сложившихся в результате революции 1949 г. в материковой части Китая под руководством КПК и под руководством Гоминьдана на острове Тайвань, включая проведение реформ политических систем в обеих частях Китая.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, КПК, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия, реформа, политическая система, эволюция, демократия.

Annotation. The article is devoted to the main aspects of the evolution of two political regimes, which had been formed as result of the revolution of 1949 in the continental part of China under the CPC power and under Guomindang power on Taiwan island, including the political systems reforms executing in both parts of China.

Keywords: China, Taiwan, CPC, Guomindang, Democratic Progressive Party, reform, political system, evolution, democracy.

В результате гражданской войны 1945—1949 гг., завершившейся победой коммунистов, 1 октября 1949 г. было образовано новое государство — Китайская Народная Республика, которая сразу же была признана Советским Союзом и другими странами «советского блока», как и многими странами, освободившимися от колониального господства, в качестве единственной законной власти. Образование КНР стало рубежом, открывшим новый этап в истории Китая.

В то же время последовавшая за победой КПК в гражданской войне эвакуация на Тайвань центральных партийных и правительственных органов старой гоминьдановской власти вместе с остатками гоминьдановской армии и сторонниками Гоминьдана привела к установлению фактического двоевластия и формированию двух политических режимов в Китае: власть КПК в материковой части страны под лозунгом «демократической диктатуры народа» и власти Гоминьдана на острове Тайвань, опирающейся на Указ о чрезвычайном положении. В КНР создавалась новая система органов власти, фактически новая государственность. На Тайване были сохранены структуры старой государственной власти — Китайской Республики под руководством Гоминьдана. Причем на протяжении свыше двух десятилетий США и другие страны Запада продолжали признавать эту власть в качестве единственной легитимной власти Китая, а представители тайваньских властей вплоть до 1971 г. продолжали представлять Поднебесную в Совете Безопасности ООН.

Проблема сосуществования двух властей в одном государстве так и остается неразрешенной на протяжении вот уже многих десятилетий, оказывая серьёзное влияние на политику КПК, для которой решение тайваньской проблемы всегда оставалось и остается одним из приоритетов государственной политики. Не говоря уже о самом Тайване, для которого вопрос юридического статуса острова и межбереговых отношений является главной доминантой внутренней и внешней политики.

* * *

На первоначальном этапе создания новой государственности в КНР это было государство «новой демократии», система политической власти которого была основана на союзе всех революционных классов, получившем воплощение в форме Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК). В утвержденную в сентябре 1949 г. на 1-й сессии НПКСК, взявшей на себя роль Учредительного собрания, «Совместную программу» вошли принятые руководством КПК формулировки, характеризующие создаваемое в Китае новое государственное образование — Китайскую Народную Республику как «новое демократическое государство демократической диктатуры народа», «руководимое рабочим классом на основе союза рабочих и крестьян». Формой осуществления государственной власти провозглашалась система

собраний народных представителей (СНП). До принятия Конституции КНР «Совместная программа» НПКСК выполняла роль Основного закона страны.

Было сформировано Центральное народное правительство и другие высшие органы государственной власти, в которых, помимо коммунистов, игравших главную роль, были представлены и члены других партий, а также беспартийные. На местах создавались народные правительства и собрания народных представителей, являвшие собой на тот период фактически невыборные конференции представителей всех слоёв общества. Одновременно в доконституционный период в условиях перехода от ожесточённой гражданской войны к налаживанию мирной жизни и проведения коренных социально-экономических реформ на местах продолжали функционировать органы военного контроля.

В 1954 г. в ходе многоступенчатых выборов было избрано Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) 1-го созыва, принявшее первую Конституцию КНР. В ней были закреплены принципы демократического централизма и коллективного руководства, предусматривалось участие народа в управлении государством, а также впервые провозглашались социально-экономические права граждан, декларировалось их равенство перед законом. Вместе с тем по принятому в 1953 г. Закону о выборах преимущество в представительстве в органах власти отдавалось городскому населению.

На базе этой Конституции в основном сложилась существующая ныне политическая система КНР, которую характеризуют следующие особенности:

- закреплённая в Конституции руководящая роль Коммунистической партии Китая, которая олицетворяет собой руководство рабочего класса «государством народной демократии» и представительство интересов всего народа и фактически составляет ядро политической системы КНР;
- созданная в начале 1950-х годов система собраний народных представителей, охватывающая всю вертикаль власти от уездного уровня до Всекитайского собрания народных представителей, на которую возложены законодательные и контрольные функции;
- сложившаяся в ходе революции система многопартийного сотрудничества и политических консультаций, которая объединяет 9 политических партий, функционирующих в рамках возглавляе-

мого КПК Единого фронта и поддерживающих курс на строительство социализма;

- сформировавшийся накануне победы революции 1949 г. Народный политический консультативный совет Китая, выполняющий важные консультативные функции при комитетах КПК и народных правительствах различных уровней;
- система национальной автономии от уровня уезда до уровня автономного района, приравненного по статусу к провинции (но без признаков государственного суверенитета и тем более без права на самоопределение наций);
- низовая система самоуправления, включающая в себя комитеты городских жителей (повсеместно создавались после победы революции), собрания представителей рабочих и служащих (создавались с начала 1950-х годов на предприятиях общественной собственности), комитеты сельских жителей (так называемая сельская автономия, которая сформировалась уже в период проведения политики реформ и открытости в начале 1980-х годов).

Ускоренное осуществление в первой половине 1950-х годов социалистических преобразований сопровождалось внутренними разногласиями в руководстве КПК по различным аспектам проводимой политики и целой чередой массовых идеологических кампаний, в ходе которых подверглось репрессиям немало число партийных работников и представителей интеллигенции. Определенные коррективы в проводимую политику были внесены на состоявшемся в сентябре 1956 г. VIII съезде КПК, который признал как состоявшийся факт проведение «ускоренных» социалистических преобразований, но подверг критике попытки «слепого забега вперед» в строительстве социализма. В области государственного и партийного строительства съездом были поставлены задачи, направленные на преодоление бюрократизма и расширение демократии и законности.

Вскоре после съезда Мао Цзэдун призвал к развертыванию нового «движения за исправление стиля», в ходе которого повсеместно внедрялись традиции «военного коммунизма» времен антияпонской и гражданской войн, возобновились борьба против «правых буржуазных элементов» и массовые репрессии против интеллигенции и кадровых работников — сторонников линии VIII съезда и был взят курс на подготовку к «большому скачку» в экономике, что потребовало радикального изменения всей социальной политики с целью мобилизации трудовой

активности масс при отказе от материальных стимулов, место которых заняла идеологическая индоктринация, подкрепленная внедрением в жизнь принципов «казарменного коммунизма». А проблема снятия социальной напряженности в обществе решалась путем административного нивелирования имущественных различий между людьми и превращения основной части китайского общества в единую, не разделенную внутренними социальными перегородками массу в рамках военизированных «народных коммун». Теоретической базой для проведения этого курса в жизнь стала выдвинутая Мао «теория перманентной революции», в которой огромное население и бедность рассматривались в качестве положительных факторов, составляющих преимущество Китая в силу обусловленной бедностью «особой революционности» китайской нации.

Проведение этой политики определялось возглавляемым Мао Цзэ-дунем узким кругом высшего партийного руководства, который, по мере развития процесса «коммунизации» страны, всё больше замыкал на себя вопросы не только партийно-политического управления, но и управления экономикой, нередко подменяя при этом соответствующие органы государственной власти. В ходе «коммунизации» деревни были фактически ликвидированы сельские представительные органы и произошло серьезное снижение роли всей системы представительных органов, а во время последовавшего затем во второй половине 1960-х — первой половине 1970-х годов десятилетия «культурной революции» конституционная политическая система КНР фактически была ликвидирована. В этот же период сформировавшийся в КПК ещё во времена антияпонской войны 1937—1945 гг. культ личности вождя достиг своего апогея.

Таким образом, в результате проведения в 1950-е годы ускоренных социалистических преобразований, вышедших далеко за рамки первоначально намеченной генеральной линии на построение социализма, рассчитанной на несколько пятилеток, в кратчайшие сроки было проведено полное обобществление всей экономики и создано партократическое государство мобилизационного типа, сконцентрировавшее административные, экономические и людские ресурсы на выполнении задач ускоренного создания военно-промышленного потенциала, обеспечивающего экономическую самостоятельность, политический суверенитет страны и способность противостоять внешним силам (сперва США, затем и СССР).

Во время «культурной революции» происходило разрушение партийно-государственных институтов, на целое десятилетие было остановлено и отброшено назад развитие сфер образования, науки и культуры, были развязаны массовые репрессии и фактически проводилась принудительная мобилизация всего населения на участие в бесконечных идейно-политических проработках под лозунгом «продолжения классовой борьбы при диктатуре пролетариата», в ходе которых оно подвергалось массовому зомбированию в духе «красного цитатника» «председателя Мао». Дезорганизация и разрушение всей системы управления, хаос и анархия в общественно-политической жизни не могли не отразиться на развитии экономики, не говоря уже об опасности перерастания борьбы политических элит в гражданскую войну.

К середине 1970-х годов оформился курс на проведение «четырёх модернизаций» и на восстановление институтов власти, но к реальному воплощению его в жизнь удалось перейти лишь после создания соответствующих политических условий, связанных с разрывом с левацкой линией в экономике и политике. Такие условия были созданы на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., принявшем историческое решение отказаться от теории «продолжения революции при диктатуре пролетариата» и политической установки на ведение «классовой борьбы» как главной задачи, а центр тяжести партийной работы перенести на осуществление модернизации.

* * *

После эвакуации Гоминьдана на Тайвань на острове была сохранена Конституция Китайской Республики 1947 г. Вместе с тем там продолжали действовать принятые Национальным собранием ещё в разгар гражданской войны на территории материкового Китая в 1948 г. «Временные правила национальной мобилизации на период мятежа», значительно ограничивавшие провозглашенные в Конституции 1947 г. демократические права граждан. Принятый в 1950 г. Декрет о чрезвычайном положении запрещал деятельность любых политических партий, кроме Гоминьдана, проведение митингов, создание новых печатных изданий и другие политические права и свободы населения. Был установлен авторитарный политический режим, опиравшийся на выходцев из материкового Китая, фактически составивших политическую и значительную часть экономической элиты острова.

Перед Чан Кайши тогда стояла задача удержать остров в случае продолжения гражданской войны с КПК, а при благоприятных для него обстоятельствах использовать остров в качестве плацдарма для возвращения на материк. Сразу после перебазирования на Тайвань руководители Гоминьдана приступили к созданию государства мобилизационного типа, способного сконцентрировать необходимые ресурсы для ускоренного проведения индустриализации и военного противостояния КНР. В 1950-е годы на Тайване были проведены экономические преобразования, прежде всего аграрная реформа, решившая проблему социальных противоречий в деревне и обеспечившая решение продовольственной проблемы, а также создавшая основу для развития экспорта. Наряду с реформами в других сферах экономики все это заложило основу для развития рыночной экономики при сохранении ведущей роли государства в ключевых отраслях и жесткого государственного контроля над всей экономикой.

Одновременно проводилась реформа правящей партии Гоминьдан с целью ее укрепления с учетом уроков поражения Гоминьдана в гражданской войне с Компартией Китая и с использованием опыта организации работы ВКП(б) сталинского периода, несмотря на идеологический антагонизм с коммунистами. На острове фактически было создано партократическое государство, в котором формы и методы управления и манипулирования обществом мало чем отличались от политики властей материкового Китая. Эвакуированные на Тайвань в 1949 г. высшие выборные органы власти Китайской Республики — Национальное собрание, Законодательная палата, Контрольная палата и президент Китайской Республики — в силу сложившихся обстоятельств, не позволявших проводить очередные перевыборы на территории всей страны, надолго остались в том составе, в каком прибыли на остров в 1949 г., т. е. несменяемыми. Как и Мао Цзэдун, Чан Кайши фактически стал пожизненным президентом, наделенным чрезвычайными полномочиями, подкрепленными мощным репрессивным аппаратом подавления инакомыслящих.

Установленный на Тайване жесткий авторитарный политический режим сумел организовать ускоренное экономическое развитие острова, приведшее к качественно новому уровню его экономики и социальной сферы, к серьёзным сдвигам в социальной структуре. По мере проведения экономической и социальной модернизации произошла активизация оппозиционных сил, подготовивших общественную почву для демократизации политического режима на острове.

* * *

На рубеже 1970—1980-х годов под руководством «архитектора китайских реформ» Дэн Сяопина КНР вступила в период постепенного перехода к рыночной экономике и открытости внешнему миру. Это потребовало реформирования политической системы с целью приведения её в соответствие с задачами нового этапа развития страны. Эта реформа в конечном счете была направлена на преодоление бюрократизма, повышение эффективности управленческой работы и обеспечение всенародной поддержки курса на осуществление «четырёх модернизаций».

Впервые вопрос о проведении реформы политической системы был поставлен Дэн Сяопином в августе 1980 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК, где рассматривалась проблема забюрократченности и неэффективности оставшегося со времён «культурной революции» государственного механизма. Ключевым моментом политической реформы на том этапе являлось разделение партийных и административных функций и совершенствование стиля работы партийного руководства. Основными методами проведения реформы должны были стать передача части полномочий от центральных органов управления на места, а оттуда — непосредственно на предприятия и в другие низовые структуры, укрепление руководящих звеньев на всех уровнях, прежде всего путем омоложения кадров, упрощение и сокращение аппарата управления и укрепление законности. При этом подчеркивалось, что Китай не может следовать советской модели социализма, тем более реформа его политической системы не имеет ничего общего с «либерализацией» по западному образцу, так как предоставление свободы слова и права на свободные выборы на основе конкуренции политических партий и принятие принципа разделения трех властей, по словам Дэн Сяопина, в условиях Китая могло привести только к хаосу.

Углубление рыночных реформ в континентальной части Китая и обусловленная этим ускоряющаяся трансформация социальной структуры общества потребовали принятия в конце 1990-х годов курса на превращение КНР в правовое государство и регулирования интересов различных социальных слоев. Вместе с тем развитие рыночной экономики и расширение связанных с ней новых социальных слоев представляют собой серьезный вызов сложившейся политической системе КНР. Отсюда главная особенность её реформы — сохранение незыблемого руководящего положения КПК, взявшей на себя роль механизма регу-

лирования социальных отношений и разрешения возникающих противоречий в обществе, роль стабилизирующей силы, без которой страна обречена на развал. В ходе реформы руководство партии стоит перед необходимостью решения двух сложнейших проблем: регулирования интересов разных социальных слоев, не допуская их конфликта, и сочетания демократизации политической системы с сохранением руководящей роли КПК. Необходимость демократизации системы управления в целях повышения её эффективности и обеспечения законных прав и интересов народа признается и на официальном уровне, но при условии сохранения руководящей роли КПК и отказа от политического плюрализма во имя сохранения стабильности, опирающейся как на устойчивое социально-экономическое развитие, так и, в определенной мере, на конфуцианские традиции. Интересы же новых социальных слоев призваны выражать существующие общественно-политические институты (НПКСК, демократические партии и т. п.).

Политическая реформа в Китае идет по пути совершенствования сложившегося ещё в первые годы после образования КНР государственно-политического механизма, включая повышение управленческого потенциала КПК, повышение эффективности административного аппарата (особенно после вступления Китая в ВТО), демократизацию органов местного самоуправления, развитие действенного механизма учета интересов всех слоев населения, обратной связи, предотвращения и регулирования социальных конфликтов.

Принципиальное значение имеет добровольно принятое правящей партией обязательство «управлять на основе закона». В соответствии с ним расширяются законотворческие и контрольные права собраний народных представителей, усиливается их реальное влияние на управление страной, активизируются консультативные функции органов НПКСК, развивается действующая под руководством КПК система демократических партий, предпринимательских ассоциаций и т. д. Интересы новых социальных слоев выражают вышеуказанные институты через существующую систему представительной власти и НПКСК. Важнейшей составляющей всей этой работы является выработка мер по предотвращению и искоренению коррупции, являющейся серьезной угрозой самому существованию партии и государства.

За более чем 30 лет проведения политики реформ и открытости в китайском обществе произошли коренные изменения: сформировалось новое поколение, выросшее в условиях значительно большей личной

свободы, чем было в эпоху Мао Цзэдуна; существенно вырос образовательный уровень населения, особенно увеличилась доля людей с высшим образованием, в том числе полученным за рубежом; появились новые социальные слои, прежде всего в сфере предпринимательства; произошло имущественное расслоение общества на «два полюса», в дополнение к огромному разрыву в социально-экономическом развитии разных регионов Китая и между городом и деревней; невиданные, по сравнению с дореформенным периодом, масштабы приобрела коррупция; обострилась проблема национально-религиозного сепаратизма в двух самых больших по территории национальных окраинах Китая — Синьцзяне и Тибете.

Произошедшие социальные сдвиги сопровождались появлением соответствующих групп интересов — чиновников, во многом связанных с бизнесом, разных прослоек предпринимателей, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, включая обезземеленных крестьян-мигрантов, студенчества и др. В обществе, особенно в научной среде и среди образованной молодежи, популярны идеи демократии, и дискуссии на эту тему идут уже два десятка лет. Этому способствует масштабная интернетизация Китая. Необходимость обеспечения каналов выражения разнонаправленных социальных интересов, обстановка идейного плюрализма опять же объективно требуют демократизации политического устройства общества. Того же требует и задача борьбы с коррупцией, по-настоящему возможная лишь в обстановке прозрачности, обеспечиваемой развитыми демократическими институтами (что, однако, не дает полной гарантии искоренения коррупции — пример Тайваня с его многопартийной системой).

Существующая в Китае система однопартийного правления имеет свои преимущества: долговременную относительную политическую стабильность, отсюда — возможность длительного стратегического планирования, затруднённого в обстановке регулярных выборных кампаний; механизм политического контроля на всех уровнях управления сверху донизу, прямой и косвенный, отсюда — отсутствие политических и организационных препятствий для выполнения принятых стратегических решений. Вместе с тем отсутствие политической конкуренции объективно не способствует решению задач борьбы с коррупцией и повышению общей эффективности работы государственного аппарата. Чрезвычайно высока роль субъективного фактора в принятии и выполнении решений и, соответственно, цена возможных ошибок высшего руководства, слабо

ограниченного системой внешних противовесов. Наглядный тому пример в Китае — политика «позднего Мао»; хотя нужно отметить, что за годы реформ в КПК создана и постоянно укрепляется система внутренних институциональных барьеров против рецидивов культа личности и субъективистского произвола на всех уровнях. При проведении рыночных реформ существует потенциальная угроза реализации интересов бюрократии по приватизации государственного имущества по тому же российскому сценарию. В условиях же однопартийного правления и отсутствия политической конкуренции основным ограничителем здесь является лишь политическая воля высшего партийного руководства.

Цель проводимой в Китае реформы политической системы, в конечном счёте, состоит не в её качественном обновлении, связанном с допущением реальной многопартийности и политической конкуренции, а в достижении её соответствия системе «социалистической рыночной экономики» и задачам дальнейшего развития страны по пути осуществления модернизации экономики, общества, государственно-политического механизма, т. е. в сохранении исторически сложившегося с победой революции 1949 г. политического механизма путём его постоянного совершенствования в соответствии с «вызовами времени». Между тем главный «вызов» политической системе социализма представляет собой сама рыночная экономика, без которой не произошёл бы скачок в развитии производительных сил КНР и с дальнейшим развитием и совершенствованием которой связываются перспективные планы «возвышения Китая».

В ходе реформы руководство КПК стоит перед необходимостью решения двух сложнейших проблем: регулирования интересов разных социальных слоев, не допуская их конфликта в условиях возникшей имущественной поляризации китайского общества, и сочетания демократизации политической системы с сохранением руководящей роли КПК. Возникает и общая проблема соответствия, как на теоретическом, так и на практическом уровне, сложившейся в период с 1949 г. по 1970-е годы политической надстройки сформировавшемуся за годы реформ новому экономическому базису, в котором преобладают негосударственные формы собственности и, следовательно, соответствия принципиально новой социальной структуре китайского общества. Компартия Китая изначально создавалась как представительница интересов рабочего класса и крестьянства и организатор построения социализма, что зафиксировано в её уставе и на чем официально основана легитимность однопартий-

ного правления КПК. В поляризованном китайском обществе существует потенциальная угроза не только легитимности правления КПК, но и ее раскола на тех, кто выиграл от проводимых реформ (коррупцированная бюрократия и связанные с нею предпринимательские слои, а также в той или иной мере основная часть населения страны) и сторонников левых взглядов, опирающихся на поддержку малообеспеченных слоев населения и массовое недовольство коррупцией и разложением партийно-государственного аппарата, выражающееся в том числе в ностальгии по временам Мао Цзэдуна. Следует учитывать и фракционность в партии. Но за долгие десятилетия своего существования КПК приобрела большой опыт борьбы с фракционностью и согласования интересов различных группировок в руководстве, поэтому в ближайшей перспективе угроза раскола партии пока представляется нам маловероятной.

В случае же дестабилизации политической обстановки вследствие обострения социально-экономических противоречий или национальных проблем, коррупции, внутриэлитного конфликта либо серьезного обострения экологического кризиса в принципе возможен временный «откат» назад по линии проведения реформ и «замораживание» ситуации на время, требуемое для стабилизации обстановки, как это было в первые годы после событий на площади Тяньаньмэнь, после чего реформы были продолжены. Существующая политическая система сохраняет возможность осуществления такого рода мобилизационного сценария. В случае возникновения острой кризисной ситуации, под давлением ускоряющейся социальной и идеологической трансформации китайского общества, можно предположить и другой сценарий: формальное введение реальной многопартийности и принципа разделения властей, но при обеспечении фактической несменяемости власти, т. е. введения процедурной, «имитационной» по существу демократии. Опять же, существующая политическая система уже содержит в себе институт многопартийности, активизирующийся в последнее десятилетие, но по сегодняшний день функционирующий под официально признанным руководством КПК.

* * *

Процесс демократизации на Тайване резко ускорился после отмены в 1987 г. чрезвычайного положения и в 1991 г. «Временных правил» 1948 г. и привел к радикальным изменениям в политическом устройст-

ве. Принятые в 1990-е годы поправки к Конституции установили новый порядок выборов органов власти и высших должностных лиц, опираясь уже собственно на Тайвань, и открыли возможность для возникновения реальной многопартийности со сменой партий у власти. Помимо глубокой социальной трансформации тайваньского общества, широкого втягивания Тайваня в глобальные процессы, этому способствовало стремление противопоставить Тайвань КНР в качестве современного демократического государства и завоевать сочувствие в глазах международного сообщества в условиях сложившейся к тому времени фактической международно-политической изоляции острова.

За минувшие два десятилетия произошло укрепление многопартийной системы на Тайване, создавшее условия для выборов главы Китайской Республики, Законодательного юаня и местных органов власти путем народного волеизъявления. За это время оформились две ведущие политические партии на Тайване — Гоминьдан и Демократическая прогрессивная партия, созданная находившимися в оппозиции Гоминьдану лидерами демократического движения в 1986 г., накануне отмены на острове чрезвычайного положения и начала проведения демократических реформ. С тех пор на Тайване уже трижды происходил переход власти от одной из этих двух партий к другой. Это привело в том числе к серьезному изменению роли и места института главы государства. Если в условиях монополии Гоминьдана на власть пост президента по сути представлял собой неразрывное единое целое с постом руководителя правящей партии, то после первых всенародных выборов президента в 1996 г. институт главы государства обрел реальную самостоятельность и важнейшее место в системе органов власти на Тайване. Значение этого института как самостоятельного центра власти усилилось в ходе неоднократной смены правящей партии у власти в 2000-е годы.

Вместе с тем говорить о полном завершении процесса демократизации политической жизни на Тайване пока было бы преждевременно. Наглядный тому пример — студенческое протестное движение 2014 г. как ответ на непрозрачность процедуры подготовки правившей тогда гоминьдановской администрацией экономических соглашений с материковым Китаем. Приход к власти на всеобщих выборах на Тайване в январе 2016 г. Демократической прогрессивной партии, победа которой была во многом predeterminedена массовым недовольством населения, особенно молодежи, «непрозрачной», «неэффективной», «прокитайской» политикой гоминьдановской администрации, может привести к

определенному укреплению демократических начал в деятельности новой администрации острова. В ходе дальнейшего совершенствования системы политических институтов Тайваня, по-видимому, можно ожидать и последующего укрепления института главы государства как гаранта соблюдения конституционных норм на основе разделяемых тайваньским обществом демократических ценностей.

* * *

Таким образом, в процессе эволюции политической системы КНР вплоть до сегодняшнего дня прослеживается сочетание общих закономерностей построения социализма (прежде всего проведение под руководством бессменно правящей партии марксистско-ленинского типа индустриализации, коллективизации и «культурной революции») с национальными особенностями Китая и теми особенностями, которые диктуются требованиями развития рыночной экономики в период проведения политики реформ и внешней открытости. Это — монополия на власть Коммунистической партии Китая при наличии функционирующей под её руководством многопартийной системы и расширении полномочий собраний народных представителей, сохранение решающей роли государства в экономике при дальнейшем расширении рыночных начал, чётко выраженный социальный характер государства при свободном развитии частного предпринимательства и защите законно полученных доходов от него и т. д.

Очевидно, что авторитарный политический режим на Тайване, до проведения на острове демократических преобразований, при всём идейном антагонизме с коммунистической идеологией, по большому счёту мало чем отличался от режима правления Мао Цзэдуна. Тем не менее, а вполне возможно, что во многом благодаря этому фактору, обеспечившему политическую стабильность, на острове были проведены экономические реформы, позволившие вывести Тайвань на уровень развитых стран с современной экономикой и социальной структурой. На определённом этапе экономического и социального развития в конце 1980-х — начале 1990-х годов, совпавшем с подъёмом демократической волны во всём мире (именно в это время прошли так называемые бархатные революции, уничтожившие социалистический строй в странах Восточной Европы, а затем приведшие к распаду Советского Союза), произошла демократизация его политического режима. Этот про-

цесс демократизации, а точнее демократического транзита Китайской Республики на Тайване (учитывая его незавершенность), с одной стороны, дает определенные преимущества административно-политическому устройству тайваньского общества в конкуренции с материковым Китаем. С другой стороны, именно в условиях монополии КПК на власть, обеспечившей относительную политическую стабильность и концентрацию ресурсов страны на решении приоритетных задач социально-экономического развития, в КНР был не менее успешно, чем на Тайване, совершен модернизационный прорыв. Сравнивая обе политические модели в Китае, надо учитывать и огромную разницу в размерах двух частей страны, в объективных условиях проведения модернизации, как внутренних, так и внешних, что вряд ли делает оправданным прямолинейный подход к этому сравнительному анализу.

В то же время активно развивается экономическая интеграция двух берегов Тайваньского пролива, закладывающая перспективу для их всестороннего сближения, на что, по существу, нацелено подписанное в 2010 г. Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива. В этом же направлении развивается процесс межпартийных связей КПК и Гоминьдана (со стороны материкового Китая были заявления о том, что он готов иметь дело и с представителями других политических сил острова, включая ДПП, при условии соблюдения ими принципа «одного Китая» и противодействия призывам к независимости Тайваня). Вопрос совместимости политического устройства двух частей Китая призвана решить концепция «одно государство — два строя» на основе признания принципа «одного Китая» и сохранения в едином государстве двух общественно-экономических систем. По существу, на это же нацелена и пропаганда «китайской мечты» в качестве идеологической основы сплочения всей нации под лозунгом возрождения Китая как великой державы.

Научное издание

**Исторические события в жизни Китая
и современность**

**Материалы Всероссийской научной конференции
Центра изучения новейшей истории Китая
и его отношений с Россией
Института Дальнего Востока РАН**

Москва, 17—18 февраля 2016 г.

Выпускающий редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 20.12.2016.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 24,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 3

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.